

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

Том 48, № 1

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ
2021. Том 48, № 1

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Коханова. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 22,7. Дата выхода 30.03.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE 2021. Volume 48, No. 1

Previously, the journal was published under the title «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (07.00.02 – Russian History, 07.00.03 – World History (of a definite epoch), 23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies, 23.00.04 – Political Issues of International Relations, Global and Regional Development). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».
Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.
Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kokhanova. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 22,7. Date of publishing: 30.03.2021. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE
2021. Volume 48, No. 1

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(34)
DOI 10.18413/2687-0967-2021-48-1-5-14

Землетрясения в Ригведе как локализующий и датирующий критерий

А.А. Семененко
МБОУ гимназия № 2,
Россия, 394088, г. Воронеж, ул. Ген. Лизюкова, д. 72
E-mail: 31071976@bk.ru

Аннотация. Ригведа была изучена на предмет упоминания в ней землетрясений – в горах и на равнинах, в прошлом и настоящем ригведийских поэтов. Многочисленные сообщения о землетрясениях во всех хронологических слоях Ригведы локализуют прародину ригведийских индоариев в предгорных областях Индо-Гангской равнины Северо-Западного Индостана. Уменьшающееся количество упоминаний землетрясений в поздних циклах Ригведы указывает на продвижение её авторов от гор на равнины. Археологически выявленное землетрясение раннехараппского укреплённого поселения Калибанган-на-Сарасвати в центральной части ареала Ригведы датирует её текст около 2 700 г. до н. э.

Ключевые слова: древнейшая Самхита, сейсмическая активность, Калибанган-на-Сарасвати, Ранняя Хараппа, индоарии.

Для цитирования: Семененко А.А. 2021. Землетрясения в Ригведе как локализующий и датирующий критерий. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 5–14. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-5-14.

Rigvedic earthquakes as localizing and chronological criterion

Aleksandr A. Semenenko
Gymnasia 2,
72 Generala Lizukova St., Voronezh, 394088, Russia
E-mail: 31071976@bk.ru

Abstract. The Samhita of Rigveda has been carefully analyzed to check all mentions of earthquakes in it referring either to the past or to the present of its authors, either in the mountains or on the plains. It has turned out that all chronological layers of the text contain numerous descriptions of earthquakes thus pointing at the submountainous regions of the Indus – Ganga Plain of the North-Western Hindustan as the homeland of Rigvedic Rishis and their ancestors. The decreasing number of earthquakes' mentions in the late Rigvedic hymns proves the fact of the Rigvedic Indo-Aryans' movement from the mountains onto the plains. Archaeologically recorded earthquake in Early Harappan Kalibangan–upon–Sarasvati fortified settlement in the core of Rigvedic habitat dates the text of Rigveda around 2 700 BCE. This chronology corroborates the author's dating of the Rigveda text between 3 300 and 2 600 BCE made on the basis of several mutually supporting criteria developed by the author (such as the sword argument, the fortresses' argument, the buffalo argument, Pashupati argument, the glacier argument etc.).

Keywords: the earliest Samhita, seismic activity, Kalibangan-upon-Sarasvati, Early Harappa, Indo-Aryans.

For citation: Semenenko A.A. 2021. Rigvedic earthquakes as localizing and chronological criterion. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 5–14 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-5-14.

Введение

Автором идеи о возможности сейсмической (у него – хтонической) интерпретации ригведийских гимнов следует считать А.С. Майданова [Майданов, 2002, с. 49, 54, 57–58, 60, 63–64; Семененко, 2003, с. 75–77, 79–81, 84; Майданов 2004а, б] Он верно подметил, что упоминаемые Ригведой (далее РВ) [Ригведа, 1989–1999; Rigveda] землетрясения указывают на обитание её поэтов в горной области. Ошибкой А.С. Майданова следует считать неправильную идентификацию этой горной области – это был не юг Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан), а Северо-Западный Индостан – горы и прилегающие к ним равнины междуречья упоминаемых и описываемых в РВ рек – Гомати/Гомала/Гумала, Круму/Куррама, Кубхи/Кабула, Сувасту/Свата, Синдху/Инда, Сушомы/Сохаи, Витасты/Ветха/Джелама, Асикни/Чхенаба, Парушни/Рави, Випаш/Беаса, Шутудри/Сатледжа, Сарасвати (Сарсути – Гхаггара – Хакры), Дришадвати/Чаутанга, Ямуны и Ганги [Елизаренкова, 1989а, с. 705; Елизаренкова, 1989б, с. 442; Елизаренкова 1999, с. 476]. Также А.С. Майданов в силу объективных обстоятельств (потеря зрения) не мог произвести полного анализа всех упоминаний землетрясений в РВ.

Объекты и методы исследования

При изложении своего мистического учения ригведийские риши используют образный язык. Образы берутся из разных сфер человеческой жизнедеятельности, в т. ч. из лексики для описания природных явлений, свидетелями и наблюдателями которых были ригведийские арии и/или их предки. Изучение этих образов с помощью метода опосредованно-исторического анализа позволяет выявить те физические реалии, в окружении которых существовали авторы РВ. Их определение, в свою очередь, позволяет решить вопросы локализации прародины ригведийских ариев. Большой удачей является обнаружение таких физических реалий, которые могут быть датированы археологически. В данной работе речь пойдёт об описываемых РВ землетрясениях как о локализующем и датирующем критерии.

Результаты и их обсуждение

Землетрясения разной степени интенсивности упоминаются в I мандале РВ 20 раз – в прошлом (13 раз, из них в горах – 11 раз, без упоминания гор – 2 раза) и во время сочинения гимнов (7 раз, из них в горах – 5 раз, без упоминания гор – 5 раз): índro ví ádrim airayat «Индра… расколол скалу» (I.7.3); yá īṅkháyanti párvatān | marúdbhir agna ā́ gahi «что сотрясают горы… – с Марутами приди, о Агни» (I.19.7); árejetāṃ ródasī hotr̥vū́riye «Два мира сотрясались при выборе (Агни) хотаром» (I.31.3); [Индра:] prá vakṣáṇā abhinat párvatānām «Он рассёк недра гор» (I.32.1); kó vo várṣiṣṭha ā́ naro diváś ca gmáś ca dhūtayaḥ | yát sīm ántaṃ ná dhūnuthá || ní vo yā́māya mā́nuṣo dadhrá ugrā́ya manyáve | jíhīta párvato giríḥ || yéṣām ájmeṣu pr̥thivī́ jujurvā́m̐ iva viśpátiḥ | bhiyā́ yā́meṣu réjate «Кто же из вас самый высокий, о мужи, сотрясатели неба и земли, | когда вы сотрясаете, как край одежды. || Перед вашим выездом падает ниц человек, перед грозным гневом | оседает скала (и) гора. || От чьих путей (и) выездов дрожит от страха земля, | как старый вождь племени...» (I.37.6–8); máruto yád dha vo bálaṃ | girī́m̐r acucyavītana «О Маруты, сила, что у вас, –… | вы поколебали горы» (I.37.12); párā ha yát sthiráṃ hathá náro vartáyathā gurú | ví yāthana vanínaḥ pr̥thiviyā́ ví ā́śāḥ párvatānām || prá vepayanti párvatān ví viñcanti vánaspátīn | maruto «Что твёрдо, вы разбиваете вдребезги, о мужи, тяжёлое вы пускаете катиться. | Вы едете по де-

ревьям на земле, через горные края. || Они сотрясают горы. Они выкорчевывают деревья… о Маруты» (I.39.3, 5); [Индра:] ājā́v ádriṃ nartáyan «В сражении заставив плясать скалу» (I.51.3); tuváṃ tám indra párvatam mahā́m urúṃ vájreṇa vajrin parvaśáś cakartitha «Ты, о Индра, эту гору, великую, широкую, дубиной грома, о громовержец, расколол на куски» (I.57.6); [об Индре:] asyéd u bhiyā́ giráyaś ca dṝḷhā́ dyā́vā ca bhū́mā janúṣas tujete «Это в страхе перед его рождением дрожат твёрдые горы, небо и земля» (I.61.14); bṛ́haspátir bhinád ádriṃ «Брихаспати расколол скалу» (I.62.3); svaréṇa ádriṃ svaríyo návagvaiḥ indra darayo «С звуком звучный проломил скалу вместе с Навагва… Индра» (I.62.4); tuvám mahā́m̐ indara yó ha śúṣmair dyā́vā jajñānáḥ pṛthivī́ áme dhāḥ | yád dha te víśvā giráyaś cid ábhvā bhiyā́ dṝḷhā́saḥ kiráṇā ná aíjan «Ты велик, о Индра: ведь кто порывами неистовства, родившись, небо и землю поверг в ужас, | когда все чудовища, даже твёрдые горы, из страха перед тобой задрожали, как былинки» (I.63.1); yúvāno rudrā́ ajárā abhoggháno vavakṣúr ádhrigāvaḥ párvatā iva | dṝḷhā́ cid víśvā bhúvanāni pā́rthivā prá cyāvayanti diviyā́ni majmánā || hiraṇyáyebhiḥ pavíbhiḥ payovṛ́dha újjighnanta āpathíyo ná párvatān | dhruvacyúto marúto «Юные Рудры, нестареющие, убивающие скупца, лишённые скаредности, выросли, как горы, | все земные (и) небесные сущности, даже твёрдые, они сотрясают мощью. || Усиленные влагой, золочёными ободьями они подбрасывают горы, разбивая, как едущие по дороге; | … сотрясатели твёрдого… Маруты» (I.64.3, 11); vīḷú cid dṝḷhā́ pitáro na ukthaír ádriṃ rujann áṅgiraso rávеṇa «Даже крепкие твердыни отцы наши Ангирасы проломили гимнами, скалу – рёвом» (I.71.2); dādṛhāṇáṃ cid bibhidur ví párvatam marútaḥ «Они раскололи даже твёрдую гору… Маруты» (I.85.10); praíṣām ájmeṣu vithuréva rejate bhū́mir yā́meṣu yád dha yuñjáte śubhé | té krīḷáyo dhúnayo bhrā́jadṛṣṭayaḥ svayám mahitvám panayanta dhū́tayaḥ «При их походах, при выездах сотрясается земля, словно трепещущая, когда они запрягают для блеска. | Эти шумные баловни со сверкающими копьями сами трубят о своём величии, сотрясатели» (I.87.3); mitrám ná yáṃ śímiyā góṣu gavyávaḥ suādhíyo vidáthe apsú jī́janan | árejetāṃ ródasī pā́jasā girā́ práti priyáṃ yajatáṃ janúṣām ávaḥ «Кого, как друга, ищущие коров (в битвах) за коров, доброжелательные, породили с усердием на месте жертвенной раздачи, в водах, – | два мира сотряслись от стати, от голоса, навстречу любимому, достойному жертв, прибежищу существ» (I.151.1); yát tveṣáyāmā nadáyanta párvatān divó vā pṛṣṭháṃ náriyā ácucyavuḥ «Когда они, грозно выезжающие, заставляли грохотать горы, или, мужественные, сотрясали спину неба» (I.166.5); areṇávas tuvijātā́ acucyavur dṝḷhā́ni cin marúto bhrā́jadṛṣṭayaḥ || dhanuacyúta iṣā́ṃ ná yā́mani || yác cyāváyatha vithuréva sáṃhitaṃ «Не поднимающие пыли, рождённые силой Маруты со сверкающими копьями сотрясли даже твердыни. || Сотрясающие твёрдую землю при выезде, подобно тому как жертвенные напитки. || Когда вы сотрясаете плотное, как если б оно было рыхлым» (I.168.4–6).

Во II мандале РВ землетрясения упоминаются 5 раз (из них в прошлом – 5 раз, в горах – 4 раза, без упоминания гор – 2 раза): ví samanā́ bhū́mir aprathiṣṭa áraṃsta párvataś cit sariṣyán «Ровно раскинулась земля, даже гора, пытавшаяся убежать, остановилась» (II.11.7); árejetāṃ ródasī bhiyāné kánikradato vṛ́ṣṇo asya vájrāt «Задрожали два мира, испуганные ревущей ваджрой этого быка» (II.11.9); yásya śúṣmād ródasī ábhyasetāṃ nṛmṇásya mahnā́ sá janāsa índraḥ || yáḥ pṛthivī́ṃ vyáthamānām ádṛṃhad yáḥ párvatān prákupitām̐ áramṇāt «От чьей ярости сотрясались оба мира из-за величия мужества – тот, о люди, Индра! || Кто укрепил колеблющуюся землю, кто успокоил качающиеся горы» (II.12.1–2); [Индра:] ví párvatasya dṛṃhitā́ni airat «Он взорвал твердыни горы» (II.15.8); táva śriyé ví ajihīta párvato índreṇa yujā́ bṛ́haspate «Для славы твоей гора разверзлась… с Индрой-союзником… о Брихаспати» (II.23.18).

В III мандале РВ землетрясение в горах описывается один раз как современное поэтам: marúto prá vepayanti párvatām̐ «Маруты… сотрясают горы» (III.26.4).

В IV мандале РВ землетрясения упоминаются 12 раз (из них в прошлом – 9 раз, в горах – 9 раз, без упоминания гор – 3 раза, как современные жизни гимнотворцев – 3 раза,

как ожидаемые – 2 раза): té marmr̥jata dadr̥vā́ṃso ádriṃ tád eṣām anyé abhíto ví vocan «расколов скалу, они стали украшать. Это про них другие возглашали вокруг» (IV.1.14); dr̥dhrám ádrim uśíjo ví vavruḥ «твёрдую… скалу… Ушиджи открыли» (IV.1.15); ádriṃ rujema «пусть расколем мы… скалу» (IV.2.15); kṣā́mā bhindánto «раскалывая землю» (IV.2.16); ádriṃ ví asan bhidántaḥ áṅgiraso «раскалывая скалу, они взорвали её, Ангирасы» (IV.3.11); áśmānaṃ cid yé bibhidúr vácobhir uśíjo «словами раскололи даже скалу Ушиджи» (IV.16.6); [Индра:] ádrim dárdar «ты взорвал скалу» (IV.16.8); táva tviṣó jániman rejata dyaú réjad bhū́mir bhiyásā svásya manyóḥ | r̥ghāyánta subhúvaḥ párvatāsa ā́rdan dhánvāni saráyanta ā́paḥ || bhinád girím śávasā vájram iṣṇánn «от вспышки при твоём рождении сотрясалось небо, сотрясалась земля от страха перед твоей яростью. | Зашатались крепкие горы, расступились пустыни, текут воды. || С силой он расколол гору, швыряя ваджру» (IV.17.2–3); yá éka íc cyāváyati prá bhū́mā índraḥ «кто в одиночку сотрясает землю, Индра» (IV.17.5); ákṣodayac chávasā kṣā́ma budhnáṃ vā́r ṇá vā́tas táviṣībhir índraḥ | dr̥̄ḷhā́ni aubhnād uśámāna ójo ávābhinat kakúbhaḥ párvatānām || abhí prá dadrur jánayo ná gárbhaṃ ráthā iva prá yayuḥ sākám ádrayaḥ «он сотряс мощно землю, основание, словно ветер – воду, Индра силами. | Твердыни сдавил он, играя силой. Он отсёк вершины гор. || Словно женщины, они раскрыли утробу, словно колесницы, сразу двинулись скалы» (IV.19.4–5); [Индра:] ví yád várāṃsi párvatasya vr̥ṇvé «когда он раскрывает шири горы» (IV.21.8); diyā́m ámena rejayat prá bhū́ma || víśvā ródhāṃsi pravátaś ca pūrvī́r diyaúr r̥ṣvā́j jániman rejata kṣā́ḥ «неистовством сотрясает небо, землю... || Все плотины и многочисленные потоки, небо и земля сотрясались из-за громадного при рождении» (IV.22.3–4).

В V мандале РВ землетрясения упоминаются 16 раз (из них в прошлом – 6 раз, в горах – 11 раз, без упоминания гор – 5 раз, как современные жизни гимнотворцев – 9 раз): indra áśmānaṃ cic chávasā ví «о Индра… ты проломил с силой даже скалу» (V.30.4); mahā́ntam indra párvataṃ ví váḥ «о Индра, ты раскрыл великую гору» (V.32.1); vidā́ divó viṣiyánn ádrim ukthaír «я должен найти скалу неба, разверзая гимнами» (V.45.1); ví párvato jíhīta āvívāsanto dasayanta bhū́ma «гора растворилась… стремящиеся заманить сделали землю податливой» (V.45.3); [о Марутах:] ádrim bhindanti ójasā «они с силой разбивают скалу» (V.52.9); śárdhāya mā́rutāya parvatacyúte «толпу марутову… сотрясающую горы» (V.54.1); marútaḥ parvatacyútaḥ «Маруты, сотрясающие горы» (V.54.3); [о Марутах:] pr̥thivī́ párāhatā mádanti eti asmád ā́ «земля, атакованная, уходит от нас, опьянённая» (V.56.3); [о Марутах:] áśmānaṃ cit svaríyam párvataṃ girím prá cyāvayanti yā́mabhiḥ «даже звучную скалу, холм, гору они сотрясают походами» (V.56.4); [о Марутах:] dhūnuthá párvatān | kopáyatha pr̥thivī́m «вы сотрясаете… горы… | вы приводите в смятение землю» (V.57.3); [о Марутах:] práthiṣṭa yā́man pr̥thivī́ cid eṣām «сама земля расширилась во время их похода» (V.58.7); [о Марутах:] bhū́mir ejati nā́ür ná pūrṇā́ kṣarati vyáthir yatī́ «сотрясается земля. Словно полная ладья, плывет она, качаясь» (V.59.2); marutaḥ yūyáṃ ha bhū́miṃ kiráṇaṃ ná rejatha «о Маруты… это вы приводите в трепет землю, как пылинку» (V.59.4); [о Марутах:] áśvāsa eṣām prá párvatasya nabhanū́m̐r acucyavuḥ «кони их… колыхали источники горы» (V.59.7); [о Марутах:] pr̥thivī́ cid rejate párvataś cit «даже земля трясётся, даже гора» (V.60.2); [о Варуне:] ví yó jaghā́na upastíre pr̥thivī́ṃ sū́riyāya «разбил Землю, чтобы разостлать её под солнцем» (V.85.1).

В VI мандале РВ землетрясения упоминаются 7 раз (из них в прошлом – 3 раза, в горах – 4 раза, без упоминания гор – 3 раза, как современные жизни гимнотворцев – 4 раза): mahā́m ádrim indra nutthā́ ácyutaṃ sádasas pári svā́t «огромную скалу, о Индра… ты столкнул неподвижную со своего места» (VI.17.5); índra dr̥̄ḷhám arujaḥ párvatasya «О Индра, ты проломил твердь горы» (VI.30.5); tuvád bhiyéndra pā́rthivāni víśvā ácyutā cic cyāvayante rájāṃsi «из страха перед тобой, о Индра, все земные просторы, даже несотрясаемые, начинают сотрясаться» (VI.31.2); [об Индре:] rujád ádriṃ «пробил скалу» (VI.32.2); maruto yád dha yāthá bhū́mā rejante «Когда же… вы выезжаете, о Маруты, трясутся земли»

(VI.50.5); [о Марутах:] réjate pr̥thivī́ makhébhyaḥ «дрожит… земля перед резвыми» (VI.66.9); adribhít bŕ̥haspátir «проламыватель скалы… Брихаспати» (VI.73.1).

В VII мандале РВ один раз упоминается произошедшее в прошлом землетрясение и 2 раза – как современное авторам гимнов: [о Марутах:] yé rejáyanti ródasī cid urvī́ «кто сотрясает даже две огромные половины вселенной» (VII.57.1); [о Марутах:] kṣodanti ródasī «сотрясают они оба мира» (VII.58.2); uṣo ví dr̥̄ḷhásya dúro ádrer aūrṇoḥ «О Ушас… ты закрыла врата замкнутой скалы» (VII.79.4). В последнем сообщении у Т.Я. Елизаренковой явная опечатка в тексте перевода – «закрыла» вместо «открыла», ср. пер. С.В. Джэмисон и Дж.П. Бреретон: «you opened up the doors of the firm-fixed stone» [The Rigveda, 2014, p. 982].

В VIII мандале РВ землетрясения упоминаются 10 раз (из них в прошлом – 4 раза, в горах – 7 раз, без упоминания гор – 4 раза, как современные жизни гимнотворцев – 6 раз): [о Марутах:] yád yā́maṃ ácidhuvam | ní párvatā ahāsata «когда же… вы задумали поход… | горы склонились» (VIII.7.2); marúto prá vepayanti párvatān | ní yā́māya vo girír yemiré «Маруты… сотрясают горы… || горы отступают перед вашим походом» (VIII.7.4–5); [о Марутах:] giráyaś cin ní jihate | párvatāś cin ní yemire «даже горы склоняются… | даже скалы поддались» (VIII.7.34); yajñá índram avardhayad yád bhū́miṃ ví ávartayat «жертва усилила Индру, когда он развернул землю» (VIII.14.5); [о Марутах:] prá dhánvāni airata yád éjatha «засушливые земли приходят в движение… когда вы движетесь» (VIII.20.4); [о Марутах:] ácyutā cid vo ájman ā́ nā́nadati párvatāso | bhū́mir yā́meṣu rejate «даже несотрясаемое при вашем выезде, громко гудят горы... | земля дрожит от походов» (VIII.20.5); [об Индре:] kr̥ntád ví girím pr̥thúm «разрезал широкую гору» (VIII.45.30); ágne bhinátsi ádriṃ «о Агни… ты раскалываешь скалу» (VIII.60.16); [об Индре:] tiyáṃ cit párvataṃ giríṃ | ví rurojitha «ту самую гору-скалу… | ты пробил» (VIII.64.5); [об Индре:] tuvád víśvāni bhúvanāni dyā́vā rejete pr̥thivī́ ca bhīṣā́ «перед тобой… трясутся от страха все мироздания, небо и земля» (VIII.97.14).

В IX мандале РВ землетрясение упоминается один раз как произошедшее в прошлом в горах: yá usríyā ápiyā antár áśmano nír gā́ ákr̥ntad ójasā «кто с силой разрубив, освободил красноватых водяных коров в скале» (IX.108.6).

В X мандале РВ землетрясения упоминаются 14 раз (из них в прошлом – 12 раз, в горах – 12 раз, без упоминания гор – 2 раза, как современные жизни гимнотворцев – 2 раза): ádriṃ logéna ví abhedam ārā́t «комком земли я издали разбил скалу» (X.28.9); [об Индре:] girī́m̐r ájrān réjamānām̐ adhārayad «он укрепил колеблющиеся горы, долины» (X.44.8); [об Агни:] vīḷúṃ cid ádrim abhinat «даже твёрдую скалу расколол он» (X.45.6); bŕ̥haspátir uddhárann áśmano gā́ bhū́myā udnéva ví tvácam bibheda «Брихаспати, извлекая из скалы коров, рассёк, словно потоком воды, шкуру земли» (X.68.4); bŕ̥haspatir | āṇḍeva bhittvā́ śakunasya garbham ud usriyāḥ parvatasya tmanājat «Брихаспати… как, разбив скорлупу, выводок птицы, он сам выгнал из горы коров утренней зари» (X.68.7); áśnā́pinaddham mádhu páry apaśyan | níṣ ṭáj jabhāra bŕ̥haspátir viravéṇā vikŕ̥tya «Он разглядел сладость, заключенную в скале… | Брихаспати извлек её… проломив громким рёвом» (X.68.8); bŕ̥haspátir bhinád ádriṃ «Брихаспати расколол скалу» (X.68.11); [о Марутах:] yuṣmā́kam budhné apā́ṃ ná yā́mani vithuryáti ná mahī́ śratharyáti «при вашем походе, как на дне вод, земля словно колеблется, расступается» (X.77.4); bibhéda giríṃ návam ín ná kumbhám índro «он расколол гору, совсем как новый горшок, Индра» (X.89.7); indra aśrathāyo ádriṃ «Индра… сделал мягкой скалу» (X.112.8); [об Индре:] ávŕ̥ścad ádrim «он расколол скалу» (X.113.4); [об Индре:] ávāsr̥jaḥ prasúvaḥ śvañcáyo girī́n «ты выпустил стельных, растворил горы» (X.138.2); [об Индре:] ápāvr̥ṇod dúro áśmavrajānām «он растворил двери для запертых в скале» (X.139.6); [об Индре:] réjate śúṣmāt pr̥thivī́ cid «сама земля сотрясается от буйства» (X.147.1).

Итого землетрясения упоминаются в РВ 89 раз, из них в древнейшей части Самхиты (мандалах II–VII+IX) – 45 раз, в более поздней VIII мандале – 10 раз, в ещё более позд-

ней I мандале – 20 раз и в самом позднем X цикле – 14 раз. При этом 54 раза землетрясения упоминаются как произошедшие в прошлом, из них в древнейшей части Самхиты (мандалах II–VII+IX) – 25 раз, в более поздней VIII мандале – 4 раза, в ещё более поздней I мандале – 13 раз и в самом позднем X цикле – 12 раз. Как современные авторам гимнов землетрясения упоминаются в РВ 34 раза, из них в древнейшей части Самхиты (мандалах II–VII+IX) – 19 раз, в более поздней VIII мандале – 6 раз, в ещё более поздней I мандале – 7 раз и в самом позднем X цикле – 2 раза. Кроме того, в древнейшей фамильной части памятника 2 раза говорится об ожидаемых землетрясениях. При этом горные землетрясения упоминаются в РВ 66 раз, по хронологическим слоям текста: в древнейшей части Самхиты (мандалах II–VII+IX) – 31 раз; в более поздней VIII мандале – 7 раз; в ещё более поздней I мандале – 16 раз; в самом позднем X цикле – 12 раз.

Заключение

Даже с учётом возможности небольшой погрешности в наших подсчётах можно сделать хорошо обоснованный вывод о том, что арии РВ и их предки обитали в таком предгорном регионе Индо-Гангской равнины северо-запада Южной Азии, где были нередки землетрясения, но при этом их интенсивность снижалась по мере создания и включения в Самхиту последовательных слоёв текста, что явно было вызвано продвижением основной массы носителей древнеиндоарийского ведийского языка и сочинителей более поздних гимнов в более равнинные местности и их удалением от гор. Следует также отметить, что целая группа ригведийских божеств – прежде всего Индра, Маруты и Брихаспати – в их профаническом понимании могли рассматриваться ариями эпохи составления РВ как отвечающие за сферу горных и равнинных землетрясений.

Поскольку центром непосредственного ареала обитания ригведийцев являлась долина реки Сарасвати (совр. эфем. Сарсути – Гхаггар – Хакра – Нара) с притоком Дришадвати (совр. Чаутанг) и между реками Ямуной на востоке и Шутудри-Сатледжем на западе [Елизаренкова, 1972, с. 12–13, 58; Семененко, 2017в], укажем на уникальный факт, позволяющий не только подтвердить присутствие ариев РВ в этой области, но и точно датировать его. Одним из важнейших центров раннехараппской и зрело-хараппской культуры в этом регионе служило укреплённое оборонительными стенами поселение Калибанган-на-Сарасвати. Археологические раскопки показали, что конец раннехараппского периода бытования Калибангана I (ок. 3000–2700 гг. до н. э.) наступил в результате землетрясения, о чём свидетельствуют следы смещения слоёв почвы и стен [Thapar, 1975, p. 23; Lal, 1979, p. 75–76 & 94; Kenoyer, 1991, p. 338; Dikshit, 2013, p. 120–121; Dikshit, 2014, p. 17–18]. Эти данные позволяют датировать РВ ок. 2700 г. до н. э., что подтверждает разработанную нами на основании ряда других критериев датировку создания текста первой Самхиты ок. 3300–2600 гг. до н. э., т. е. в эпоху Ранней Хараппы [Семененко, 2015–2019; Semenenko, 2016, 2019].

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность Ш.А. Гхошу, доктору философских наук А.С. Майданову и доктору филологических наук Т.Я. Елизаренковой.

Список литературы

1. Елизаренкова Т.Я. 1972. Древнейший памятник индийской культуры. Ригведа. Избранные гимны. М., Наука: 3–89.

2. Елизаренкова Т.Я. 1989а. Примечания. Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., Наука: 544–757.

3. Елизаренкова Т.Я. 1989б. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры. Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., Наука: 426–543.

4. Елизаренкова Т.Я. 1999. Примечания. Ригведа. Мандалы IX–X. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., Наука: 354–550.

5. Майданов А.С. 2002. Тайны великой «Ригведы». М., Едиториал УРСС, 206 с.

6. Майданов А.С. 2004а. Миф как источник знания. Вопросы философии. 9: 91–105.

7. Майданов А.С. 2004б. Миф как источник когнитивной информации. В кн.: Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемиология). М., Канон+: 268–307.

8. Ригведа. 1989–1999. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. В 3 т. М., Наука, 768+752+560 с.

9. Семененко А.А. 2003. Герменевтика текста Ригведасамхиты А.С. Майданова. Воронеж, Изд-во Воронежского колледжа «Номос», 240 с.

10. Семененко А.А. 2015. О культе Ригведы и Махабхараты в связи с их датировкой. Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Мат-лы Девятой рег. научн. конф. (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.). Ред. В.Н. Глазьев. Воронеж, Истоки: 216–222.

11. Семененко А.А. 2016. О прародине индоиранцев (ариев). Власть и общество: история взаимоотношений. Мат-лы Десятой рег. научн. конф. (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.). Ред. В.Н. Глазьев. Воронеж, Истоки: 339–343.

12. Семененко А.А. 2017а. О датировке Ригведы и Атхарваведы. Научный Вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2 (12): 81–91.

13. Семененко А.А. 2017б. Образ буйвола в (пре)хараппском искусстве и «Ригведе» как две формы фиксации древнеиндоарийского культа. IX Болховитиновские чтения. Духовный мир искусства. От личности к цивилизации. Мат-лы всеросс. научн. конф. (5–7 октября 2016 г.). Ред. Девуцкий О.В. Воронеж, Изд-во Алейникова: 32–41.

14. Семененко А.А. 2017в. Ригведийская река Сарасвати и археология Южной Азии. Научный Вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 1 (11): 73–83.

15. Семененко А.А. 2018а. Крепости в Ригведе, Атхарваведе и (Пре)Хараппе и датировка Самхит. Личность, общество, власть: прошлое и современность: мат-лы Двенадцатой регион. научн. конф. (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.). Ред. В.Н. Глазьев. Воронеж, Издат. дом ВГУ: 248–253.

16. Семененко А.А. 2018б. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана. Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Исследования Гонур-депе 2014–2015 гг. Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. М., Старый сад: 202–220.

17. Семененко А.А. 2018в. О крепостях в Ригведе и Атхарваведе Шаунаки и (Пре)Хараппе и датировке Самхит. Проблемы гуманитарных и социальных наук. Научный журнал. ФГБОУ ВО «Воронежский ГТУ». 2 (15): 85–95.

18. Семененко А.А. 2018г. Поклонение Пашупати в Ригведе и Атхарваведе и Господину Животных в (Пре)Хараппе как две формы отражения единого индоарийского культа. Проблемы гуманитарных и социальных наук. Научный журнал. ФГБОУ ВО «Воронежский ГТУ». 1 (14): 98–108.

19. Семененко А.А. 2019а. Ещё раз о датировке Ригведы и Атхарваведы. Общество и власть: история и современность: мат-лы Тринадцатой рег. научн. конф. (г. Воронеж, 1 февраля 2019 г.). Воронежский ГУ. Воронеж, Издательский дом ВГУ: 246–251.

20. Семененко А.А. 2019б. Отсутствие меча в Ригведе и Атхарваведе и датировка Самхит. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2): 203–211.

21. Dikshit K.N. 2013. Origin of Early Harappan Cultures in the Sarasvati Valley: Recent Archaeological Evidence and Radiometric Dates. Journal of Indian Ocean Archaeology, 9: 88–142.

22. Dikshit K.N. 2014. The rise of Indian civilization: recent archaeological evidence from the plains of ‘lost’ river Saraswati and radio-metric dates. Bulletin of the Deccan College Post-graduate and Research Institute, Vol. 72–73, 2012–2013, Pune: 1–42.

23. Kenoyer J.M. 1991. The Indus Valley Tradition of Pakistan and Western India. Journal of World Prehistory, Vol. 5, No. 4, Plenum Publishing Corporation: 331–385.

24. Lal B.B. 1979. Kalibangan and the Indus Civilization. History and Archaeology Series. Vol. 5. Essays in Indian Protohistory. Eds. D.P. Agrawal, Dilip K. Chakrabarti. Delhi, Indian Society for Prehistoric and Quaternary Studies, B. R. Publishing Corporation: 65–97.

25. Rigveda. Metrically Restored Text. Eds. K. Thomson & J. Slocum. 2021. Available at: http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/ (accessed:19 February 2021).

26. Semenenko A.A. 2016. Arable Farming of Vedic Indo-Aryans According to Atharvaveda Shaunakiya and Samhitas' Dating. Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: мат-лы междунар. заочн. научно-практич. конф. молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2016 г.). Воронеж, ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ: 362–366.

27. Semenenko A.A. 2019. The absence of the sword from Rigveda and Atharvaveda and the problem of Indo-Aryans' origin. Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 1 (3): 83–96.

28. Thapar B.K. 1975. Kalibangan: A Harappan Metropolis Beyond The Indus Valley. Expedition, Vol. 17, Issue 2, Penn Museum: 19–32.

29. The Rigveda. 2014. The earliest religious poetry of India. Tr. by S.W. Jamison & J.P. Brereton. Oxford–NY, Oxford University Press, 1693 p.

References

1. Elizarenkova T.Ya. 1972. Drevneyshii pamyatnik indiiskoy kulturi. Rigveda. Izbranniye gimni [The earliest monument of Indian culture. Rigveda. The chosen hymns]. M., Nauka: 3–89 (in Russian).

2. Elizarenkova T.Ya. 1989a. Primechaniya. Rigveda. Mandali I–IV. Izd. podg. T.Ya. Elizarenkova [Notes. Rigveda. Mandalas I–IV. The edition is prepared by T. Ya. Elizarenkova]. M., Nauka: 544–757 (in Russian).

3. Elizarenkova T.Ya. 1989b. «Rigveda» – velikoye nachalo indiiskoi literaturi i kulturi. Rigveda. Mandali I–IV. Izd. podg. T.Ya. Elizarenkova [«Rigveda» – the great beginning of Indian literature and culture. Rigveda. Mandalas I–IV. The edition is prepared by T.Ya. Elizarenkova]. M., Nauka: 426–543 (in Russian).

4. Elizarenkova T.Ya. 1999. Primechaniya. Rigveda. Mandali IX–X. Izd. podg. T.Ya. Elizarenkova [Notes. Rigveda. Mandalas IX–X. The edition is prepared by T.Ya. Elizarenkova]. M., Nauka: 354–550 (in Russian).

5. Maidanov A.S. 2002. Taini velikoi «Rigvedi» [The mysteries of the great «Rigveda»]. M., Editorial URSS, 206 p. (in Russian).

6. Maidanov A.S. 2004a. Mif kak istochnik znaniya. Voprosi filosofii [Myth as a knowledge sourse. Philosophy Questions]. 9: 91–105 (in Russian).

7. Maidanov A.S. 2004b. Mif kak istochnik kognitivnoi informatsii. Evolyutsiya. Mishleniye. Soznaniye (Kognitivnii podhod i epistemiologiya) [Myth as a source of the cognitive information. Evolution. Thinking. Consciousness (Epistemological approach and epistemology)]. M., Kanon+: 268–307 (in Russian).

8. Rigveda. 1989–1999. Izd. podg. T.Ya. Elizarenkova. V 3-h t. [The edition is prepared by T.Ya. Elizarenkova. In 3 volumes]. M., Nauka, 768+752+560 p. (in Russian).

9. Semenenko A.A. 2003. Germenevtika teksta Rigvedasamhiti A.S. Maidanova [The Hermeneutics of the Rigvedasamhita Text by A.S. Maidanov]. Voronezh, Izdat-vo Voronezhskogo kolledzha «Nomos», 240 p. (in Russian).

10. Semenenko A.A. 2015. O kulte Rigvedi i Mahabharati v svyazi s ih datirovkoi. Vlast i obshchestvo: praktiki vzaimodeistviya i konflikti. Mat-li Devyatoi reg. nauchn. konf. (g. Voronezh, 2 fevralya 2015 g.). Red. V.N. Glazyev [On the Rigveda and the Mahabharata cult in connection to their dating. Power and society: interaction practices and conflicts. Materilas of the Ninth regional scientific conference (Voronezh City 2 February 2015). Ed. V.N. Glazyev]. Voronezh, Istoki: 216–222 (in Russian).

11. Semenenko A.A. 2016. O prarodine indoirantsev (ariyev). Vlast i obshchestvo: istoriya vzaimootnoshenii. Mat-li Desyatoi reg. nauchn. konf. (g. Voronezh, 19 marta 2016 g.). Red. V.N. Glaziev [On the Indo-Iranian (Aryan) homeland. Power and society: interactions' history. Materials of the Tenth regional scientific conference (Voronezh City, 19 March 2016). Ed. V.N. Glazyev]. Voronezh, Istoki: 339–343 (in Russian).

12. Semenenko A.A. 2017a. O datirovke Rigvedi i Atharvavedi. Nauchnii Vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya «Sotsialno-gumanitarniye nauki» [On the Rigveda and the Atharvaveda dating. Scientific Bulletin of the Voronezh State Architectural-Construction University. Series «Social and humanitarian sciences»]. 2 (12): 81–91 (in Russian).

13. Semenenko A.A. 2017b. Obraz buivola v (pre)harappskom iskusstve i «Rigvede» kak dve formy fiksatsii drevneindoariyskogo kulta. IX Bolhovitinovskiye chteniya. Duhovnii mir iskusstva. Ot

lichnosti k tsivilizatsii. Mat-li vseross. nauchn. konf. (5–7 oktyabrya 2016 g.). Red. Devutskii O.V. [Buffalo image in (Pre-)Harappan art and the Rigveda as two reflections of the ancient Indo-Aryan cult. IXth Bolkhovitinov readings. The spiritual world of the art. From the personality to the civilization. Materials of the All-Russian scientific conference (5–7 October 2016). Ed. O.V. Devutskii]. Voronezh, Izd-vo Aleynikova: 32–41 (in Russian).

14. Semenenko A.A. 2017c. Rigvediiskaya reka Sarasvati i arheologiya Yuzhnoi Azii. Nauchnii Vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya «Sotsialno-gumanitarniye nauki» [The Rigvedic river Sarasvati and archaeology of the South Asia. Scientific Bulletin of the Voronezh State Architectural-Construction University. Series «Social and humanitarian sciences»]. 1 (11): 73–83 (in Russian).

15. Semenenko A.A. 2018a. Kreposti v Rigvede, Atharvavede i (Pre)Harappe i datirovka Samhit. Lichnost, obshchestvo, vlast: proshloye i sovremennost: mat-li Dvenadtsatoy region. nauchn. konf. (g. Voronezh, 2 fevralya 2018 g.). Red. V.N. Glaziev [Fortresses in the Rigveda, the Atharvaveda and (Pre-)Harappa and the Samhitas' dating. Personality, society, power: the past and the present: materials of the XIIth regional scientific conference (Voronezh City, 2 February 2018). Ed. V.N. Glaziev]. Voronezh, Izdat. dom VGU: 248–253 (in Russian).

16. Semenenko A.A. 2018b. O vozmozhnosti razmeshcheniya pervichnogo ochaga nositelei indoyevropeyskih yazikov v pogranichye Irana, Afganistana, Srednei Azii i Indostana. Trudi Margianskoy arheologicheskoi ekspeditsii. Tom 7. Issledovaniya Gonur-depe 2014–2015 gg. Red. N.A. Dubova (otv. red.), E.V. Antonova, R.G. Muradov, R.M. Satayev, A.A. Tishkin [On the possibility of locating a primary focus of Indo-European speakers at the borders of Iran, Afghanistan, Central Asia and Hindustan. Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 7. Gonur Depe Studies 2014–2015. Eds. N.A. Dubova (editor in chief), E.V. Antonova, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin]. M., Starii sad: 202–220 (in Russian).

17. Semenenko A.A. 2018c. O krepostyah v Rigvede i Atharvavede Shaunaki i (Pre)Harappe i datirovke Samhit. Problemi gumanitarnih i sotsialnih nauk. Nauchii zhurnal. FGBOU VO «Voronezhskii GTU» [On the fortresses in the Rigveda and the Atharvaveda Shaunakiya and (Pre-)Harappa and the Samhitas' dating. Problems of humanitarian and social sciences. The scientific journal. FSBEE HE «Voronezh STU»]. 2(15): 85–95 (in Russian).

18. Semenenko A.A. 2018d. Pokloneniye Pashupati v Rigvede i Atharvavede i Gospodinu Zhivotnih v (Pre)Harappe kak dve formi otrazheniya edinogo indoariiskogo kulta. Problemi gumanitarnih i sotsialnih nauk. Nauchii zhurnal. FGBOU VO «Voronezhskii GTU» [The worship of Pashupati in the Rigveda and the Atharvaveda and of the Master of Animals in (Pre-)Harappa as two reflections of one and the same Indo-Aryan cult. Problems of humanitarian and social sciences. The scientific journal. FSBEE HE «Voronezh STU»]. 1 (14): 98–108 (in Russian).

19. Semenenko A.A. 2019a. Eshche raz o datirovke Rigvedi i Atharvavedi. Obshchestvo i vlast: istoriya i sovremennost: Mat-li Trinadtsatoi reg. nauchn. konf. (g. Voronezh, 1 fevralya 2019 g.). Voronezhskii GU [One more time on the dating of the Rigveda and the Atharvaveda. Society and power: history and presence: Materials of the XIIIth regional scientific conference (Voronezh City, 1 February 2019). Voronezh State University]. Voronezh, Izdatelskii dom VGU: 246–251 (in Russian).

20. Semenenko A.A. 2019b. Otsutstviye mecha v Rigvede i Atharvavede i datirovka Samhit. Nauchniye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya [The absence of the sword from the Rigveda and the Atharvaveda and the Samhitas' dating. Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science]. 46 (2): 203–211 (in Russian).

21. Dikshit K.N. 2013. Origin of Early Harappan Cultures in the Sarasvati Valley: Recent Archaeological Evidence and Radiometric Dates. Journal of Indian Ocean Archaeology, 9: 88–142.

22. Dikshit K.N. 2014. The rise of Indian civilization: recent archaeological evidence from the plains of 'lost' river Saraswati and radio-metric dates. Bulletin of the Deccan College Post-graduate and Research Institute, Vol. 72–73, 2012–2013, Pune: 1–42.

23. Kenoyer J.M. 1991. The Indus Valley Tradition of Pakistan and Western India. Journal of World Prehistory, Vol. 5, No. 4, Plenum Publishing Corporation: 331–385.

24. Lal B.B. 1979. Kalibangan and the Indus Civilization. History and Archaeology Series. Vol. 5. Essays in Indian Protohistory. Eds. D.P. Agrawal, Dilip K. Chakrabarti. Delhi, Indian Society for Prehistoric and Quaternary Studies, B. R. Publishing Corporation: 65–97.

25. Rigveda. Metrically Restored Text. Eds. K. Thomson & J. Slocum.2021. Available at: http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/ (accessed:19 February 2021).

26. Semenenko A.A. 2016. Arable Farming of Vedic Indo-Aryans According to Atharvaveda Shaunakiya and Samhitas' Dating. Aktualniye problemi agrarnoi nauki, proizvodstva i obrazovaniya: mat-li mezhdunar. zaochn. nauchno-praktich. konf. molodih uchenih i spetsialistov na inostrannih yazikah (Rossiya, Voronezh, aprel 2016 g.) [Urgent issues of agricultural science, production and education: materials of the international scientific-practical conference of young scholars and specialists in foreign languages by correspondence (Russia, Voronezh, April 2016)]. Voronezh, FGBOU VO Voronezhskii GAU: 362–366 (in English).

27. Semenenko A.A. 2019. The absence of the sword from Rigveda and Atharvaveda and the problem of Indo-Aryans' origin. Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 1 (3): 83–96.

28. Thapar B.K. 1975. Kalibangan: A Harappan Metropolis Beyond The Indus Valley. Expedition, Vol. 17, Issue 2, Penn Museum: 19–32.

29. The Rigveda. 2014. The earliest religious poetry of India. Tr. by S.W. Jamison & J.P. Brereton. Oxford–NY, Oxford University Press,1693 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семененко Александр Андреевич, кандидат исторических наук, учитель МБОУ гимназии № 2, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Semenenko, Candidate of Historical Sciences, Teacher, Gymnasia 2, Voronezh, Russia

УДК 94 (3)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-15-24

Образ святого-воина в латинской агиографической литературе IV–VI вв.

А.А. Бабина
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
Россия, 153025, Ивановская область, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
E-mail: alex.babina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается создание образа святого-воина с помощью использования военной лексики в латинской агиографической литературе IV–VI вв. Для этого в работе анализируется эволюция данной модели святости от «воинов», сражающихся посредством аскезы, слова и веры, к святым, деятельно участвующим в разрешении конфликтов. Ключевым для статьи стал историко-антропологический подход, также использованы достижения нарратологии, семиотики и имагологии. Развитие модели святого в западноевропейской житийной литературе приводит к оформлению образов святого-посла и святого-ритора, в которых военный контекст может укреплять авторитет святого или подчеркивать его *Romanitas*.

Ключевые слова: военная лексика, Церковь, агиографическая литература, образ святого, культ святых, посольская миссия, патронаж, риторика.

Для цитирования: Бабина А.А. 2021. Образ святого-воина в латинской агиографической литературе IV–VI вв. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 15–24. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-15-24.

The image of a Saint-warrior in the Latin hagiographic literature of the fourth – sixth centuries

Alexandra A. Babina
Ivanovo State University,
39 Ermaka St., Ivanovo, Ivanovo region, 153025, Russia
E-mail: alex.babina@mail.ru

Abstract. The article deals with the creation of the image of a Saint-warrior using military vocabulary in the Latin hagiographic literature of the 4th–6th centuries. The author analyzes the evolution of this model of sanctity and gives various options for using military allusions in the hagiography of the considered period. The article is based on the historical and anthropological approach, it also uses the achievements of narratology, semiotics and imagology. The main sources for the study were the Vita Hilarionis by St. Jerome, the Vita Hilarii by Honoratus Massiliensis, Stephanus Africanus's Vita Amatoris, and the Vita Martini by Sulpicius Severus, Constantius of Lyon's Vita Germani and the Vita Epiphani by Magnus Felix Ennodius. The development of the Saint model in Western European hagiographic literature leads to the formation of the image of the Saint-ambassador, in which the military context is used to strengthen the authority of the Saint in the eyes of the reader. In the future, the new model influenced the formation of the image of the Saint-rhetorician. Military terms were still used by the hagiographer, but for a different purpose. They emphasized the *Romanitas* of the Saint, who now wields the word as opposed to the weapon.

Keywords: military vocabulary, Church, hagiographic literature, image of a Saint, cult of saints, Embassy mission, patronage, rhetoric.

For citation: Babina A.A. 2021. The image of a Saint-warrior in the Latin hagiographic literature of the IV–VI centuries. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 15–24 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-15-24.

Введение

Сложный процесс оформления модели святости в позднеантичной латинской агиографии происходит под влиянием ряда литературных и исторических факторов. В житиях святых нашли отражения социальные приоритеты общества. Эти воззрения во многом формировались под влиянием римских языческих и христианских идей, но включали в себя также элементы восточных культур, как это произошло, например, с аскетизмом. В результате сложились некоторые аспекты образа святого, общие для большинства агиографических произведений. Знакомство с принципами моделирования образа святого в латинской житийной литературой IV–VI вв. показывает, что одним из них, особенно в V в., становится образец святого-воина. Между тем появление такого «идеала» возможно было лишь благодаря изменению самого отношения христиан к войне.

Первые агиографические тексты свидетельствуют о том, что христиане были не редкостью в римской армии. Вместе с тем некоторые из апологетов Церкви, такие как Тертуллиан, Ориген, Лактанций, выражали глубокое отвращение к насилию и кровопролитию, считая их языческим наследием и провозглашая новую христианскую эпоху мира [Cox, 2018, p. 9]. Однако к концу IV века, когда позитивное взаимодействие Церкви и Империи после «обращения Константина» заметно усилилось при Феодосии Великом, христианские писатели попытались адаптировать пацифистские идеалы к реальности, приблизившись к этике справедливой войны [Swif, 1983]. Так, Амвросий Медиоланский, сочетая цицероновские идеи с христианской теологией, заложил основы интерпретации этически приемлемой войны для защиты Отечества или для защиты союзников от нападения варваров и разбойников (Ambr. De off. I, 28, 129). Размышления Августина Блаженного основываются на концепции несовершенства временного правления и неизбежности войн как явления греховного. Истинный мир, таким образом, будет обретен только в Граде Божьем (Aug. De civ. Dei XXII, 22). В то же время Августин допускал, что война может быть использована в качестве инструмента правосудия и средства от греха (Aug. Quaest. in Hept. VI, 10).

Впрочем, богословы сходились во мнении, что война – исключительно мирское дело, не приличествующее церковнослужителям. В 451 г. IV Вселенский собор запретил духовенству носить оружие, что свидетельствует о закреплении данной нормы церковным законодательством. Как гласит один из канонов собора:

«Тот, кто стал священником или монахом, не должен нести военную службу или исполнять светскую должность. Тот, кто посмеет сделать это, не покается и не вернется к своему первоначальному служению Богу, должен быть предан анафеме» [Цит. по Калмыкова, 2018, с. 134].

Параллельно с этим наблюдается активная интеграция римской аристократии в состав высшего духовенства, которая привносила в церковно-христианскую жизнь и идеологию многие элементы, присущие ее элитарной культуре [Манукян, 2015, с. 58]. Именно в это время происходит изменение роли, статуса и самой природы епископского сана в позднеантичном обществе. Из морального главы общины равных он превращается в наследника властных и социальных функций позднеримского магистрата [Браун, 2004, с. 43]. Авторитет епископа стал более многогранным и продолжал постоянно меняться по мере изменения позднеримского общества: некоторые его аспекты и задачи приобретали наибольшее значение, в то время как другие отступали в тень. Однако основные компоненты, которые определяли епископскую власть, остались прежними, включая оборону епархии и защиту паствы от врагов. Фигура епископа стала ключевой для общественно-

политической, экономической и культурной жизни наряду со святыми, императором и его сановниками [Rapp, 2005, p. 16].

Объект и методы исследования

В данной статье мы попытаемся проследить, как военная лексика и военные аллюзии, проникая в латинскую агиографическую литературу IV–VI в., способствовали постепенному оформлению особой модели раннесредневекового святого-воина.

Объектом статьи является образ святого-воина в латинской агиографической литературе IV–VI в., а предметом – военная лексика и военные аллюзии, применяемые в них.

Исследование строится преимущественно на историко-антропологическом подходе, изучающем культуру общества и позволяющем выявить устойчивые для позднеантичного общества представления о святом. Кроме того, в статье использованы достижения нарратологии, семиотики и, особо, имагологии. В частности, изучение структурных элементов агиографического текста, используемой в нем лексики, а также литературных аллюзий дает возможность реконструировать «образ святого» как некую идеальную модель.

Результаты и их обсуждение

Использование военной лексики не является необычным для христианства периода поздней Античности. Термины войны встречаются в Vita Hilarionis св. Иеронима, Vita Hilarii Гонората Массилийского, Vita Amatoris Стефана Африканского, Vita Martini Сульпиция Севера, в Vita Germani Констанция Лионского, Vita Epiphani Магна Феликса Эннодия и в других агиографических произведениях этого периода.

В Vita Hilarionis военная лексика встречается уже в третьей главе, в которой рассказывается, что Иларион покидает обитель святого Антония, поскольку большое количество просителей заставляет его искать более уединенной жизни. Иларион рассуждает, что ему нужно начать с того, с чего начинал Антоний, понимая, что последний «получает награду за победу», тогда как сам он «еще не начал воинствовать» (VH 3). Здесь сила и решимость Антония вести жизнь отшельника, несмотря на количество верующих, окружающих его в пустыни, вдохновляют Илариона; но в то время как Антонию удается сохранить свой образ жизни, Иларион понимает, что ему еще нужно изучить основы подлинного аскетизма и, как выражается агиограф, характеризуя путь в аскезу, «поступить на военную службу». В шестой главе Иероним Стридонский рассказывает о страшном столкновении Илариона с дьявольским искушением. Весь отрывок наполнен военными и воинственными образами:

«В одну ночь он начал слышать плач детей, блеяние стад, мычание быков, как бы вопли женщин, рычание львов, шум войска, и опять различные чудные голоса, (раздававшиеся) для того, чтобы он удалился, испуганный прежде звуком, чем видением. Он понял, что это демонское издевательство и, пав на колени, напечатлев на челе знамение Христа и вооружившись оным, боролся еще сильнее, повергшись и желая как-нибудь увидать тех, от слуха которых он ужасался. Внимательными очами осматриваясь туда и сюда, он внезапно при свете луны увидел, что на него мчится колесница с несущимися конями, и когда он воззвал к Иисусу, вся прелесть была поглощена внезапно разверзшеюся перед его очами землею. Тогда он сказал: «коня и всадника вверже в море» (Исх. 15, 1) и: «сии на колесницех и сии на конех, мы, же во имя Бога возвеличимся» (Пс. 19, 8)» (VH 5–6 Пер. с лат.: И.В. Помяловский).

Сирийский отшельник, по сути, пассивен в обоих отрывках: он не солдат, поскольку «еще не начал воинствовать» в третьей главе, он защищается молитвой от армии демонов в шестой главе. Язык войны, хотя и присутствует, но не определяет Илариона как персонажа. По всей видимости, военные аллюзии в данном контексте служат для переда-

чи драматичности сюжета или подчеркивают необходимые для аскета качества – строгость и дисциплину.

В Vita Hilarii образ Илария с самого начала повествования рисуется в военных терминах: еще не принявший крещения, но уже склоняемый к христианству отцом Гоноратом, он несколько раз описывается как «призванный в качестве новобранца в небесное воинство (caelestis militia tirocinia)» (VH 4). Переводчик указывает, что термины tiro, tirociniu – «новобранец», «новобранство», первоначально относящиеся к римской военной терминологии быстро проникли в христианскую среду, где стали употребляться в значении новообращенного [Зайцев, 2004, с. 66]. Само же обращение Илария в веру изображено как победа на поле брани: «как победитель, сорвал доспехи с диавола» (VH 5). Примечательно, что военная лексика применяется также и к духовному наставнику Илария, Гонорату Арелатскому. Автор жития, Гонорат Массилийский приводит слова Евхерия «ты имел наставника <…>, а затем руководителя служения небесному (militia caelestis magistrum)» (VH 8). Автор перевода отмечает, что данное выражение сходно с выражением magistra militia «магистр армии» – одним из высших воинских званий римской армии периода поздней империи, что представляет св. Гонората высшим военачальником Небесного Царства [Зайцев, 2004, с. 100]. В дальнейшем, описывая земной путь св. Илария, агиограф еще не раз обращается к подобного рода аллюзиям. Житие завершается описанием святого после смерти, где он предстает как триумфатор древности: «вот глава, увенчанная зеленеющим лавром и венцом креста» (VH 31). Такая хвала (praeconium), по мнению Гонората, предпочтительней земной славы.

В целом, однако, военная лексика здесь скорее является наследием античного осмысления мира в военных терминах [Тюленев, 2014, с. 315]. Иларий не участвует лично в военных действиях, а большинство военных сравнений относится к его риторским способностям и борьбе с духовными врагами. Например, речь Илария «упражняла железное острие духовного меча в отсечении пропитанных ядом заблуждений еретиков» (VH 14); он бодрствует ночью и не дает отдыха телу, «чтобы толпы духовных врагов застали его деятельным и вооруженным» (VH 19). Епископ Арелата, таким образом, изображен проповедником, чье красноречие помогает ему достичь побед над еретиками и почить как триумфатору.

В Vita Amatoris военные термины используются в отношении сатаны, который является властелином (princeps), чьи воины (milites) живут на острове, упомянутом в тексте (VA 13). Военное звучание отличает весь отрывок и особенно подчеркивается в последнем предложении, где Аматор побеждает (triumphabat) демонов посредством своей веры. В главе четырнадцатой можно найти еще одну отсылку к «миру войны»: здесь Аматор разговаривает с демонами и их князем (milites et princeps), чтобы, наконец, прогнать их с острова Галлинария (VA 14). При этом он неоднократно использует глагол «повелевать» (imperare). И, хотя нельзя утверждать, что он применен в строго военном контексте, однако с ним соотносится чувство порядка и превосходства. Несмотря на то, что текст содержит явные военные образы, они тем не менее не отражают характер святого. Аматор уже не пассивен, но он направляет свои усилия против врагов Божьих, используя оружие веры. Военные образы в Vita Amatoris скорее переводят духовные темы религии на язык войны, чем вводят мирской контекст в житийную литературу.

Отдельно следует упомянуть Vita Martini, богатое военной лексикой. Как сказано в первых главах текста, Мартин принадлежал к военной семье, его отец был сначала солдатом, потом военным трибуном, и по закону Мартин должен был вступить в армию. Поэтому неудивительно, что в тексте Сульпиция Севера так много упоминаний о войне, которая была жизненным фоном его главного героя. Однако мало что указывает на дальнейшую текстологическую связь Мартина с войной. Военная лексика в основном используется в главах, описывающих его жизнь как солдата, и куда реже в остальной части текста. По-видимому, использование военного языка в Vita Martini связано с биографически-

ми подробностями святого, а не с его ролью защитника веры. Можно отметить только один эпизод, который отличается в данном контексте.

За день до битвы с варварами Мартин отказывается от жалования, установленного для каждого солдата. По его словам, он «воин Христов» и ему «сражаться не должно» (VM IV; 3). Затем он просит разрешить ему предстать перед врагом безоружным, чтобы доказать, что он действительно защищен волей Христа. Эпизод заканчивается безоговорочной капитуляцией варваров перед битвой, что Сульпиций Север приписывает молитве Мартина. Христос, таким образом, действительно защитил своего воина, создав возможность избежать битвы. Это единственный пример, где Мартин является воином Божиим, и единственный отрывок, где использование военной метафоры развивается в событии, которое решается с помощью божественного вмешательства. Связи Мартина с миром войны носят мирской характер, но не выходят за границы его военной карьеры и не связаны с его красноречием или чудотворной силой. Мартин еще не стал епископом Тура, и военные термины не укрепляют его силу патрона. Напротив, для Сульпиция Севера важно указать мирный характер божественной власти святого.

Использование военной лексики и образов войны особенно заметно в Житии Германа, которое многие исследователи считают подражанием такому значительному предшествующему агиографическому труду, как «Житие Мартина Турского» Сульпиция Севера [Egmond, 2006, p. 33–35]. Однако он использовал военный контекст в своей работе совсем иначе, почти противоположным образом. Если для Мартина быть воином Божьим означает не иметь права сражаться, то для Германа, наоборот, необходимо взять на себя командование армией, чтобы продемонстрировать божественное могущество и справедливость.

Констанций Лионский в Vita Germani изображает Германа Осерского как бесстрашного лидера своей общины, выступающего в защиту ее и от ее имени. Этот образ создается с помощью ряда приемов, в том числе – лексикона, который Констанций использует в своем труде. В тексте много военной лексики и образов. Несколько раз святой называется вождем (dux), термином, который используется обычно в отношении военачальников: «подобно вождю небесного воинства» (VG 9); «Герман провозглашает себя вождем над бойцами» (VG 17); «благодаря апостольским вождям» (VG 17). Встречаются в тексте и другие слова и фразы, связанные с военной лексикой: «облаченного в броню веры» (VG 8), «посредством неистового меча» (VG 8), «подняв оружие веры» (VG 38). Кроме того, в тексте Vita Germani находим два примера, где поступки Германа Осерского отражают действия военачальника и воина. В обоих случаях они помогают святому расширить сферу своего влияния.

Такой эпизод мы находим в описании первой миссии Германа в Британию. Британские епископы, обеспокоенные распространением на острове ереси Пелагия, обратились за помощью в Галлию; местный Собор принял решение послать в Британию Германа и св. Лупа, епископа Трикасса (совр. Труа). Епископ не только успешно борется с пелагианством, но и возглавляет войско бриттов над объединенным войском саксов и пиктов и одерживает над ними чудесную победу. Когда саксы и пикты, заключив между собой союз, напали на бриттов, те обратились к святым епископам. Они наставляли воинов и, построив деревянную церковь, многих крестили. Подготовка к сражению характеризуется фразой: «сам Христос готовился к битве в [их] лагерях» (VG 17). Встав во главе войска, святитель Герман «…исследует окрестности и со стороны, с которой ожидалось нападение врагов, находит долину, окруженную высокими горами» (VG 17). Когда враг приблизился, епископы трижды провозгласили: «Аллилуйя!». Подхваченный войском и приумноженный эхом, этот клич стал похож на раскат грома. «Вражеский отряд сковывает ужас, и боятся [противники], что не только содрогаются скалы, стоящие вокруг, но и рушатся сами небеса, и казалось, что быстроты ног едва ли хватит охваченным страхом [для

спасения]» (VG 18). Вражеский отряд обратился в беспорядочное бегство, бросив оружие. «Прославляется победа, добытая верой, а не силой!» (VG 18), – заключает автор.

В руках Германа не было оружия, только хоругвь, однако он продемонстрировал личную доблесть и отвагу, столкнувшись с опасностью. Лидерство Германа, по всей видимости, оправдывается тем, что вся армия была крещена, и святой стал представителем Христа на поле боя. Крещеные бритты, таким образом, противопоставлены язычникам саксам и пиктам, что отсылает читателя к идее борьбы за истинную веру. Кроме того, рассказ явно содержит прямую аллюзию на ветхозаветную победу Гедеона над мадианитянами (ср. Суд. 7:16–23), что подчеркивает религиозное значение победы. Этот эпизод завершает рассказ о первой миссии святого в Британию, акцентируя внимания на торжестве веры: «те, кто одержали верх над пелагианами и саксами, готовили [свое] возвращение» (VG 18). Таким образом, авторитет и патронаж епископа начинает свое распространение за пределы его собственного города.

Вторым таким эпизодом следует считать сцену смелого противостояния святого Гохару, королю аланов, в котором епископ Осера в одиночку останавливает армию аланов. Едва вернувшись в Галлию из второго путешествия в Британию, Герман встречается с представителями общины Арморики, просящими заступничества перед патрицием Аэцием, который на подавление восстания багаудов в их землях отправил короля аланов Гохара. Герман спешно отправился к Гохару. Святой сначала умолял короля внять его просьбе, но затем схватил поводья его лошади, остановив тем самым его самого и все войско, следовавшее за ним. «В ответ на это свирепейший король вместо гнева, по побуждению Божьему, выразил удивление, восхитился его твердостью, проявил уважение и уступил перед непоколебимостью его силы» (VG 28). В итоге переговоров с епископом Осера Гохар развернул войско назад и вернулся к себе.

Герман уже не является полководцем в прямом смысле, но проявляет стойкость и решительность военачальника: он силен, деятелен и даже дерзок в своих поступках. Именно мужество и твердость святого вызывает уважение короля аланов и помогает установить мир. Сила и крепость духа Германа позволяет достичь желаемого, однако Гохар потребовал, чтобы епископ отправился в имперский суд в Италию в Равенну, чтобы «милость, которую он сам проявил, будет подтверждена императором или Аэцием» (VG 28). Это заставляет Германа отправиться в Равенну ходатайствовать за жителей Арморики перед императором Валентинианом III и его матерью и соправительницей Галлой Плацидией.

В этом последнем путешествии Германа не просто встречает народ, радующийся его прибытию. Еще до приезда святой «был на устах жителей Равенны» (VG 35). По всей видимости, с развитием повествования репутация святителя укрепляется. Этому в немалой степени способствует военный контекст совершаемых епископом деяний.

Довольно скоро после создания сочинение Констанция Лионского о Германе стало известно на севере Италии. Так, в Лигурии Эннодий, медиоланский диакон и автор «Жития блаженнейшего мужа Епифания», созданного в начале VI в., был явно вдохновлен Vita Germani [Borius, 1965, p. 47]. Подобно Констанцию Лионскому в центре внимания италийского агиографа оказывается активная церковная деятельность святого, его участие в региональной политике и взаимоотношение с государственной властью. Следуя до некоторой степени модели святости, созданной Констанцием, Эннодий акцентирует внимания читателя на посольской деятельности Епифания. Это позволяет представить святого как покровителя не просто Тицина, в котором тот занимал епископский престол, а как патрона всей области Лигурии в целом [Тюленев, 2013, с. 31]. В заботе о пастве Епифаний постоянно пребывает в дипломатических миссиях и сталкивается со сражениями и завоеваниями, поэтому неудивительно, что «Житие Епифания» насыщенно военной лексикой. В то же время несмотря на заметное влияние на образ святого Епифания произведения Констанция Лионского, военная терминология играет здесь зачастую совершенно другую роль.

В данном контексте образ святого Епифания сближается с образом Илария, поскольку военная лексика в Vita Epiphani в первую очередь характеризует ораторские способности епископа Тицина. В произведении встречается ряд речей, построенных по всем традициям риторики, которые автор вкладывает как в уста самого святого, так и его оппонентов. Приходится признать, что диалоги – плод таланта самого Эннодия, однако это не умоляет значимости риторики для епископского служения в глазах автора [Тюленев, 2013, с. 32–33]. Но, в отличие от св. Илария, чье красноречие в основном описывается применительно к его проповедям и созданным им произведениям, ораторский талант Епифания функционирует как элемент модели святости, в которой святой выступает в роли патрона своей общины и посла в переговорах со светской властью. Кроме того, для агиографа умение владеть словом становится признаком romanitas (римскости) в противовес варварским военным навыкам [Тюленев, 2014, с. 311]. Показательной в этом отношении является речь вестготского короля Эвриха, сконструированная Эннодием: «Хотя едва ли когда я снимаю панцирь со своей груди, и, хотя руку мою постоянно прикрывает окованный бронзой щит и на боку висит защищающий меня меч, однако я нашел человека, который смог меня, вооруженного, одолеть словом. Заблуждаются те, кто говорит, будто бы римляне не имеют щита или же дротиков на своих языках. Ибо знают они, как отразить те слова, которые мы мечем в них, и как выбрать пронзительные слова, чтобы разить нас в сердце» (Ennod. Op. 80, 90). По всей видимости, военные аллюзии уподобляют слово оружию, а в отрывке в целом явно прослеживается противопоставление военного служения, ставшего к тому времени прерогативой варваров, отточенной речи оратора, которая продолжает оставаться частью римской культуры [Тюленев, 2014, с. 315]. Интересно, что Эннодий в целом подчеркивает роль образованных галло-римлян при дворах варварских королей, отмечая в их деятельности именно риторские умения, в то время как главным отличием варваров является их военное преимущество [Тюленев, 2013, с. 33]. Осмысление риторского искусства через военные термины позволяет продемонстрировать как именно слово, а не меч, устанавливает мир. Римлянин теперь стяжает славу и достигает побед посредством искусства речи, заменившего для него оружие.

Заключение

Таким образом, хотя Церковь и не одобряла войны, ей приходилось мириться с действительностью. Варварские вторжения и христианизация Римской империи изменили исторический фон и помогли сделать новый виток в развитии христианских представлений о войне. Амвросий Медиоланский и Августин Блаженный создают теоретическое обоснование ведению войны, а военная терминология проникает в агиографию IV–VI вв.

Язык войны здесь может отражать исторический контекст, обострять чувство нависшей драмы или передавать ключевые качества святого. Военный контекст позволяет создать агиографу образ святого-воина, сражающегося за веру посредством аскезы как в Vita Hilarionis св. Иеронима, посредством проповеди как в Vita Hilarii Гонората Массилийского. Vita Amatoris дает пример того, что военная лексика также может применяться для демонстрации духовной силы святого, который одерживает победу над демонами. Кроме того, «воин» Христов может обнаружить свою божественную силу даже посредством избегания военных действий подобно св. Мартину Турскому. С развитием же модели святого в западноевропейской житийной литературе появляется представление о епископе как полководце, способном вести за собой в бой, защищать свою епархию и паству. Примером такой эволюции святого может служить Vita Germani Констанция Лионского. Военная лексика здесь не только создает определенный образ епископа как человека решительного, отважного и стойкого, но и служит литературному развитию персонажа. Активная роль духовного пастыря в военных действиях служит для усиления эффекта справедливого деяния и помогает власти епископа выйти за рамки своих административных полномочий [Gillett, 2003]. Святость Германа, постоянно укрепляемая его успехами в соб-

ственной общине, распространившись далеко за пределы его города и округи, превращает его в фигуру общегалльскую и даже общеевропейскую. Сохраняя в целом идею укрепления авторитета святого посредством выполнения им дипломатических миссий и по-прежнему обращаясь к военной лексике, Магн Феликс Эннодий формирует иной образ епископа. Поскольку постепенно представители галло-римской аристократии вытесняются из военной сферы варварами, римлянин обретает триумф посредством обращения к слову. Риторика, став главным орудием римлянина, справляется с тем, что оказывается не под силу мечу и подчеркивает исключительность romanitas. Однако несмотря на то, что Епифаний описывается прежде всего, как святой-ритор, этот новый образ формируется в первую очередь посредством применения военной лексики. Теперь именно риторские способности святого становятся для агиографа главным объектом использования военных аллюзий, конструируя новую модель святости в житийной литературе.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору В.М. Тюленеву, сотрудникам кафедры всеобщей истории и международных отношений.

Список литературы

1. Августин Блаженный. 1998. О Граде Божием. Книги XIV–XXII. В кн.: Творенья: В 4 т. Т. 4. СПб., Алетейя; Киев, УЦИММ-Пресс, 595.

2. Амвросий еп. Медиоланский. 1995. Об обязанностях священнослужителя, творенье. Пер. с лат. Г. Прохоров. Москва – Рига, Благовест, 413.

3. Браун П. 2004. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., РОССПЭН, 207.

4. Зайцев Д. 2004. Гонорат, епископ Массилийский. Житие святого Илария, епископа Арелатского. В кн.: Арелатские проповедники V–VI вв. М., Империум-Пресс, 390.

5. Калмыкова Е.В. 2013. Военная служба английских клириков в XIV–XV веках. Средние века. М, Наука. Вып. 74 (3–4): 150–171.

6. Калмыкова Е.В. 2018. Пастыри во главе армии: образы воинственных прелатов в английской исторической традиции. Диалог со временем. М., ИВИ. Т. 63: 134–145.

7. Магн Феликс Эннодий. 2013. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви. Пер. с лат. вступ. ст., коммент. и указатели Тюленева В.М. СПб., Издательство Олега Абышко, 188.

8. Манукян Э.М. 2015. Episcopus bonus: эпистолярная репрезентация образа у Сидония Аполлинария. Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Белгород. 7 (204): 58–64.

9. Сульпиций Север. 1999. Житие святого Мартина, епископа и исповедника. В кн.: Сочинения. М., РОССПЭН, 319.

10. Житие прп. отца нашего Иллариона Великого. 1893. Пер. с лат. Помяловский И.В. Палестинский патерик. СПб. Вып. 4, 47.

11. Тюленев В.М. 2014. Слово против меча: новое содержание romanitas у Эннодия. Antiquitas Aeterna. Нижний Новгород. Вып. 4: 305–316.

12. Тюленев В.М. 2013. Магн Феликс Эннодий – человек уходящей эпохи. В кн.: Магн Феликс Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви. Панегирик королю Теодориху. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь. СПб., Издательство Олега Абышко, 188.

13. Borius R. 1965. Vie de Saint Germaind'Auxerre. Paris, Les Éditions du Cerf. Vol. 112, 231.

14. Cox R. 2018. The Ethics of War up to Thomas Aquinas. In: The Oxford Handbook of Ethics of War. Oxford University Press, USA, 592.

15. Egmond W.S. van. 2006. Conversing with the Saints: Communication in Pre-Carolingian Hagiography from Auxerre. Turnhout, Brepols, 240.

16. Gillett A. 2003. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambrige, 335.

17. Rapp C. 2005. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 520.

18. Stephanus Africanus. 1850. Vita Amatoris. Ed. L.M. Duru. Bibliothèque Historique de l'Yonne, ou Collection des Légendes, Chroniques et Documents Divers pour Servir à l'Histoire des Différentes Contrées qui Forment Aujourd'hui Ce Département, 1. Auxerre, Perriquet, 581.

19. Swift L.J. 1983. The Early Fathers on War and Military Service. Wilmington, 164.

20. Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantio. 1920. Ed. and trans. W. Levison. In: MGH SS. rer. Merov. Bd. 7. Hannover and Leipzig: 247–283.

References

1. Avgustin Blazhennyj. 1998. O Grade Bozhiem. Knigi XIV–XXII [The city of God. Book XIV–XXII]. V kn.: Tvoren'ja [In the book: Creations]: V 4 t. T. 4. SPb., Aletejja; Kiev, UCIMM-Press, 595.

2. Amvrosij ep. Mediolanskij. 1995. Ob objazannostjah svjashhennosluzhitelja, tvoren'e [On the Duties of the Clergy, Creation]. Per. s lat. G. Prohorov. Moskva – Riga, Blagovest, 413.

3. Braun P. 2004. Kul't svyatyh. Ego stanovlenie i rol' v latinskom hristianstve [The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity]. M., ROSSPEN, 207 (in Russian).

4. Zajcev D. 2004. Gonorat, episkop Massilijskij. Zhitie svjatogo Ilarija, episkopa Arelatskogo [Honoratus, bishop of Massilia. The Life of Saint Hilary, bishop of Arelat]. V kn.: Arelatskie propovedniki V–VI vv. [In the book: Arelat preachers of the V–VI centuries]. M., Imperium-Press, 390.

5. Kalmykova E.V. 2013. Voennaja sluzhba anglijskih klirikov v XIV–XV vekah [Clergymen"s military service in the 14th–15 th century England]. Srednie veka. M, Nauka. Vyp. 74 (3–4): 150–171.

6. Kalmykova E.V. 2018. Pastyri vo glave armii: obrazy voinstvennyh prelatov v anglijskoj istoricheskoj tradicii [Churchmen as military leaders: the images of warrior bishops in English historical tradition]. Dialog so vremenem. M., IVI. T. 63: 134–145.

7. Magn Feliks Jennodij. 2013. Zhitie blazhennejshego muzha Epifanija, episkopa Ticinskoj cerkvi [The Life of His Beatitude Epiphanius, bishop of the Church of Ticina]. Per. s lat. vstup. st., komment. i ukazateli Tjuleneva V.M. SPb., Izdatel'stvo Olega Abyshko, 188.

8. Manukjan Je.M. 2015. Episcopus bonus: jepistoljarnaja reprezentacija obraza u Sidonija Apollinarija [Episcopus bonus: epistolary representation of image at Sidonius Apollinaris]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istorija. Politologija. Belgorod. 7 (204): 58–64.

9. Sul'picij Sever. 1999. Zhitie svjatogo Martina, episkopa i ispovednika [The Life of Saint Martin, bishop and confessor]. V kn.: Sochinenija. M., ROSSPJeN, 319.

10. Zhitie prp. otca nashego Illariona Velikogo [The Life of Our Venerable Father Hilarion the Great]. 1893. Per. s lat. Pomjalovskij I.V. Palestinskij paterik. SPb. Vyp. 4, 47.

11. Tjulenev V.M. 2014. Slovo protiv mecha: novoe soderzhanie romanitas u Jennodija [The Word against the Sword: the new implications of romanitas in the works by Ennodius]. Antiquitas Aeterna. Nizhnij Novgorod. Vyp. 4: 305–316.

12. Tjulenev V.M. 2013. Magn Feliks Jennodij – chelovek uhodjashhej jepohi [Magnus Felix Ennodius is the Man of the Passing era]. V kn.: Magn Feliks Jennodij. Zhitie blazhennejshego muzha Epifanija, episkopa Ticinskoj cerkvi. Panegirik korolju Teodorihu. Zhitie blazhennogo monaha Antonija. Blagodarenie za svoju zhizn' [In the book: Magnus Felix Ennodius. The Life of His Beatitude Epiphanius, Bishop of the Church of Ticin. Panegyric to King Theodoric. The Life of the Blessed Monk Anthony. Eucharisticon de Vita Sua]. SPb., Izdatel'stvo Olega Abyshko, 188.

13. Borius R. 1965. Vie de Saint Germaind'Auxerre. Paris, Les Éditions du Cerf. Vol. 112, 231.

14. Cox R. 2018. The Ethics of War up to Thomas Aquinas. In: The Oxford Handbook of Ethics of War. Oxford University Press, USA, 592.

15. Egmond W.S. van. 2006. Conversing with the Saints: Communication in Pre-Carolingian Hagiography from Auxerre. Turnhout, Brepols, 240.

16. Gillett A. 2003. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambrige, 335.

17. Rapp C. 2005. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 520.

18. Stephanus Africanus. 1850. Vita Amatoris. Ed. L.M. Duru. Bibliothèque Historique de l'Yonne, ou Collection des Légendes, Chroniques et Documents Divers pour Servir à l'Histoire des Différentes Contrées qui Forment Aujourd'hui Ce Département, 1. Auxerre, Perriquet, 581.

19. Swift L.J. 1983. The Early Fathers on War and Military Service. Wilmington, 164.

20. Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantio. 1920. Ed. and trans. W. Levison. In: MGH SS. rer. Merov. Bd. 7. Hannover and Leipzig: 247–283.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабина Александра Аркадьевна, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановского государственного университета», г. Иваново, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra A. Babina, graduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

УДК 94(394)
DOI 10.18413/2687-0967-2021-48-1-25-35

Святой человек и практика исцелений в Восточном Средиземноморье в начале IV – середине V вв.

А.А. Данилов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: an.danilov@icloud.com

Аннотация. Работа посвящена изучению практики исцеления святых в эпоху Поздней античности. Работа построена на исследовании агиографических источников и в некоторой степени восполняет имеющуюся в современной историографии лакуну, связанную с изучением практики чудесного исцеления на христианском Востоке в период поздней античности. Позднеантичный период с его особенным отношением к вопросам болезни и ее социальному значению практически ускользает из поля зрения современных историков. В данной работе акцент ставится не столько на медицинские аспекты исцелений, сколько на социальные аспекты практики святых, что придает работе определенную новизну и актуальность. Автор показывает, что святые осуществляют важные социальные функции и предоставляют механизм существования целой группе людей, выброшенной из социума, – тяжело больным, калекам и умирающим.

Ключевые слова: Поздняя античность, святость, исцеления, социальные практики.

Для цитирования: Данилов А.А. 2021. Святой человек и практика исцелений в Восточном Средиземноморье в начале IV – середине V вв. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 25–35. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-25-35.

The holy man and the practice of healing in the Eastern Mediterranean at the beginning of 4th – mid 5th cent. A. D.

Andrey A. Danilov
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russia

E-mail: an.danilov@icloud.com

Annotation. The work is devoted to the study of the practice of healing saints in the Late antiquity. The work is based on the study of hagiographic sources and to some extent fills the gap in modern historiography associated with the study of the practice of miraculous healing in the Christian East during the Late antiquity. The late antique period, with its special attitude to the issues of disease and its social significance, practically escapes the field of view of modern historians. This work focuses not so much on the medical aspects of healing, but on the social aspects of the practice of saints, which gives the work a certain novelty and relevance. The author shows that saints perform important social functions and provide a mechanism for the existence of a whole group of people who are thrown out of society – the seriously ill, the crippled, and the dying. The Eastern Mediterranean is of great importance for the study of transitional historical processes in the period of Late Antiquity.

Keywords: Late antiquity, Holiness, healing, social practices.

For citation: Danilov A.A. 2021. The holy man and the practice of healing in the Eastern Mediterranean at the beginning of 4th – mid 5th cent. A. D. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 25–35 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-25-35.

Введение

Традиционно проблематика болезни и здоровья человека в исторической науке связывается с историей медицины [Шлюмбом, Хагнер, Сироткина, 2008, с. 8–40], мы же попытаемся рассмотреть эти вопросы с точки зрения истории позднеантичного христианства, концентрируя свое внимание на деятельности восточных святых.

Христианский Восток (Восточное Средиземноморье) периода Поздней античности – это место формирования христианского мировоззрения, а также скрупулезного поиска решения острых социальных проблем своего времени, среди которых болезни и положение больных в обществе, являлась одной из самых главных [1].

В ранней Византии медицинская практика профессиональных врачей, в особенности в сельской местности и для бедных слоев населения, была либо полностью недоступна, либо очень ограничена [McNeill, 1998]. Отсутствие врачей или их неспособность вылечить людей породили большое количество больных и искалеченных, которые были вынуждены искать решения своих проблем иными способами. Одним из таких путей стало обращение за помощью к святому человеку.

Практика исцелений святыми всегда находилась под пристальным вниманием ученых. Взгляд на нее менялся с течением времени: если изначально она рассматривалась как сюжет мифологии и народных суеверий [Freudenthal, 1931] и находилась в поле исследований сравнительного религиоведения, языкознания и антропологии, то впоследствии, к 60-м годам XX в., на исцеления обратили свое внимание историки как на культурный феномен, существовавший в повседневной жизни европейцев в эпоху Средневековья. Практика чудесного исцеления обратила на себя особое внимание при изучении эпидемий, охвативших Европу в XIV в. [2] На современном этапе эта практика изучается с точки зрения восприятия болезни, ее значения для формирования культуры, воображения и ментальности средневекового человека [Sigal, 1985].

Однако в контексте этих исследований абсолютно незаслуженно практически без внимания осталась практика исцелений, сформировавшаяся на христианском Востоке в период Поздней античности [3]. Это кажется особенно странным в связи с тем, что это время является начальным этапом формирования христианского представления не только о болезни и ее лечении, но и о святости как таковой, и должно представлять особый интерес для ученых.

Методы исследования

В работе был использован сравнительно-исторический метод относительно материалов различных источников. Историко-биографический метод применялся при изучении отдельных персоналий. Контент-анализ был использован при анализе содержания письменных источников по теме.

[1] Более подробно о проблеме болезней и эпидемий см.: [McNeill, 1998].

[2] Например, см.: [Biraben, 1975; Biraben, 1976].

[3] Исключением может служить работа Питера Брауна, который вскользь касается этой темы: [Brown, 2008, p. 781–810; Brown, 1981, p. 80–101]. Современная российская наука делает лишь первые попытки в продвижении в данном направлении: [Яцык, 2018; Арнаутова, 2004].

Результаты исследования

После окончания эры гонений на христиан, когда постепенное исчезновение мучеников снова поставило вопрос о том, кого можно считать «свидетелем веры» [Festugière, 1949, p. 98–99], идеал христианской жизни постепенно стал ассоциироваться с аскетическими подвигами [Delehaye, 1927, p. 122–123]. В этом контексте развитие монашества на территории Сирии, Палестины и Египта в начале IV в. становится центральным местом деятельности святых.

Для историка все события этого этапа в истории христианства представляют особую ценность в связи с тем, что они были описаны очевидцами: Феодоритом Кирским [4] и Палладием Еленопольским [5].

Феодорит Кирский родился в 393 г. в состоятельной семье в Антиохии [6]. Его родители, по разным сведениям, имели или греческое, или сирийское происхождение и принадлежали к «верхушке» городской элиты. Феодорит получил блестящее для своего времени образование: обучался у лучших преподавателей в одном из главных центров мировой культуры, помимо греческого говорил на сирийском и еврейском языках, превосходно разбирался в античной философии.

С самого раннего возраста Феодорит проникся восхищением монашеской жизнью и сначала стал чтецом при храме в Антиохии, а после ушел в монастырь недалеко от Апамеи [Сидоров, 1996а, с. 7]. В 423 г. Феодорит стал епископом небольшого городка Кирр, расположенного недалеко от Антиохии [Сидоров, 1996а, с. 9]. В этом статусе Феодорит проводил активную церковную и гражданскую благотворительную деятельность [Сидоров, 1996а, с. 9].

Практику исцеления Феодорит описывает как необходимую работу, которая выполняется не по собственному желанию, а в связи с личным долгом. Так, описывая историю подвижника Иулиана, Феодорит подчеркивает, что святой посчитал необходимым приступить к исцелению, несмотря на собственное плохое состояние [Canivet, Leroy-Molinghen, 1979, p. 238]. Святой здесь предстает как обычный человек, который тоже болеет. Однако, когда поднимается вопрос о помощи людям, святой, имея возможность отказать, осознает свою ответственность и принимается за работу.

Феодорит подчеркивает, что сами святые болеют точно так же, как и все остальные люди. Однако отличает их от простых людей способ исцеления. Если простой человек лечится с помощью врачей и лекарств, то святой лечится только молитвой (Theodor. Cyrrh. HR. XXII. Thalassius et Limnaius, 4). Заболевание святого, способное привести к его смерти, означало для людей возможность прикоснуться к нему, взять частичку его останков с верой в их целительные качества. При этом даже если святой еще был жив, это не мешало людям отхватить кусок его одежды или волос. Такое поведение Феодорит объясняет евангельскими сюжетами. В истории о подвижнике Иулиане святой исцелил нищего, даже не подозревая об этом. Такое «случайное» исцеление произошло благодаря прикосновению нищего к краю его плаща [Canivet, Leroy-Molinghen, 1979, p. 238–240].

Описывая примеры исцеления, Феодорит показывает читателю добросовестно исполняющего свои обязанности работника. Так, например, когда св. Юлиана попросили явиться в дом местного чиновника для его исцеления, святой немедленно отправился на место и сразу же вылечил больного [Canivet, Leroy-Molinghen, 1979, p. 238–240].

Исполнение святым его «обязанностей» целителя в широком смысле слова, затрагивало не только лечение людей, но и животных, при этом техника лечения ничем не отличается от лечения человека. Так, например, св. Фалелей исцелял домашний скот, чем

[4] Оригинал: [Migne, 1864, p. 1279–1498]. Русский перевод: [Сидоров, 1996b].

[5] Оригинал: [Butler, 1904]. Русский перевод: [еп. Евсевий Орлинский, 2011].

[6] Исследованию жизни Феодорита посвящены: [Azema, 1990, p. 418–435; Глубоковский, 1890a; Глубоковский, 1890b].

заслужил особое уважение местного населения. В истории про св. Афраата Феодорит рассказывает, как подвижник вылечил коня императора Валента, по просьбе пришедшего к нему конюшего (Theodor. Cyrrh. HR. VIII. Aphrahat, 11). Стоит отметить в этой истории две вещи: первое, что за помощью к Афраату пришли уже после обращения к ветеринарам, которые не смогли вылечить коня, чем автор как бы подчеркивает их некомпетентность по сравнению со святым, и второе, что пришедший к Афраату конюший был человеком «*благочестивым и крепким верой*», что связывает способность подвижника помочь просителю с необходимостью наличия у просителя христианской веры. Здесь, по нашему мнению, ключевым является не то, что конюший верит в возможность помощи, а скорее то, что его христианская жизнь является знаком отличия, из-за которого святой соглашается оказать помощь. Лечение коня является скорее необычным явлением в практике этого святого, и только потому, что его попросил это сделать носитель определённых качеств – «*благочестивой и крепкой веры*», святой выполнил просьбу.

Точно такую же идею об исцелении только верующих людей указывает Феодорит в истории о собственной матери, которая была излечена св. Петром от болезни глаза (Theodor. Cyrrh. HR. IX. Petrus, 5–6). В этой истории Феодорит показывает, что его мать не соответствовала обликом тому человеку, которому святой готов был помогать. Ее внешний вид вызвал у святого возмущение, однако это не послужило для него поводом для категорического отказа в помощи. Петр убедил мать Феодорита изменить свой внутренний и внешний облик, как условие оказания помощи, и как только женщина выполнила требуемое, вылечил ее. Более того, после излечения Петр указал ей на необходимость соблюдения правил для последующей жизни в качестве профилактики от болезни. В дальнейшем, когда мать Феодорита исполнила все слова святого, она начала пользоваться его расположением и приводить к нему различных больных, которые в той или иной степени были связаны с ней: это мог быть повар или земледелец, трудившийся у нее. Их всех Петр исцеляет от одержимости уже не из-за них, а из-за женщины. По ее просьбе он изгоняет бесов из ее работников и спасает ее саму от смерти при родах (Theodor. Cyrrh. HR. IX. Petrus, 7–14).

Вообще Феодорит отмечает, что спектр болезней, которые святой может исцелить, неограничен: это касается всех физических болезней, в том числе бесплодия (Theodor. Cyrrh. HR. XI. Romanus, 4), но, кроме того, и болезней душевных. Так, в истории про Македония Феодорит описывает интересное заболевание некой женщины, которая страдает от излишнего переедания, при этом сам автор сомневается, является ли это болезнью души или тела. В любом случае после вмешательства святого по просьбе супруга больной болезнь отступает (Theodor. Cyrrh. HR. XIII. Macedonius, 9). Вопрос о том, почему женщина испытывает недуг, является предметом размышлений, и когда святой исцеляет женщину, эта проблема отпадает сама собой.

Феодорит ясно отождествляет беснование с душевным заболеванием или с безумием, указывая на то, что человек, одержимый бесом, именно болен, как и болезнями тела, разница только в лечении. Болезни души или беснования святой исцеляет изгнанием. При этом меры, необходимые для изгнания, порой требовали нестандартных решений. Одно такое изгнание, совершенное св. Македонием, потребовало целого разбирательства в гражданском суде, где сам святой выступал в качестве судьи, а бес – в качестве обвиняемого (Theodor. Cyrrh. HR. XIII. Macedonius, 10–12). Данный сюжет показывает не только власть святого, но и отношение к его методам со стороны окружающих. Для них святой – непререкаемый авторитет в вопросах избавления от конкретной напасти, его эффективность в этом деле не подвергается сомнению ни со стороны обывателя, ни со стороны представителя власти. Его степень воздействия соответствуют требуемым ожиданиям, которые святой выполняет очень точно.

Точность и эффективность лечения святого подчеркивается Феодоритом путем сравнения с обычными врачами, которые оказываются неспособными помочь человеку.

Святой же намного эффективнее справляется со сложными заболеваниями, в особенности душевными. Так, после безрезультатного лечения у простых врачей супруг заболевшей женщины обращается к святому, который исцеляет ее (Theodor. Cyrrh. HR. XIII. Macedonius, 13).

Вместе с тем лечение у обычных врачей, отмечает Феодорит, является обязательным средством, отказываться от которого нельзя. Так, Македоний попрекает мать Феодорита за то, что она не следует советам врачей по приему лекарств (Theodor. Cyrrh. HR. XIII. Macedonius, 17–18).

Феодорит показывает святых в виде той конечной инстанции, которая способна помочь в тяжелых случаях, когда существующая медицина либо не может помочь, либо ее просто нет. Святые лечат людей как в массовом порядке, так и в единичном, по личной просьбе и даже по случайному стечению обстоятельств. При этом сами святые также подвержены всем видам заболеваний, как и все остальные люди: они также болеют, страдают и умирают. Однако при этом святые абсолютно точно осмысляют и понимают причину собственных заболеваний, и, самое главное, они знают, что нужно сделать, чтобы вылечиться. Поэтому они либо легко выздоравливают, производя самолечение, либо благополучно умирают, осмысляя свою смерть как логичный конец их деятельности. Для простых же людей тяжелое заболевание, в особенности душевное, вызывает страх и непонимание того, что им делать, что и побуждает их обращаться сначала к врачам, помощь которых, как показывает Феодорит, остается неудовлетворительной, и уже после – к святому, видя в нем последнюю надежду на исцеление.

Второй автор – Палладий Еленопольский, родился в Галатии в 363 или 364 г. [Lowther Clarck, 1918, p. 16]. В 386 г. он оставил мирскую жизнь и отправился в Палестину, где принял монашество. До этого момента известно довольно мало из его жизни. В своем произведении он указывает, что у него были, по крайней мере, один брат и одна сестра, которые также были монахами [Lowther Clarck, 1918, p. 16]. О родителях Палладия известно только то, что его отец прожил долгую жизнь, а мать скончалась, когда он ушел в монастырь [Lowther Clarck, 1918, p. 18].

В период с 386 по 388 г., во время нахождения на Елеонской горе, Палладий имел тесные контакты с находящимися здесь великими христианскими подвижниками – Меланией Старшей и Руфином Аквилейским, оказавшими на него глубокое влияние [Lowther Clarck, 1918, p. 18]. Впоследствии, в 412–413 гг., Палладий вернулся на Елеонскую гору, побывав в Египетской пустыне, а также Риме и Вифинии, где был рукоположен в епископы города Еленополь [Lowther Clarck, 1918, p. 18]. Роковое значение для Палладия сыграло его поддержка Иоанна Златоуста, из-за которой он был сослан в Фиваиду [Lowther Clarck, 1918, p. 18]. Однако к 413 г. Палладий вновь появился на Елеонской горе. Здесь он и написал свой главный труд – «Лавсаик», в котором описал историю жизни и подвижничества египетских монахов. Временной промежуток этого произведения захватывает период с конца IV до начала V вв., а территориально – Северный Египет и Палестину. Так же, как и в случае с Феодоритом Кирским, Палладий был лично знаком со многими описываемыми им подвижниками.

В «Лавсаике» в изобилии присутствуют примеры исцелений, совершаемые святыми. Важное значение Палладий приписывает причинам возникновения у святого дара целительства, что всегда связывается с определенным образом жизни, включающим в себя нахождение вне социума, исключительное пищевое поведение, выраженное в крайне редком и специфическом питании и постоянном совершении молитв. Именно в связи с этими качествами в истории о подвижнике Оре Палладий описывает механизм достижения способности исцелять людей (Pallad. Laus. IX. Orus). Варианты исполнения подобного образа жизни весьма разнообразны и могут меняться в зависимости от личного выбора святого. Подвижник Павел прошел целое испытание, если не сказать издевательство, со стороны

св. Антония Великого, дабы доказать свое право стать монахом и впоследствии целителем (Pallad. Laus. XXII. Paulus Simplex).

Во всех случаях человек, который выполнил все условия, получал дар исцелять болезни, что было связано, прежде всего, со способностью объяснить природу любого заболевания. Болезнь и ее развитие было непосредственно связано с каким-либо грехом, совершение которого непременно вызывало недуг. Св. Макарий Египетский, например, связал заболевание проказой с грехом сребролюбия (Pallad. Laus. XVII. Macarius Aegyptius). Макарий Александрийский указывает на тяжкое заболевание, изъевшее голову местного пресвитера, как на следствие блудного греха (Pallad. Laus. XVIII. Macarius Alexandrinus).

В связи с тем, что количество грехов не ограничено, количество болезней, описанных Палладием, также очень велико. Непосредственная связь заболевания с грехом дает возможность святым лечить практически любую болезнь. Палладий приводит описание исцеления от значительного количества болезней. Так, например, св. Аммун излечил бешенство (Pallad. Laus. XI. Ammonius), Макарий Египетский вылечил рак (Pallad. Laus. XVII. Macarius Aegyptius), Иоанн Ликопольский излечил болезнь глаза жены местного чиновника, а также лихорадку одного из монахов, живших в его монастыре (Pallad. Laus. XXXV. Ioannes Lycopolitanus). Подвижник Аммун вылечил пастуха, упавшего в обморок и разбившего себе голову от падения (бешенство (Pallad. Laus. XI. Ammonius). Св. Иоанн вылечил шедшего к нему на исцеление хромого человека (Pallad. Laus. XXXV. Ioannes Lycopolitanus).

Палладий указывает, что святые подвижники имеют различную специализацию в исцелениях. Так, Антоний Великий не может изгнать беса у пришедшего к нему одержимого юноши в связи с тем, что он «*не получил еще власти над сим главным чином демонов*». Однако этим даром обладает другой подвижник – Павел, который потом и изгнал беса (Pallad. Laus. XXII. Paulus Simplex). Палладий подчеркивает в этой истории, что Павел достиг большего мастерства именно в вопросе изгнания бесов и имеет лучшие способности в исцелении одержимых. Кроме того, у Палладия описано несколько специализаций, в которых одни святые преуспевают в большей степени, чем другие. Так, описывая историю двух братьев Исайи и Паисия, он показывает, что один из них прославился тем, что мог лечить людей, успокаивая их души (Pallad. Laus. XIV. Paesius et Isaias). Св. Стефан имел точно такую же способность излечивать любую печаль путем разговора с людьми так, что «*всякий, у кого была какая-нибудь печаль, побеседовав с ним, отходил от него без печали*» (Pallad. Laus. XXIV. Stephanus). Кто-то из святых специализировался на исцелении с помощью лекарственных средств (Pallad. Laus. XXXV. Ioannes Lycopolitanus), а некто Евлогий вообще посвятил всю свою жизнь попечительству одного увечного инвалида, у которого не было ни рук, ни ног (Pallad. Laus. XXI. Eulogius), что можно назвать интересной формой соединения заботы о здоровье, пропитании и существовании неспособного на это человека.

Предоставление практики исцеления у святых подвижников показано у Палладия как весьма распространенный механизм. Массовость обращения к святым показана в истории Макария Египетского, ученик которого «*был у него слугою и всегда находился при нем для приходивших врачеваться*» (Pallad. Laus. XVII. Macarius Aegyptius).

Палладий описывает весь процесс лечения человека у святого от начала его заболевания до полного исцеления с указанием причин заболевания, клинической картины течения болезни, выбора «лечащего врача» – обычного светского или святого, сам процесс исцеления и применения лекарственных средств, а также меры профилактики заболевания. Весь этот процесс описан и в истории Макария Египетского, который вылечил женщину от того, что всем вокруг она казалась лошадью (Pallad. Laus. XVII. Macarius Aegyptius).

Первый этап, а именно описание причины заболевания, представлен Палладием как следствие безуспешных попыток одного египтянина соблазнить замужнюю женщину. После неудачи мужчина отправился к колдуну, который сделал так, что женщина стала ви-

деться всем вокруг лошадью. Прежде всего, стоит отметить, что женщина не превратилась в лошадь, а только стала видеться таковой. Иными словами, женщина не заболела сама, а лишь стала причиной галлюцинаций у окружающих, что объяснялось святым нечистотой взгляда у обычных людей. Святой сразу же увидел женщину, а не лошадь.

Второй этап, а именно описание клинической картины заболевания, показан Палладием в появлении у женщины таких недугов, которые мешают ей нормально жить: это полное изменение образа жизни и, самое страшное, изменение пищевого поведения – женщина не могла есть.

Третий этап, связанный с выбором лечащего врача, отражен в реакции мужа на увиденное. Супруг при этом точно осознает, что перед ним его жена, которой требуется лечение. В связи с этим он сначала обращается к пресвитерам своего селения, которые вообще не увидели проблемы, после чего муж решает отвести супругу в пустыню к святому.

Четвертый этап описывается Палладием как исцеление Макарием этой женщины путем обливания святой водой и принудительном кормлении, которое и становится причиной полного выздоровления.

Последний этап, описывающий профилактику заболевания и предупреждение рецидива, выражен в наставлении святого этой женщине. Макарий говорит, что причиной, по которой с ней вообще могло случиться подобное, связано с тем, что она давно не причащалась, и только постоянное совершение этого таинства позволит ей избежать заболевания в последующем.

Описанная схема действий больного человека и его родственников в случаях заболевания применима практически ко всем историям исцеления святыми, с той лишь разницей, что некоторые этапы либо пропущены автором, либо намеренно скрыты в связи с обстоятельствами и характером заболевания. В особенности, специфическое лечение требовалось в сложных случаях психических расстройств, которые отождествлялись с одержимостью. Порой для изгнания бесов требовалось совершить необычные манипуляции, однако в любом случае действия святого всегда были направлены на исцеление больного.

В случаях, когда заболевание было незначительным и не угрожало жизни больного, лечение могло проходить без личного контакта. Для этого требовалось обратиться к святому либо самому больному, либо его родственнику, и если святой посчитает возможным, то больному прописывалось лекарственное средство – помазание елеем с определенной периодичностью, что в итоге приводило к исцелению. При этом сам святой совершал молитвы за больного, которые в сочетании с использованием елея приводили к нужному результату. Именно такой случай описан в истории об Иоанне Ликопольском (Pallad. Laus. XXXV. Ioannes Lycopolitanus). Больным здесь выступает женщина, и сложность заключается в том, что супруг этой женщины уверяет ее, что святой отказывается принимать женщин вообще. Но после настойчивых просьб супруг отправляется к святому, и тот назначает лечение на дому с использованием специальных лекарств – это помазание елеем, которое необходимо совершать три раза в день в течение трех дней. Принципы святого в ограничении общения с женщинами в данном случае не становятся помехой для исцеления, так как проходят по иному сценарию – без личного контакта.

Восприятие протекания болезни у святого кардинально отличается от заболевания обычного человека. Палладий, описывая историю св. Вениамина, указывает на его пренебрежительное отношение к собственной смертельной болезни (Pallad. Laus. XII. Beniaminus). Вениамин, даже будучи смертельно болен, продолжал исцелять людей. Жившие с ним монахи сравнивали Вениамина с Иовом, что весьма характерно отражает осмысление не только заболевания, но и его причины и последствия именно для святого человека.

Представленные в работах Палладия и Феодорита примеры чудесных исцелений содержат в себе принципиальное решение проблемы здоровья для своего времени.

Описываемые ими болезни были разными, и многие из них были либо неизлечимы, либо неизвестны врачам. Заболевший такой болезнью человек оказывался предоставлен

сам себе. Ему оставалось либо приспосабливаться, если болезнь не смертельна, либо ждать смерти, если наоборот, либо мучить своих родственников, если болезнь душевная. Таких людей, судя по количеству обращений, было очень много, и специфика их существования была большой проблемой не только для них самих, но и для окружающих их людей. Феодорит довольно ясно описал это в истории болезни женщины, страдающей чрезмерным объедением. Ее родственники стали бить тревогу потому, что она истощила их запасы пропитания. Таким образом, болезнь этой женщины поставила ее саму и ее родственников в такую ситуацию, когда они вынуждены были искать решения проблемы, не имея возможности отмахнуться от нее.

Именно в таком состоянии они встречают святого – в состоянии неопределенности и страха перед предстоящей жизнью. Страх движет людьми, которым не помогло лечение у обычных врачей. Жизнь таких людей почти всегда сопряжена с проживанием в нищете, с постоянным физическим или душевным страданием, неспособностью удовлетворить элементарные человеческие потребности. В этом контексте история об исцелении – это история о помощи неизлечимо больным людям.

Оба автора описывают достаточное количество болезней, давая им конкретные определения, показывая тем самым, что в их мире существовало несколько видов неизлечимых заболеваний. У нищего отказали ноги, сошедшая с ума женщина не могла ни есть, ни пить, несчастный пресвитер, заболевший раком, просто валялся на земле и ждал смерти.

Феодорит и Палладий подчеркивают, что святой – это последняя инстанция, куда обращаются люди, когда уже ничего не может помочь. Без их помощи неизлечимо больные будут влачить жалкое существование. Еще вчера здоровый человек, который сегодня заболевает, понимает, что впереди у него – перспектива превратиться в нищего на улице. И он не знает, как этого избежать. Единственное, что ему остается, – это искать тех, кто уже сталкивался с подобной проблемой, чтобы понять, как действовать в подобной ситуации. Именно об этом говорит Феодорит в истории своей матери, которой подруга посоветовала обратиться к святому, ведь он уже излечивал такие болезни.

Палладий описывает принципиальную схему действий человека в случае, когда его проблема выходит за рамки существующей медицины. Он подробнейшим образом рассказывает, как действует святой после обращения к нему. Феодорит дополняет, что святой – это дисциплинированный ответственный исполнитель, который ставит проблемы своих пациентов выше своих собственных. Наконец, оба автора сходятся на том, что каждый святой подвержен всем тем же болезням, что и остальные, и приводят достаточное количество примеров. Таким образом, святой предстает тем, кто понял, осмыслил и вылечил заболевание в самом себе. Он первым из всех прошел этот путь от заболевания до момента исцеления. И он, святой, предлагает каждому пройти его путь.

Заключение

Таким образом, главное, что дает исцеление, – это объяснение, почему человек болеет вообще. Оба изученных нами ранневизантийских автора подчеркивают, что этого объяснения существующая медицина не дает. Люди при этом, видя эффективность их метода лечения и неспособность существующей медицины помочь им, перенимают взгляд святых на причины своего заболевания и осмысляют несчастье, приключившееся с ними, в тех категориях, которые предлагают им святые.

Таким образом, святые в узком смысле осуществляют не только лечение тела, но и массовую психотерапию. В широком смысле святые предоставляют механизм существования целой группе людей, выброшенной из социума – тяжелобольным, калекам и умирающим.

Список сокращений

Pallad. Laus. – Palladius, Historia Lausiaca
Theodor. Cyrrh. HR. – Theodoretus Cyrrhus, Historia Religiosa

Список литературы

1. Арнаутова Ю.Е. 2004. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., Алетейя, 398.
2. Глубоковский Н.Н. 1890. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. Т. 1. М., 349.
3. Глубоковский Н.Н. 1890. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. Т. 2. М., 510.
4. Сидоров А.И. 1996a. Блаженный Феодорит Кирский – архипастырь, монах, богослов. Его значение в истории древнехристианской Церкви и православного богословия. М., Паломник: 7–45.
5. Сидоров А.И. (изд.). 1996b. Феодорит Кирский. История Боголюбцев. М., Паломник, 448.
6. Терновский С.А. 1899. Очерки из церковно-исторической географии. Области восточных патриархов Православной Церкви до IX века. Вып.1. Казань, 190.
7. Филиппов И.С. 2019. О святости, корректности и горизонтах науки. Заметки о сборнике статей «Европа святых: социальные, политические и культурные аспекты святости в средние века». СПб., Алетейя, 323 с. В: Средние века. Т. 80. 3: 192–209.
8. Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. 2008. Введение. История медицины: актуальные тенденции и перспективы. В: Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., Алетейя: 8–40.
9. Яцык С.А. (изд.). 2018. Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века. СПб., Алетейя, 324.
10. Azema Y. 1990. Théodoret de Cyr. In: Dictionnaire de spiritualité, fasc. XCVI–XCVIII. Paris: 418–435.
11. Bartlett R. 2013. Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation. Oxford, 815.
12. Biraben J.N. 1975. Les hommes et la peste en France et dans les pays europoens et rnediterrancens. T. I. Paris, 452.
13. Biraben J.N. 1976. Les hommes et la peste en France et dans les pays europoens et rnediterrancens. T. II. Paris, 416.
14. Brown P. 1971. The rise and function of the Holy man in late Antiquity. In: Journal of Roman Studies. Vol. 61: 80–101.
15. Brown P. 2008. Holy Man. In: The Cambridge Ancient History. Late Antiquity: Empire and Successors, A. D. 425–600. vol. 14. Cambridge, UP: 781–810.
16. Butler C. (ed.). 1904. Palladius. Historia Lausiaca. Cambridge, University press, 398.
17. Cameron A. 1999. On defining the holy man. In: The Cult of Saints in Late Antiquity and the Middle Ages. Essays on the Contribution of Peter Brown. Oxford: 27–43.
18. Canivet P., Leroy-Molinghen A. (ed.). 1977. Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie. Sources Chrétiennes 234. vol. 1. Paris, 513.
19. Canivet P., Leroy-Molinghen A. (ed.). 1979. Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie. Sources Chrétiennes 257. vol. 2. Paris, 469.
20. Chadwick H. 1981. Pachomios and the Idea of Sanctity. In: The Byzantine Saint. London: 25–31.
21. Clarck E. 2008. From Patristics to Early Christian Studies. In: The Oxford Handbook of Early Christian Studies. New York: 7–42.
22. Dagron G. 1968. La vie ancienne de saint Marcel l’Acemetes. In: Analecta Bollandiana. Vol. 85: 271–321.
23. Delehaye H. 1927. Sanctus: essai sur le culte des saints dans l'antiquité. Subsidia hagiographica. Vol. 17, 265.

24. Drijvers H.J.W. 1981. Hellenistic and Oriental Origins. In: The Byzantine Saint. London: 11–25.

25. Festugière A.-J. 1949. La sainteté. In: Mythes et religions.Vol. 9: 1–103 (In French).

26. Freudenthal H. 1931. Das Feuer im deutschen Glauben und Brauch Berlin; Leipzig, 32.

27. Lowther Clarck W.K. (ed.). 1918. The Lausiac History of Palladius, a Critical Edition. New York, The Macmillan Company, 245.

28. McNeill W.H. 1998. Plagues and Peoples. New York, Anchor Books; Doubleday, 340.

29. Migne J.-P. (ed.). 1864. Theodoretus Cyrensis. Historia religiosa In: Patrologia Graeca. T. LXXXII. Theodoretus, Cyrensis Episcopus. Opera Omnia: 1279–1498.

30. Patlagean E. 1968. Ancienne hagiographie byzantine et histoire sociale. In: Annales: Economies, Société, Civlisations. Vol. 23: 106–123.

31. Ryden L. 1981. The Holy Fool. In: The Byzantine Saint. London: 106–117.

32. Vauchez A. 1988. La sainteté en Occident aux demiers siècles du Moyen Age d’apres les proces de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 765.

33. Whitby M. 1987. Maro the Dendrite: an Anti-Social Holy Man? In: Homo Viator, Classical Essays for John Bramble. Bristol: 309–317.

References

1. Arnautova Yu.E. 2004. Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v srednie veka [Sorcerers and Saints: An Anthropology of Disease in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aletejya, 398 (in Russian).

2. Glubokovskij N.N. 1890a. Blazhennyj Feodorit, episkop Kirrskij. Ego zhizn' i li-teraturnaya deyatel'nost' [Blessed Theodorite, Bishop of Cyrrhus. His life and literary activity]. T. 1. Moscow, 349 (in Russian).

3. Glubokovskij N.N. 1890b. Blazhennyj Feodorit, episkop Kirrskij. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' [Blessed Theodorite, Bishop of Cyrrhus. His life and literary activity]. T. 2. Moscow, 510 (in Russian).

4. Sidorov A.I. 1996a. Blazhennyj Feodorit Kirskij – arhipastyr', monah, bogoslov. Ego znachenie v istorii drevnekhristianskoj Cerkvi i pravoslavnogo bogosloviya [Blessed Theodorite of Cyrus – archpastor, monk, theologian. Its significance in the history of the ancient Christian Church and Orthodox theology]. Moscow, Palomnik: 7–45 (in Russian).

5. Sidorov A.I. (ed.). 1996b. Feodorit Kirskij. Istoriya Bogolyubcev [Theodorite of Cyrrhus. History of the God-lovers]. Moscow, Palomnik, 448 (in Russian).

6. Ternovskij C.A. 1899. Ocherki iz cerkovno-istoricheskoj geografii. Oblasti vostochnyh patriarhov Pravoslavnoj Cerkvi do IX veka [Essays from church-historical geography. Areas of the Eastern Patriarchs of the Orthodox Church until the 10th century]. Issue. 1. Kazan', 190 (in Russian).

7. Filippov I.S. 2019. O svyatosti, korrektnosti i gorizontah nauki. Zametki o sbornike statej «Evropa svyatyh: social'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyato-sti v srednie veka». St. Petersburg, Aletejya, 2018. 323 s. [About holiness, correctness and horizons of science. Notes on the collection of articles «Europe of Saints: Social, Political and Cultural Aspects of Holiness in the Middle Ages». St. Petersburg, Aleteya, 2018. 323 p.]. In: Srednie veka [Middle Ages]. T. 80. 3: 192–209 (in Russian).

8. Shlyumbom Yu., Hagner M., Sirotkina I. 2008. Vvedenie. Istoriya mediciny: aktual'nye tendencii i perspektivy [Introduction. History of medicine: current trends and prospects]. In: Bolezn' i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny [Disease and Health: New Approaches to the History of Medicine]. St. Petersburg, Aletejya: 8–40 (in Russian).

9. Yacyk S.A. (ed.). 2018. Evropa svyatyh. Social'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyatosti v Srednie veka [Europe of saints. Social, Political and Cultural Aspects of Holiness in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aletejya, 324 (in Russian).

10. Azema Y. 1990. Théodoret de Cyr. In: Dictionnaire de spiritualité, fasc. XCVI–XCVIII. Paris: 418–435 (In French).

11. Bartlett R. 2013. Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation. Oxford, 815.

12. Biraben J.N. 1975. Les hommes et la peste en France et dans les pays europoens et rnediterrancens. T. I. Paris, 452 (In French).

13. Biraben J.N. 1976. Les hommes et la peste en France et dans les pays europoens et rnediterrancens. T. II. Paris, 416 (In French).

14. Brown P. 1971. The rise and function of the Holy man in late Antiquity. In: Journal of Roman Studies. Vol. 61: 80–101.
15. Brown P. 2008. Holy Man. In: The Cambridge Ancient History. Late Antiquity: Empire and Successors, A. D. 425–600. Vol. 14. Cambridge: 781–810.
16. Butler C. (ed.). 1904. Palladius. Historia Lausiaca. Cambridge, University press, 398.
17. Cameron A. 1999. On defining the holy man. In: The Cult of Saints in Late Antiquity and the Middle Ages. Essays on the Contribution of Peter Brown. Oxford: 27–43.
18. Canivet P., Leroy-Molinghen A. (ed.). 1977. Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie. Sources Chrétiennes 234. Vol. 1. Paris, 513 (in French).
19. Canivet P., Leroy-Molinghen A. (ed.). 1979. Théodoret de Cyr. Histoire des moines de Syrie. Sources Chrétiennes 257. Vol. 2. Paris, 469 (in French).
20. Chadwick H. 1981. Pachomios and the Idea of Sanctity. In: The Byzantine Saint. London: 25–31.
21. Clarck E. 2008. From Patristics to Early Christian Studies. In: The Oxford Handbook of Early Christian Studies. New York: 7–42.
22. Dagron G. 1968. La vie ancienne de saint Marcel l'Acemetes. In: Analecta Bollandiana. Vol. 85: 271–321 (In French).
23. Delehaye H. 1927. Sanctus: essai sur le culte des saints dans l'antiquité. Subsidia hagiographica. Vol. 17, 265 (In French).
24. Drijvers H.J.W. 1981. Hellenistic and Oriental Origins. In: The Byzantine Saint. London: 11–25.
25. Festugière A.-J. 1949. La sainteté. In: Mythes et religions. Vol. 9: 1–103 (In French).
26. Freudenthal H. 1931. Das Feuer im deutschen Glauben und Brauch Berlin; Leipzig, 32 (In German).
27. Lowther Clarck W.K. (ed.). 1918. The Lausiac History of Palladius, a Critical Edition. New York, The Macmillan Company, 245.
28. McNeill W.H. 1998. Plagues and Peoples. New York, Anchor Books; Doubleday, 340.
29. Migne J.-P. (ed.). 1864. Theodoretus Cyrensis. Historia religiosa In: Patrologia Graeca. T. LXXXII. Theodoretus, Cyrensis Episcopus. Opera Omnia: 1279–1498.
30. Patlagean E. 1968. Ancienne hagiographie byzantine et histoire sociale. In: Annales: Economies, Société, Civlisations. Vol. 23: 106–123 (in French).
31. Ryden L. 1981. The Holy Fool. In: The Byzantine Saint. London: 106–117.
32. Vauchez A. 1988. La sainteté en Occident aux demiers siècles du Moyen Age d'apres les proces de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 765 (in French).
33. Whitby M. 1987. Maro the Dendrite: an Anti-Social Holy Man? In: Homo Viator, Classical Essays for John Bramble. Bristol: 309–317.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилов Андрей Александрович, магистрант кафедры средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Danilov, Master's student of the Department of Medieval Civilizations of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(569.4)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-36-47

«День розы» как пример трансформации языческих праздников в ранневизантийской Газе

М.Ю. Лопатина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 820301@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье, на основании диалексисов Прокопия Газского, анализируется праздник *день розы*, который ежегодно проходил в Газе Палестинской. Этот праздник также упоминается в сочинениях Иоанна Газского и Георгия Грамматика. *День розы* сочетал в себе как языческий фестиваль «маюма», открытый для светской публики, так и празднество в честь христианских мучеников, сопровождавшееся религиозными обрядами. На данном празднике (*день розы*) проводились конкурсы ораторского мастерства, а также давались пантомимические представления, которые во многом объясняют цель и стиль изложения Прокопием своих диалексисов. Кроме того, на основе отсылок ритора к Платону, рассматривается предположение исследователей об Эросе как предфигурации христианской агапы.

Ключевые слова: Прокопий Газский, день розы, фестиваль, агапа, маюма, розалии.

Для цитирования: Лопатина М.Ю. 2021. День розы» как пример трансформации языческих праздников в ранневизантийской Газе. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 36–47. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-36-47.

«Dies Rosarum» as an example of transformation of pagan festivals in early Byzantine Gaza

Marina Yu. Lopatina
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 820301@bsu.edu.ru

Annotation. This article analyses the *dies rosarum* Festival, which took place annually in Gaza of Palestine. The declamations of Procopius of Gaza are chosen as the main historical sources. The holiday is also mentioned in the writings of John of Gaza and George Grammaticus. The *dies rosarum* combined a pagan festival «maiuma», that was open to the secular public, and a celebration in honor of martyrs, accompanied by the religious rites. During this holiday (*dies rosarum*) competitions of oratory skills were held, as well as pantomimic performances, which in most explain the purpose and style of Procopius's presentation of his declamations. Moreover, the researchers' assumption of Eros as a pre-configuration of the Christian agape is considered based on the rhetorician's references to Plato. The works of Procopius of Gaza as partly of other representatives of the Gaza school, make it possible to reconstruct the existence of a number of phenomena that can serve as an example of early Byzantine cultural synthesis, which absorbed both ancient and Christian features.

Keywords: Procopius of Gaza, dies rosarum, festival, agapa, Maiumas, Rosalia.

For citation: Lopatina M.Yu. «Dies Rosarum» as an example of transformation of pagan festivals in early Byzantine Gaza. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 36–47 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-36-47.

Введение

Газа Палестинская с древнейших времен славилась своими праздниками. Как и во всех городах средиземноморского побережья, в этом месте царило сезонное торжество весны, олицетворением которого был праздник *маюма*, часто заканчивавшийся ритуалом зажжения ярких огней и иллюминацией. Постепенно языческий характер этих торжеств был элиминирован, а все, что было совместимо с христианской религией, сохранилось. Например, при Юстиниане целью фестиваля [7] нередко было открытие церкви или какого-либо общественного памятника. И, так как пантомимы и кровавая травля зверей попадали под запрет, еще большее значение приобретали литературные (риторические) состязания. Если обратиться в данном контексте к творчеству христианского ритора Прокопия Газского (ок. 475 – ок. 528), то можно увидеть, что большинство из его сохранившихся сочинений были связаны с контекстом празднования *дня розы* [Procopii Gazaei, 1963, p. 52–53]. Сразу стоит заметить, что данный фестиваль вызывает ряд вопросов. Следует ли считать его автономным событием или его необходимо прослеживать в более широком праздничном контексте одного из многочисленных торжеств, которые проходили в городе Газа? И в какое время года он праздновался? К сожалению, Прокопий не дает нам точного ответа на данные вопросы. Но на основании имеющихся источников мы можем сделать попытку решить поставленные проблемы.

Объекты и методы исследования

Для решения поставленных задач нами был использован историко-системный метод, позволяющий выделить фестиваль *«день розы»* из всего многообразия праздников Ранней Византии. Удалось установить языческие праздники, на основе которых сформировалось данное торжество, и что определяло его целостность. Контент-анализ сочинений Прокопия даёт возможность проследить, какими мероприятиями сопровождался *день розы*. С помощью ретроспективного метода мы показываем, что день чествования христианских мучеников, проходивший в христианизированной Газе, генетически восходил к античному празднику *Розалии*.

Результаты и их обсуждение

Отметим, что историография об античных праздниках в целом недостаточно обширна: она носит либо обобщающий характер, либо посвящена конкретным фестивалям [Tomascheck, 1868; Drexles, 1886; Perdrizet, 1900; Saglio, 1904; Hild, 1919; Nilsson, 1920; Preisendanz-Jacoby, 1928; Abel, 1931; Nilsson, 1951; Listas, 1982; Caimi, 1985; Kokkinia, 1999; Belayche, 2004; Chuvin, 2009 и др.]. В творчестве газских риторов доминирующей темой является наступление весны. Например, в некоторых стихах Иоанна Газского, явно составленных по случаю праздника *дня розы*, повторяются некоторые выражения, относящиеся к весне (Jo. Gaz., Anacr. 4, 1–2. 10-11 и 15–16; 5, 1–3. 17–24). В связи с этим В. Томашек выдвинул предположение, что *день розы* можно отождествить с весенним сезонным праздником чествования памяти умерших *Розалии*, популярным в греко-римском мире [Tomascheck, 1868, p. 369–371]. С распространением христианства он приобрел ценность для новой религии и все больше и больше связывался с культом мертвых. Действительно, «весенний сезон, в котором цветы выходят из земли, знаменует [...] этап возвращения мертвых» [Chirassi, 1968, p. 117]. Данная точка зрения была поддержана некоторыми другими учеными [Glücker, 1987, p. 54; Garzya, 1998, p. 442; Garzya – Loenertz, 1963, p. XXXV]. Однако Д. Вестберг указал, что присутствие розы само по себе не является до-

[7] Термин «фестиваль» распространен в зарубежной научной литературе для обозначения античного празднества, состязания. В отечественной историографии он стал использоваться лишь недавно. Здесь используется нами как синоним праздника.

статочным аргументом [Westberg, 2010, p. 178]. Также было отмечено, что *Розалии* в ранневизантийской Газе носили по существу похоронный характер [Ciccolella, 2000, p. 144]. Однако последний аргумент остался единичным, так как в Поздней античности это был преимущественно радостный и яркий сезонный праздник.

Изначально *Розалии* – праздник профанный, светский, отмечаемый на частных пиршествах. В Риме он попадал в категорию sacra privata (священный частный) без какой-либо связи с культом мертвых [Hild, 1919, col. 1112]. Благодаря характеру светского народного праздника он не только сохранился, причем в одном контексте с погребальным культом [Nilsson, 1951, p. 312–313], но и был защищен как таковой законом – Кодексом Феодосия (Cod. Theod. XVI, 10, 17). Погребальный аспект отсутствует у Прокопия, а также у Иоанна Газского и Георгия Грамматика (в данном контексте они рассматривают лишь смерть Адониса). И это неудивительно, так как риторы традиционно были ориентированы на публичное выступление, предусматривающее «поэтические и литературные состязания, направленные на воспевание весны и розы» [Ciccolella, 2000, p. 144], и мифы, с ними связанные, а отнюдь не на скорбь погребения. Традиция побуждает Прокопия в Dial. 3 молиться о приходе весны, чтобы он снова мог «воспеть розу», вспоминая, как «даже сейчас речи усыпаны розами, с которыми приходит изящество и элегантность» (Op. III, 67–70). Прокопием также были составлены еще два сочинения на близкую тему, вероятно, прочитанные в рамках одного праздника, в ночное время [Ciccolella, 2000, p. 71].

Существует мнение о том, что *день роз* – это переосмысление праздника *маюма* или некая его адаптация применительно к новому времени [Gaggiotti, 1990, p. 238]. *Маюма* упоминается Иоанном Малалой в Антиохии как драматический ночной праздник, посвященный тайнам Диониса и Афродиты, во время которого даются театральные представления (вероятно, пантомимические) [Belayche, 2004, p. 17] по событиям, связанным с мифом о почитаемых божествах. Праздник был запрещен императорским указом (Cod. Theod. XVI, 6, 1, 2), но все ещё продолжал отмечаться даже в VIII веке [Theophanes, 1841, p. 451, 24–26].

Однако празднование *маюмы* в Антиохии и Газе достаточно ощутимо разнилось. В Антиохии фестиваль проходил один раз в три года; важное место на нем отводилось как Афродите, так и Дионису. В Газе же *маюма* праздновалась ежегодно (Georg. Gramm., Anacr. 1, 53–54); роль Диониса по сравнению с ролью Афродиты резко снижается. Бог виноделия упоминается Прокопием только в Op. III, 66. Кроме того, лишь название утраченной этопеи Иоанна Газского «Какие слова сказал бы Дионис, когда придет весна», указывает на роль бога виноделия в контексте газских *маюм* [Ciccolella, 2000, p. 173].

Н. Белейш была выдвинута гипотеза, согласно которой *маюма* представляет собой общее название типа фестиваля, характерного для сирийско-палестинской области с учетом незначительных локальных компонентов, ориентированного на смену сезонов, присутствие водной стихии и широко распространенную публичную радость. Дата празднования варьировалась в каждом отдельном городе, где благодаря эллинизированным формам восточных ритуалов и в связи с театральными играми почитались различные божества, характеризующиеся культом и/или мифологическим рассказом, сосредоточенным вокруг водной стихии [Belayche, 2004, p. 19]. Это относится в первую очередь к Афродите, рожденной из пены морской. Сам Прокопий в своих диалексисах несколько раз упоминает этот аспект мифологии, представляя богиню в окружении нереид и дельфинов, а также в колеснице, запряженной тритонами (Procop. Gaz., Op. I, 2–4; III, 5–15).

Доминирование любовной истории между Адонисом и Афродитой в творчестве риторов в контексте данного праздника заставляет задуматься о дате его проведения. Из сочинений Прокопия, Иоанна и Георгия Грамматика мы можем извлечь, помимо самого элемента истории Адониса и Афродиты, некоторые хронологические указания. В частности, Георгий Грамматик ссылается на летнее время, в момент, когда «земля увенчана колосьями» (Georg. Gramm., Anacr. 1, 57). Он также ясно указывает на культ Адониса и Аф-

родиты, который когда-то имел место в святилище Афаки в Финикии Ливанской [Ciccolella, 2000, p. 186–187]. Иоанн Газский в своих стихах ссылается на весенний сезон в контексте праздника [Ciccolella, 2000, p. 3]. Прокопий же указывает как на весну в качестве фона для своих сочинений, так и на лето (Procop. Gaz., Op. IV), так как созерцать на вечернем небе созвездия Ориона, Андромеды и Персея, как правило, можно в летнее время [Ciccolella, 2000, p. 273]. Данное противоречие, по всей видимости, может быть разрешено предположением, что *день роз* в честь Адониса и Афродиты мог проходить два раза в год, весной и летом [Lambrechts, 1953, p. 220].

Прежде всего следует подчеркнуть, что даже при отсутствии непосредственных свидетельств [Belayche, 2004, p. 15], которые позволили бы проследить, как считалось в прошлом, происхождение *маюмы* именно в Газе [Belayche, 2004, p. 19], генезис такого праздника в палестинском городе представляется весьма вероятным. Сам Прокопий прямо ссылается на это в письме Диодору, где подчеркивает, что его собеседник не вернулся в Газу в праздничный день чествования мучеников, но мечтая о *маюме*, фестивале светского характера, сопровождающего религиозный праздник, который представлял все же заманчивый предлог для его возвращения в город: «Я думал, что ты отпразднуешь здесь у нас праздник мучеников и позволишь нам, наконец, увидеть тебя; а ты, хотя и видишь во сне *маюмы*, по-видимому, испытываешь к нему досаду и, боясь предзнаменования, называешь этот день гнусным» (Procop. Gaz., Ep. 77, 1–3).

Присутствие в христианском масштабном празднике профанного элемента, более радостного и веселящего, чем это следовало бы на таком празднике, подробно засвидетельствовано в источниках. Св. Августин, например, вспоминая *Розалии* в Карфагене, явно намекает, без всякого презрения, на веселье, которое это празднование вызывало в христианской аудитории [Poque, 1971, p. 158]. Иоанн Лид (VI в.) свидетельствует, что в Остии *Розалии* также имели характер местной *маюмы*, связанный с более светскими практиками и церемониями [Belayche, 2004, p. 17–18]. Останавливаясь на празднике в честь мучеников, Августин свидетельствует нам, что они часто сопровождались одновременной организацией и представлением пантомим, песен и развлечений всех видов [Saxer, 1980, p. 134–140]. В научной литературе ранее не придавалось реального значения свидетельству Прокопия, которое больше других может помочь нам уточнить характер связи *дня роз* с праздником святых мучеников в Газе. Другими словами, в позднеантичный период происходила адаптация средиземноморского *дня розы* к празднику умерших, который отмечался римскими погребальными коллегиями [Waltzing, 1895, p. 143] на общинном пире «с хлебом и вином» еще с I века. Коллегия Эскулапа и Гигиеи, которая проводила семь ежегодных похоронных пиров, праздновала один из них 11 мая, в *день розы*.

Если допустить, что розы с их шипами и кровь, вытекающая от укола ими (т. е., мифическая история смерти Адониса и последующего отчаяния Афродиты) [Waltzing, 1895, p. 53–54], символизируют для верующих мученичество Иисуса Христа, то уже давно было высказано мнение о том, что *день роз* в честь умерших со временем у ранних христиан был замещен так называемой *агапой* в память мучеников [Poque, 1971, p. 159]. Известно, что древние христиане праздновали два вида агапы [Allo, 1934, p. 292]: таинственный, который ознаменовывал Тайную вечерю с Евхаристией, и несакраментальный, собиравший за столом братьев на вечерний ужин («вечеря Господня»). В последнем случае «вино и хлеб, которые были съедены, зажженные свечи и дары, которые были распределены среди участников, скорее приносили облегчение живым, чем мертвым» [Testa, 1976, p. 202].

Быть может, в таком случае Прокопий намекает в Dial. 3 на тайну освящения евхаристического вина? Если это так, то это приводит нас к заключению о том, что *день розы*, для которого он, как и другие представители Газской школы, сочинил специальные произведения, прямо связан с празднованием дня мучеников, во время которого важным моментом поклонения была Тайная вечеря среди верующих и евхаристическое богослуже-

ние [Saxer, 1969, p. 194–201]. На такую идентификацию указывают четыре важные особенности:

1. В Dial. 2 (Procop. Gaz., Op. 11) Прокопий описывает, основываясь на платоновском образце «Федра», символический сад, который напоминает Небесный сад, обещанный мученикам. Об этом саде верующие Карфагена каждый год привыкли слушать во время праздника мученику Иакову: «Путь наш проходил по прекрасному месту с лугами, одетому пышной листвой зелёных рощ и покрытому тенью вздымающихся ввысь кипарисов и сосен, касающихся небес» (Passio SS. Marian. et Jacob. 11).

2. Газский софист дает явные коннотации на «Пир» Платона, где показана разница между Афродитой Уранией и Афродитой «обыкновенной» (Procop. Gaz., Op. III). Не случайно, что оба отрывка касаются платонической концепции любви. Бытует мнение, что идея христианской агапы находится под сильным влиянием и интерпретацией идеи эроса у Платона [Nygren, 2011]. Свидетельство Прокопия, до сих пор игнорируемое христианскими учеными, косвенно указывает на связь между Платоном и христианским учением о любви к Богу, представляя в то же время философско-религиозный ключ к интерпретации самих трудов Прокопия.

3. В заключении Dial. 1 (Procop. Gaz., Op. I, 72), а также во 2-й и 3-й этопее (Procop. Gaz., op. V, 59; Op. VI, 62) указывается повод к празднику, где идет отсылка к жертве Иисуса Христа и мучеников [Nygren, 2011, p. 55], а также на «поминальные» обряды, а именно погребальные пиры в честь усопших [Weiss, 1917, p. 506; Lietzmann, 1926, p. 223; Lietzmann, 1969, p. 131–132].

4. В Экфрасисе (Procop. Gaz., Op. IX, 250, 305–320), который, вероятно, также был прочитан в *день розы*, Прокопий свидетельствует об объекте иконографии, не засвидетельствованном в других местах, а именно о Дафне как спутнике Ипполита на охоте. Эта неожиданная версия мифа с середины XIX в. пользуется вниманием специалистов. По одному из толкований, в данном случае Дафна представляет собой олицетворение лаврового венка, награду за подвиги и мужественные поступки (охота) [Brunn, 1849, p. 62], а идеалом целомудрия выступает Артемида, заключенная в объятия Ипполита. Возможно, что в свете христианской интерпретации Дафна в Экфрасисе Прокопия является воплощением символа лаврового венка, награды мученичество верующих христиан [Talgam, 2004, p. 34, p. 212].

Трудно представить, что в христианской Газе рубежа V–VI вв. контекст фестиваля *дня розы* отличался бы от праздника в честь мучеников. Вероятно, праздник имел две отличительные особенности. Первая – частный и строго религиозный характер, где сообщество верующих собиралось по случаю «братского» вечернего ужина и связанных с ним обрядов; вторая – публичный, в форме *маюмы*, где принимало участие все население города и в котором не исключены были литературные состязания риторико-софистического типа.

Праздник *маюмы* в Газе, который проходил также, как нам известно из источников, в Антиохии и Остии, должен был включать водные игры, сценические представления и пантомимы. Среди сохранившихся сочинений Прокопия есть упоминания пантомимических репрезентаций [Gianotti, 1991, p. 312–329; Tedeschi, 2002, p. 115–129; Garelli, 2007]. Прокопий как христианин, видимо, стремился расшифровать мифологическое содержание, представленное в танце, которое со временем становилось все меньше и меньше известно христианской публике. Эта практика также засвидетельствована Августином (354–430 гг.), который говорит о том, как в Карфагене глашатай перед спектаклем объявлял зрителям тему самой пантомимы: «Ибо, если бы различные знаки, представляемые, например, танцующими комедиантами, были понятны сами по себе […] то не было бы, например, нужды, чтобы глашатай народный изъяснял карфагенянам, что хотел подобными знаками выразить один их пантомим, танцевавший пред ними, как об этом доселе рассказывают многие старые люди, от коих и мы это слышали. Да и нечего дивиться в этом

отношении карфагенянам, когда и теперь еще у нас самих человек неопытный в рассуждении подобных мелочей, войдя в театр, при всем своем внимании не понимает значения действий, представляемых там пантомимами, если кто-либо другой не изъяснит ему оных» [Бл. Аврелий Августин, 1935, II, 38].

Наблюдение Августина, как считал А. Мюллер [Müller, 1909, p. 45], было направлено не только на жестовые излишества пантомимы, но косвенно также на ее отдаленность от массовой культуры населения, которое все меньше и меньше понимало отсылки к языческому мифологическому наследию. М. Гарелли считает, что Августин предпринимает попытку атаковать культурный фон, ставший чуждым массе публики, путем навязывания экзегезы. Он также принимает участие в спорах по важному вопросу – о драматическом танце на основе мифов – популярной основе языческой культуры – и настаивает на отстраненности, дистанции по отношению к этой части культуры его эпохи. По Августину, репрезентация мифа в театре, где проявляется языческая культура, уже не имела смысла для человека V в. [Garelli, 2007, p. 323].

Следовательно, если рассматривать цель и функции трех диалексисов Прокопия (Procop. Gaz., Opp. I–III) с такой точки зрения, то становится понятно, почему не сохранились собственно речи, введением к которым служили диалексисы. Например, у Хорикия все декламации сопровождаются диалексисами. Следует отметить, что в конце некоторых из диалексисов Прокопий предвосхищает ритуальные церемонии, связанные с праздником, или те же пантомимические представления (Procop. Gaz., Opp. II, 102–103 и III, 69–70). Прокопий использует термин, указывающий на песню, сопровождающую пантомиму, его употребляют также Лукиан и Либаний [Garelli, 2007, p. 61].

В диалексисах Прокопия присутствует переизбыток ссылок на мифы, которые являются зачастую предметом мимических танцев [Garelli, 2007, p. 271–280]. Среди них важны описание тела тритонов (Procop. Gaz., Op. III, 13–15), а также «танец» нереид (Procop. Gaz., Opp. I, 3 и III, 13) и трюков в воде дельфинов (Procop. Gaz., Opp. III, 13–15). Учитывая относительно небольшие размеры резервуара с водой, который мог бы находиться внутри орхестры театра, невозможно представить фактическое присутствие дельфинов рядом с танцорами. Более вероятно, что сам пантомимический актер как-то создавал фигуры, показывая плавание дельфинов [Rotolo, 1957, p. 35]. Также упоминаются инструменты – сиринкс (Procop. Gaz., Op. I, 22) и авлос (Procop. Gaz., Op. I, 29), сопровождающие пантомиму [Garelli, 2007, p. 7]. Отсылка на стук ног артистов (Procop. Gaz., Op. I, 47) подразумевает типичный ударный инструмент мимических танцев в виде сандалий с маленькими тарелками, которые издают звук при биении ногами друг о друга [Belis, 1988]. Представление о тех же артистах, обнаженных в пределах приличия (Procop. Gaz., Op. I, 48), говорит о скудной одежде танцоров пантомимы, что яростно критиковалось в христианских кругах.

Миф о Терее, Прокне и Филомеле хорошо подходил для такого рода представлений: актеры не использовали голос, показ перенесенных страданий осуществлялся только с помощью рук, давая возможность показать, что произошло, без слов [Garelli, 2007, p. 329–341]. Поразителен лексикон, используемый Прокопием для описания сцены, где Филомеле удается сообщить сестре Прокне о насилии, совершенном Тереем, который в значительной степени включает в себя все основные компоненты пантомимы (Procop. Gaz., Op. I, 13–15). Даже последующее молчание Прокопия об убийстве Итиса, сына Прокны и Терея (Procop. Gaz., Op. I), делегирующее задачу его воспевания птицам, ставшим свидетелями трагедии, может ссылаться на пение, сопровождающее пантомиму. Все это было типично для данного рода представлений.

У Прокопия отсутствует еще один фундаментальный момент, касающийся пантомимы в соответствии с театральной теорией Аристотеля [Garelli, 2007, p. 343–349]. Он воспроизводит образ танца посредством зрения (Procop. Gaz., Op. I, 26 и 46), а Либаний, например, в своей защите пантомим почти полностью строит свое описание вокруг пуб-

личного выступления (видел, увидел, показал) (Lib., Or. 64, 67–68). Но даже если мы остановимся на содержании трех прокопиевых диалексисов, которые предстают как яркая пасторальная картина, то придется задуматься о типичном предмете пантомимы. Защищая жанр, Либаний (Lib., Or. 64, 116, 6–12) напоминает о возможности с помощью пантомимического танца посредством движений актеров проиллюстрировать даже статичную пейзажную картину весны: «Какая картина, какая лужайка и зрелище слаще танца и танцора, что приводит зрителя к лесу, заставляет его спать под деревьями, вызывать стада коз и овец, и пастухов, охраняющих собак, звенящую свирель и авлос, в то время как они делают свои дела» [Tedeschi, 2002, p. 119]? За упоминаемым выше предметом пантомимы, безусловно, стоит цветок, который описал древнегреческий грамматик и софист Афиней в произведении «Пир мудрецов»:

Где мои розы? Где мои фиалки?
Где мой сочный сельдерей?
Вот они, розы! Вот мои фиалки!
Вот он, сочный сельдерей! [Афиней, 289]

Среди простых людей ранневизантийского Восточного Средиземноморья также практиковался так называемый танец цветов; они исполняли мимический танец, одновременно напевая такие стихи. По верному замечанию В. Ротоло, существовал некоторый набор цветов, относительно которых песня иллюстрируется танцем [Rotolo, 1957, p. 35].

Исходя из этого, возникает стремление рассмотреть три диалексиса Прокопия, если не совсем как «либретто» для пантомим, то, по крайней мере, как преамбулы вводных руководств к представлению пантомим, которые могли состояться в Газе на фестивале *маюмы*, в рамках более широкого празднества в честь мучеников [Miles, 1999, p. 276]. На сегодняшний день существуют данные, подтверждающие, что некоторые авторы (Лукиан, Стаций и, вероятно, Августин в юности [Gianotti, Letteratura, 1991, p. 327; Gianotti, Sulle tracce, 1991, p. 147; Garelli, 2007, p. 311–315]) составляли стихи для пантомимических представлений, так называемые *fabulae salticae* (пьеса с танцами) лирического типа [Jory, 2009].

Произведения подобного жанра, получавшие осуждение со стороны христианских авторов, неудивительны для такого писателя, как Прокопий. Фактически последняя защита мимических представлений и художественного мимесиса, включая пантомиму, возникнет именно в Газской школе в VI в. (уже после смерти Прокопия) через авторитетный голос Хорикия «Речь в защиту тех, кто воспроизводит жизнь в театре Диониса» (Chor., Op. XXXII). Это чрезвычайно важный текст, который доказывает не только то, что подобные выступления были широко распространены в Газе, но и то, что они были любимы преподавателями высшей Школы риторики.

С другой стороны, можно вспомнить, например, случай с Сидонием Аполлинарием, который дал положительную оценку пантомимическому мастерству, а также давнее сочинение Лукиана «О пляске», для которого пантомима представляла собой «сундук с сокровищами» древних и ценных знаний [Santelia, 2008]. Поэтому классически образованные интеллектуалы, которые, как Сидоний, Прокопий и Хорикий, считали классическую традицию непревзойденной моделью обучения и культуры, не могли не сформулировать положительного отзыва о мимическом искусстве в целом, выдвигая в его защиту даже идеи педагогического типа.

Можно также утверждать, что эти настроения шли вразрез с политикой императоров. Так, Анастасий I в 502 г. устроил разбирательство против пантомимических представлений. Данный факт был публично озвучен Прокопием в Панегирике в честь открытия памятника этому императору в Газе (Procop. Gaz., Op. XI, § 16, 351–357). Но мнение Анастасия, разделяемое Прокопием, не затронувшее пантомимические представления

официально, все же нанесло им удар после народных восстаний, вспыхнувших по случаю гонок на колесницах в 501/502 гг., которые привели, в частности, к смерти его внебрачного сына. Бесчинства этих зрелищ и их участников, которые стали даже лидерами реальных политических фракций – «партий цирка» («зеленые» и «синие») [Croke, 2001, p. 127], не мешают интерпретировать сохранившиеся диалексисы Прокопия как юношеские работы (или предшествующие Панегирику), в которых Прокопий, как и молодой Августин, еще не сформировал зрелого этического взгляда на христианское вероучение.

Заключение

Критика Прокопия в отношении пантомим была направлена исключительно на представления, актеры которых стремились изображать из себя женщин. Ритор представляет в своих диалексисах более «умеренную» пантомиму, в которой танцоры (а, следовательно, не женоподобные танцоры) выходили на сцену без грима. Имеющиеся у нас тексты приоткрывают именно газскую действительность, а не те зрелища, чьи излишества вызывали недовольство императора Анастасия. Данные, рассмотренные выше в письме Диодору (Procop. Gaz., Ep. 77, 1–3), свидетельствуют о существовании в Газе празднества в честь мучеников, который отмечался вместе с фестивалем *маюма*. Следовательно, *день розы*, на который ссылается Прокопий в своих сочинениях и который упоминается в поэтических стихах Иоанна Газского, нужно рассматривать как адаптацию *Розалий*, то есть как празднично-священный повод для прославления христианских мучеников через агапе и литературные состязания эпидейктического типа.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой всеобщей истории Н.Н. Болгову.

Список литературы

1. Афиней. Пир мудрецов. 2003. Книги I–VIII. Пер. Н.Т. Голинкевича. Комм. М.Г. Витковской, А.А. Григорьевой, Е.С. Иванюк, О.Л. Левинской, Б.М. Никольского, И.В. Рыбаковой. Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., Наука, 656.
2. Афиней. Пир мудрецов. 2010. Книги IX–XV. Пер. и примеч. Н.Т. Голинкевича. М., Наука, 597.
3. Блаженный Аврелий Августин. 1835. Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного красноречия. Киев, Киево-Печерская лавра, 355.
4. Abel F.-M. 1931. Gaza au VIe siècle d'après le rheteur Chorikios. Revue Biblique, 40: 5–31.
5. Allo E.B. 1934. Saint Paul. Premiere epitre aux Corinthiens. Paris, Gabalda, 515.
6. Belayche N. 2007. Des lieux pour le «profane» dans l'Empire tardoantique? Les fêtes entre koinônia sociale et espaces de rivalités religieuses. Antiquité Tardive, 15: 35–46.
7. Belayche N. 2004. Pagan Festivals in the Fourth-Century Gaza. In: Christian Gaza In Late Antiquity. Leiden-Boston, Brill: 5–22.
8. Belis A. 1988. Κρούπεζαι, scabellum. Bulletin de Correspondance Hellénique, 112: 323–339.
9. Brunn H. 1849. Ippolito. In: Bullettino dell'Instituto di corrispondenza archeologica. Roma, Istituto di Corrispondenza Archeologica: 60–62.
10. Caimi J. 1985. Arcadio Giovanni Crisostomo e la festa de la Maiuma. Annali Della Facolta Di Giurisprudenza, 20: 49–85.
11. Chirassi I. 1968. Elementi di culture precereali nei miti e riti greci. Roma, Edizioni dell'Ateneo, 211.
12. Chuvin P. 2009. Chronique des derniers paiens. La disparition du paganism dans l'Empire romain, du regne de Constantin a celui de Justinien. Paris, Les Belles Lettres, 378.
13. Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310 / ed. F. Ciccolella. Alessandria, 2000.

14. Croke B. 2001. Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford: Oxford University Press, 300.

15. Drexles W. 1886. Maiumas. In: Ausführliches Lexikon der griechischen und rümischen Mythologie. B. II. Leipzig, B. G. Teubner Verlag: 2286–2288.

16. Gaggiotti M. 1990. Il Maïuma: una festa dimenticata. Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia, 13: 229–242.

17. Garelli M.-H. 2007. Danser le mythe: la pantomime et sa reception dans la culture antique. Louvain, Peeters, 511.

18. Garzya A. 1998. La prosa retorica greca. In: Storia della civiltà letteraria greca e latina. Torino, UTET: 426–445.

19. Gianotti G.F. 1991. Letteratura e spettacoli teatrali in eta imperial. In: Il teatro romano di Trieste. Monumento, storia, funzione. Roma, Istituto svizzero di Roma: 284–329.

20. Gianotti G.F. 1991. Sulle tracce della pantomima greca: Alcesti tra i danzatori? Dioniso, 61: 121–149.

21. Glucker C.A.M. 1987. The city if Gaza in the Roman and Byzantine periods. Oxford, BAR International Series, 172.

22. Hild J.-A. 1919. Rosaria ou Rosalia. Daremberg-Saglio, IV (2): 895.

23. Jory E.J. 2009. The Pantomime Dancer and his Libretto. In: New Directions in Ancient Pantomime. Oxford, Oxford University Press: 157–168.

24. Kokkinia C. 1999. Rosen für die Toten im griechischen Raum und eine neue ροδισμός-Inschrift aus Bithynien. Museum Helveticum, 56: 204–221.

25. Lambrechts P. 1953. La «resurrection» d'Adonis. AIPhO, 13: 207–240.

26. Lietzmann H. 1969. An die Korinther. Tübingen, Mohr, 224.

27. Lietzmann H. 1926. Messe und Herrenmahl. Eine Studie zur Geschichte der Liturgie. Bonn, Marcus und Weber, 600.

28. Listas F.K. 1982. Festival Choricius of Gaza and his Descriptions of Festivals at Gaza. JÖByz, 32: 427–436.

29. Miles R. 1999. Actors and Acting. In: Late Antiquity. A Guide to the Postclassical World. Cambridge, Mass.-London, Harvard University Press: 276–277.

30. Müller A. 1909. Das Bühnenwesen in der Zeit von Constantin dem Groβen bis Justinian. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, 23: 36–55.

31. Nilsson M.P. 1951. Das Rosenfest. Opuscula selecta, 1: 311–329.

32. Nilsson M.P. 1920. Rosalien. RE, I (A): 1111–1115.

33. Nygren A. 2011. Eros e Agape. La nozione cristiana dell'amore e le sue trasformazioni. Bologna, EDB, 848.

34. Perdrizet P. 1900. Les Rosalies. Bulletin de Correspondance Hellénique, 24: 299–323.

35. Poque S. 1971. Des roses du printemps a la rose d'automne. La culture patristique d'Agrippa d'Aubigne. Revue des études augustiniennes, 17: 155–169.

36. Preisendanz K., Jacoby F. 1928. Maïumas. Paulys Realencyclopädie des Klassischen Altertumswissenschaft, XIV: 610–612.

37. Procopii Gazaei Epistolae et Declamationes. Ed. A. Garzya. Ettal, Buch-Kunstverlag, 1963, 111.

38. Rotolo V. 1957. Il pantomimo. Studi e testi. Palermo, Presso l'Accademia, 123.

39. Saglio E. 1904. Maiumas. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, 3 (2): 1555.

40. Santelia S. 2008.Una voce fuori dal "coro": Sidonio Apollinare e gli spectacula theatri (carm. 23, 263-303). Bollettino di studi Latini, 38: 43–56.

41. Saxer V. 1980. Morts Martyrs Reliques en Afrique chrétienne aux premiers siècles: les témoignages de Tertullien, Cyprien et Augustin à la lumière de l'archéologie africaine. Paris, Éd. Beauchesne, 340.

42. Saxer V. 1969. Vie liturgique et quotidienne à Carthage vers le milieu du IIIe siècle: Le témoignage de saint Cyprien et de ses contemporains d'Afrique. Vaticano, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 450.

43. Talgam R. 2004. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia during the Fifth and Sixth Centuries. In: Christian Gaza in late antiquity. Leiden-Boston, Brill: 209–234.

44. Tedeschi G. 2002. Lo spettacolo in età ellenistica e tardo antica nella documentazione epigrafica e papiracea. Papirologica Lupiensia, 11: 87–187.

45. Testa E. 1976. Il Golgota, porto della quiete. In: Studia Hierosolymitana in onore del P. Bellarmino Bagatti: Studi archeologici. Jerusalem, Franciscan Print. Press: 197–244.

46. Theophanes. Chronographia. 1841. Bonnae, Impensis E. Weberi, 592.

47. Tomascheck W. 1868. Über Brumalia und Rosalia nebst Bemerkungen über den bessischen Volksstamm. Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 60: 351–404.

48. Waltzing J.-P. 1895. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les romains depuis les origines jusqu'd la chute de l'empire d'occident. Louvain, C. Peeters, 741.

49. Weiss J. 1917. Das Urchristentum. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 681.

50. Westberg D. 2010. Celebrating with Words: Studies in the Rhetorical Works of the Gaza School. Diss. Uppsala Universiteit, 225.

References

1. Afinej. Pir mudrecov [Feast of the wise]. 2003. Knigi I–VIII. Per. N.T. Golinkevicha. Komm. M.G. Vitkovskoj, A.A. Grigor'evoj, E.S. Ivanyuk, O.L. Levinskoj, B.M. Nikol'skogo, I.V. Rybakovoj. Otv. red. M.L. Gasparov. M., Nauka, 656.

2. Afinej. Pir mudrecov [Feast of the wise]. 2010. Knigi IX–XV. Per. i primech. N.T. Golinkevicha. M., Nauka, 597.

3. Blazhennyj Avrelij Avgustin. 1835. Hristianskaya nauka ili Osnovaniya Svyashchennoj Germenevtiki i Cerkovnogo krasnorechiya [Christian Science or Foundations of Sacred Hermeneutics and Ecclesiastical Eloquence]. Kiev, Kievo-Pecherskaya lavra, 355.

4. Abel F.-M. 1931. Gaza au VIe siècle d'après le rheteur Chorikios. Revue Biblique, 40: 5–31.

5. Allo E.B. 1934. Saint Paul. Premiere epitre aux Corinthiens. Paris, Gabalda, 515.

6. Belayche N. 2007. Des lieux pour le «profane» dans l'Empire tardoantique? Les fêtes entre koinônia sociale et espaces de rivalités religieuses. Antiquité Tardive, 15: 35–46.

7. Belayche N. 2004. Pagan Festivals in the Fourth-Century Gaza. In: Christian Gaza In Late Antiquity. Leiden-Boston, Brill: 5–22.

8. Belis A. 1988. Κρούπεζαι, scabellum. Bulletin de Correspondance Hellénique, 112: 323–339.

9. Brunn H. 1849. Ippolito. In: Bullettino dell'Instituto di corrispondenza archeologica. Roma, Istituto di Corrispondenza Archeologica: 60–62.

10. Caimi J. 1985. Arcadio Giovanni Crisostomo e la festa de la Maiuma. Annali Della Facolta Di Giurisprudenza, 20: 49–85.

11. Chirassi I. 1968. Elementi di culture precereali nei miti e riti greci. Roma, Edizioni dell'Ateneo, 211.

12. Chuvin P. 2009. Chronique des derniers paiens. La disparition du paganism dans l'Empire romain, du regne de Constantin a celui de Justinien. Paris, Les Belles Lettres, 378.

13. Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310 / ed. F. Ciccolella. Alessandria, 2000.

14. Croke B. 2001. Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford: Oxford University Press, 300.

15. Drexles W. 1886. Maiumas. In: Ausführliches Lexikon der griechischen und rümischen Mythologie. B. II. Leipzig, B. G. Teubner Verlag: 2286–2288.

16. Gaggiotti M. 1990. Il Maïuma: una festa dimenticata. Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia, 13: 229–242.

17. Garelli M.-H. 2007. Danser le mythe: la pantomime et sa reception dans la culture antique. Louvain, Peeters, 511.

18. Garzya A. 1998. La prosa retorica greca. In: Storia della civiltà letteraria greca e latina. Torino, UTET: 426–445.

19. Gianotti G.F. 1991. Letteratura e spettacoli teatrali in eta imperial. In: Il teatro romano di Trieste. Monumento, storia, funzione. Roma, Istituto svizzero di Roma: 284–329.

20. Gianotti G.F. 1991. Sulle tracce della pantomima greca: Alcesti tra i danzatori? Dioniso, 61: 121–149.

21. Glucker C.A.M. 1987. The city if Gaza in the Roman and Byzantine periods. Oxford, BAR International Series, 172.

22. Hild J.-A. 1919. Rosaria ou Rosalia. Daremberg-Saglio, IV (2): 895.

23. Jory E.J. 2009. The Pantomime Dancer and his Libretto. In: New Directions in Ancient Pantomime. Oxford, Oxford University Press: 157–168.

24. Kokkinia C. 1999. Rosen für die Toten im griechischen Raum und eine neue ροδισμός-Inschrift aus Bithynien. Museum Helveticum, 56: 204–221.

25. Lambrechts P. 1953. La «resurrection» dÁdonis. AIPhO, 13: 207–240.

26. Lietzmann H. 1969. An die Korinther. Tübingen, Mohr, 224.

27. Lietzmann H. 1926. Messe und Herrenmahl. Eine Studie zur Geschichte der Liturgie. Bonn, Marcus und Weber, 600.

28. Listas F.K. 1982. Festival Choricius of Gaza and his Descriptions of Festivals at Gaza. JÖByz, 32: 427–436.

29. Miles R. 1999. Actors and Acting. In: Late Antiquity. A Guide to the Postclassical World. Cambridge, Mass.-London, Harvard University Press: 276–277.

30. Müller A. 1909. Das Bühnenwesen in der Zeit von Constantin dem Groβen bis Justinian. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, 23: 36–55.

31. Nilsson M.P. 1951. Das Rosenfest. Opuscula selecta, 1: 311–329.

32. Nilsson M.P. 1920. Rosalien. RE, I (A): 1111–1115.

33. Nygren A. 2011. Eros e Agape. La nozione cristiana dell'amore e le sue trasformazioni. Bologna, EDB, 848.

34. Perdrizet P. 1900. Les Rosalies. Bulletin de Correspondance Hellénique, 24: 299–323.

35. Poque S. 1971. Des roses du printemps a la rose d'automne. La culture patristique d'Agrippa d'Aubigne. Revue des études augustiniennes, 17: 155–169.

36. Preisendanz K., Jacoby F. 1928. Maïumas. Paulys Realencyclopädie des Klassischen Alterumswissenschaft, XIV: 610–612.

37. Procopii Gazaei Epistolae et Declamationes. Ed. A. Garzya. Ettal, Buch-Kunstverlag, 1963, 111.

38. Rotolo V. 1957. Il pantomimo. Studi e testi. Palermo, Presso l'Accademia, 123.

39. Saglio E. 1904. Maiumas. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, 3 (2): 1555.

40. Santelia S. 2008.Una voce fuori dal "coro": Sidonio Apollinare e gli spectacula theatri (carm. 23, 263-303). Bollettino di studi Latini, 38: 43–56.

41. Saxer V. 1980. Morts Martyrs Reliques en Afrique chrétienne aux premiers siècles: les témoignages de Tertullien, Cyprien et Augustin à la lumière de l'archéologie africaine. Paris, Éd. Beauchesne, 340.

42. Saxer V. 1969. Vie liturgique et quotidienne à Carthage vers le milieu du IIIe siècle: Le témoignage de saint Cyprien et de ses contemporains d'Afrique. Vaticano, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 450.

43. Talgam R. 2004. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia during the Fifth and Sixth Centuries. In: Christian Gaza in late antiquity. Leiden-Boston, Brill: 209–234.

44. Tedeschi G. 2002. Lo spettacolo in età ellenistica e tardo antica nella documentazione epigrafica e papiracea. Papirologica Lupiensia, 11: 87–187.

45. Testa E. 1976. Il Golgota, porto della quiete. In: Studia Hierosolymitana in onore del P. Bellarmino Bagatti: Studi archeologici. Jerusalem, Franciscan Print. Press: 197–244.

46. Theophanes. Chronographia. 1841. Bonnae, Impensis E. Weberi, 592.

47. Tomascheck W. 1868. Über Brumalia und Rosalia nebst Bemerkungen über den bessischen Volksstamm. Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 60: 351–404.

48. Waltzing J.-P. 1895. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les romains depuis les origines jusqu'd la chute de l'empire d'occident. Louvain, C. Peeters, 741.

49. Weiss J. 1917. Das Urchristentum. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 681.

Westberg D. 2010. Celebrating with Words: Studies in the Rhetorical Works of the Gaza School. Diss. Uppsala Universiteit, 225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лопатина Марина Юрьевна, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Yu. Lopatina, postgraduate of the Department of general history, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-48-54

Организация учебного процесса в высших школах ранневизантийского Берита (по Захарии Ритору)

Я.А. Дронова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена попытке реконструкции организации учебного процесса в юридической школе Берита (совр. Бейрут). Основания для изучения данного вопроса дают разнообразные литературные источники, написанные в нескольких жанрах и отличающиеся различной исторической ценностью. Юридическая школа наиболее известна нам из сохранившегося сирийского перевода сочинения Захарии Схоластика (Ритора) «Жизнь Севера» об известном антиохийском епископе. Текст проливает яркий свет на организацию учебного процесса и представляет собой несколько занимательных эпизодов из жизни преподавателей и студентов тогдашней знаменитой юридической школы в конце V века. Студенты попадали в Бейрутскую высшую школу, только пройдя предварительную подготовку, в частности, такие школы были в Александрии. В Бейруте в обучение шло 5 курсов, каждый курс носил свое название. Обучение велось 5 дней в неделю и основывалось на римской классической юридической традиции. Важную роль в жизни школы играло христианство, многие студенты-правоведы посвятили себя впоследствии религиозной деятельности.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Берит, Захария Схоластик, высшее образование, философия, риторика, юридические школы.

Для цитирования: Дронова Я.А. 2021. Организация учебного процесса в высших школах Ранневизантийского Берита (по Захарии Ритору). Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 48–54. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-48-54.

Organization of the educational process in higher schools of the early Byzantine Beyrouth (by Zacharias Rhetor)

Yana A. Dronova
Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 803014@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the organization of the educational process in the Beirut law school. The reasons for studying this issue are provided by a variety of literary sources written in several genres and differing in historical value. The school of law is best known to us from Zachariah's Syrian translation of «The Life of Severus», narrating about the Bishop of Antioch. It sheds a bright light on the organization of the educational process and presents several entertaining, sometimes striking episodes from the life of teachers and students of the famous law school at the end of the 5th century A. D. Students entered the Beirut High School only after undergoing preliminary training, in particular, such schools were in Alexandria. In Beirut, five courses were taught, each course had its own name. The education was conducted five days a week. Education was based on Roman classical legal tradition. Christianity played an important role for the school, many law students devoted themselves to religious activities.

Keywords: Early Byzantium, Beyrouth, Zacharias Scholasticus, higher education, philosophy, rhetoric, law schools.

For citation: Dronova Ya.A. 2021. Organization of the educational process in the higher schools of the early Byzantine Beyrouth (by Zacharias Rhetor). Via in tempore. History and political science, 48 (1): 48–54 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-48-54.

В данной статье мы предпринимаем попытку рассмотрения состояния и развития юридической школы в Берите в ранневизантийское время, а именно в период второй половины V–VI вв., с целью проследить особенности организации учебного процесса и их трансформации по сравнению с предшествующей эпохой. Хронологические рамки работы опираются на важный сохранившийся источник – агиографо-биографическое произведение монофизитского епископа V–VI вв. Захарии Митиленского «Жизнь Севера», посвященное его другу, знаменитому патриарху-монофизиту Северу Антиохийскому [Ambjörn, 2008]. Исследователи этого сочинения [Garitte, 1966], в частности, отмечали, что работа Захарии – «не столько биография, сколько апология». Ее можно также назвать в некотором роде памфлетом, написанным в ответ на обвинение Севера в том, что он не был последовательным христианином [Болгова, Болгов, 2013].

Автор биографии – Захария Схоластик (Ритор) – происходил из Маюмы, аванпорта города Газы в Южной Палестине. Его «житие» – это благочестивая дань уважения другу и сокурснику, «святому угоднику» Северу из Созополя (в Писидии). Север был назван Захарией внуком епископа Севера из Созополя. Такой епископ действительно отмечен источниками в 431 г. [Fedalto, 1988, I, p. 263]. Захария должен был знать, что Север имел языческое происхождение [8].

Несмотря на то, что это сочинение носит специфический жанровый характер, оно тем не менее считается ценным историческим источником. Из него мы узнаем о жизни нескольких студентов и одного из выдающихся профессоров права. В этом трактате наиболее подробно среди всех позднеантичных источников характеризуется существование и функционирование Беритской юридической школы в современное автору время и в целом, что дает возможность проследить те изменения, которые произошли с ней в эпоху поздней античности.

Биография Захарии о Севере была первоначально написана на греческом языке, но давно утрачена, однако сохранилась в сирийском переводе [9]. Ученые конца XIX – начала XX века проявили большой интерес к этому необычному документу, который до начала XXI в. все еще в значительной степени игнорировался [Spanuth, 1893; Nau, 1899; Kugener,1904; Collinet, 1925]. В отечественной исторической науке до недавнего времени «Жизнь Севера» почти не привлекала внимания исследователей.

Берит был известен прежде всего как центр юридических исследований и обучения латинскому языку и литературе с III по VI вв. [Липшиц, 1984]. Берит прославился как «самый римский город», полис *«romailkotera»* из греческих городов Востока. Его школа набирала студентов [10], желающих обучаться римскому праву у всемирно известных профессоров. У Либания мы встречаем следующие эпитеты в адрес Берита, πανκάλη [pankale] – «всепрекрасный» и καλλίστη πόλις [kalliste polis] – «прекраснейший город», Берит – «мать законов» – νόμων μητέρα [nomon metera]. У Григория Назианзина мы встреча-

[8] О родословной Севера см. [Brock, Fitzgerald, 2013, p. 3].

[9] Сирийский текст объемом около пятидесяти печатных страниц был дважды отредактирован и 5 раз издан. Один раз в переводе на латынь (только отдельные отрывки), два раза на французский язык (полный текст) и дважды на английский (полностью – [Ambjörn, 2008; Brock, Fitzgerald, 2013]). Важные частичные переводы с сирийского на английский были сделаны Фрэнком Тромбли и Робином Дарлингом Янгом [Young, 1990]. Полный французский перевод «Vie de Severe» осуществил М.А. Кугенер [Kugener,1904].

[10] Известность Берита во многом была следствием важности его школы. Студенты прибывали в Беритскую юридическую школу из самых разных мест всей империи, преимущественно из восточных провинций, включая Анатолию, Египет и Армению. Они приезжали также и с Запада – из Рима, Иллирии [MacAdam, 2001, p. 209; Collinet, 1925, p. 243].

ем косвенные упоминания о Берите как «знаменитом городе приятной Финикии, месте действия римских законов» [11]. Захария Схоластик повторил фразу «мать законов», употребленную Либанием, но немного перефразировал ее в «кормилицу законов».

В городе Берите, наряду с богатыми земледельцами и духовенством, большим авторитетом пользовались профессора права и их студенты, связанные с государственным управлением.

Выходцы из Беритской высшей юридической школы являлись авторами наиболее известных позднеантичных комментариев и схолий к древнеримским юристам и законоведам: Гаю, Ульпиану, Папиниану, Павлу [Липшиц, 1976, с. 23]. Там же существовал и издательский центр. В работе Линды Хэлл [Hall, 2005, p. 36] доказывается, что некоторые рукописи юридических текстов были скопированы именно в Берите либо рабами профессоров права, либо другими переписчиками, которые, возможно, работали на книготворцев, государство или школы. О переписке книг, правда, языческого содержания, мимоходом упоминает и сам Захария (Zach. VS, 88).

Жалованье профессорам права платили сами их студенты, о чем свидетельствует переписка Либания [12]. Однако вполне вероятно, что некоторые профессора были назначены городским советом или правительством и таким образом являлись наемными работниками. Во всяком случае, на экономику Берита оказало влияние присутствие многих молодых людей. Такие студенты приводили с собой в город рабов, они могли покупать книги, посещать общественные увеселительные заведения. Студенты варьировались по богатству и социальному статусу – от сыновей сенаторской семьи из Константинополя до сыновей из простой провинциальной семьи.

В прологе к «Жизни Севера» упоминается, что дружба между Захарией и Севером возникла во время их первоначального обучения в Александрии. После смерти отца Севера его овдовевшая мать послала его с двумя братьями, которые были старше его, в Александрию, изучать грамматику и риторику [13], как греческую, так и латинскую [14]. У большинства грекоязычных студентов были трудности в понимании латыни, и преподавателям приходилось специально решать эту проблему [Markopoulos, 2013, p. 32]. Латынь, как и прежде, была главным средством продвижения по службе в поздней античности. Но ее использование на грекоязычном Востоке империи было ограничено сферой государственной службы, судопроизводством и армией (в муниципальном самоуправлении греческий был разрешен с середины V в.).

Итак, Захария прибыл в Александрию, как и Север, для изучения грамматики и риторики (Zach. VS, 8–9). Север, вместе со своими с братьями, поступил учиться к софисту Иоанну, прозванному Семиографом, а затем к Сопатру (Zach. VS, 9) [15]. Случилось так, что в то время Захария тоже посещал курсы этого учителя.

Во время обучения Захарии и Севера в Александрии произошла их первая встреча. Захария и некоторые из его сокурсников восхищались любовью Севера к науке, а также

---

[11] Григорий Назианзин (328–389 гг.) – уроженец Каппадокии, известен в церковной традиции под именем Богослова, был включен церковью (вместе с Василием Кесарийским и Иоанном Златоустом) в число трех особо почитаемых «святителей». Григорий получил блестящее светское образование, увенчавшееся после школ Каппадокии, Кесарии Палестинской и Александрии десятилетним обучением в Афинах в высшей школе риторики.

[12] Письма Либания свидетельствуют о том, что образование стоило немалых денег. Новые переводы тематических выборок из его многотомной переписки: [Bradbury, 2004; Cribiore 2007, p. 233–321].

[13] Грамматика, риторика и в меньшей степени философия требовались от всех поступающих в качестве предварительных условий для изучения права. Поэтому для приобретения данных знаний сначала отправлялись в такие школы, зачастую в Александрию. Студенты, не знающие латинского языка, начинали обучение с изучения перевода на греческий язык подручных юридических текстов. Эти указатели стали постоянным элементом учебной программы. О базовых элементах enkuklios paideia: [Watt, 2010].

[14] О латинском языке в Восточной Римской империи: [Rochette, 1997; Cameron Av., 2009, p. 15–36].

[15] Сопатр был широко известен как искусный ритор.

его деликатностью. Они были удивлены, увидев, как за короткий промежуток времени Север проявил себя, добросовестно изучая теоретические труды и практические рекомендации старых риторов, стремясь подражать их блестящему стилю. Отвратившись ото всех зрелищ и развлечений, Север целиком посвятил себя учению. Вместе с Захарией они стали в дальнейшем изучать сочинения Либания, Василия и Григория в сравнительном аспекте (Zach. VS, 10–11).

Север на год ранее Захарии окончил обучение в Александрии и уехал в Берит, поступив в юридическую школу осенью 486 или 487 г. Отправляясь в Финикию, Север побуждал Захарию поехать с ним, однако Захария отказался, ссылаясь на то, что ему нужно еще некоторое время, чтобы изучить еще многие сочинения риторов и философов. Через год в Берит прибывает и Захария с целью изучения гражданского права, заинтересованный в юридической профессии для последующего поступления на государственную службу. Захария записался на курс Леонтия, сына Евдокия, который в то время был наиболее авторитетным профессором права и «был известен всем, кто имел какое-либо отношение к законам» (Zach. VS, 62) [16]. Из этой главы мы узнаем, что «большая школа» в Берите делилась на ряд более мелких «школ», связанных с тем или иным преподавателем; по сути, это представляет собой аналог современных кафедр. В сочинении Захарии такая малая школа называется «домом»: «Это был шестой день недели, называемый пятницей, когда почти все другие профессора имели обыкновение проводить свои уроки и лекции, каждый в своем собственном доме» (Zach. VS, 26). Здесь мы, несомненно, можем увидеть продолжение античной традиции личного (и даже частного) характера ученичества у конкретного учителя.

Прибыв в Берит, Захария отмечает, что он здесь не подвергся большинству традиционных студенческих неформальных обрядов и ритуалов, которыми «посвящали в студенты» «первокурсников». Такие обряды не носили издевательского характера, а просто создавали повод повеселиться для старших членов корпорации. Тот факт, что Захария избежал подобных обрядов, несомненно, отчасти объясняется его дружбой с Севером, к тому времени студентом второго курса, уже знакомым с академической и культурной атмосферой города (Zach. VS, 62). Покровительство студента более старшего курса было важным обстоятельством для новичка в корпоративной культуре школы.

Захария первые несколько дней провел, знакомясь с достопримечательностями ранневизантийского Берита. Портовый район, рядом с которым располагалась школа, был естественной достопримечательностью, там не было борделей и таверн, от которых Захария строго предостерегал будущего Патриарха Антиохийского, деловито занимающегося внеаудиторной деятельностью (Zach. VS, 66). Студенты, по-видимому, часто предавались мирским утехам, которые друг Севера, «первокурсник» Захария, считал совершенно нехристианскими и недопустимыми. Развлечений для таких мирских студентов и язычников в городе было много: ставки на «синих» или «зеленых» на ипподроме были из самых популярных. Были также представления в театрах дорогие спектакли в амфитеатрах. С такими развлечениями строгости юридической школы казались менее обременительными. Север поспешил доказать Захарии, что такими делами в принципе не занимается, но в то же время ответил, что полным монахом он быть также не может (Zach. VS, 67).

В Беритской школе полностью сохранилось преподавание на латинском языке и строгая римская система обучения, основанная на усвоении понятий и терминологии древнеримских юристов, что способствовало самоидентификации студентов, а в последующем – и их продвижению по государственной и церковной иерархии [Болгова, Болгов, 2013].

---

[16] Конечно, тогда, как и сейчас, хорошо известный преподаватель привлекал студентов не меньше, чем учреждение, с которым он был связан. Так, возможно, было и с Леонтием, и двумя его самыми знаменитыми учениками в 490-х гг. Захарией и Севером (Zach. VS, 62).

Реформа законодательства и регламентация обучения праву была проведена при императоре Юстиниане в VI веке [Тюнина, 2018]. В конституции «Omnem» был утвержден порядок обучения и прохождения материала по годам (Just. Dig. Const. Omn. praef., 1–6) [Кофанов, 2002].

Юридический факультет работал пять с половиной дней в неделю, с утра понедельника до полудня субботы. Первокурсников называли *«dipondii»*, что лучше всего переводится как «новички». Студенты второго курса много времени уделяли чтению книги Ульпиана «Libri ad Edictum», и поэтому их называли *«ediktalioi»* [17]. Студенты третьего курса были прозваны *«papinianistae»* за их усилия по интерпретации комментариев Папиниана. Четвертый год был отдан изучению других комментариев, вышедших из-под пера юриста Павла. Прозвище, которое студенты получили за это, было *«lytai»*. Точное значение этого греческого термина вызывает некоторые споры, но оно, по-видимому, равнозначно латинскому *«solutores»*, то есть «решатели» (юридических дел) [18]. Те студенты, которые пережили первые четыре года и выбрали дополнительный пятый, были известны как *«prolytai»* [Липшиц, 1976, с. 91].

Академические дни студентов-юристов были разделены между частным обучением и «классическим» дискуссионным. Утро было посвящено индивидуальному чтению [19]. Занятия в аудиториях или в зале суда на территории школы проводились во второй половине дня. Метод обучения был традиционным: чтение и толкование отрывков или слов, которые считались необходимыми для полного понимания конкретного текста закона [Киселева, 2018] [20].

В обязанности таких преподавателей, как Леонтий, входило отбирать текст, вести дискуссии и, когда это было уместно, представлять мнение других выдающихся юристов, чьи труды к тому времени считались классическими. Во время комментариев преподавателей студенты должны были делать записи, которые затем использовались для домашней подготовки [21].

Благодаря системе подготовки и изучению римских классиков ранневизантийские юристы достигали необычайной тонкости толкования законов, позволявшей им во всех деталях толковать перипетии судебного казуса и принимать наиболее справедливое решение, учитывающее все нюансы [Липшиц, 1984]. Именно такая традиция сохранялась в Берите.

В целом право этого времени все больше интересовалось вопросами религии. Само начало кодификации законов Юстиниана указывает на его религиозную мотивацию при составлении законов. Многие из прошедших юридическую подготовку в Берите впоследствии сменили свою роль юриста на религиозную деятельность. Север, чья биография так много говорит нам о жизни студентов-юристов в Берите, является в этом плане весьма репрезентативной фигурой, как и его биограф Захария Митиленский. Многие церковные историки прилагают к своим именам титул Схоластика; не исключением стал и сам Захария.

---

[17] Это были базовые элементы enkuklios paideia, о которых (в связи с сирийским языком): [Watt, 2010].

[18] Информацию о программе обучения в течение четырех лет или, возможно, пяти лет см. [Collinet, 1925, p. 223–243].

[19] Известно, что каждый студент имел базовую библиотеку из шести книг, предположительно выдержки из юридических документов, в общей сложности 60 000 строк текста. Они могли быть расположены в параллельных колонках латинского и соответствующего греческого перевода (двуязычные комментарии) [MacAdam, 2001, p. 209]

[20] В конце V в. учебная программа была расширена и включала в себя философию. В работе Захарии термин «христианская жизнь» часто упоминается как «философская жизнь», и этот термин был особенно любим Захарией. Для более углубленного постижения права в контексте христианского образа жизни был создан кружок филопонов (трудолюбов) (Zach. VS, 27). Они же боролись с остатками язычества в городе в качестве добровольных общественных активистов.

[21] Захария сообщает нам, что он составил заметки для студентов, поступающих в Беритскую школу. Неизвестно, было ли это обычной практикой, или Захария посчитал такой акт необходимым для благочестивого христианина [Wypszycka, 1996, p. 257–278].

Таким образом, можно установить факт переплетения религиозной практики и юридической подготовки. Но важную роль при этом продолжало играть классическое римское право и традиции античной юридической образовательной системы: преподавание на латинском языке, чтение и комментирование древних юристов, деление на несколько курсов, ежедневные занятия в аудиториях. Новшеством же стало христианское мировоззрение большинства студентов.

Список литературы

1. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2013. Позднеантичный Берит в Финикии и его юридическая школа. В: Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Воронеж, ВГУ, 306–311.

2. Липшиц Е.Э. 1976. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., Наука, 232.

3. Липшиц Е.Э. 1984. Юридические школы и развитие правовой науки. В: Культура Византии IV – первая половина VII вв. М., Наука, 360–367.

4. Киселева Ю.П. 2018. Профессора права в Ранней Византии. В: Классическая и византийская традиция. 2018. Белгород, 335–338.

5. Кофанов Л.Л. (ред.). 2002. Дигесты Юстиниана. М., Статут, 584.

6. Тюнина О.С. 2018. Политика Юстиниана Великого в отношении школ права. В: Классическая и византийская традиция. 2018. Белгород, 338–343.

7. Ambjörn L. 2008. The Life of Severus by Zachariah of Mytilene. Piscataway, N.J., 123.

8. Bradbury S. 2004. Selected Letters of Libanius. Liverpool, UP, 289.

9. Brock S., Fitzgerald B., 2013. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch. Liverpool, UP, 175.

10. Cameron, Av. 2009. Old and New Rome: Roman studies in sixth-century Constantinople. In: P. Rousseau and M. Papoutsakis (eds). Transformations of Late Antiquity. Essays for Peter Brown (Farnham), 15–36.

11. Collinet P. 1925. Histoire de l’École de Droit de Beyrouth. Paris, Recueil Sirey, 333.

12. Cribiore R. 2007. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, UP, 360.

13. D’Alton J., Youssef Y. (eds.). 2016. Severus of Antioch. His Life and Times. Leiden; Boston, Brill, XIII, 201.

14. Destephen S. 2008. Prosopographie chrétienne du Bas-Empire, 3. Diocèse d’Asie. Paris, 325–641.

15. Fedalto G. 1988. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Vol. I–II. Padua, 1208.

16. Garitte G. 1966. Textes hagiographiques orientaux rélatifs à saint Léonce de Tripoli, II. L’homélie copte de Sévère d’Antioche. Paris, Le Muséon, 79, 335–386.

17. Hall L. 2005. Roman Berytus. Beirut in Late Antiquity. London, Routledge, 375.

18. Kugener M. 1904. Vie de Sévère par Jean de Beth Aphtonia. Patrologia Orientalis, t. 2.3, 187.

19. MacAdam H.I. 2001/02. Studia et circenses: Beirut’s Roman Law School in its colonial, cultural context. Aram, 13/14, 193–226.

20. Markopoulos A. 2013. In search for «Higher Education» in Buzantium. In: Зборник радова Византолошког института [Zbornik radova Vizantoloshkog instituta]. 50, 29–44.

21. Nau F. 1899. Vie de Sévère patriarche d’Antioche. Revue de l’Orient chrétien, 4, 543–571.

22. Rochette B.1997. Le latin dans le monde grec. Brussels, P., 423.

23. Spanuth M. 1893. Das Leben des Severus von Antiochien in syrischer Übersetsung. Göttingen, 216.

24. Watt J. 2010. Rhetoric and Philosophy from Greek into Syriac. Farnham, Ashgate, 330.

25. Wypszycka E. 1996. Études sur le christianisme dans l’Égypte de l’Antiquité tardive. Rome, Edizione, 452.

26. Young R.A.D. 1990. Zacharias: The Life of Severus: Introduction and Translation. In: Ascetic Behavior in Gréco-Roman Antiquity: A Sourcebook. Minneapolis, Fortress Press, 312–328.

References

1. Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2013. Pozdneantichnyj Berit v Finikii i ego juridicheskaja shkola [Late Antique Beirut in Phoenicia and his law school]. In: Gosudarstvo i obshhestvo: vzaimodejstvie i protivostojanie [State and society: interaction and opposition]. Voronezh, Voronezh State University, 306–311.

2. Lipshits, E.E. 1976. Pravo i sud v Vizantii v IV‒VIII vv. [Law and court in Byzantium in the IV‒VIII centuries]. Leningrad, Nauka, 232.

3. Lipshits, E.E. 1984. Juridicheskie shkoly i razvitie pravovoj nauki [Law schools and the development of legal science]. B: Kul'tura Vizantii IV – pervaja polovina VII vv. [Culture of Byzantium IV – first half of VII centuries]. Moscow, Nauka, 360–367.

4. Kiseleva, Yu.P. 2018. Professora prava v Rannej Vizantii [Professors of Law in Early Byzantium]. In: Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2018 [Classical and Byzantine tradition. 2018]. Belgorod, 335–338.

5. Kofanov, L.L. (ed.). 2002. Digesty Justiniana [Digests of Justinian]. Moscow, Statute, 584.

6. Tyunina O.S. 2018. Politika Justiniana Velikogo v otnoshenii shkol prava [The policy of Justinian the Great in relation to the schools of law]. In: Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2018 [Classical and Byzantine tradition. 2018]. Belgorod, 338–343.

7. Ambjörn L. 2008. The Life of Severus by Zachariah of Mytilene. Piscataway, N.J., 123.

8. Bradbury S. 2004. Selected Letters of Libanius. Liverpool, UP, 289.

9. Brock S., Fitzgerald B., 2013. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch. Liverpool, UP, 175.

10. Cameron, Av. 2009. Old and New Rome: Roman studies in sixth-century Constantinople. In: P. Rousseau and M. Papoutsakis (eds). Transformations of Late Antiquity. Essays for Peter Brown (Farnham), 15–36.

11. Collinet P. 1925. Histoire de l’École de Droit de Beyrouth. Paris, Recueil Sirey, 333.

12. Cribiore R. 2007. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, UP, 360.

13. D’Alton J., Youssef Y. (eds.). 2016. Severus of Antioch. His Life and Times. Leiden; Boston, Brill, XIII, 201.

14. Destephen S. 2008. Prosopographie chrétienne du Bas-Empire, 3. Diocèse d’Asie. Paris, 325–641.

15. Fedalto G. 1988. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Vol. I–II. Padua, 1208.

16. Garitte G. 1966. Textes hagiographiques orientaux rélatifs à saint Léonce de Tripoli, II. L’homélie copte de Sévère d’Antioche. Paris, Le Muséon, 79, 335–386.

17. Hall L. 2005. Roman Berytus. Beirut in Late Antiquity. London, Routledge, 375.

18. Kugener M. 1904. Vie de Sévère par Jean de Beth Aphtonia. Patrologia Orientalis, t. 2.3, 187.

19. MacAdam H.I. 2001/02. Studia et circenses: Beirut’s Roman Law School in its colonial, cultural context. Aram, 13/14, 193–226.

20. Markopoulos A. 2013. In search for «Higher Education» in Buzantium. In: Зборник радова Византолошког института [Zbornik radova Vizantoloshkog instituta]. 50, 29–44.

21. Nau F. 1899. Vie de Sévère patriarche d’Antioche. Revue de l’Orient chrétien, 4, 543–571.

22. Rochette B.1997. Le latin dans le monde grec. Brussels, P., 423.

23. Spanuth M. 1893. Das Leben des Severus von Antiochien in syrischer Übersetsung. Göttingen, 216.

24. Watt J. 2010. Rhetoric and Philosophy from Greek into Syriac. Farnham, Ashgate, 330.

25. Wypszycka E. 1996. Études sur le christianisme dans l’Égypte de l’Antiquité tardive. Rome, Edizione, 452.

26. Young R.A.D. 1990. Zacharias: The Life of Severus: Introduction and Translation. In: Ascetic Behavior in Gréco-Roman Antiquity: A Sourcebook. Minneapolis, Fortress Press, 312–328.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дронова Яна Алексеевна, аспирантка кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana A. Dronova, Post-graduate student of the Department of General History of the Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (4) + 94 (5)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-55-64

Религиозные и дипломатические миссии византийских епископов в Сасанидской державе в V–VI вв.

А.О. Куликов
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: kulickoff.aleksander@gmail.com

Аннотация
В данной работе рассматривается феномен религиозного миссионерства, направленного из восточных областей Византии на территорию Сасанидского Ирана. Епископы играли значительную роль не только в проповеди своей религии, но и в политике, выступая в качестве дипломатической силы, налаживающей диалог между соперничающими государствами. Миссионеры зачастую выступали как лидеры тех территорий, которые они представляли, и в общении с сасанидскими царями стремились отстаивать интересы своих земель и защитить свою паству. Западные епископы при общении с епископами Церкви Востока стремились навязать свои представления о христианстве, что особенно ярко проявилось на Селевкийско-Ктесифонском соборе 410 г., когда был принят Никейский символ веры и уменьшены различия в канонах греко-римской церкви и Церкви Востока. Одной из целей религиозных миссий епископов греко-римского (средиземноморского) мира на восток являлся также поиск и сохранение христианских святынь, чем занимался, например, епископ Маруфа Мартиропольский. Кроме того, представители сирийской христианской элиты привозили с собой книги и идеи, которые оказывали влияние на персидский мир. Таким образом, можно сказать, что поездки греческих епископов в Сасанидский Иран были разноплановым и сложным явлением, связанным не только с религией, но также с дипломатией и культурой. Исследование данной проблемы позволяет лучше понять феномен религиозных миграций греческой христианской элиты в другие регионы мира, а также чаяния, потребности и надежды данной части общества Восточно-Римской империи.

Ключевые слова: христианство, православие, Церковь Востока, Сасаниды, Византия, Римская Империя, история дипломатии.

Для цитирования: Куликов А.О. 2021. Религиозные и дипломатические миссии византийских епископов в Сасанидской державе в V–VI вв. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 55–64. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-55-64.

Religious and diplomatic missions of the Byzantine Bishops in the Sassanian empire in the 5th–6Th centuries A. D.

Aleksandr O. Kulikov
N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, National Research University,
23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: kulickoff.aleksander@gmail.com

Abstract. This work studied religious missionary deeds of eastern Byzantine bishops on the territory of Sassanian Iran. Bishops played a significant role not only in the preaching of their religion, but also in politics, acting as a diplomatic force, forging dialogue between rival states. Bishops often acted as the leaders of the territories they represented, and in communication with the Sassanian shahs they sought to defend the interests of their lands and protect their flock. Byzantine bishops, while communicating with the bishops of the Church of the East, sought to impose their ideas about Christianity, which was

especially clearly manifested at the Seleucia-Ctesiphon Council in 410, when the Nicene Creed was adopted and the differences in the canons was reduced. One of the goals of the religious missions of the bishops of the East-Roman (Mediterranean) world to the East was also the search and preservation of Christian relics, which, for example, was done by bishop Marutha of Martyropolis. In addition, the Syrian Christian elite brought with them books and ideas that influenced the Persian world. Thus, the trips of the Greek bishops to Sassanian Iran were a diverse and complex phenomenon associated not only with religion, but also with diplomacy and culture. The study of this issue allows us to better understand the phenomenon of religious migrations of the Greek Christian elite to other regions of the world, as well as the aspirations, needs and hopes of this East Roman Empire social group.

Keywords: Christianity, Orthodoxy, Church of the East, Sassanids, Byzantium, Roman Empire, history of diplomacy.

For citation: Kulikov A.O. 2021. Religious and diplomatic missions of the Byzantine Bishops in the Sassanian empire in the 5th–6Th centuries A. D. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 55–64 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-55-64.

Введение

Религиозные миссии являлись одной из важнейших особенностей раннесредневековой истории. Проповедники, путешествовавшие по всей позднеантичной ойкумене, несли новые знания, новые идеи и новый взгляд на весь мир практически во всех возможных направлениях. Одним из важнейших направлений путешествий византийских епископов был Средний Восток, а именно – раскинувшиеся на его просторах владения Сасанидов. Эти пространства виделись в качестве перспективных как с точки зрения проповеди, так и с точки зрения политики. Кроме того, западные земли Сасанидской державы, населенные арамеоязычным населением, были культурно и этнически близки населению восточных областей Римской империи, в частности Сирии, что облегчало как проповедь, так и переговорный процесс.

Источники по данной теме представлены в первую очередь христианской религиозной литературой и в меньшей степени литературой светской. Значительное число вопросов, связанных с историей церкви Востока и её связью с церковью средиземноморского региона, можно почерпнуть из Сирийского Восточного Синодикона [Synodicon Orientale, 1902], сборника материалов Ктесифонского собора. Значительная информация содержится в сирийской историографии, одной из самых ярких компиляций которой является «Хроника Сеерта», текст которой был написан на арамейском и затем переведен на литературный арабский. В дальнейшем он был подвергнут редакции Мара Аддая Шера, халдейского архиепископа Сеерта, и опубликован в виде нескольких отрывков с параллельным французским переводом в серии Patrologia Orientalis с 1910 по 1919 г. [Patrologia Orientalis. Tomus 04, 1908; Patrologia Orientalis. Tomus 05, 1910; Patrologia Orientalis. Tomus 07, 1911; Patrologia Orientalis. Tomus 13, 1919]. Другая группа исторических источников представлена византийской историографией и житиями: сочинениями Сократа Схоластика [Patrologia Graeca, T. 67. 1859; Сократ Схоластик, 1996], Прокопия Кесарийского [Чекалова, 1993], Агафия Миринейского [Левченко, 1953] и другими историческими сочинениями, а также агиографической литературой.

Еще одна группа источников связана с персидской и арабо-мусульманской историографией, самыми яркими и полными текстами которой являются сочинения ат-Табари [Bosworth, 1999] и ибн Мискавейха [Emami, 1379 (2001)]. Характерной чертой этой историографической традиции является негативная характеристика тех сасанидских шахов, которые положительно оцениваются в греческой и сирийской историографической традиции. По всей видимости, данная негативная оценка унаследована от ныне утраченной официальной позиции зороастрийского жречества.

Вопросы, связанные с феноменом религиозного миссионерства и посольств греческих епископов, часто затрагиваются в историографии. Одним из крупных изданий, рассматривавших вопрос истории церкви Востока через призму сирийской историографии, была работа «The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq» [Wood, 2013], в которой автор рассматривал вопрос религиозных миссий в регионе с точки зрения отражения их в христианской сирийской историографии, в первую очередь – в «Хронике Сеерта».

Вопросы, связанные с ментальностью и идентификацией сирийцев Римской империи, рассмотрены в работе «Сирийцы в греко-римском мире» [Andrade, 2013].

Одной из крупных работ, посвященных непосредственно византийско-персидским культурно-дипломатическим связям, является работа П.К. Меттью «The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran» [Matthew, 2009], в которой была проанализирована история римской-персидских отношений. В работе Уорвика Болла «Rome in the East. The Transformation of an Empire» [Ball, 2000] изучены взаимоотношения римлян с восточными соседями и вассалами, способы и пути влияния друг на друга, а также их результаты. Особое место в этой работе занимает изучение римско-персидской границы, восточных городов и изменений, происходивших в ней. Монография А. Джиллета «Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533» [Gillett, 2003] анализирует роль посольств в период с момента создания первых «варварских королевств» на Западе до эпохи Юстиниана, практики и модели римской императорской дипломатической администрации.

В русскоязычной литературе очерки истории церкви Востока рассматриваются в различных книгах и статьях Н.Н. Селезнева, в частности, в книгах «Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк» [Селезнев, 2001] и «Несторий и Церковь Востока» [Селезнев, 2005]. Политические миссии христианских епископов рассмотрены в статьях и диссертации А.В. Пикина [Пикин, 2016; Пикин, 2016; Пикин, 2018].

Тем не менее проблема политических миссий христианских епископов в Сасанидскую державу на данный момент полноценно не изучена. Многие проблемы остаются недостаточно освещенными.

Целью данной статьи является анализ религиозных миссий и путешествий христианских епископов на территорию Сасанидской державы путём выяснения их специфики, причин, целей, хода, деяний и достигнутых результатов.

Основная часть

Христианская община в границах Сасанидской державы имеет долгую историю. Первые христиане в регионе появились еще во времена Парфянского царства. Число христиан росло здесь не только за счет естественных социальных причин, таких как проповеди, экономические и культурные связи, этническая близость населения римской Сирии и персидской Местопотамии, но и за счет пленников, пригоняемых персидскими шахами из захваченных римских городов [Мишин, 2014]. Вероятно, пестрый этнический и культурный характер христианского населения Среднего Востока (арамеи, кавказские народы, принявшие христианство персы и согдийцы, угнанное из Римской империи эллинизированное население) оказал решающее влияние на организацию и структуру церкви Ирана. На культурную и религиозную разницу накладывались также огромные расстояния и гористо-пересеченный ландшафт Персии. Долгое время церковь Востока не могла не прийти к единой организации и форме.

Население востока Римской империи – сирийцы – были этнически и культурно близки населению запада Сасанидской державы, в первую очередь северной Месопотамии, которая, по сути, являлась Восточной Сирией. Их особая этническая индивидуальность в рамках единого общеримского имперского пространства [Andrade, 2013] делала Сирию и сирийцев естественным культурным мостом между Римом и Ктесифоном. Роль

епископов в римской Сирии зачастую усиливалась их особо важной ролью в экономической жизни региона [Пигулевская, 2000, с. 80–82]. Возможно, именно про сирийцев писал Сократ Схоластик, замечая о «частых связях» между римлянами и персами [Patrologia Graeca, T. 67. 1859, p. 751–752; Сократ Схоластик, 1996, с. 273].

Религиозные миссии св. Мария, св. Маруфы Майферкатского в IV–VI вв., а также другие посольства, паломничества и переселения средиземноморских епископов на восток были направлены в первую очередь к этому разобщенному христианскому населению Персии.

Одним из самых первых и ярких примеров проповедников стал сириец св. Марий, живший во II в. и оставивший особо яркий и важный след в истории церкви Востока. Результаты дел, совершенных Марием, можно считать важным вкладом в историю восточного христианства. Согласно поздним (написанным в VI в.) «Деяниям Мария» [Harrak, 2005, p. 110], св. Марий в результате своей проповеди смог обратить в христианство арамеоязычные области в Месопотамии и Ассирии; его религиозная миссия нашла своё завершение в районе Хузистана. Проповедь св. Мария не продвинулась дальше в провинцию Фарс, что является весьма показательным фактом: Хузестан был границей арамеоязычного мира, а за ним, далее на восток, в Фарсе, начинался регион, занятый преимущественно персоязычным населением. По пути Марий столкнулся с христианским населением, обращенными торговцами из Эдессы – города, из которого он сам начал свою миссию [Wood, 2013]. Миссия Мария сумела заложить основы изменений ментальности населения Месопотамии: как замечал сирийский писатель II–III вв. Бардасан Эдесский, христиане стали «новыми людьми», независимыми от языческих обычаев окружавших их народов [Drijvers, 1965, p. 60]. Создавалось новое культурно-религиозное пространство, которое закономерно начало играть важную роль в социальной и политической жизни региона.

Определённую роль в становлении христианской общины Сасанидского Востока сыграли насильственные переселения персами христианских епископов в глубины Сасанидской империи. Например, в 257 г. в город Бет Лапат (Гонди-Шапур) был переселен епископ Димитриан Антиохийский и часть его паствы, что привело к основанию новой епархии [Селезнев, 2001]. Подобная система вносила определённые разногласия: появлялись параллельные церковные структуры местного населения и пригнанных пленников [Селезнев, 2001]. Можно предположить, что средиземноморские пленники привозили с собой новые идеи и книги, которые затем повлияли на развитие персидской философии и науки: чуть позднее Гонди-Шапур стал одним из интеллектуальных центров Среднего Востока, что, как можно предположить, было обеспечено наличием общины пленников из средиземноморского региона.

Роль религиозных проповедников в исследуемую эпоху была велика. Религиозные деятели путешествовали по всему известному миру, проповедуя свое видение христианства по странам и народам. В этом смысле крайне показателен пример проповедника Симеона Бет-Ашамского, который за частую и активную проповедь среди несториан получил характерное прозвище «Спорщик» [Мишин, 2017]. Но при этом стоит понимать, что такую возможность, как использование уважаемых христианских проповедников в политических целях, не могли не использовать государственные власти, а также то, что и сами епископы могли по мере сил и желания участвовать в политической деятельности.

Религиозные миссии проповедника несколько более поздней эпохи, Маруфы Майферкатского, жившего в конце IV – начале V вв., были тесно связаны с временным политическим сближением Рима и Персии в данный исторический период, пришедшийся на эпоху правления шахиншаха Йездигерда.

Начало правления Йездигерда охарактеризовалось расцветом христианства в Иране, что во многом являлось результатом политики самого шаха. Царь приостановил гонения и начал пытаться найти общий язык с христианами, результатом чего стало достаточно лояльное отношение к нему христианских историографов позднего периода

[Wood, 2013, P. 21]. Греческие христианские авторы также положительно оценивали политику Йездигерда. В рамках данного сближения происходили религиозные и дипломатические миссии Маруфы, епископа Мартиропольского, который посетил шахский двор в 399 г. Судя по всему, Маруфа сумел найти общий язык с сасанидской элитой, что отразилось в источниках: сохранились описания того, как Маруфа творил чудеса, с помощью которых сумел обратить шаха на свою сторону [Brock, 2010, P. 306–311]. Например, Сократ Схоластик описывает, как Маруфа смог разоблачить злые замыслы зороастрийских жрецов, а затем сумел избавить сына царя от мучившего его демона [Patrologia Graeca, T. 67. 1859, p. 753–754; Сократ Схоластик, 1996, с. 274]. Важно отметить, что согласно тексту Сократа Схоластика, Маруфа «лечил» царевича не единолично, а совместно с персидским епископом Авдой, что может являться косвенным отражением реальных попыток Маруфы найти компромисс с месопотамскими христианами.

Деятельность Маруфы получила большое отражение как в сирийской, так и греческой историографии, и обросла множеством сведений разной степени правдоподобности [Пикин, 2018]. Несомненно, лояльность сасанидских властей имела свои границы, но намеков на резкое отторжение со стороны шаха в источниках не имеется. Примечательно, что параллельно в персидской и арабо-мусульманской традиции Йездигерд характеризуется как «гнусный», «грешник», а его деятельность оценивается в сугубо негативных коннотациях, что наиболее подробно отражает «История Пророков и Царей» ат-Табари [Bosworth, 1999, P. 848–854].

Кроме того, одной из политических целей Маруфы, возможно, было достижение договоренностей о легитимизации молодого императора Феодосия путем усыновления его персидским шахом. Данная гипотеза, основанная лишь на поздних сообщениях Прокопия и скептически относящегося Агафия Миринейского, не поддерживается рядом исследователей [Пикин, 2018]. Учитывая полностью религиозную повестку посольств Маруфы, представляется маловероятным обсуждение на них столь серьезного чисто политического вопроса, как усыновление одного государя другим при отсутствии на переговорах представителей византийской светской власти. Если подобные заявления и исходили из Константинополя через Маруфу, то они явно ничем не закончились: процесс усыновления как в римской, так и персидской традиции требовал проведения определенных ритуалов, о проведении которых никаких сведений не имеется [Куликов, Ващева, 2018].

Одним из самых ярких итогов деятельности Маруфы стал созыв церковного собора 410 г. и достижение нескольких договорённостей римлян и персов [Wood, 2013, p. 21]. Кроме того, епископу было позволено вывезти с собой мощи мучеников, пострадавших во время гонений при предыдущих шахах, которые он по приказу византийского императора разместил в «Городе мучеников» Мартирополе [Greatrex, Lieu, 2002, p. 31].

Собор в Ктесифоне также был созван не только с религиозными целями, но и для урегулирования нестабильности на римско-персидской границе. После заключения договора в 399 г. Маруфа совершил визит в 402 г. в контексте переговоров между императором Аркадием (395–408 гг.) и персами. Результатом переговоров стал уклон Йездигерда к религиозной терпимости. Новый визит 409 г. имел целью решение внутренних проблем в месопотамской церкви [Wood, 2013, p. 2].

На церковном соборе закреплялась существующая дипломатическая ситуация. Интересно, что в документах, кроме традиционных славословий в адрес шаха и Исхака, лидера месопотамской церкви, Маруфа упоминается в качестве «посредника мира между Востоком и Западом» [Synodicon, 18–19]. Кроме него зафиксировано присутствие епископов сириоязычных регионов римского мира: Антиохии, Алеппо, Эдессы, Теллы, Амиды, митрополитов Нисибиса, Адиабены, Бет-Гармая, Хузистана, Майшана.

На церковный собор в Ктесифоне Маруфа доставил послания от западных епископов, таких как Порфирий Антиохийский, Акакий Алеппский, Пакида Эдесский, Евсевий Теллский и Акакий Амидский [Селезнев, 2001], представив их в самоличном переводе

[Пикин, 2018]. В этом письме христиане Сасанидского Ирана призывались к признанию постановлений Никейского собора и Никейского символа веры, единоообразию в календаре и упорядочиванию системы управления религиозными епархиями. В рамках планируемого сближения двух церквей произошел визит на территорию Восточной Римской империи католикоса Мар Ябалаха I в 417/18 г., целью которого было заключение «мира и примирение двух империй» [Greatrex, Lieu, 2002, p. 36]. В «Хронике Сеерта» сообщается, что епископ Ябаллаха был выбран для дипломатических переговоров с римлянами после приема посольства Акакия Амидского, в ходе которых получил подарки от Феодосия II, которые были затем были использованы для строительства и восстановления церквей [Wood, 2013, p. 35].

Через несколько лет, в 419/20 г., епископ Акакий Амидский присутствовал на втором соборе Персидской церкви в городе Вех-Ардашире. Второй визит Акакия в 420 г. был приурочен к созыву вышеупомянутого собора, на котором епископ прочитал приветственное письмо и предложил персидским христианам принять каноны средиземноморской церкви.

Таким образом, дипломатические миссии епископов стали источником для получения пожертвований от византийской церкви и явились дипломатическим, культурным и религиозным мостом между Империей и Сасанидским Ираном, Церковью Константинополя и Церковью Востока. Организация католикосата, организация церковных соборов и культ мучеников в начале V в. во многом были определены влиянием римско-византийской церкви и её представителей.

Сближение византийского и восточного христианства начало терять темпы после загадочной смерти шаха Йездигерда, погибшего при невыясненных обстоятельствах. Новый правитель, Бахрам V Гур (420–439 гг.), начал вести активную антиримскую и антихристианствую политику. Однако и в этот период связи не угасают полностью.

Позднее, в конце VI в., в этом процессе также участвовал епископ Мелитинский Дометиан, посланный императором для решения вопроса помощи принцу Хосрову, будущему Хосрову II Парвизу. Как писал по этому поводу Феофан: «В этом году (т. е. 6081 С. М., 582 Р. Х.) царь Маврикий усыновил Хозроя, царя персов, и послал к нему своего родственника Дометиана, епископа Мелитинского, вместе с Нарсесом, поручив сему последнему предводительство на войне» [Летопись византийца Феофана, 1884]. Епископ должен был исполнял роль посла самого высокого уровня. Однако при этом сложно сказать, какие полномочия и обязанности были возложены на епископа.

В случаях, когда появлялась непосредственная угроза пастве, епископы спешили встретиться с сасанидскими царями напрямую. Обычно это происходило во время персидских вторжений в границы Восточной Римской империи. Показателен пример, когда Хосров Ануширван в 540 г. уничтожил Сурон [Greatrex, Lieu, 2002], после чего за пленённых жителей города заступился епископ Сергиопольский Кандид, начавший переговоры с шахом. Переговоры закончились на том, что Кандид принял условия Хосрова, заключавшиеся в согласии освободить жителей за выкуп в 2 кентинария, после чего начал энергично собирать сумму по всей округе. В этой же кампании антиохийцев представляло посольство во главе с епископом Мегасом, предлагавшим шаху выкуп [Дмитриев, 2008]. Хосров настаивал на сумме в размере 10 кентинариев, что воспринималось антиохийцами как неподъемная сумма. Переговоры не привели ни к каким результатам, город был взят, а пленные жители города были угнаны в Персию. Мегас, поправ свое достоинство, просил Хосрова освободить пленных жителей Верои.

Заключение

Описанные ситуации показывают, что епископы не просто брали на себя дипломатические миссии и выполняли роль послов, но и представляли свою общину в качестве практически самостоятельных лидеров. В сложных ситуациях, когда государственная

власть исчезала, они олицетворяли находившуюся в их ведении религиозную и территориальную общину. Вероятнее всего, данные действия епископов не были согласованы с Константинополем и являлись проявлением самостоятельной инициативы, созданной критической ситуацией.

Путешествия епископов средиземноморского мира в Иран начались ещё во II в. и пик данного явления пришёлся на V век. Уже с последующего столетия связи начали распадаться и их значение резко упало, что можно объяснить внешнеполитическим переориентированием персидских царей и заметным замыканием несторианской общины на самой себе: начинает формироваться собственная, обособленная теология и культурная традиция несторианской церкви, все дальше отходящая от канонов и практик греческой церкви. С V в. римские епископы в Персии всё меньше занимались проповедью и больше политикой. В то же время в случае прямой опасности епископы сами вступали в переговоры с шахами, минуя получение на это одобрения со стороны своего императора. Однако даже во время наибольшей их активности самой крайней точкой, посещаемой сирийскими епископами, стал Гонди-Шапур в Эламе и западные районы Фарса. В основном, главной целью их были города Месопотамии и Ассирии.

Можно прийти к выводу, что чаще всего в пределы Персии из Восточно-Римской империи ехали сирийские священники – в первую очередь потому, что они не испытывали языковых и культурных препятствий на западной территории Сасанидской Персии, населённой, в основном, этнически близким им арамеоязычным населением (восточным сирийцам). Восточная Сирия стала культурным и дипломатическим мостом между Константинополем и Ктесифоном в этот период. Выступления представителей элиты христианской церкви в качестве дипломатов являлись традицией, характерной для всей истории христианства, особенно в период раннего Средневековья.

Вероятно, сирийские духовные лица, не связанные напрямую с государственной системой и обладавшие большим авторитетом, одновременно удаленные как от императорского, так и от шахского двора, стали самыми удобными фигурами в римско-персидском дипломатическом процессе. Христианские общины на территории Сасанидского Ирана были достаточно влиятельными меньшинствами, и выбор в качестве посла христианского лидера был способом воздействовать на персидские элиты не только прямым, но и косвенным путём, воздействуя на общину иранских христиан. В определенные периоды истории христианское священство, имевшее большие связи, было уважаемо персидскими властями. В ряде ситуаций христианские епископы играли роль дипломатов и переговорщиков. Контакты при посредничестве сирийских священников были весьма частым явлением своего времени и происходили с достаточной регулярностью.

Список литературы

1. Дашков С.Б. 2008. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., СМИ-Азия, 356.
2. Дмитриев В.А. 2008. Всадники в сверкающей броне. СПб., Петербургское востоковедение, 259.
3. Куликов А.О., Ващева И.Ю. 2018. Попытка усыновления Хосрова Ануширвана императором Юстином в контексте византийско-персидских отношений. Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Т. 45. 2: 227–234.
4. Левченко М.В. 1953. Агафий. О царствовании Юстиниана. М. – Л., изд-во Академии наук СССР, 232.
5. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. 1884. М., Университетская типография, 374.
6. Мишин Д.Е. 2014. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М., ИВ РАН, 696.
7. Мишин Д.Е. 2017. История государства Лахмидов. М., ООО «Садра», 448.

8. Пигулевская Н.В. 2000. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., Институт Востоковедения РАН, 760.

9. Пикин А.В. 2016. К вопросу о типологии посольских миссий в V веке. Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Т. 38. 8 (229): 38–43.

10. Пикин А.В. 2016. Политические миссии церковных деятелей в системе посольского взаимодействия конца IV – первой четверти VI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. Иваново, ИГУ, 195.

11. Пикин А.В. 2018. Так называемое завещание императора Аркадия и посольство Маруфы Майферкатского. Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 10: 53–60.

12. Селезнев Н.Н. 2001. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М., АЦВ, 105.

13. Селезнев Н.Н. 2005. Несторий и Церковь Востока. М., Путь, 111.

14. Сократ Схоластик. 1996. Церковная история. М., РОССПЭН, 368.

15. Чекалова А.А. 1993. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., Наука, 578.

16. Andrade N.J. 2013. Syrian identity in the Greco-Roman world. Cambridge University Press, 436.

17. Ball W. 2000. Rome in the East. The Transformation of an Empire. London, New York, Routledge, 544.

18. Bosworth C.E. 1999. History of al-Tabari. Vol. 5. The Sasanids, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen. Albany, NY, State University of New York Press, 458.

19. Brock S. 2010. A fragment from a Syriac life of Marutha of Martyropolis. Analecta Bollandiana. Vol. 128. Bruxelles: 306–311.

20. Drijvers J.-W. 1965. Bardaisan. The Book of the Laws of Countries: A Dialogue on Fate by Bardaisan of Edessa. Assen, Van Gorcum & Comp., 233.

21. Emami A. 1379 (2001). Ibn Miscawayh. Tajarib al-Umam. V. 1. Tehran: Soroush Press: 595 (in Arabian).

22. Gillett A. 2003. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge, Cambridge University Press, 335.

23. Greatrex G., Lieu S.N.C. 2002. Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II. A. D. 363–630. A Narrative Sourcebook. London, New York, Routledge, 406.

24. Harrak A. 2005. The Acts of Mār Mārī the Apostle. Writings from the Greco-Roman World, no. 11. Atlanta, Society of Biblical Lit., 110.

25. Matthew P.C. 2009. The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 456.

26. Patrologia Graeca, T. 67: Socrates, Historia Ecclesiastica; Sozomen, Historia Ecclesiastica. 1859. Paris, ex. et ven. apud J.-P. Migne (ed.), 30–842.

27. Patrologia Orientalis. Tomus 04: Duval R., Wessely C., Mgr. Scher A., Perier J., Nau F., Bousquet J., Goodspeed E.-J., Crum W.E. 1908. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 213–313.

28. Patrologia Orientalis. Tomus 05: Evetts B., Mgr. Scher A., Dib P., Bayan G., Max de Saxe (le prince S.A.R.), Vasiliev A., Leroy L., Nau F. 1910. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 217–344.

29. Patrologia Orientalis. Tomus 07: Mgr. Scher A., Guidi I., Vasiliev A.A., Brooks E.-W. 1911. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 84–203.

30. Patrologia Orientalis. Tomus 13: Grebaut S., Nau F., Asin M. et Palacios, S.G. Mgr. Addai Sher, Griveau Robert, Pereira E. 1919. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs, 333–639.

31. Synodicon Orientale. 1902. Paris, Imprimerie Nationale, 698.

32. Wood Ph. 2013. The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq. Oxford: Oxford University Press, 320.

References

1. Dashkov S.B. 2008. Tsari tsarey – Sasanidy. Iran III–VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniyakh [Kings of kings – Sassanids. Iran III–VII centuries in legends, historical chronicles and modern studies]. M., SMI-Aziya, 356.

2. Dmitriyev V.A. 2008. Vsadniki v sverkayushchey brone [Riders in Glittering Armor]. SPb, Peterburgskoye vostokovedeniye, 259.

3. Kulikov A.O., Vashcheva I.Yu. 2018. Popytka usynovleniya Khosrova Anushirvana imperatorom Yustinom v kontekste vizantiysko-persidskikh otnosheniy [Attempt to adopt Khosrov Anushirvan by Emperor Justin in the context of Byzantine-Persian relations]. Nauchnye vedomosti BelGU [Scientific Bulletin of BelSU]. Seriya Istoriya. Politologiya. T. 45. 2: 227–234.

4. Levchenko M.V. 1953. Agafiy. O tsarstvovanii Yustiniana [Agathius. On the reign of Justinian]. M. – L., izd-vo Akademii nauk SSSR, 232.

5. Letopis' vizantiytsa Feofana ot Diokletiana do tsarey Mikhaila i syna yego Feofilakta [Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to tsars Michael and his son Theophylact]. 1884. M., Universitetskaya tipografiya, 374.

6. Mishin D.Ye. 2014. Khosrov I Anushirvan (531–579), yego epokha i yego zhizneopisaniye i poucheniye v istorii Miskaveykha [Khosrov I Anushirvan (531–579), his era and his biography and teaching in the history of Miskaveikh]. M., IV RAN, 696.

7. Mishin D.Ye. 2017. Istoriya gosudarstva Lakhmidov [History of the Lakhmids state]. M., OOO «Sadra», 448.

8. Pigulevskaya N.V. 2000. Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody [Syrian medieval historiography. Research and translations]. SPb., Institut Vostokovedeniya RAN, 760.

9. Pikin A.V. 2016. K voprosu o tipologii posol'skikh missiy v V veke [On the question of the typology of embassy missions in the 5th century]. Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Bulletin of BelSU]. Seriya: Istoriya. Politologiya. T. 38. 8 (229): 38–43.

10. Pikin A.V. 2016. Politicheskiye missii tserkovnykh deyateley v sisteme posol'skogo vzaimodeystviya kontsa IV – pervoy chetverti VI veka [Political missions of church leaders in the system of ambassadorial interaction at the end of the 4th – first quarter of the 6th century]. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk po spetsial'nosti 07.00.03 [Dissertation for the degree of candidate of historical sciences in specialty 07.00.03]. Ivanovo, IGU, 195.

11. Pikin A.V. 2018. Tak nazyvayemoye zaveshchaniye imperatora Arkadiya i posol'stvo Marufy Mayferkatskogo [The so-called testament of Emperor Arcadius and the embassy of Marufa of Mayferkat]. Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya [Cursor Mundi: a man of Antiquity, Medieval and Renaissance]. 10: 53–60.

12. Seleznev N.N. 2001. Assiriyskaya Tserkov' Vostoka. Istoricheskiy ocherk [Assyrian Church of the East. Historical sketch]. M., ATSV, 105.

13. Seleznev N.N. 2005. Nestoriy i Tserkov' Vostoka [Nestorius and the Church of the East]. M., Put', 111.

14. Sokrat Skholastik [Socrates Scholastic]. 1996. Tserkovnaya istoriya [Church history]. M., ROSSPEN, 368.

15. Chekalova A.A. 1993. Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya [Procopius of Caesarea. War with the Persians. War with the vandals. Secret history]. M., Nauka, 578.

16. Andrade N.J. 2013. Syrian identity in the Greco-Roman world. Cambridge University Press, 436.

17. Ball W. 2000. Rome in the East. The Transformation of an Empire. London, New York, Routledge, 544.

18. Bosworth C.E. 1999. History of al-Tabari. Vol. 5. The Sasanids, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen. Albany, NY, State University of New York Press, 458.

19. Brock S. 2010. A fragment from a Syriac life of Marutha of Martyropolis. Analecta Bollandiana. Vol. 128. Bruxelles: 306–311.

20. Drijvers J.-W. 1965. Bardaisan. The Book of the Laws of Countries: A Dialogue on Fate by Bardaisan of Edessa. Assen, Van Gorcum & Comp., 233.

21. Emami A. 1379 (2001). Ibn Miscawayh. Tajarib al-Umam. V. 1. Tehran: Soroush Press: 595 (in Arabian).

22. Gillett A. 2003. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge, Cambridge University Press, 335.

23. Greatrex G., Lieu S.N.C. 2002. Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II. A. D. 363–630. A Narrative Sourcebook. London, New York, Routledge, 406.

24. Harrak A. 2005. The Acts of Mār Mārī the Apostle. Writings from the Greco-Roman World, no. 11. Atlanta, Society of Biblical Lit., 110.

25. Matthew P.C. 2009. The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran. Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 456.

26. Patrologia Graeca, T. 67: Socrates, Historia Ecclesiastica; Sozomen, Historia Ecclesiastica. 1859. Paris, ex. et ven. apud J.-P. Migne (ed.), 30–842.

27. Patrologia Orientalis. Tomus 04: Duval R., Wessely C., Mgr. Scher A., Perier J., Nau F., Bousquet J., Goodspeed E.-J., Crum W.E. 1908. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 213–313.

28. Patrologia Orientalis. Tomus 05: Evetts B., Mgr. Scher A., Dib P., Bayan G., Max de Saxe (le prince S.A.R.), Vasiliev A., Leroy L., Nau F. 1910. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 217–344.

29. Patrologia Orientalis. Tomus 07: Mgr. Scher A., Guidi I., Vasiliev A.-A., Brooks E.-W. 1911. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 84–203.

30. Patrologia Orientalis. Tomus 13: Grebaut S., Nau F., Asin M. et Palacios, S.G. Mgr. Addai Sher, Griveau Robert, Pereira E. 1919. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs, 333–639.

31. Synodicon Orientale. 1902. Paris, Imprimerie Nationale, 698.

32. Wood Ph. 2013. The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq. Oxford: Oxford University Press, 320.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликов Александр Олегович, аспирант кафедры средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. И.И Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr O. Kulikov, postgraduate student of the Department of Medieval Civilizations of the National Research Nizhegorodskiy State University named after I.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(393); 94(479); 569.96
DOI 10.18413/2687-0967-2021-48-1-65-96

Комплексное палеоантропологическое и палеопатологическое исследование останков из памятника Ованнаванк

Н.Г. Акопян, А.С. Жамкочян, А.Ю. Худавердян
Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренци, 15

Аннотация: Целью статьи является изучение скелетных останков девяти индивидов (три мужчины, три женщины, три ребенка), обнаруженных в августе 2015 г. во время раскопок средневекового монастырского комплекса Ованнаванк в Армении. Впервые для этого могильника получен комплексный палеоантропологический анализ данных. У индивидов Ованнаванка (NN 1, 2, 3, 4, 5) обнаружены искусственные деформации головы. В них наблюдается деформация двух типов: кольцевая лобно-затылочная башанного типа и кольцевая лобно-затылочная, приближающая по форме к конусу. Выявлены следы патологических процессов на скелетах и реконструирована их этиология. У индивидов выявлен комплекс морфологических признаков, характерных для кавкасионского типа.

Ключевые слова: Армения, Ованнаванк, средневековье, краниология, краниоскопия, одонтология, кавкасионский тип, палеопатология.

Для цитирования: Акопян Н.Г., Жамкочян А.С., Худавердян А.Ю. 2021. Комплексное палеоантропологическое и палеопатологическое исследование останков из памятника Ованнаванк. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 65–96, DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-65-96.

Comprehensive paleoanthropological and paleopatological research of the remains from Hovhannavank monument

Nyura G. Hakopyan, Agavni S. Zhamkochyan, Anahit Yu. Khudaverdyan
Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Science of Republic of Armenia,
15 Charenci St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia
akhudaverdyan@mail.ru

Abstract: The material of the study was the skeletal remains of 9 individuals (three men, three women, and three children) discovered in 2015 during excavations of Hovhannavank. Hovhannavank is one of the medieval monastic complexes of Armenia. For the first time, a comprehensive paleoanthropological analysis of the data was obtained for this grave. At the Hovhannavank individuals (№№ 1, 2, 3, 4, 5), accurate traces of deliberate deformation of the head are noted. Basing on anthropological and paleopathological data, two types of deformation were observed: circular high (high ring) and low. Traces of pathological processes on skeletons have been revealed and their etiology has been reconstructed. The complex of morphological signs, characteristic for the Caucasian type, is revealed. Among the inhabitants of Hovhannavank in the late Middle Ages, there are specific complexes of features that, judging by the craniological data available today, are not characteristic of the Armenian population of earlier eras. This complex of features is close to the Caucasian type.

Key words: Armenia, Hovannavank, Middle Ages, craniology, cranioscopy, odontology, Caucasian type, paleopathology.

For citation: Hakopyan N.G., Zhamkochyan A.S., Khudaverdyan A.Yu. 2021. Comprehensive paleoanthropological and paleopatological research of the remains from Hovhannavank monument. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 65–96 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-65-96.

Ованнаванк – один из важнейших средневековых монастырских комплексов Армении, расположенный на краю скалистого обрыва ущелья реки Касах, напротив горы Араилер (2 600 м), в Арагацотнской области (рис. 1). Ованнаванк окружен с трех сторон мощной и протяженной стеной, а с четвертой стороны защищен природной преградой, склонами Касаха [Кафадарян, 1948, с. 42].

Ованнавак состоит из двух церквей: однонефной сводчатой базилики и одной церкви с просторным притвором-часовней на западной стороне. Согласно преданию, благодаря содействию царя Трдата Григорий Просветитель основал базиликальную церковь в начале IV в., разместив там святые мощи Иоанна Предтечи и освятив священную постройку. Базилика в честь св. мощей Иоанна Предтечи была названа именем св. Карапета. Однонефная базилика по своим планировочным пропорциям построена самое позднее в начале V в., а вопрос более ранней датировки должен быть еще выяснен [Тораманян, 1948, с. 131].

Посетивший монастырь немецкий путешественник и ученый Мориц Вагнер (1-я пол. XIX в.) пишет: «При обозрении глубокого ущелья со склонов Арагаца открывается высшей степени живописная и великолепная панорама. Через ущелье протекает река Апаран (Касах). Этим захватывающим дух зрелищем можно наслаждаться с территории монастыря св. Ованнаванк» [Шахазиз, 1987, с. 303].

Монастырь Ованнаванк является шедевром армянской архитектуры XIII в. благодаря своему величию, притвору, изящным скульптурам и рациональным архитектурным решениям [Тораманян, 1948, с. 55]. Ованнаванк был не только комплексом действующих церквей, но и известной обителью: «Так, под покровительством Святого Карапета среди многочисленных братьев-отшельников была написана и отдана сему святому братству эта услаждающая [душу] история на помин души его» [Канакерци, 1870, с. 5–6]. В 1243 г. Курд Вачутян перенес епархиальный епископский престол Арагацотна из крепости Амберд в Ованнаванк [Манучарян, 2019, с. 98].

О реставрационных работах и изменениях монастыря Ованнаванк писал также Гарегин Овсепян: «Нынешнее здание Ованнаванка является творением XIII в. В его северной части, однако, есть однонефная церковь, некоторые признаки которой указывают на то, что она является постройкой, основанной до VII в. Церковь была отреставрирована неоднократно, но при этом сохранила древнейшие элементы, такие как полуколонны по обеим сторонам входа и остатки подковообразной арки внутри, которые характерны для наших древних и базиликальных церквей. Ованнаванк упоминается в документах 603–606 гг. и современных источниках. Также древние корни имеет то предание, что она была построена рукой Григория Просветителя в начале IV в.» [Овсепян, 1944, с. 20].

Следующая и основательная реконструкция базилики была произведена в 1652 г. настоятелем Захарией Вагаршапатеци [Даврижеци, 1891, с. 268]. Однако церкви св. Карапета не было суждено долго оставаться неповреждённой. Вследствие разрушительного землетрясения 1679 г. она была снова разрушена: «.... В Святой обители Ованнаванка рухнули все красивые жилища, обрушилась церковь, и мы с трудом избежали смерти», – с большой горечью и грустью отзывается Диакон Закария (Канакерци) [Канакерци, 1870, с. 104]. Архитектурная планировка церкви св. Карапета простая, без элементов орнаментации, за исключением фресок 2-й пол. XIX в.

В Ованнаванке на тимпане западного портала кафедрального собора находится барельеф с изображением притчи о разумных и неразумных девах. Появление изображения этой притчи на тимпане церкви необычно для армянского искусства, хотя традиция украшения тимпанов церквей в XIII–XIV вв. широко была распространена в Армении, однако скульптурное воплощение этой притчи среди армянских памятников нашло место лишь в Ованнаванке [Закарян, 1973, с. 294]. В центре изображена фигура сидящего на троне Христа. Его правая рука поднята над головами разумных дев, указывая на их праведные дея-

ния. Изображения пяти разумных дев расположены друг за другом с поднятыми свечами, в то время как неразумные стоят словно отвергнутые, с поникшими головами.

Постройка церкви Катогике началась в 1216 г. согласно надписи на западной стене северо-восточной ризницы. «Волею благодетельного Господа, во время властвования сына Закаре, великого Шахншаха и правления сына Ваче, кусакала [22] амир Курда в нашей провинции (Арагацотн), в 1221 г. я, Аствацатур вардапет, при содействии членов монастырской братии и как духовное дитя вардапета Акопоса, предпринял сторительство чудесно украшенной церкви Катогике». Это означает, что постройка церкви Катогике продолжалась шесть лет, с 1216 по 1221 гг. Церковь сохранилась до 1918 г., когда она пострадала из-за землетрясения. Она была полностью отреставрирована в 90-е гг. прошлого столетия.

Церковь-притвор. Эта постройка характерна для архитектуры XIII в. В центральной части находится большой зал, купол, опирающийся на четыре колонны, а в центре купола – округлое отверстие. На куполе возвышается колокольня с двенадцатью колоннами. Четыре колонны церкви соединяются со стенами посредством высокопролетных арок, возвышающихся над пилонами. Притвор, согласно преобладающему мнению, был построен сыном Ваче, князем Курдом. Постройка началась в 699 г. (1247 или 1248) по армянскому летоисчислению, а была окончена в 700 г., т. е. в 1251 г. [Кафадарян, 1948, с. 39]. Притвор примечателен исключительным богатым внутренним убранством: украшенными рельефным орнаментом хачкарами, фресками, ажурной растительной и геометрической орнаментацией. Притвор служил в качестве усыпальницы, где покоились представители высшего духовенства и настоятели монастыря, князья и члены княжеской семьи. «Сам князь Курд, – как пишет Закария Канакерци, – оставив мирскую славу, удалился на остров Севан, облачился в одеяние отшельника, стал священнослужителем, умер там и был захоронен в притворе церкви» [Канакерци, 1969, с. 218].

Крепостные стены. Надпись о постройке крепостной стены была найдена к северу от монастырского комплекса, на пьедестале одного хачкара на кладбище. Хачкар не сохранился, но до нас дошла интерпретация Закарии Канакерци. Надпись свидетельствует о том, что крепостная стена была построена безвременно скончавшейся женой царя Абгара Кюрикяна, Наной, либо, согласно надписи санаинского моста, благодаря средствам Ванени [Орбели, 1915]. К. Кафадарян считает, что постройку крепостной стены и моста Нана начала после смерти мужа (1192 г.), следовательно, в 1190-е гг. или же в начале XIII в. [Кафадарян, 1948, с. 43]. Крепостная стена построена из местной твердой горной породы кубической формы. В более удовлетворительном состоянии сохранились южная и северная стены. В одном из колофонов мы читаем: «Внути древних крепостных стен, с южной стороны церкви были построены хозяйственное помещение, трапезная и кельи» [Алишан, 1890, с. 173].

Работы по очистке, а затем и раскопки были предпринятны в июле-августе 2015 г. у северной стены (с внешней стороны) базиликальной церкви. Территория была покрыта скоплениями земли и строительного мусора. Во время удаления слоя земли на глубине около метра были открыты ямы винодавильни и костные останки 9 индивидов. Ранее, во время очистки земляных насыпей, непосредственно под стеной были открыты несколько крупных карасов (пифосов) для вина. При монастыре находились гостевой дом, резиденция главы епархии, библиотека, школа и иные хозяйственные постройки, которые находятся в разрушенном состоянии. Сохранившиеся руины относятся предположительно ко времени Закарии Канакерци. Диакон Закария (Канакерци) и Ерванд Шахазиз свидетельствуют, что при монастыре действовала общеизвестная школа, с высокопоставленными раввинами и лекторами. Раскопки выявили не только целостную картину архитектурной планировки монастыря, но и малочисленный, но информативный ассортимент глазиро-

[22] Кусакал – начальник области или страны в средневековой Армении.

ванной и неглазированной керамики. Коллекцию дополнили также фрагменты фаянсовых столовых сосудов. Вышеупомянутые образцы глазированной и фаянсовой столовой посуды были импортированы из соседнего Ирана. Предположительно данная посуда могла быть использована для угощения гостей монастыря, которые с большой охотой отдыхали в стенах мирной обители. Отшельники монастыря и ученики монастырской школы жили тихой и скромной жизнью, которая диктовалась аскетическим образом жизни монахов.

Извлеченный из раскопок 2015 г. костный материал изучался по хорошо известным антропологическим методикам [Алексеев, Дебец, 1964, с. 52; Зубов, 1968а, с. 10, 1968б, с. 139; Buikstra, Ubelaker, 1994, p. 17]. Все черепа визуально обследованы на предмет наличия прижизненных повреждений, следов заболеваний и некоторых генетически наследуемых признаков [Мовсесян, Мамонова, Рычков, 1975, с. 129; Ortner, Putschar, 1981; Goodman et al., 1984, p. 13–49; Goodman, Armelagos, 1989, p. 225–243; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Ortner, 2003].

Индивид № 1. Останки принадлежат женщине, биологический возраст которой определяется в пределах 45–55 лет. Останки характеризуются общей грацильностью строения, с очень слабо выраженным рельефом в области надбровья. У индивида наблюдаются искусственная лобно-затылочная деформация и асимметрия черепа (плагиоцефалия, plagiocephalia) (рис. 2). Индивидуальные краниологические данные представлены в табл. 1. Форма черепа в вертикальной норме соответствует сфеноидному варианту. Мозговая коробка характеризуется как брахикранная со средним продольным, очень большим поперечным, большим высотным диаметрами. Высота черепа характеризуется гипсикранией и тапейнокранией. Рельеф нижнего края чешуи лобной кости развит слабо (балл 1). Наибольшая ширина лба – очень большая, наименьшая ширина – средняя. Лицо ортогнатное, невысокое и среднеширокое, орбиты средневысокие и среднеширокие, высота носа – очень большая, ширина – большая. Нижний край грушевидного отверстия имеет острую форму. Передненосовой шип оценивается баллом 4. Длина нижней челюсти средняя, наименьшая ширина ветви очень малая, высота – большая. Симфиз невысокий, высота тела очень малая, толщина – средняя.

На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: отверстия надглазничные (foramina supraorbitalia), лобные (foramina frontalia), скуло-лицевые (foramina zygomaticofacialies), сосцевидные (foramina mastoidea), небные (foramina mentalia), гиперостоз во внутренней области орбит (cribra orbitalia), заднескуловой шов (os zygomaticum bipartitum), выступающая форма латерального края лобного отростка скуловой кости (spina processus frontalis ossis zugomatici), сужение птериона Х-образной формы (stenocrotaphia), добавочные косточки неправильной формы в ламбдовидном шве (os wormii suturae lambdoidea), вставная кость в области теменной вырезки (os postsquamosum), прямая форма поперечного небного шва (sutura palatine) и сквозной канал, пронизывающий тело клиновидной кости в области ямки турецкого седла (canalis craniopharyngeus).

Наблюдается прижизненная утрата всех зубов верхней челюсти, кроме правого третьего моляра, атрофия зубных ячеек альвеолярных отростков. На нижней челюсти прижизненно были утеряны резцы, первый и второй моляры, второй премоляр. Мезиодистальный (MD_{cor}) и вестибуло-лингвальный (VL_{cor}) диаметры коронок третьих моляров попадают в категорию малых и очень малых значений (табл. 2). На правом третьем моляре фиксируется необычная стертость зубной ткани. На левом третьем моляре наблюдается эмалевая капля («жемчужина»), она представляет собой избыточное образование ткани зуба в процессе его развития и располагается на корне моляра.

Наблюдается слабое проявление поротического гиперостоза глазниц (cribra orbitalia, балл 1) и в области над наружными слуховыми проходами. Как известно, поротический гиперостоз появляется в ходе компенсаторной реакции организма на снижение в крови количества гемоглобина (малокровие). На левой теменной кости обнаружены две остеомы. Размеры первой – 11×9 мм, второй – 5×6мм. Остеомы – очень плотные образо-

вания с гладкой поверхностью и по своей структуре ничем не отличаются от нормальной костной ткани.

На левой стороне черепа в области теменной и затылочной костей фиксируется вдавленный заживший перелом от удара тупым орудием. Диаметр костного дефекта 34×18 мм, край выражен резко. Ближе к ламбде отмечается полукруглая трещина овальной формы, возникшая от удара тупым предметом. Размеры трещины примерно 42 мм. Зафиксировано окостенение гортани. Анатомия гортани представляет собой сложный комплекс мышечных и хрящевых тканей, кровеносных и лимфатических сосудов, нервных окончаний. Как известно, после 30 лет происходит отложение солей кальция, что провоцирует окостенение и потерю подвижности. Окостенение гортани также может быть связано с распространением различных инфекционных заболеваний. Это влечет за собой ухудшение голосовых способностей – речь становится глухой и дребезжащей.

Индивид № 2. Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 40–49 лет. У индивида наблюдается искусственная лобно-затылочная деформация головы. Форма черепа в вертикальной норме соответствует сфеноидному варианту (рис. 3). Мозговая коробка характеризуется как мезокранная с очень малыми продольным и поперечным диаметрами, средним – высотным (табл. 1). Высота черепа характеризуется гипсикранией и акрокранией. Ширина лба и затылка – средняя. Рельеф нижнего края чешуи лобной кости развит слабо (балл 1), степень выступания надпереносья оценивается баллом 2. Лицо ортогнатное, высокое и среднеширокое, орбиты высокие и широкие, высота и ширина носа – очень большая.

На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: отверстия скуло-лицевые (foramina zygomaticofacialia), сосцевидные (foramina mastoidea), крылоостистые (foramen pterygospinosum), небные (foramina mentalia), непостоянные отверстия позади затылочных мыщелков (canalis condyloideus), выступающая форма латерального края лобного отростка скуловой кости (spina processus frontalis ossis zugomatici), сужение птериона Х-образной формы (stenocrotaphia), лобный отросток височной чешуи (processus frontalis squamae temporalis), вставная кость в области теменной вырезки (os postsquamosum), добавочные косточки неправильной формы в ламбдовидном шве (os wormii suturae lambdoidea), в области астериона (os asterion), кость Инков (os Incae incompletum), заднескуловой шов (os zygomaticum bipartitum), П-образная форма поперечного небного шва (sutura palatine), резцовый шов (sutura incisive), сквозной канал, пронизывающий тело клиновидной кости в области ямки турецкого седла (canalis craniopharyngeus), отросток, отходящий от нижней поверхности processus jugularis (processus paramastoideus).

Форма прикуса у индивида лабидодонная. Наблюдается прижизненная утрата моляров (M^1, M^3 /прав./, M^1, M^3 /лев./, M_1, M_3 /лев./). Мезио-дистальный (MD_{cor}) и вестибуло-лингвальный (VL_{cor}) диаметры коронок вторых и третьих моляров попадают в категорию малых и очень малых значений (табл. 2). На правом премоляре фиксируется патологическая стертость зубной ткани, вызванная, очевидно, ненормированной нагрузкой на зубочелюстной аппарат. Гипоконус вторых верхних моляров редуцирован. 4-бугорковые формы отмечены на нижних первых и вторых молярах. На вторых нижних молярах отмечается Y тип узора. Дефект зубной эмали – гипоплазия эмали – фиксируется на правом моляре. Эмалевая гипоплазия свидетельствует о резком стрессовом воздействии, испытанном индивидом в детском возрасте (в интервале от 6 мес. до 7 лет). Следы одонтогенного остеомиелита (альвеолярный абсцесс) наблюдаются на правой стороне верхней челюсти в области второго премоляра и первого моляра, на левой стороне – в районе клыка, первого и второго премоляров, на нижней челюсти в районе вторых резцов. Альвеолярные абсцессы могут быть спровоцированы парадонтитом, травмами и некрозом пульпы. Зубной камень фиксируется почти на всех зубах.

На правой стороне лобной кости обнаружен овальной формы неглубокий, вдавленный перелом (11×7мм). По всей видимости, это заживший след травмы, полученной при

ударе тупым орудием. На лобной кости виден порез острым предметом (длина 4,5 мм). Наблюдается травма носовых костей.

На теменных костях были обнаружены следы специфических действий. Это множественные длинные, узкие повреждения наружной костной пластинки, нанесенные орудием с острым режущим краем. Подобные манипуляции на черепе – результат символической трепанации. Символическая трепанация является поверхностной (несквозной) манипуляцией, слегка нарушающей целостность свода черепа. Эти шрамы на теменных костях у индивида могли появиться при прохождении какого-то ритуала.

В ушных каналах отмечаются оссеофитные образования. Их появление связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале.

Индивид № 3. Останки принадлежат молодой женщине, умершей в возрасте 18–22 лет. Форма черепа в вертикальной норме соответствует сфеноидному варианту (рис. 4). На черепе фиксируется искусственная лобно-затылочная деформация. Мозговая коробка характеризуется как брахикранная с очень малым продольным, большим поперечным, очень большими высотными диаметрами черепной коробки. Высота черепа характеризуется гипсикранией и акрокранией. Рельеф нижнего края чешуи лобной кости развит очень слабо. Надбровные дуги представляют собой едва заметные возвышения справа и слева от глабеллы (балл 1). Ширина лба очень большая, ширина затылка – большая. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Лицо ортогнатное, высокое и среднеширокое, орбиты высокие и очень широкие, нос узкий и высокий. Длина нижней челюсти – средняя. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностями углов (место прикрепления мышц *m. masseter* и *m. pterygoideus medialis*) нижней челюсти слабо выражена. Тело нижней челюсти очень низкое с большой толщиной.

На черепе выявлены следующие краниоскопические признаки: отверстия скулолицевые (foramina zygomaticofacialia), теменные (foramina parietalia), сосцевидные (foramina mastoidea), небные (foramina mentalia), непостоянные отверстия позади затылочных мыщелков (canalis condyloideus), выступающая форма латерального края лобного отростка скуловой кости (spina processus frontalis ossis zugomatici), лобный отросток височной чешуи (processus frontalis squamae temporalis), височный отросток лобной кости (processus temporalis ossis frontalis), добавочные косточки неправильной формы в ламбдовидном шве (os wormii suturae lambdoidea), в области астериона (os asterion), сужение птериона Х-образной формы (stenocrotaphia), П-образная форма поперечного небного шва (sutura palatina), резцовый шов (sutura incisive), двухсоставной затылочный мыщелок (condylus occipitalis bipartitum), отросток, отходящий от нижней поверхности processus jugularis (processus paramastoideus).

Форма альвеолярной дуги – U-образная. В ряду моляров (верхних и нижних) отсутствует последний – третий. Мезиодистальные и вестибулолингвальные размеры первых и вторых нижних моляров попадают в категорию малых значений, а мезио-дистальные и вестибуло-лингвальные размеры первых и вторых верхних моляров входят в категории средних и больших (табл. 2). Рассчитана величина третьего стэп-индекса, который по ширине коронки (VL) составляет 101,86. Гипоконус первых моляров слабо редуцирован (балл 4-), так же, как и метаконус (балл 2), а вторых моляров – полностью редуцирован (балл 3). Лирообразная форма 1-й борозды параконуса (тип 3) наблюдается на первом верхнем моляре. Нижние первые моляры пятибугорковые, вторые четырехбугорковые. На первом нижнем моляре встречается между метаконидом и энтоконидом внутренний средний дополнительный бугорок (TAMI). Гипоплазия эмали фиксируется на клыках, первом премоляре (P_1) и втором моляре (M_2).

Фиксируется поротический гиперостоз в области наружных слуховых проходов, а также оссеофитные образования в ушных каналах. Также зафиксированы несколько

травматических нарушений. Обнаружено повреждение носовых костей, характерное для удара тупым предметом. На его левой стороне видна трещина. Признаки воспаления в области повреждений не обнаружены. Травма получена от удара слева, т. е. женщина, пытаясь уклониться, отступила чуть назад и влево. Наблюдается нарушение анатомической целостности альвеолы медиального резца. Травма представлена трещиной. В этом случае травма может произойти при необычном по силе воздействии на зуб, например, при грызении (или откусывании) твердой пищи. На левой стороне лобной кости фиксируются последствия рубящего удара (длина 29 мм), нанесенного по касательной, который и являлся причиной смерти индивида.

Индивид № 4. Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 50–55 лет (рис. 5). На черепе зафиксирована искусственная лобно-затылочная деформация. Мозговая коробка индивида характеризуется как брахикранная, со средним поперечным и очень малым продольным диаметрами. Она средневысокая, по высотно-поперечному указателю – гипсикранная. Величина высотно-продольного указателя характеризуется метриокранией. Лоб узкий, затылок широкий. Лицо прогнатное, высокое и среднеширокое, орбиты высокие и среднеширокие, высота носа – большая, ширина – узкая.

На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: скуло-лицевые отверстия (foramina zygomaticofacialia), выступающая форма латерального края лобного отростка скуловой кости (spina processus frontalis ossis zugomatici), сужение птериона Х-образной формы (stenocrotaphia), лобный отросток височной чешуи (processus frontalis squamae temporalis), височный отросток лобной кости (processus temporalis ossis frontalis), добавочные косточки в области височного родничка (os epiptericum), в чешуйчатом шве (os wormii suturae squamosum), в затылочно-сосцевидном шве (os wormii sut. occipitomastoideum), П-образная форма поперечного небного шва (sutura palatina), резцовый шов (sutura incisive), сквозной канал, пронизывающий тело клиновидной кости в области ямки турецкого седла (canalis craniopharyngeus), отросток, отходящий от нижней поверхности processus jugularis (processus paramastoideus).

Мезио-дистальный (MD_{cor}) и вестибуло-лингвальный (VL_{cor}) диаметры коронок первых и вторых моляров попадают в категорию малых и средних значений (табл. 2). Наблюдается развитие краевых гребней на лингвальной стороне верхних латеральных резцов. Фиксируется пародонтоз (M^2). Следы одонтогенного остеомиелита (*альвеолярный абсцесс*) наблюдается на правой стороне верхней челюсти в области M^1, на левой стороне – M^2. Гипоплазия эмали фиксируется на втором резце (I^2) и клыке (нижней челюсти). Наблюдается прижизненная утрата моляров (M^1, M^2, M^3 /прав./, M_1, M_2, M_3 /лев./, M_3 /прав./). Зубной камень фиксируется на исследованных зубах.

На черепе зафиксированы несколько *травматических нарушений*. 1) Травмы тупыми предметами на правой теменной кости (размеры поражения 14×10,5 мм и 5×4 мм). 2) Травма тупым предметом на левой теменной кости (размеры 6×5 мм). 3) Порезы острым орудием надорбитальной области лица.

На черепе выявлены поротический гиперостоз на лобной кости и в области наружных слуховых проходов, а также оссеофитные образования в ушных каналах.

Индивид № 5. Останки принадлежат женщине, возраст которой от 30 до 35 лет. Череп плохой сохранности, отсутствуют лицевой скелет и часть лобной кости (рис. 6). На черепе наблюдается искусственная лобно-затылочная деформация. Поперечный диаметр черепной коробки входит в категорию очень большой, высотный диаметр – малый. Высота черепа характеризуется тапейнокранией. Ширина затылка – большая.

На черепе выявлены следующие дискретно варьирующие признаки: os postsquamosum, foramina parietalia, добавочные косточки неправильной формы в лямбдовидном шве (os wormii suturae lambdoidea), foramina mastoidea, отсутствие foramina spinosum, processus paramastoideus, canalis condyloideus, мендозный шов (sutura mendoza).

На правом сосцевидном отростке имеется поверхностное нарушение внешней компакты (3×3 мм). Глубина ямки 3 мм. В области травмы наблюдаются элементы склеротизирования краев повреждений. Выявлены на черепе поротический гиперостоз в области наружных слуховых проходов, а также оссеофитные образования в ушных каналах.

Индивид № 6. Степень сохранности черепа плохая, отсутствуют лобная кость, лицевой скелет (рис. 7). Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35–39 лет. У мужчины поперечный диаметр черепной коробки средний, а затылок – узкий.

На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: stenocrotaphia (X-обр.), processus frontalis squamae temporalis, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, foramina parietalia, os wormii suturae lambdoidea, foramina mastoidea, canalis condyloideus.

Из 32 постоянных зубов обнаружен только верхний правый клык, вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor} которого 8,1 мм, мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col} – 6,5 мм. На клыке выявлены слабая форма гипоплазии эмали и зубной камень.

На черепе выявлены затылочные структуры (развитие затылочных валиков хорошее (TOT: балл 2), позади сосцевидных отростков – маленькое (PR: балл 1). Образование затылочных структур связано с ответной реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму [Худавердян, 2016, с. 104–105]. Наблюдается также остеоартрит вехнечелюстного сустава. Современная наука рассматривает остеоартрит как заболевание неизвестной этиологии и изучает различные эндогенные и экзогенные факторы риска. К развитию остеоартрита может привести однократная травма, внутрисуставной перелом и воспаления. Поротический гиперостоз отмечается у ушного прохода и на теменных костях. Наблюдаются также экзостозы у ушного прохода.

Индивид № 7. Фрагменты черепа принадлежат ребенку 4–5 лет. На костях черепа выявлены следующие дискретно-варьирующие (неметрические) признаки: os wormii suturae squamosum, foramina parietalia, os Incae (рис. 8), os wormii suturae lambdoidea, os asterion, foramina mastoidea.

Бугорок Карабелли наблюдается на первом верхнем моляре, а редукция гипоконуса отсутствует (M1). Первый нижний моляр пятибугорковый с У типом узора.

Индивид № 8. Фрагменты черепа принадлежат ребенку 2–3 лет. На костях черепа выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: foramina zygomaticofacialia, os wormii suturae squamosum, os wormii suturae lambdoidea, condylus occipitalis bipartitum.

У ребенка пористость и пороз костей наблюдается на костях посткраниального скелета (в частности, области эпифизов плечевых костей). Морфологическая картина характерна для локальных оссифицированных геморрагий (т. е. длившихся некоторое время кровоизлияний). Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность. На левой теменной кости обнаружены следы воспаления в виде dura mater на внутренней пластинке (эпидуральная гематома). Вокруг дефекта отмечается деструкция кортикального слоя. Эндокраниальные патологии, зафиксированные на костных останках ребенка, являются результатом воспаления или кровоизлияния мозговых оболочек черепа и связаны с широким спектром заболеваний (опухоли, туберкулез, менингит, сифилис, вторичная инфекция мозговой оболочки, недостаток витаминов A, C и D и т. д.) [Hershkovitz, Greenwald, Latimer, Jellema, Wish-Baratz, Eshed, Dutour, Rothschild, 2002, p. 201–216; Lewis, 2004, p. 82–97].

Индивид № 9. Фрагменты черепа принадлежат ребенку 1,4–1,6 лет. На костях присутствует только foramina mastoidea (дискретно-варьирующий признак). Воспаление правого сосцевидного отростка височной кости (мастоидит) наблюдается на черепе.

Итак, у исследованных индивидов (№№ 1, 2, 3, 4, 5) обнаружены искусственная деформация головы (рис. 9, 10). Изменение величины и формы свода черепа свидетельствует о врожденных или приобретенных деформациях. Приобретенные деформации могут быть естественными, т. е. последствиями болезни (плагиоцефалия, рахит, акромегалия

и т. д.), и искусственно вызванными. Гиппократ описывал обычай искусственной деформации головы у народов, обитавших по берегам Черного и Азовского морей. В зависимости от способов преднамеренной деформации и распространения деформирующих воздействий на кости черепа, Е.В. Жировым [Жиров, 1940, с. 81–88] была предложена следующая классификация видов деформации: кольцевая, подразделяющаяся, в свою очередь, на высокую (с лобно-затылочным уровнем деформирующих воздействий) и низкую (при которой давящая повязка располагается на теменных костях или на теменно-затылочной области и нижней челюсти), лобно-затылочная, теменная и затылочная. Однако встречается множество переходных видов деформаций. В Ованнаванке наблюдается деформация 2-х типов: кольцевая лобно-затылочная башанного типа и кольцевая лобно-затылочная, приближающаяся по форме к конусу. При первом типе лобная кость выпрямлена и вытянута вверх, затылочная кость уплощена и не имеет соответствующего ей изгиба и также вытянута вверх (индивиды 1, 2, 4, 5, рис. 9). От давления циркулярной повязки на лобных костях выявлены следы широкой уплощенной полоски, на затылочной кости – неглубокий желоб. При втором типе лобная кость наклонена назад и вытянута вверх, затылочная кость уплощена и вытянута вверх, а теменные кости выпуклы в области сагиттального шва (индивид 3, рис. 10). Средства и методы, используемые для получения необходимой формы, степени выражения деформации на черепе, были самыми разнообразными. Использовались повязки, бинты, косынки, деревянные, костные, каменные накладки. У некоторых этнических групп, начиная с первых дней жизни новорожденного, производилась «формовка» головы ребенка руками [Дьяченко, 1988, с. 46–49].

Мотивы преднамеренной деформации головы могут быть следующие – традиции или медицинские процедуры: 1) непреднамеренное воздействие предмета быта (особый вид колыбели, приводящий к уплощению затылочной кости); 2) подчеркивание социального статуса и отличие от инородных групп; 3) исправление «неправильной» формы черепа и получение «красивой» формы головы, удовлетворяющей определенным эстетическим нормам; 4) возможность изменить психотип человека; 5) необходимость приостановить быстрый рост мозгового вещества; 6) стремление ускорить процесс зарастания родничка; 7) результат массажа (для снятия головных болей); 8) желание защитить голову новорожденного от природных факторов (холод, ветер, жара) [Попов, Чикашева, Шпакова, 1997, с. 58; Худавердян, 2005, с. 91–95; Khudaverdyan, 2011a, p. 602–609; 2011b, p. 39–41].

Характер и локализация травм на скелете указывают на определенную общественную обстановку, в которой могли складываться те или иные травмоопасные ситуации. Поэтому антропологические материалы являются независимым источником в археологических реконструкциях, выполняемых в ходе комплексных археологических исследований. Травмы с признаками заживления костной ткани встречаются у 4-х индивидов. Травма с летальным исходом обнаружена у одного индивида (N 3, ♀ 18–22 лет). К разряду лицевых травм можно отнести: заживший перелом носовых костей (N 3, ♀ 18–22 лет; N 2, ♂ 40–49 лет), повреждение верхней челюсти (N 3, ♀ 18–22 лет) и надорбитальной области (N 4, ♂ 50–55 лет; N 2, ♂ 40–49 лет). Травмы носовых костей получены от удара слева, т. е. индивиды пытались уклониться, отступили чуть назад и вправо. Повреждение нижней челюсти – это последствие удара по лицу в область передних зубов или при грызении (или откусывании) твердой пищи. А травмы в надорбитальной области получены от контактного удара с правой стороны, т. е. мужчины не успели отреагировать на удар. К другому варианту можно отнести вдавленное повреждение от удара тупым предметом в левую сторону лобной кости (N 2, ♂ 40–49 лет). Следы заживления и отсутствие признаков воспалительного процесса свидетельствуют о том, что травмы были получены задолго до смерти индивидов. В другом случае – продолговатый шрам (N 3, ♀ 18–22 лет: длина рубца 29 мм; N 2, ♂ 40–49 лет: длина рубца 4,5мм) от орудия с острым режущим краем обнаружен на лобной кости слева. У двух индивидов наблюдаются трещины от ударов тупым предметом (N 1, 45–55 лет, N 3, ♀ 18–22 лет). Два других варианта повреждений

отличаются от предыдущих локализаций: они выявлены на теменных костях и на сосцевидном отростке. У мужчины (N 4, 50–55 лет) и у двух женщин отмечены следы заживших переломов теменных костей (N 1, 45–55 лет, N 5, 30–35 лет). На указанных черепах фиксируются вдавления верхней пластинки теменной кости с правой стороны, на двух из них (N 4, ♂ 50–55 лет; N 5, ♀ 30–35 лет) также обнаружены дефекты с левой стороны. У женщины (N 5, ♀ 30–35 лет) на правом сосцевидном отростке имеется поверхностное нарушение внешней компакты (3×3 мм). Глубина ямки 3 мм. В области травмы наблюдаются элементы склеротизирования краев повреждений.

В изучаемой группе выявлены высокие показатели встречаемости такой патологии, как поротический гиперостоз. У одного взрослого индивида (N 1, ♀ 45–55 лет) был зафиксирован поротический гиперостоз глазниц (cribra orbitalia). По данным некоторых палеопатологов, cribra orbitalia в большинстве случаев ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний [Ortner, Putschar, 1981; Larsen, 1997]. Поротический гиперостоз костей свода черепа был зафиксирован на 6 черепах (N 2, ♂ 40–49 лет; N 3, ♂ 18–22 лет; N 4, ♂ 50–55 лет; N 5, ♀ 30–35 лет; N 6, ♂ 35–39 лет; N 8, ребенок 2–3 лет). Некоторые исследователи полагают, что эти патологические проявления на костных останках взаимосвязаны [Ortner, Putschar, 1981; Larsen, 1997].

У индивидов обнаружены доброкачественные образования. У одного индивида на левой теменной кости (N 1, ♀ 45–55 лет) выявлены две остеомы. Остеома – доброкачественная опухоль, может возникнуть после тяжелой травмы, инфекционного поражения и т. д. В ушных каналах у 6 индивидов (N 2, ♂ 40–49 лет; N 3, ♂ 18–22 лет; N 4, ♂ 50–55 лет; N 5, ♀ 30–35 лет; N 6, ♂ 35–36 лет; N 8, ребенок 2–3 лет) отмечаются оссеофитные образования. Их появление связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале.

Экспертизой выявлено у ребенка (N 9, 1,4–1,6 лет) воспаление правого сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). Воспаление ячеек сосцевидного отростка чаще является осложнением острого гнойного воспаления среднего уха. При мастоидите бактерии проникают из среднего уха в ячейки сосцевидного отростка, где воспаление приводит к разрушению костных структур [Nussinovitch, Yoeli, Elishkevitz, Varsano, 2004, p. 261–265].

Следы локальных кровоизлияний (оссифицированных геморрагий) обнаружены на поверхности посткраниального скелета у ребенка (N 8, 2–3 лет) и могут указывать на недостаток в пище витамина С (т. е., на детскую цингу). У данного ребенка выявлено воспаление в виде dura mater на внутренней пластинке черепа, что, вероятно, имеет геморрагическое свойство. Следов прижизненных травматических повреждений следствием, которой мог возникнуть геморрагический процесс на внутренней поверхности кости свода черепа, у индивида не обнаружено, что исключает возможность возникновения воспаления из-за травмы. Вероятными причинами данной патологии могут быть цинга, бактериальные или вирусные менингиты и т. д.

Эмалевая гипоплазия свидетельствует о резком стрессовом воздействии, испытанном индивидом в детском возрасте (в интервале от 6 мес. до 7 лет). Дефект зубной эмали выявлен у трех индивидов (N 2, ♂ 40–49 лет, N 3, ♂ 18–22 лет, N 4, ♂ 50–55 лет). Чаще признак зафиксирован на клыках, премолярах и резцах. У двух индивидов (N 1, ♀ 45–55 лет, N 4, ♂ 50–55 лет) фиксируется пародонтоз. Причинами возникновения данного заболевания могут быть разнообразные факторы: инфекционные заболевания, нарушение питания, обмена веществ, расстройства эндокринной системы, возрастной фактор, нарушение витаминного баланса, плохая оральная гигиена, богатая углеводами пища, различные аномалии роста зубов, осложнения, возникающие во время беременности [Hillson, 1986; Larsen, 1997]. Пародонтоз обнаружен в области моляров

(M^2: N 4, ♂ 50–55 лет; M_1 и M_2: N 1, ♀ 45–55 лет). Зубной камень зафиксирован у 3 индивидов (N 1, ♀ 45–55 лет, N 2, ♂ 40–49 лет, N 4, ♂ 50–55 лет). Установлено, что зубной камень и пародонтоз – сопутствующие друг другу патологии зубной системы [Hillson, 1986]. Следы одонтогенного остеомиелита (*альвеолярный абсцесс*) обнаружены у двух индивидов (N 2, ♂ 40–49 лет, N 4, ♂ 50–55 лет). Альвеолярный абсцесс наблюдается у мужчины 50–55 лет (N 4) на правой стороне верхней челюсти в области первого моляра (M^1) и на левой стороне в области второго моляра (M^2). У второго индивида (N 2, ♂ 40–49 лет) признак зафиксирован как на верхней челюсти (на правой стороне в области второго премоляра (P^2) и первого моляра (M^1), на левой стороне в области клыка (C), первого и второго премоляров (P^1, P^2), так и на нижней челюсти в области латерального резца (I_2: с двух сторон). Альвеолярные абсцессы могут быть спровоцированы парадонтитом, травмами и некрозом пульпы. Фиксируется у мужчины 40–49 лет (N 2) патологическая стертость зубной ткани (P^2 /прав/), вызванная, очевидно, ненормированной нагрузкой на зубочелюстной аппарат или же аномалией прикуса. Преждевременное стирание эмали и дентина могло быть обусловлено и диетой с использованием жесткой и грубоволокнистой пищи. Прижизненная утрата зубов наблюдается у 3 индивидов (N 1, ♀ 45–55 лет, N 2, ♂ 40–49 лет, N 4, ♂ 50–55 лет). Наиболее часто были утеряны моляры.

В дальнейшем представим обобщенную антропологическую (краниометрическую, краниоскопическую, одонтологическую) характеристику индивидов из Ованнаванка. Мужские черепа имеют брахикранную черепную коробку с очень малым продольным, малым поперечным, средним высотным диаметрами. Высота черепа характеризуется гипсикранией и акрокранией. Лицо мезогнатное, среднеширокое, высокое, уплощенность горизонтального профиля средняя. Орбиты среднеширокие и высокие. Нос высокий и широкий, небо узкое, среднеширокое. Останки женщин характеризуются общей грацильностью строения, с очень слабо выраженным рельефом в области надбровья. Черепная коробка брахикранная, с малым продольным, большим поперечным, большим высотным диаметрами. Высота черепа характеризуется гипсикранией и метриокранией. Наибольшая ширина лба – очень большая, наименьшая ширина – большая. Лицо ортогнатное, средневысокое и среднеширокое, орбиты высокие и широкие, высота носа – большая, ширина – средняя. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 32 признаков и указателей [Алексеев, Дебец, 1964]. Достоверное преобладание эмпирических дисперсий фиксируются только 8 признаков и указателей: 46, 60, 62, 9:45, 77, <zm, 52:51, 52:51a [Худавердян, Жамкочян, Акопян, 2016, с. 13–21].

У индивидов Ованнаванка завышенные частоты следующих краниоскопических (дискретно-варьирующих) признаков: горизонтального шва скуловой кости, умноженного подбородочного отверстия, птериона Х-образной формы, выступающей формы латерального края лобного отростка скуловой кости, шовных косточек в ламбдовидном, чешуйчатом швах, резцового шва, проникающего тела клиновидной кости в области ямки турецкого седла, отростка затылочной кости (processus paramastoideus), непостоянных отверстий позади затылочных мыщелков (canalis condyloideus), вставной кости в области теменной вырезки, лобного отверстия и отростка височной чешуи, височного отростка лобной кости, отверстий в затылочно-сосцевидном шве, теменных, добавочных косточек неправильной формы в области астериона, двусоставного затылочного мыщелка. Наблюдаются умеренные и низкие частоты встречаемости надглазничных, подглазничных, крылоостистых отверстий, Инковских и межвисочных костей, мендозного шва, отсутствия задней стенки остистого отверстия (foramen spinosum inco.). У погребенных отсутствуют следующие дискретно варьирующие признаки: sutura frontalis, spina trochlearis, os parietale bipartitum, os wormii suturae coronalis, os bregmaticum, os wormii suturae sagittalis, os triquetrum, os quadratum, os apicis lambda, os interparietale s. sagittalis, propcessus interparietalis,

manifestatio vertebrae occipitalis, tuberculum praecondylare, sulcus mylohyoideus, foramina mandibularia.

Одонтологический комплекс характеризует индивидов как представителей «западного» одонтологического ствола. Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у населения псалидодонтной формы прикуса. У одного индивида встречается лабидодонтная форма. Диастемы между верхними медиальными резцами не выявлены. Общая частота встречаемости краудинга в группе 33,34 % (1/3). На латеральных резцах лопатообразной формы зафиксированы у одного индивидуума. Редукция гипоконуса на вторых верхних молярах выявлена у 66.67 % субъектов (2/3). Встречаемость бугорка Карабелли равна 33,34 % (1/3). Форма 3 первой борозды эоконуса на первом верхнем моляре выявлена у одного индивида. Отсутствуют шестибугорковые формы на первых нижних молярах, пятибугорковые формы характеризуются высокими частотами распространенности (75 %, 3/4), четырехбугорковые формы отмечены у одного индивидуума. Межбугорковые борозды на первом нижнем моляре фиксируют высокую частоту «у» тип узора. Четырехбугорковые формы вторых нижних моляров выявлены у 2 субъектов (66,67 %, 2/3). Межбугорковые борозды на втором нижнем моляре фиксируют «Х» тип узора. На нижней челюсти практически полностью отсутствуют признаки восточного одонтологического ствола. Протостилид, дистальный гребень тригонида, 6-бугорковые первые нижние моляры, коленчатая складка метаконида не встречены. Внутренний средний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре зафиксирован у одного индивидуума. Вариант «2» второй борозды метаконида также встречается у одного субъекта.

Краниологические данные были подвергнуты межгрупповому статистическому анализу. Сравнительный фон, выбранный для анализа, охватывает территории Кавказа, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы [23] (табл. 3).

На *первом этапе* межгруппового анализа была построена модель на основе данных о 14 размерах черепа и лица (табл. 4) в 75 группах с Кавказа и из Юго-Восточной Европы. На рис. 11 показано положение рассматриваемых групп в пространстве I и II канонических векторов (КВ). Первый КВ (29.97 % общей изменчивости) разделил анализируемые группы по комплексу признаков, из которых основными являются соотношение продольного и поперечного диаметров черепа и ширина лба. По КВ I серии из Кабардино-Балкарии (43, 42), Северной Осетии (44), Дагестана (31, 28), Грузии (13), Азербайджана (17, 18), Волго-Уралья (61–66, 74, 70, 72), Украины (92) демонстрируют максимальные значения и сконцентрированы в положительном поле изменчивости в правой части графика. Почти все они характеризуются мезо- и брахикранией, широким и высоким лицом. В отрицательном поле изменчивости локализованы серии из Дагестана (30, 29), Азербайджана (14–16), Армении (2, 6), с Северо-Западного Кавказа (60), из Северной Осетии (47), Дунайско-Днестровского региона (94), Западной Украины (93), Краснодарского края (33, 35, 38), Волго-Уралья (68, 85, 83) и Карачаево-Черкесии (41, 39).

В КВ II (23 % изменчивости) наибольшая нагрузка пришлась на высоту орбиты. Положение анализируемых групп в пространстве второго вектора-дискриминатора показывает высокие положительные величины у групп из Средней Волги (84, 65, 90, 76, 73), Дагестана (31), Грузии (9, 10, 12, 13), Азербайджана (17, 18) и Армении (4).

Ованнаванкская серия (4) обнаруживает сходство с кавкасионскими группами из Грузии (10, 13, 12, 9). К ним примыкают индивиды из христианских и мусульманских погребений могильника Мингечаур. Следовательно, краниологическую серию из Ованнаванка (4) отличает внутригрупповая неоднородность. Различия в морфологической характеристике черепов довольно четко прослеживаются визуально для мужской выборки и

[23] Данные о сериях взяты из сводки А.Ю. Худавердян [см. Худавердян, Жамкочян, Акопян, Бабаян, Енгибарян, Хачатрян, Еганян, 2018, с. 78–84].

для женской. Как было указано выше, для ряда признаков были выявлены повышенные значения стандартных отклонений. В число последних входят ширина лица (46, 45), длина неба и альвеолярной дуги, углы горизонтальной профилировки лицевого скелета, а также орбитные и лобно-скуловой указатели. К тому же у пяти индивидов фиксируется горизонтальный шов скуловой кости (os zygomaticum bipartitum), у двоих – кость Инков (os Incae), у одного – форма 3 первой борозды эоконуса на первом верхнем моляре. На типологическое сходство хевсурской, душетской серий с мингечаурскими группами еще в 1964 г. указывал М.Г. Абдушелишвили [1964, с. 22]. В одном кластере вместе с ованнаванкской (4) и кавкасионскими группами Грузии (10, 13, 12, 9) оказалась серия с кладбища у здания Греческой палаты (73). Известен факт, что данный некрополь принадлежал жителям христианской армянской колонии в г. Булгаре, и мужские черепа этой серии, гипербрахикранного европеоидного типа, по мнению Т.А. Трофимовой [Трофимова, 1956, с. 85–88], почти по всем признакам сопоставимы с серией современных армянских черепов.

Сравнение 51 женской серии проводилось по 14 основным признакам (табл. 5). В результате в первом КВ (отражает 43,854 % общей изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на высотные размеры лица (52, 55, 48). В пространстве КВ I высокими положительными величинами характеризуются группы Южного Кавказа (4, 7, 18, 9, 19), Северной Осетии (48) и Волго-Уралья (74, 87, 90, 66), а отрицательными – группы Чигирина (92), Маджар (59), Гамовского и ближайших ущелий (32). Кавкасионский морфологический комплекс, присутствующий в составе серий из Грузии (8–10), сближается с группой из Памятного знака (87) (рис. 19). В числе близких к указанным сериям находится выборка из погребений мусульманского типа Самухского района Азербайджана (18). Черепа в основном брахикранные в комплексе с высоким, слабо профилированным лицевым скелетом и высокими глазницами. Из общей картины «выбивается» гипербрахикранная серия из Ованнаванка (4). Данная краниологическая серия наиболее сильно отличается от остальных материалов с территории Южного Кавказа, демонстрируя иной комплекс краниологических особенностей.

Для КВ II (21,46 % общей изменчивости) определяющими стали поперечный, продольный диаметры, угол выступания носовых костей. На плоскости II вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из могильников с территорий Астраханской области (66, 64), Среднего (86, 90, 74, 78), Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья (63), Молдовы (95), Карачаево-Черкесии (43), Северной Осетии (55) и Армении (4). На противоположном положительном полюсе сгруппировались серии Северной Осетии (47–49), Грузии (7), Азербайджана (16, 14), Армении (2, 6), Карачаево-Черкесии (40), Северо-Западного Кавказа (60) и Средней Волги (79). Выборка из Двина (1) оказывается статистически наиболее близка к сборной серии черняховской культуры из Дунайско-Днестровского региона (94). Но последняя несколько отклоняется в сторону группы Маячного II (65) золотоординского периода. Мезокранные, ортогнатные, сильно профилированные черепа с низкими орбитами, среднешироким носом характерны для населения Астраханской области. Примечательно, что и женская серия из Мощевой Балки (60) сближается с более ранней группой (6) из Армении. Сходный комплекс признаков наблюдается среди населения катакомбных погребений Мингечаура (14). Черепа здесь в основном долихокранные, средневысокие, лица среднеширокие, сильно профилированные, глазницы средневысокие.

На широком сравнительном фоне особенно отчетливо видно (рис. 12), что наибольшее сходство наблюдается между синхронными выборками из могильников Гарни (5), Верхний Чир-Юрт (27) и ранней группой из Карачаево-Черкесии (39). В свою очередь, в этом кластере оказалась мезобрахикранная со среднешироким или широким лицом группа из поселения Жукова (33), которая представляет одну и ту же комбинацию антропологических признаков, присущих индивидам поздней группы из Карачаево-Черкесии (40).

Для того чтобы учесть древние ближневосточные серии, был дополнительно проведен анализ с уменьшенным набором из 10 признаков (табл. 6). В результате первые два наиболее информативных КВ отразили в совокупности 57,654 % изменчивости. Наиболее значимыми признаками по КВ I (46,8 % общей изменчивости) для межгрупповой дифференциации 63 серий являются длина и ширина черепной коробки. На разных полюсах межгрупповой изменчивости признаков, которую описывает первый дискриминатор, оказались: с одной стороны – группы из Дагестана (31, 28), Северной Осетии (44, 55), Кабардино-Балкарии (43, 42), Ставропольского края (59), Ирана (25, 24), Грузии (8–13), Азербайджана (17–18), Молдовы (95) и Армении (4), с другой – краниологические материалы с территорий Израиля (26), Месопотамии (19), Турции (23), Краснодарского края (38), Черкесии (41), Северной Осетии (47–49), Азербайджана (14–16), Армении (6, 2), Северо-Западного Кавказа (60), Дунайско-Днестровского региона (94) и Западной Украины (93).

Добавление в анализ новых серий несущественно изменило взаимное расположение уже использованных в первом анализе мужских выборок с территории Армении (рис. 13). Однако, помимо серий кавкасионского типа из Грузии (11, 8) и черепов из погребений христианского типа из Мингечаура (17), в списке наиболее близких к выборке из Ованнаванка (4) оказывается группа Туранг Тепе (25) с территории Ирана. В свою очередь, результаты проведенного анализа свидетельствуют об антропологическом сходстве вышеуказанных групп с североосетинскими брахикранными матуризованными черепами из погребений из каменных ящиков Харха в Дарьяльском ущелье (55). Расположение серий свидетельствует о наибольшей близости выборки из Мощевой Балки (60) к сериям из Армении (6) и Месопотамии (19). В числе близких к указанным сериям находится также выборка из Карачаево-Черкесии (41). Наиболее массивными являются черепа в средневековой серии с территории Турции – Богазкой (23), которые особенно своеобразны и не похожи на другие серии.

В КВ II (10,854 % изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на ширину орбиты и высоту носа. Положение анализируемых групп в пространстве второго вектора-дискриминатора показывает высокие положительные величины у групп с Южного Кавказа (2, 7, 14–16) и Месопотамии (22). На плоскости II вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из могильников с территорий Турции (23), Ирана (24) и Армении (1). Как показал сравнительный анализ, близкое сходство морфологических характеристик серия из Армавира (2) демонстрирует с выборками из катакомбных погребений Азербайджана (14, 15, 16). Здесь наиболее удалены искусственно-деформированные черепа из могильника Мингечаур (16), у которых продольные и поперечные размеры черепной коробки чуть меньше, а высотные диаметры (17, 48, 52) – больше.

Итак, данное исследование достаточно отчетливо указывает на неоднородность населения Армении в эпоху средневековья. Намечаются отдельные сочетания краниологических признаков южно-европеоидной расы, которые встречаются в различных комбинациях. Среди жителей Ованнаванка в период позднего средневековья наличествуют специфические комплексы признаков, не характерные, судя по имеющимся сегодня краниологическим данным, для армянского населения более ранних эпох. Этот комплекс признаков близок к кавкасионскому типу. Ближайшие аналоги к этому комплексу обнаружены в составе населения Грузии, Азербайджана (Мингечаур) и Ирана (Туранг Тепе).

Несколько слов о происхождении кавкасионского типа. Он получил свое название от грузинского названия Кавказа – Кавкасиони и был выделен в качестве самостоятельного в 1953 г. [Натишвили, Абдушелишвили, 1955, с. 62–68]. Исходя из специфических краниологических признаков кавкасионского типа – чрезвычайно большой ширины лицевого скелета и некоторой его уплощенности в верхней части, четко выра-

женной брахикрании, Г.Ф. Дебец [Дебец, 1956] высказал предположение о генетических связях их с населением евразийских степей эпохи бронзы. Брахикранию же кавкасионских групп исследователь был склонен считать местным и поздним явлением. Древние восточноевропейские аналогии Г.Ф. Дебеца [Дебец, 1956] были восприняты некоторыми исследователями как предположение о возможности проникновения предков кавкасионцев в область их современного расселения с севера. Именно так можно рассматривать работу Н.Н. Миклашевской [Миклашевская, 1959, с. 89–110], которая привлекает к аргументации этой идеи материалы о древнем населении Дагестана сарматского и хазаро-аланского периода. Идеи Г.Ф. Дебеца [1956] развивает и А.В. Шевченко [1986, с. 121–215]. Анализируя краниологические группы северокавказской и древнеямной культур, принадлежащие, по его мнению, к «обширной, слабо дифференцированной антропологической формации, занимавшей степи Восточной Европы в эпоху неолита – ранней бронзы» [Шевченко, 1986, с. 128], и сопоставляя их с близкими к современности сериями черепов кавкасионского типа, исследователь разделяет мнение Г.Ф. Дебеца о северном степном происхождении кавкасионской расы. В.П. Алексеев [Алексеев, 1974, с. 134–138] разделял гипотезу изоляции как главного формообразующего фактора, категорически выступал против идеи участия в формировании кавкасионцев элементов северного происхождения [Миклашевская, 1959, с. 89–110]. В.П. Алексеев [Алексеев, 1974, с. 134–138] считает, что изоляция сохранила морфологические особенности древнейшего населения, впервые заселившего высокогорные массивы Кавказа еще в эпоху палеолита. А.В. Шевченко [Шевченко, 1986, с. 198–202] не согласен с В.П. Алексеевым [Алексеев, 1974, с. 100] в том, что «брахикрания современных представителей кавкасионского типа представляет собой позднее образование», и показал, что предкавказские степи Северо-Западного Прикаспия и Калмыкии в конце III – начале II тыс. до н. э. были зоной сплошной брахикрании. Между тем не только предкавказские степи Северо-Западного Прикаспия и Калмыкии были зоной брахикрании, брахикранные варианты в указанный период фиксируются на палеоантропологических материалах Передней Азии и Армянского нагорья [Худавердян, Гаспарян, Пинхаси, Канаян, Ованесян, 2017, с. 85–86]. С идеей формирования кавкасионского типа, как результата «консервации» солидарна также Э.Н. Джавахишвили [1966, с. 106–107].

Автохтонность кавкасионского типа находит обоснование в работах М.Г. Абдушелишвили [Абдушелишвили, 1964, 1972, с. 119–129] и А.Г. Гаджиева [Гаджиев, 1975]. Согласно М.Г. Абдушелишвили, процесс брахикефализации и увеличение скулового диаметра начались с эпохи бронзы и привели в конечном итоге путем постепенной перестройки узколицых грацильных вариантов к современному кавкасионскому типу. Интенсивность развития этого процесса, по мнению исследователя, была зафиксирована в средние века. К этому же выводу пришел А.Г. Гаджиев, изучая палеоантропологию Дагестана.

Результаты представленных исследований склоняют «чашу весов» в пользу концепции автохтонного развития кавкасионского типа. А что говорят данные археологии о происхождении кавкасионского типа? Несомненно, они свидетельствуют в пользу указанной концепции. По мнению А.Г. Козинцева [Козинцев, 1974, с. 198–214], носители этого типа являются потомками древних аборигенов, обитателей горных районов – это племена культуры грубой керамики. В эпоху, предшествовавшую III тыс. до н. э., эти люди заселяли, очевидно, по крайней мере, весь Северный Кавказ. Пришельцы с Южного Кавказа, заняв западную и восточную части ареала протокавкасионцев, взяли последних в «клещи». Эти «клещи» сжимались до тех пор, пока потомки местного населения не были оттеснены в горные районы (вероятно, недоступные пришельцам), где, консолидировавшись, и образовали кавкасионский тип с его компактным ареалом [Козинцев, 1974].

О присутствии индивидов – представителей кавкасионского типа в Ованнаванке сообщается в источниках (Закарий Канакерци [1969, с. 269–271]): «...Когда погиб мучени-

ческой смертью святой Георгий в Кападокии, тело его хранили ... в Ованнаванке... В это время напала на сына царя грузинского злая болезнь-короста, и не нашел он [себе] исцеления. Тогда рассказали царю: «Есть ... один монастырь, который зовется Ованнаванк, и там находится тело святого Георгия, и собираются там все прокаженные и калеки и находят себе исцеление у святого Георгия. Так пошли туда сына твоего, и исцелится он» .... И вот надумал он [царь] отправить [людей], чтобы привезти кости святого Георгия... Тогда собрал царь много детей дворянских и отправил их заложниками... их было двенадцать, которые прибыли к вратам Ованнаванка. Они же (монахи) задержали у себя детей, а из мощей святого оставили там часть зубов и кровь, все же тело приготовили к отправке. И так остался он (святой Георгий) в стране Грузинской, а дети грузинские остались в стране Армянской и по сие время».

Историография повествует [Канакерци, 1969, с. 273], что «Дети грузин остались в Ованнаванке... один умер в Ованнаванке... Один, по имени Теин, остался в Ованнаванке, и ныне зовутся [его потомки] Теиненк; другой, по имени Азипе, ушел в Егвард, и ныне [их] зовут Азипенк; следующий, по имени Муца ушел в Канакер, и вот зовут их Моцакенк; следующий, по имени Хачо, ушел в Могни, и вот зовут [их] Хачикенк; один [из них], по имени Степанос, ушел в Бюракан и родил сына по имени Бабаджан, и вот зовут их Бабаджаненк; следующий по имени Шалове ушел в Газараван и родил сына по имени Баба, и зовут [их] Бабенк; а некий. по имени Гапо, взяв сестру свою по имени Агута, ушел в Канакер, и зовутся они Гапонк».

Рис. 1. Расположение на карте Армении монастырского комплекса Ованнаванк
Fig. 1. Location on the map of Armenia of the Hovhannavank monastery complex

Рис. 2. Индивид № 1
Fig. 2. Individual No. 1

Рис. 3. Индивид № 2
Fig. 3. Individual No. 2

Рис. 4. Индивид № 3
Fig. 4. Individual No. 3

Рис. 5. Индивид № 4
Fig. 5. Individual No. 4

Рис. 6. Индивид № 5
Fig. 6. Individual No. 5

Рис. 7. Индивид № 6
Fig. 7. Individual No. 6

Рис. 8. Os Incae multipartitum, foramina parietalia
Fig. 8. Os Incae multipartitum, foramina parietalia

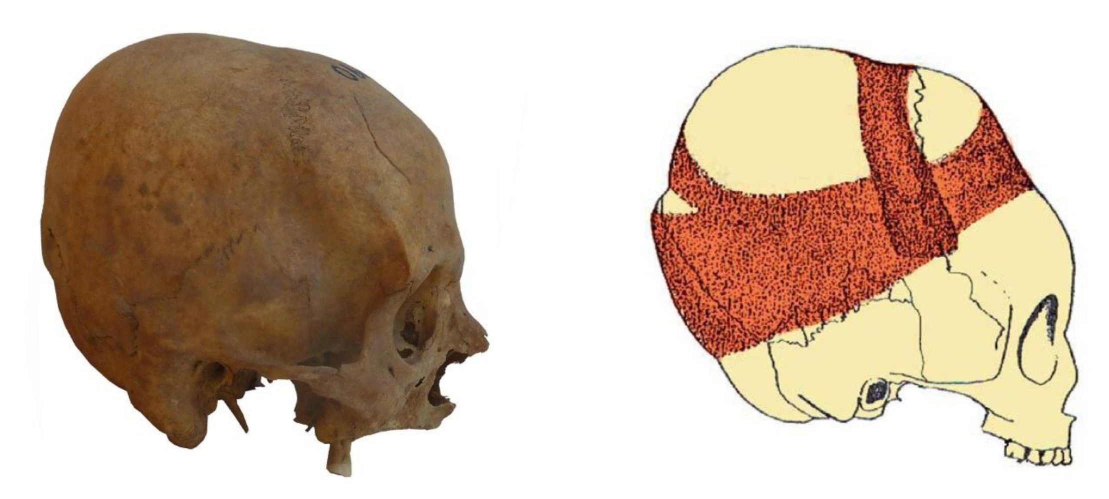

Рис. 9. Искусственная деформация черепа (индивид 1)
Fig. 9. Artificial deformation of the skull (individual 1)

Рис. 10. Искусственная деформация черепа (индивид 1)
Fig. 10. Artificial deformation of the skull (individual 1)

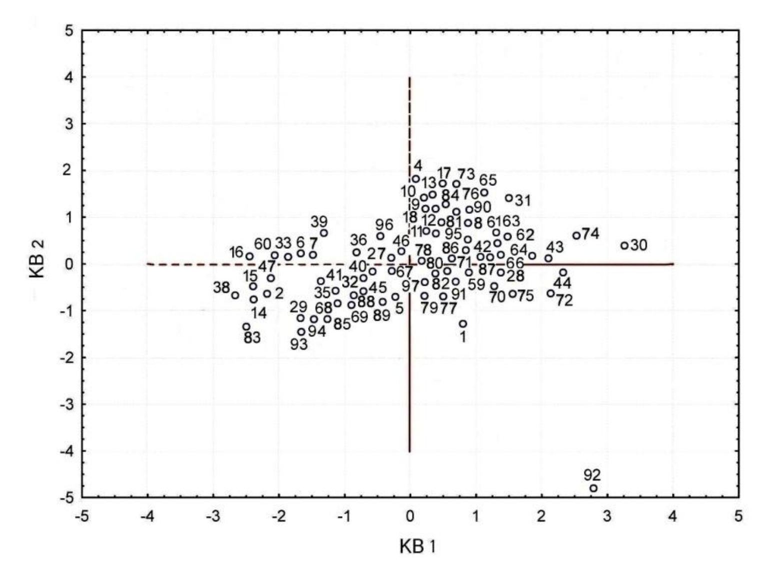

Рис. 11. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Номера серий в соответствии с табл. 3
Fig. 11. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. Series numbers in accordance with Table. 3

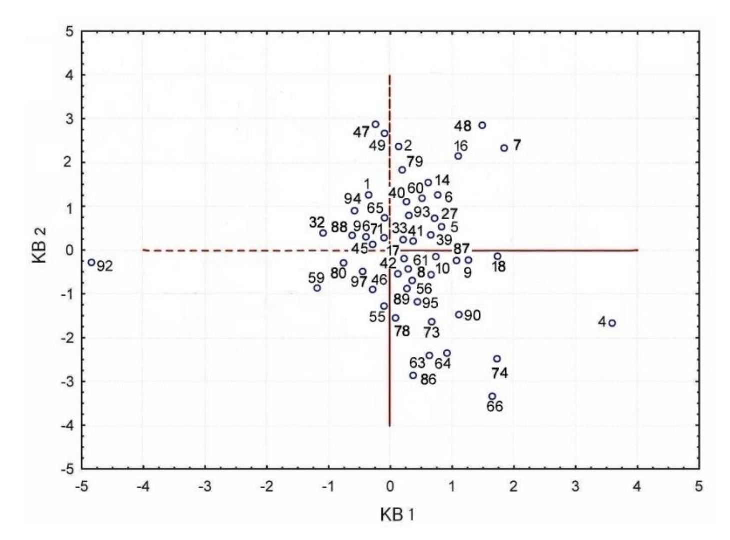

Рис. 12. Положение женских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Номера серий в соответствии с табл. 1
Fig. 12. Position of female craniological series in the space of the first and second canonical vectors. Series numbers in accordance with Table 1

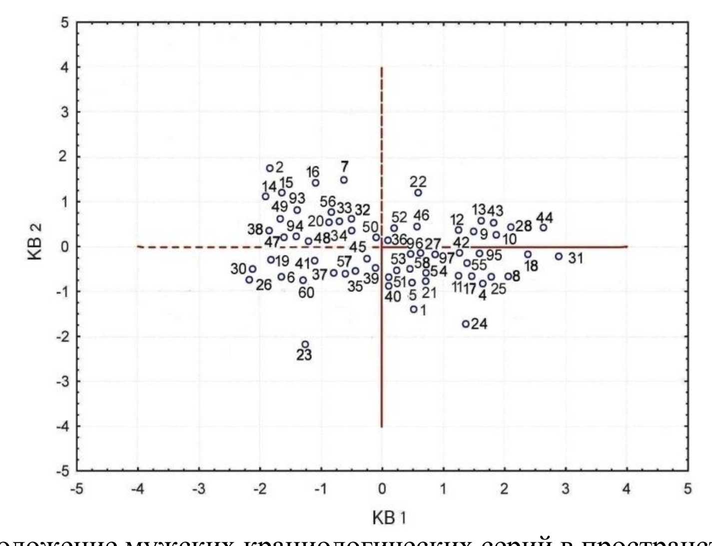

Рис. 13. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Номера серий в соответствии с табл. 1
Fig. 13. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. Series numbers in accordance with Table 1

Список литературы

1. Абдушелишвили М.Г. 1964. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, Мецниереба, 206.

2. Абдушелишвили М.Г. 1972. Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индо-средиземноморской расы. Советская этнография. 6: 119–129.

3. Джавахишвили Э.Н. 1966. Сионская краниологическая серия. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, Мецниереба, 89–133.

4. Алексеев В.П. 1974. Происхождение народов Кавказа. М., Наука, 317.

5. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия (методика антропологических исследований). М., Наука, 128.

6. Алишан Г. 1890. Аздарар. Венеция, 173 (на арм. яз.).

7. Гаджиев А.Г. 1965. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 232.

8. Геродот. 1986. История. Ереван, 890 (на арм. яз.).

9. Даврижеци А. 1891. Книга истории. Вагаршапат, 309 (на арм. яз.).

10. Дебец Г.Ф. 1956. Антропологические исследования в Дагестане. Труды Института этнографии. 33: 207–237.

11. Дьяченко В.И. 1988. Воспитание детей у якутов. Традиционное воспитания детей у народов Сибири. Вып. 8. Ленинград: 46–49.

12. Жиров Е.В. 1940. Об искусственной деформации головы. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 8: 81–88.

13. Закарян Л.Д. 1973. Об одном рельефе Ованаванка. Историко-филологический журнал. 1: 292–296.

14. Зубов А.А. 1968а. Одонтология (методика антропологических исследований). М., Наука, 200.

15. Зубов А.А. 1968б. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас. Проблемы эволюции человека и его рас. М.: 5–122.

16. Канакерци З. 1870. Хроника. Том III. Вагаршапат, 300 (на арм. яз.).

17. Канакерци З. 1969. Хроника. Перевод с арм. Предисл. и комм. М.О. Дарбинян-Мамиконян. М., 213 (на арм. яз.).

18. Кафадарян К. 1948. Ованаванк и его надписи. Ереван, НАН РА, 121 (на арм. яз.).

19. Костаньянц К. 1913. Лапидарная летопись. С.-Петербург, 207.

20. Козинцев А.Г. 1974. Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа в свете данных археологии. Антропология и геногеография. М.: 198–214.

21. Натишвили А.Н., Абдушелишвили М.Г. 1955. Предварительные данные об антропологических исследованиях грузинского народа. Краткие сообщения Института этнографии. XXII: 60–71.

22. Новый словарь армянского языка (Айказян). 1981. Том II. Ереван, 1067 (на арм. яз.).

23. Манучарян А.Г. 2019. Эпиграфически-историографические исследования истории армянской церкви. Ереван, 301 (на арм. яз.).

24. Миклашевская Н.Н. 1959. Некоторые данные по палеоантропологии Дагестана. Материалы археологии Дагестана. 1: 89–110.

25. Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа. Вопросы антропологии. 51: 127–150.

26. Овсепян Г. 1944. Материалы и исследования по истории армянского искусства и культуры. Том III. Нью-Йорк, 501 (на арм. яз.).

27. Орбели И.А. 1915. Надпись санаинского моста. Христианский Восток. IV (II): 191–194.

28. Попов А.Н., Чикашева Т.А., Шпакова Е.Г. 1997. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск, Наука, 95.

29. Тораманян Т. 1948. Материалы по истории армянской архитектуры. Том II. Ереван, 305 (на арм. яз.).

30. Трофимова Т.А. 1956. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. Труды института этнологии. Антропологический сборник. XXXIII: 73–115.

31. Худавердян А.Ю. 2005. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван, Ван Арьян, 286.

32. Худавердян А.Ю. 2016. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении). Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (32): 103–114.

33. Худавердян А.Ю., Жамкочян А.С., Акопян Н.Г. 2016. Население Ованнаванка в эпоху средневековья. Биологический журнал Армении НАН РА. 4 (LXIX): 13–21.

34. Худавердян А.Ю., Гаспарян Б.З., Пинхаси Р., Канаян А.С., Ованесян Н.А. 2017. Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2 (37): 72–93.

35. Худавердян А.Ю., Жамкочян А.С., Акопян Н.Г., Бабаян Ф.С., Енгибарян А.А., Хачатрян А.А., Еганян Л.Г. 2018. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (40): 60–88.

36. Шахазиз Е. 1987. История Аштарака. Ереван, 350 (на арм. яз.).

37. Шевченко А.В. 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы. Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: 121–215.

38. Aufderheide A.C., Rodríguez-Martín C. 1998. The Cambridge encyclopaedia of human palaeopathology. Cambridge, Cambridge University Press, 496.

39. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. Standards of data collection from human skeletal remains. Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey Research Series, 272.

40. Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. 1984. Indications of stress from bones and teeth. In: Paleopathology at the origins of agriculture. New York: 13–49.

41. Goodman A.H., Armelagos G.J. 1989. Infant and Childhood Morbidity and Mortality Risks in Archaeological Populations. In: World Archaeology. 21 (2): 225–243.

42. Hillson S. 1996. Dental anthropology. Cambridge, Cambridge University Press, 392.

43. Hershkovitz I., Greenwald C.M., Latimer B., Jellema L.M., Wish-Baratz S., Eshed V., Dutour O., Rothschild B.M. 2002. Serpens endocrania symmetrica (SES): a new term and possible clue for identifying intrathoracic disease in skeletal populations. In: American journal of Physical Anthropology. 118: 201–216.

44. Khudaverdyan A.Yu. 2011a. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia. In: Anthropos. 106 (2): 602–609.

45. Khudaverdyan A.Yu. 2011b. Trepanation and artificial cranial deformations in ancient Armenia. In: Anthropological Review. 74 (1): 39–55.

46. Larsen C.S. 1997. Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton. Cambridge, 461.

47. Lewis M.E. 2004. Endocranial lesions in non-adult skeletons: understanding their aetiology. In: International Journal of Osteoarchaeology. 14: 82–97.

48. Nussinovitch M., Yoeli R., Elishkevitz K., Varsano I. 2004. Acute mastoiditis in children: Epidemiologic, clinical, microbiologic, and therapeutic aspects over past years. In: Clinical Pediatrics (Phila). 43: 261–267.

49. Ortner D.J. 2003. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd edition. San Diego and London, Academic Press, 645.

50. Ortner D.J., Putschar W.G.J. 1981. Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains. Washington, Smithonian Institution Press, 480.

References

1. Abdushelishvili M.G. 1964. Antropologiâ drevnego i sovremennogo naseleniâ Gruzii [Anthropology of the ancient and modern population of Georgia]. Tbilisi, Mecniereba, 206 (in Russian).

2. Abdushelishvili M.G. 1972. Materialy sovmestnykh sovetsko-indiyskikh antropologicheskikh issledovaniy v svete obshchikh problem genezisa indo-sredizemnomorskoy rasy [Materials of joint Soviet-Indian anthropological research in the light of general problems of the genesis of the Indo-Mediterranean race]. Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 6: 119–129 (in Russian).

3. Dzhavakhishvili E.N. 1966. Sionskaya kraniologicheskaya seriya [Zion Craniological Series]. In: K kraniologii drevnego i sovremennogo naseleniya Kavkaza [On the craniology of the ancient and modern population of the Caucasus]. Tbilisi, Mecniereba, 89–133 (in Russian).

4. Alekseev V.P. 1974. Proiskhozhdeniye narodov Kavkaza [Origin of the peoples of the Caucasus]. M., Nauka, 317.

5. Alekseev V.P., Debets G.F. 1964. Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovanii [Craniometry (method of anthropological research)]. M., Nauka, 128 (in Russian).

6. Alishan G. 1890. Azdarar. Venetsiya, 173 (in Armenian).

7. Gadzhiyev A.G. 1965. Proiskhozhdeniye narodov Dagestana (po dannym antropologii) [The origin of the peoples of Dagestan (according to anthropology)]. Makhachkala, 232 (in Russian).

8. Herodot. 1986. Istoriya [History]. Yerevan, 890 (in Armenian).

9. Davrizhetsi A. 1891. Kniga istorii [History book]. Vagarshapat, 309 (in Armenian).

10. Debets G.F. 1956. Antropologicheskiye issledovaniya v Dagestane [Anthropological research in Dagestan]. In: Trudy Instituta etnografii [Proceedings of the Institute of Ethnography]. 33: 207–237 (in Russian).

11. D'yachenko V.I. 1988. Vospitaniye detey u yakutov [Raising children among the Yakuts]. In: Traditsionnoye vospitaniya detey u narodov Sibiri [Traditional parenting among the peoples of Siberia]. Vyp. 8. Leningrad: 46–49 (in Russian).

12. Zhirov Ye.V. 1940. Ob iskusstvennoy deformatsii golovy [On artificial head deformation]. In: Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. 8: 81–88 (in Russian).

13. Zakaryan L.D. 1973. Ob odnom rel'yefe Ovanavanka [About one relief of Hovhannavank]. In: Istoriko-filologicheskiy zhurnal [Historical and Philological Journal]. 1: 292–296 (in Russian).

14. Zubov A.A. 1968a. Odontologiya (metodika antropologicheskikh issledovaniy) [Odontology (methodology of anthropological research)]. M., Nauka, 200 (in Russian).

15. Zubov A.A. 1968b. Nekotoryye dannyye odontologii k probleme evolyutsii cheloveka i yego ras [Some odontological data on the problem of the evolution of man and his races]. In: Problemy evolyutsii cheloveka i yego ras [Problems of evolution of man and his races]. M.: 5–122 (in Russian).

16. Kanakertsi Z. 1870. Khronika [Chronicle]. Tom III. Vagarshapat, 300 (in Armenian).

17. Kanakertsi Z. 1969. Khronika [Chronicle]. Perevod s arm. Predisloviye i kommentarii M.O. Darbinyan-Mamikonyan. M., 213 (in Armenian).

18. Kafadaryan K. 1948. Ovanavank i yego nadpisi [Hovhannavank and its inscriptions]. Yerevan, NAN RA, 121 (in Armenian).

19. Kostan'yants K. 1913. Lapidarnaya letopis' [Lapidary Chronicle]. S.-Peterburg, 207 (in Russian).

20. Kozintsev A.G. 1974. Problema proiskhozhdeniya antropologicheskikh tipov Severnogo Kavkaza v svete dannykh arkheologii [The problem of the origin of anthropological types of the North Caucasus in the light of archeological data]. In: Antropologiya i genogeografiya [Anthropology and genogeography]. M.: 198–214 (in Russian).

21. Natishvili A.N., Abdushelishvili M.G. 1955. Predvaritel'nyye dannyye ob antropologicheskikh issledovaniyakh gruzinskogo naroda [Preliminary data on anthropological studies of the Georgian people]. In: Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii [Brief reports of the Institute of Ethnography]. XXII: 60–71 (in Russian).

22. Novyy slovar' armyanskogo yazyka (Aykazyan) [New Dictionary of the Armenian Language (Haykazyan)]. 1981. Tom II. Yerevan, 1067 (in Armenian).

23. Manucharyan A.G. 2019. Epigraficheski-istoriograficheskiye issledovaniya istorii armyanskoy tserkvi [Epigraphic and Historiographic Studies of the History of the Armenian Church]. Yerevan, 301 (in Armenian).

24. Miklashevskaya N.N. 1959. Nekotoryye dannyye po paleoantropologii Dagestana [Some data on paleoanthropology of Dagestan]. In: Materialy arkheologii Dagestana [Archeological materials of Dagestan]. 1: 89–110 (in Russian).

25. Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Rychkov Yu.G. 1975. Programma i metodika issledovaniya anomaliy cherepa [Program and methodology for the study of skull anomalies]. In: Voprosy antropologii [Anthropological issues]. 51: 127–150 (in Russian).

26. Ovsepyan G. 1944. Materialy i issledovaniya po istorii armyanskogo iskusstva i kul'tury [Materials and research on the history of Armenian art and culture]. Tom III. New York, 501 (in Armenian).

27. Orbeli I.A. 1915. Nadpis' sanainskogo mosta [Sanahin bridge inscription]. In: Khristianskiy Vostok [Christian East]. IV (II): 191–194 (in Russian).

28. Popov A.N., Chikasheva T.A., Shpakova Ye.G. 1997. Boysmanskaya arkheologicheskaya kul'tura Yuzhnogo Primor'ya (po materialam mnogosloynogo pamyatnika Boysmana-2) [Boisman archaeological culture of South Primorye (based on materials from the Boisman-2 multilayer site)]. Novosibirsk, Nauka, 95 (in Russian).

29. Toramanyan T. 1948. Materialy po istorii armyanskoy arkhitektury [Materials on the history of Armenian architecture]. Tom II. Yerevan, 305 (in Armenian).

30. Trofimova T.A. 1956. Antropologicheskiy sostav naseleniya g. Bolgary v X–XV vv. [Anthropological composition of the population of the city of Bulgar in the X–XV centuries.]. In: Trudy instituta etnologii. Antropologicheskiy sbornik [Proceedings of the Institute of Ethnology. Anthropological collection]. XXXIII: 73–115 (in Russian).

31. Khudaverdyan A.Yu. 2005. Atlas paleopatologicheskikh nakhodok na territorii Armenii [Atlas of paleopathological findings in Armenia]. Yerevan, Van Ar'yan, 286 (in Russian).

32. Khudaverdyan A.Yu. 2016. Bioarkheologicheskiye podkhody k izucheniyu sledov iskusstvennogo vozdeystviya na cherep (na primere populyatsiy epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii) [Bioarchaeological approaches to the study of traces of artificial impact on the skull (on the example of populations of the Bronze Age and the Early Iron Age from the territory of Armenia)]. In: Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 1 (32): 103–114 (in Russian).

33. Khudaverdyan A.Yu., Zhamkochyan A.S., Akopyan N.G. 2016. Naseleniye Ovannavanka v epokhu srednevekov'ya [Population of Hovhannavank in the Middle Ages]. In: Biologicheskiy zhurnal Armenii NAN RA [Biological Journal of Armenia NAS RA]. 4 (LXIX): 13–21 (in Russian).

34. Khudaverdyan A.Yu., Gasparyan B.Z., Pinkhasi R., Kanayan A.S., Ovanesyan N.A. 2017. Kompleksnoye issledovaniye antropologicheskikh materialov pozdnego eneolita iz peshchery Areni 1 [Comprehensive study of anthropological materials of the late Eneolithic from the Areni 1 cave]. In: Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2: 72–93 (in Russian).

35. Khudaverdyan A.Yu., Zhamkochyan A.S., Akopyan N.G., Babayan F.S., Yengibaryan A.A., Khachatryan A.A., Yeganyan L.G. 2018. Antropologicheskiye osobennosti naseleniya Armyanskogo nagor'ya i etnogeneticheskaya situatsiya na Yuzhnom Kavkaze v epokhu srednevekov'ya [Anthropological characteristics of the population of the Armenian Highlands and the ethnogenetic situation in the South Caucasus in the Middle Ages]. In: Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 1 (40): 60–88 (in Russian).

36. Shakhaziz Ye. 1987. Istoriya Ashtaraka [Ashtarak history]. Yerevan, 350 (in Armenian).

37. Shevchenko A.V. 1986. Antropologiya naseleniya yuzhno-russkikh stepey v epokhu bronzy [Anthropology of the population of the southern Russian steppes in the Bronze Age]. In: Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Yevropeyskoy chasti SSSR [Anthropology of the modern and ancient population of the European part of the USSR]. L.: 121–215 (in Russian).

38. Aufderheide A.C., Rodríguez-Martín C. 1998. The Cambridge encyclopaedia of human palaeopathology. Cambridge, Cambridge University Press, 496.

39. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. Standards of data collection from human skeletal remains. Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey Research Series, 272.

40. Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. 1984. Indications of stress from bones and teeth. In: Paleopathology at the origins of agriculture. New York: 13–49.

41. Goodman A.H., Armelagos G.J. 1989. Infant and Childhood Morbidity and Mortality Risks in Archaeological Populations. In: World Archaeology. 21 (2): 225–243.

42. Hillson S. 1996. Dental anthropology. Cambridge, Cambridge University Press, 392.

43. Hershkovitz I., Greenwald C.M., Latimer B., Jellema L.M., Wish-Baratz S., Eshed V., Dutour O., Rothschild B.M. 2002. Serpens endocrania symmetrica (SES): a new term and possible clue for identifying intrathoracic disease in skeletal populations. In: American journal of Physical Anthropology. 118: 201–216.

44. Khudaverdyan A.Yu. 2011a. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia. In: Anthropos. 106 (2): 602–609.

45. Khudaverdyan A.Yu. 2011b. Trepanation and artificial cranial deformations in ancient Armenia. In: Anthropological Review. 74 (1): 39–55.

46. Larsen C.S. 1997. Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton. Cambridge, 461.

47. Lewis M.E. 2004. Endocranial lesions in non-adult skeletons: understanding their aetiology. In: International Journal of Osteoarchaeology. 14: 82–97.

48. Nussinovitch M., Yoeli R., Elishkevitz K., Varsano I. 2004. Acute mastoiditis in children: Epidemiologic, clinical, microbiologic, and therapeutic aspects over past years. In: Clinical Pediatrics (Phila). 43: 261–267.

49. Ortner D.J. 2003. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd edition. San Diego and London, Academic Press, 645.

50. Ortner D.J., Putschar W.G.J. 1981. Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains. Washington, Smithonian Institution Press, 480.

Таблица 1
Table 1

Индивидуальные, средние размеры и указатели позднесредневековых черепов из Ованаванка
Individual, average sizes and indexes of late medieval skulls from Hovhannavank

№ по Мартину и др.	Признак	I ♀	II ♂	III ♀	IV ♂	V ♀	VI ♂	♂	♀
1	Продольный диаметр	170	168	165	169	–	–	168.5	167.5
8	Поперечный диаметр	147	133	140	140	145	142	138.4	144
8:1	Черепной указатель	87.36	79.17	84.85	82.85	–	–	81.1	86.2
17	Высотный диаметр от ba	133	134	142	135	125?	–	134.5	133.4
17:1	Высотно-продольный указатель	78.24	79.77	86,07	79.89	–	–	79.9	82.2
17:8	Высотно-поперечный указатель	89.57	100.76	101,43	96.43	86.21	–	98.6	92.4
20	Высотный диаметр от po	117	119.8	117.9	115	–	–	117.4	117.5
20:1	Высотно-продольный указатель	68.83	71.31	71.46	68.05	–	–	69.7	70.2
20:8	Высотно-поперечный указатель	79.592	90.08	84.22	82.15	–	–	86.2	81.91
5	Длина основания черепа	98.5	98	101.5	97	–	–	97.5	100
9	Наименьшая ширина лба	91.5	97	103	89.2	–	–	93.1	97.3
9:8	Лобно-поперечный указатель	61.62	72.94	73.58	63.72	–	–	68.33	67.6
10	Наибольшая ширина лба	122	119	127	119	–	–	119	124.5
11	Ширина основания черепа	122	123	122	127	129	117	122.4	124.4
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	82.99	92.49	87.15	90.72	88.97	82.39	88.6	86.4
12	Ширина затылка	115	107.5?	109	113	111	106	108.9	111.7
29	Лобная хорда	111.5	111.5	107	111.5	–	–	111.5	109.3
30	Теменная хорда	104	101	108	102	103	111	104.7	105
31	Затылочная хорда	96?	100.5	92.5	102.8	94.2	93	98.8	94.3
40	Длина основания лица	83.5	97.8	88	101	–	–	99.4	85.8
40:5	Указатель выступания лица	84.78	99.796	86.69	104.13	–	–	101.97	85.8
45	Скуловой диаметр	127.5	136	126.5	133	–	–	134.5	127
48	Верхняя высота лица	62.8	76	71	76.8	–	–	76.4	66.9
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	86.74	102.26	90.36	95	–	–	98.7	88.6
9:45	Лобно-скуловой указатель	71.77	71.33	81.43	67.07	–	–	69.2	76.6
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	47.22	81.35	50	56.89			69.2	48.7
48:45	Верхний лицевой указатель	49.26	55.89	56.13	57.75	–	–	56.83	52.7
46	Средняя ширина лица	90.5	101.5	89.5	92	–	–	96.8 (2)	90 (2)
60	Длина альвеолярной дуги	47?	54	48	55?	–	–	54.5	47.5
61	Ширина альвеолярной дуги	52.8	61.8	60.5	60.5	–	–	61.2	56.7

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
62	Длина неба	37.8?	43.7	38	49	–	–	46.4	37.9
63	Ширина неба	31	35	31	34.5?	–	–	34.8	31
63:62	Небный указатель	82.02	80.092	81.58	70.41	–	–	75.3	81.8
55	Высота носа	54	59	52	55	–	–	57	53
54	Ширина носа	26?	29	22	24	–	–	26.5	24
54:55	Носовой указатель	48.15	49.16	42.31	43.64	–	–	46.4	45.3
51	Ширина орбиты от mf	40.8	44	43	41?	–	–	42.5	41.9
51a	Ширина орбиты от d	38	40	37.8	38	–	–	39	37.9
52	Высота орбиты	35.5	35.5	36	38	–	–	36.8	35.8
52:51	Орбитный указатель (mf)	87.01	80.69	83.73	92.69	–	–	86.7	85.4
52:51	Орбитный указатель (d)	93.43	88.75	95.24	100	–	–	94.4	94.4
MC	Максиллофронтальная ширина	16	21.8	21	18	–	–	19.9	18.5
MS	Максиллофронтальная высота	9	11.5	10	10	–	–	10.8	9.5
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	56.25	52.76	47.62	55.56	–	–	54.2	51.94
DC	Дакриальная ширина	18.5	27	27	22	–	–	24.5	22.8
DS	Дакриальная высота	13	17.5	16	11.5	–	–	14.5	14.5
DS:DC	Дакриальный указатель	70.28	64.82	59.26	52.28	–	–	58.6	64.8
SC	Симотическая ширина	9	14.5	10.2	8.2	–	–	11.4	9.6
SS	Симотическая высота	4.5	8	5	3.8	–	–	5.9	4.8
SS:SC	Симотический указатель	50	55.18	49.02	46.35	–	–	50.8	49.6
32n	Угол профиля лба от назиона	82	81	86	80	–	–	80.5	84
32gl	Угол профиля лба от глабеллы	80	75	82	71	–	–	73	81
72	Общий лицевой угол	97?	88	88	78	–	–	83	87.5
73	Средний лицевой угол	92	87	84	79	–	–	83	88
74	Угол альвеолярной части	99?	99	98	77	–	–	88	98.5
75(1)	Угол выступания носа	31	34	32	32	–	–	33	31.5
77	Назомалярный угол	139	135	131	145	–	–	140	135
<zm	Зигомаксиллярный угол	125	126	126	125	–	–	125.5	125.5
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	99	93.8	103	108	–	–	100.9	101
79	Угол ветви н.ч.	32.5	39	42	30.5	–	–	34.8	37.3
68	Длина н.ч. от углов	73	73.8	73.2	80	–	–	76.9	73.1
70	Высота ветви	60.5	61	52	68	–	–	64.5	56.3
71a	Наименьшая ширина ветви	27	30	29.2	32	–	–	31	28.1
65	Мыщелковая ширина	114	116	114	120	–	–	118	114
66	Угловая ширина	96	103	107	103	–	–	103	101.5
67	Передняя ширина	43	41.8	43	50	–	–	45.9	43
69	Высота симфиза	27	29.5	32.8	30	–	–	29.8	29.9
69 (1)	Высота тела	21	26.8	23.5	27	–	–	26.9	22.3
69 (2)	Толщина тела	11	12	13	17	–	–	14.5	12
47	Полная высота лица	125?	118.8	113.5	124.5	–	–	121.7	119.3

Таблица 2
Table 2

Размеры зубов индивидов из Ованнаванка
Teeth sizes of individuals from Hovhannavank

	Нижняя челюсть Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}							
	Индивид 1. прав. лев.		***Индивид 2.*** прав. лев.		***Индивид 3.*** прав. лев.		***Индивид 4.*** прав. лев.	
I1	–	–	–	–	–	–	–	–
I2	–	–	–	–	–	–	–	–
C	–	–	–	–	7.6	7.9	8.1	–
P1	–	–	–	7.7	–	7.6	7.5	7.5
P2	–	–	–	–	–	–	7.9	7.8
M1	–	–	–	–	10.2	10	10.8	9.9
M2	–	–	9.4	–	9.9	9.9	10.4	–
M3	8.5	9	9.5	9.4	–	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}							
I1	–	–	–	–	–	–	–	–
I2	–	–	–	–	–	–	–	–
C	–	–	–	–	6.8	6.8	6.8	–
P1	–	–	–	6.2	–	7.3	6.9	6.5
P2	–	–	–	–	–	–	7.1	6.8
M1	–	–	–	–	10.8	10.8	11.2	10.1?
M2	–	–	10.7	–	11	11	10.3	–
M3	7.9?	10.1	10.8	10.5	–	–	–	–
	Высота коронки H_{cor}							
M1	–	–	–	–	7.1	7.6	3.7	–
M2	–	–	4.5	–	7.1	7.6	3	5.2
M3	3.8	5.1	3.3	3.5	–	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}							
M1	–	–	–	–	8.3	8.5	8.7	–
M2	–	–	7.8	–	9.8	9.3	8.6	8.9
M3	–	–	8.9	8.9	–	–	–	–
	Площада коронки MD × VL							
M1	–	–	–	–	110.16	108	120.96	99.99
M2	–	–	100.58	–	108.9	108.9	107.12	–
M3	67.15	90.9	102.6	98.7	–	–	–	–
	Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) × 100							
M1	–	–	–	–	94.45	92.6	96.43	98.02
M2	–	–	87.86	–	90	96.43	100.98	–
M3	107.6	89.11	87.97	89.53	–	–	–	–
	Модуль коронки m_{cor} MD + VL / 2							
M1	–	–	–	–	10.5	10.4	11	10
M2	–	–	10.05	–	10.45	10.45	10.35	–
M3	8.2	9.55	10.15	9.95	–	–	–	–
	Верхняя челюсть Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}							
	прав. лев.		прав. лев.		прав. лев.		прав. лев.	
I1	–	–	–	–	–	–	–	–
I2	–	–	–	–	–	–	6.5	6.3
C	–	–	–	–	–	–	8.2	8.6

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
P1	–	–	–	–	–	–	8.9	8.8
P2	–	–	–	–	–	–	8.8	–
M1	–	–	–	–	11	11.5	–	–
M2	–	–	10.2	10.2	12.2	12	–	–
M3	10	–	–	–	–	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}							
I1	–	–	–	–	–	–	–	–
I2	–	–	–	–	–	–	6.7	6.5
C	–	–	–	–	–	–	6.7	6.2
P1	–	–	–	–	–	–	6.9	6.3
P2	–	–	–	–	–	–	5.6	–
M1	–	–	–	–	10.6	10.7	–	–
M2	–	–	8.8	8.7?	9.9	9.8	–	–
M3	7.9	–	–	–	–	–	–	–
	Высота коронки H_{cor}							
M1	–	–	–	–	6	6.9	–	–
M2	–	–	4.5	4.4	7.2	7	–	–
M3	4.8	–	–	–	–	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}							
M1	–	–	–	–	6.5	7.5	–	–
M2	–	–	7.4	7.3?	7.8	8.5	–	–
M3	6.2	–	–	–	–	–	–	–
	Площада коронки MD × VL							
M1	–	–	–	–	116.6	120.05	–	–
M2	–	–	89.76	88.74	120.78	117.6	–	–
M3	79	–	–	–	–	–	–	–
	Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) × 100							
M1	–	–	–	–	103.78	107.48	–	–
M2	–	–	115.91	117.25	123.24	122.45	–	–
M3	126.6	–	–	–	–	–	–	–
	Модуль коронки m_{cor} MD + VL / 2							
M1	–	–	–	–	10.8	11.1	–	–
M2	–	–	9.5	9.45	11.5	10.9	–	–
M3	8.95	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 3
Table 3

Список серий, привлеченных к сравнительному анализу
List of series involved in comparative analysis

	Регион, местность, серия	Датировка
1	Двин	V–VI вв.
2	Армавир	XII–XIII вв.
3	Бюракн /деформированные черепа/	XII–XIII вв.
4	Ованнаванк	–
5	Гарни	ранне-феодальный период
6	Бениамин	II–III в.
7	Грузия: Самтавро	IV–IX вв. /ранне-феодальный период/
8	Грузия: Рустави	поздне-феодальный период
9	Грузия: Душети	–

Продолжение табл. 3

1	2	3
10	Грузия: Хевсури	–
11	Грузия: Сиони I	VII–X вв.
12	Грузия: Сиони II	XII–XIII вв.
13	Грузия: Сиони III	XVII–XVIII вв.
14	Мингечаур I /катакомбные погребения /без деформ. черепа/	I–VII вв.
15	Мингечаур II /катакомбные погребения /слабо деформ. черепа/	–
16	Мингечаур III /катакомбные погребения /сильно деформ. черепа/	–
17	Мингечаур IV //погребения христианского типа/	VII–IX вв.
18	Самухский р-н Азербайджана /погребения мусульманского типа/	XIV–XVII вв.
19	Месопотамия: Ниппур	IX–X вв.
20	Месопотамия: Тель Губба	Исламское время
21	Месопотамия: Тель Сонгар	Исламское время
22	Месопотамия: Ассур	Исламское время
23	Турция: Богазкой	V–XI вв.
24	Иран: Шах Тепе	VIII–X вв.
25	Иран Туранг Тепе	X вв.
26	Израиль: Бедунны	XVII–XVIII вв.
27	Дагестан: Верхний Чир-Юрт	V–VII вв.
28	Дагестан: Гоцатль	VIII–X вв.
29	Дагестан: Дегва	–
30	Дагестан: Узунтала	IX–XI вв.
31	Дагестан: Миатли	XII–XIII вв.
32	Краснодарский край: Гамовское и ближайшие ущелья	V–VII вв.
33	Краснодарский край: Жукова	XIII–XIV вв.
34	Краснодарский край: Ильичевское городище	XIV–XVI вв.
35	Краснодарский край: храм у с. Веселое, склеп	IX–XI вв.
36	Краснодарский край: храм у с. Веселое, некрополь храма	–
37	Краснодарский край: храм у с. Веселое, наос храма	–
38	Краснодарский край: храм у с. Веселое, притворы храма	–
39	Карачаево-Черкесия: ранняя группа	III–V вв.
40	Карачаево-Черкесия: поздняя группа	VIII–XII вв.
41	Карачаево-Черкесия: Нижний Архыз	–
42	Кабардино-Балкария: Чегем	XIV–XV вв.
43	Кабардино-Балкария: Нижний Джулат	–
44	Северная Осетия: Моздок	XII–XIV вв.
45	Северная Осетия: Змейская	X–XII вв.
46	Северная Осетия: Верхний Джулат	XIV–XVII вв.
47	Северная Осетия: Мамисондон (сум.)	VIII–X вв.
48	Северная Осетия: холм-1	–
49	Северная Осетия: ОЧМ	–
50	Северная Осетия: Дзавгис-15	XIV–XVI вв.
51	Северная Осетия: Дзавгис-18	–
52	Северная Осетия: Дзавгис-21	–
53	Северная Осетия: Дзавгис-3	–
54	Северная Осетия: Верхняя Кобан	XIV–XVI вв.
55	Осетия: Харх	X–XIII вв.
56	Чечено-Ингушетия: Дуба-Юрт	IX–X вв.
57	Чечено-Ингушетия: Кели-1	XIV–XVI вв.
58	Чечено-Ингушетия: Кели-2	–
59	Ставропольский край: Маджары	XIV–XV вв.

Окончание табл. 3

1	2	3
60	Северо-Западный Кавказ: Мощевая Балка	VI–VIII вв.
61	Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья	II–IV вв.
62	–	V–VII в.
63	–	VII–IX (X) вв.
64	Астраханская область: Бугор Вакуровский	XIV в.
65	Астраханская область: Маячный II	–
66	Астраханская область: Самосделка	XVI в.
67	Волжская Булгария: г. Биляр	X–XIII вв.
68	Волжская Булгария: г. Булгар, «Бабий бугор»: суммарно	X–XV вв.
69	Волжская Булгария: г. Булгар, «Рядовой»	–
70	Волжская Булгария: г. Булгар, «Четырехугольник»	X–XIII вв.
71	Волжская Булгария: г. Булгар, «Минарет»	XIII–XV вв.
72	Волжская Булгария: г. Булгар, «Культурный слой»	–
73	Волжская Булгария: г. Булгар, «Греческая палата»	XIV вв.
74	Средняя Волга: Ханская усыпальница	XIV–XV вв.
75	Средняя Волга: Четырехугольник 1	X–XIII вв.
76	Средняя Волга: Четырехугольник 2	XIII–XV вв.
77	Средняя Волга: Четырехугольник 3	X–XII вв.
78	Средняя Волга: 1 Старокуйбышевский	эпоха до Золотой Орды
79	Средняя Волга: 1 Старокуйбышевский	эпоха Золотой Орды
80	Средняя Волга: Измерский	XI–XIII вв.
81	Средняя Волга: Такталачукский	XIII–XIV вв.
82	Средняя Волга: Азметьевский	–
83	Средняя Волга: Барбашина Поляна	–
84	Средняя Волга: г. Болгары (Р 45)	–
85	Средняя Волга: Муромский городок	X–XIII вв.
86	Средняя Волга: Мавзолеи г. Болгара	–
87	Средняя Волга: Памятный знак	–
88	Средняя Волга: район бывшего аэродрома	–
89	Средняя Волга: каменный мавзолей (CLXXIV)	–
90	Средняя Волга: северная часть Болгарского городища (CXCI)	–
91	Волго-Уралье: Букеевская степь	XIV в.
92	Украина: Чигирин	XVI–XVII в.
93	Западная Украина	черняховская культура
94	Дунайско-Днестровский регион: Буджак	–
95	Молдова: Старый Орхей-1	XIV в.
96	Молдова: Старый Орхей-2	XV в.
97	Молдова: Старый Орхей-3	XVI–XVII вв

Таблица 4
Table 4

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Мужчины
Elements of the first three canonical vectors (CV). Men

№ по Мартину *и др.*	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	<u>-0,579</u>	-0,121	0,355
8	Поперечный диаметр	<u>0,819</u>	0,215	-0,245
17	Высотный диаметр	-0,304	0,182	-0,232
9	Наименьшая ширина лба	<u>-0,584</u>	0,347	-0,176
45	Скуловая ширина	0,306	-0,173	-0,199
48	Верхняя высота лица	0,016	-0,003	0,200

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
55	Высота носа	0,156	-0,064	-0,015
54	Ширина носа	0,052	0,344	0,190
51	Ширина орбиты от mf	0,289	0,080	0,170
52	Высота орбиты	-0,208	0,645	-0,043
77	Назомалярный угол	-0,034	0,158	0,294
zm	Зигомаксиллярный угол	0,119	0,095	0,518
SS:SC	Симотический указатель	0,002	0,291	0,365
75(1)	Угол выступания носа	-0,260	0,207	-0,736
Доля в общей дисперсии (%)		29,970	23,369	13,291

Таблица 5
Table 5

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Женщины
Elements of the first three canonical vectors (CV). Women

№ по Мартину *и др.*	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	0,034	0,582	0,503
8	Поперечный диаметр	0,095	-0,799	-0,464
17	Высотный диаметр	0,240	0,151	-0,220
9	Наименьшая ширина лба	-0,102	0,551	-0,100
45	Скуловая ширина	-0,038	0,029	0,130
48	Верхняя высота лица	-0,645	-0,056	0,216
55	Высота носа	0,699	0,017	-0,035
54	Ширина носа	0,167	-0,094	0,115
51	Ширина орбиты от mf	-0,016	-0,317	-0,126
52	Высота орбиты	0,705	0,040	-0,116
77	Назомалярный угол	0,160	-0,108	0,330
zm	Зигомаксиллярный угол	0,179	-0,173	0,399
SS:SC	Симотический указатель	0,065	-0,105	0,444
75(1)	Угол выступания носа	0,183	0,561	-0,686
Доля в общей дисперсии (%)		43,854	21,460	9,423

Таблица 6
Table 6

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Мужчины
Elements of the first three canonical vectors (CV). Men

№ по Мартину *и др.*	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0,767	0,147	0,065
8	Поперечный диаметр	0,803	-0,255	-0,300
17	Высотный диаметр	0,030	0,300	0,231
9	Наименьшая ширина лба	-0,289	-0,306	0,164
45	Скуловая ширина	0,229	-0,101	0,861
48	Верхняя высота лица	-0,031	-0,217	0,585
55	Высота носа	0,062	0,520	-0,293
54	Ширина носа	0,100	-0,174	-0,139
51	Ширина орбиты от mf	0,361	0,931	-0,475
52	Высота орбиты	-0,008	-0,252	-0,037
Доля в общей дисперсии (%)		46,800	10,854	10,262

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян Нюра Геворковна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван, Армения

Жамкочян Агавни Сизефриевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван, Армения

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван, Армения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nyura G. Hakopyan, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

Agavni S. Zhamkochyan, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

Anahit Yu. Khudaverdyan, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

УДК 94(479.22)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-97-106

Грузия сегодня: актуальные проблемы и новые вызовы в системе высшего образования

Л.А. Черешнева, У. Гаджиева
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, 398020, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42
E-mail: larisa-chereshneva@rambler.ru, ulyagadjieva2000@gmail.com

Аннотация. В статье представлена история развития, становления и существования системы высшего образования Грузии советского и современного периода. Задача авторов – выявить основные проблемы образовательной системы, которая в ходе многочисленных изменений приобретает новые черты, и провести анализ возможных путей решения, представленных в виде национальных проектов. В работе также рассматриваются цели и характерные особенности крупнейших Европейских организаций по созданию единого образовательного пространства, обеспечения качества процесса обучения, полноправным участником которых является Грузия. Особое внимание уделяется Тбилисскому государственному университету имени И.А. Джавахишвили как единственному очагу высшего образования республики с 1918 г. и Академии наук, образованной в 1941 г. Исследуются условия выдачи потребительских кредитов для обучающихся, предоставляемых лидерами финансового сектора страны – «Банком Грузии» и «ТВС Банк». В заключении сделан вывод, что низкие зарплаты учителей и преподавателей, несовершенства «европеизированной» образовательной политики, сложности получения качественного образования представителями многочисленных коренных народов Грузии, слабая материально-техническая база – лишь малая часть «диагнозов», поставленных системе образования и науки республики сегодня.

Ключевые слова: система высшего образования, система образования и науки, Болонский процесс, Тбилисский государственный университет, Академия наук, Европейская ассоциация гарантии качества высшего образования (EQAR), ваучерная система, педагогические кадры, азербайджанцы, национальные меньшинства.

Благодарности: работа выполнена при грантовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи, соглашение № 091-15-2019-104 от 04. 09. 2019.

Для цитирования: Черешнева Л.А., Гаджиева У. 2021. Грузия сегодня: актуальные проблемы и новые вызовы в системе высшего образования. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 97– 106, DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-97-106.

Georgia today: current problems and new challenges in the system of Higher education

Larisa A. Chereshneva, Ulkar Gadjieva
Lipetsk State Pedagogical named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky University,
42 Lenina St., Lipetsk, Lipetsk region, 398020, Russia
E-mail: larisa-chereshneva@rambler.ru, ulyagadjieva2000@gmail.com

Abstract. The article presents the history of the development, formation and existence of the higher education system of Georgia in the Soviet and modern periods. The task of the authors is to identify the main problems of the educational system, which, in the course of numerous improvements and changes, acquires new features, and to analyze the possible solutions presented in the form of national projects. The paper also discusses the goals and characteristics of the largest European organizations to create a

single educational space, to ensure this process with quality, of which Georgia is a full participant. Particular attention is paid to I.A. Javakhishvili Tbilisi State University, as the only center of higher education of the Republic since 1918 and the Academy of Sciences, founded in 1941. We study the conditions for issuing consumer loans for students provided by the leaders of the country's financial sector – the Bank of Georgia and TBC Bank. In conclusion, it was concluded that low salaries for teachers and lecturers, the imperfections of the «Europeanized» educational policy, and difficulties in obtaining the quality education by the representatives of numerous indigenous peoples of Georgia, a weak material and technical base is only that small part of the "diagnoses" made to the current education and science system of the Republic.

Keywords: higher education system, education and science system, Bologna process, Tbilisi State University, Academy of Sciences, European Higher Education Quality Assurance Association (EQAR), voucher system, teaching staff, Azerbaijanis, national minorities.

Acknowledgements: The work is supported by Federal Agency for Youth Affairs № 091-15-2019-104 of 04.09.2019.

For citation: Chereshneva L.A., Gadjieva U. 2021. Georgia today: current problems and new challenges in the system of higher education. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 97–106 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-97-106.

Введение

Быстрая динамика современных трендов глобализации и полицентризации, нестабильность мировой экономики, жесткая конкуренция на рынке труда обуславливают повышение внимания государств, а также частных работодателей к уровню и качеству профессиональных компетенций, осваиваемых специалистами в процессе обучения. Высшее образование «как самая крупная индустрия XX века» является фактором, определяющим благосостояние и само будущее молодежи во всем мире. Каждому развивающемуся государству сегодня свойственна своя образовательная политика, методы реформирования образования в условиях рыночной экономики. К системам, подвергающимся экспериментам и трансформациям во всех периодах истории, относится система высшего образования и науки Грузии.

Грузия – одна из перспективных и привлекательных стран Закавказья, известная местными рекреационными ресурсами, самобытной культурой, историческими достопримечательностями. Однако мало кто знает, что Грузия ежегодно принимает тысячи иностранных студентов, прибывающих из стран СНГ и Европы. Услуги высшего образования республики пользуются спросом благодаря достаточно высокому качеству, в целом стремящемуся соответствовать современным европейским стандартам. Грузинские университеты предлагают иностранным студентам целый спектр преимуществ образовательного процесса, среди которых относительно невысокая стоимость обучения (образование отличается доступностью даже для студентов с ограниченными финансовыми возможностями), выдача дипломов европейского образца, подготовка кадров, востребованных на современном рынке труда, реализация обучения на разных языках, включая подготовительные курсы по изучению государственного языка. Наряду с вышеперечисленными достоинствами системы высшего образования Республики Грузия существует целый перечень проблем, на решение которых направлена государственная политика.

Экскурс в историю

Перед тем как перейти к раскрытию ключевых проблем системы высшего образования и науки Грузии, путей решения выявленных задач, необходимо провести краткий обзор исторического развития республики в составе СССР и в ее независимом статусе отдельного государства. В этой связи особое место следует отвести Тбилисскому государ-

ственному университету, функционирующему с 1918 г. В этом учебном заведении велась качественная подготовка многочисленных кадров разных специальностей для народного хозяйства и культурного развития республики.

Усилиями группы грузинских ученых и академиков во главе с И.А. Джавахишвили университет был значительно расширен. В частности, на базе соответствующих факультетов образовались Тбилисский политехнический институт, Грузинский сельскохозяйственный институт и Тбилисский медицинский институт [Вачнадзе, 1993, с. 155]. В результате комплексной работы Советской власти Тбилисский государственный университет стал одним из самых передовых в Советском Союзе.

Основатели университета избрали наиболее демократический путь комплектования факультетов студентами, предоставив возможность представителям всех слоев населения получать высшее образование [Васадзе, 1975, с. 22]. Однако академик И.А. Джавахишвили, в честь которого названо учебное заведение, утверждал, что жизнь и учеба в городе практически закрывали двери университета для детей из рабочих и крестьянских семей. Логичным объяснением тому выступает следующий факт: в первые годы нестабильного функционирования бюджет ТГУ формировался за счет платы за обучение (100 рублей за учебный год). Не исключено, что финансовые трудности возникали у иногородних студентов, прибывающих в Тбилиси из самых отдаленных регионов Грузии: Аджарии, Имеретии, Мцхеты, Квемо-Картли.

Примечательно, что Грузия, будучи в составе СССР, отличалась высокими темпами индустриализации. Наряду с другими закавказскими республиками она располагала развитой промышленностью. Не отставало от экономического развития и социальное. С 1935 г. было введено обязательное всеобщее обучение. Вскоре Грузия покрылась сетью образовательных центров по ликвидации безграмотности.

Уже с 60-х гг. прошлого столетия Грузинская ССР занимала лидирующее в Союзе место по количеству выпускников с дипломами о высшем образовании. Если в дореволюционной Грузии специалистов с высшим образованием можно было «сосчитать по пальцам», то в результате второй пятилетки (1933–1937 гг.) вузы выпустили 12 436 специалистов, третьей пятилетки (1938–1941 гг.) – 10 991. В этот период времени профессия «педагог» пользовалась особой популярностью, востребованностью, отличалась высоким уровнем заработной платы.

Важным этапом развития грузинской национальной науки явилось основание в феврале 1941 г. Академии наук [Месхиа, 1968, с. 44]. Большой вклад в развитие науки внесли академики Н.А. Мусхелишвили, И.С. Бериташвили, И.Н. Векуа; члены-корреспонденты Академии наук СССР А.Г. Шанидзе, Г.С. Ахвледиани, Ш.Я. Амиранашвили и многие другие научные деятели. Исследования грузинских психологов, педагогов, математиков, физиков, естествоиспытателей и других представителей науки стали известны далеко за пределами Советского Союза.

В 1991 г. Грузия обрела независимость, ее первым президентом стал Звиад Гамсахурдия [Капальбо, 2019, с. 3]. Впервые за всю историю своего существования страна политически дистанцировалась от России на рубеже XX–XXI вв., стала демонстрировать суверенитет и стремление к региональному лидерству, антироссийские фобии, хотя при этом в 1994 г. присоединилась к СНГ [Рцхиладзе, 2018, с. 36]. При этом Грузия испытала «самый длительный и глубокий по сравнению почти со всеми другими странами СНГ (возможно, за исключением Армении) кризис экономики» [Гаджиев, 2001, с. 146]. Демографический кризис, коррупция госаппарата, бедность, национальные конфликты – участь, которая постигла бывшую Грузинскую ССР в ее независимом развитии.

В условиях постсоветского пространства сохранить былой потенциал не удалось и системе высшего образования страны. В конце 1990-х гг. в политике Грузии стали заметны западные влияния, большинство политического класса определилось со своим выбором в пользу вступления в Европейский союз, что сказалось и на системе образования в целом

[Кожокин, 2001, с. 7]. Итогом стало официальное присоединение Грузии к Болонскому процессу, и система образования и науки страны превратилась в поле для нововведений.

Остановимся на выяснении возможных потенциалов Болонской декларации. Так, «Болонский процесс надо рассматривать как совокупность кардинальных реформ высшего образования с целью придания последнему тех качеств, структур и параметров, которые соответствуют обществу знаний и востребованы этим обществом» [Гретченко, 2005, с. 38]. Следует добавить – западным обществом. Все страны-участницы Болонской декларации, в том числе и Грузия, преследуют одинаковые цели: повышение конкурентоспособности системы высшего образования; возможность личностной реализации и трудоустройства выпускников, обладающих профессиональными компетенциями, на современном европейском рынке труда. В свою очередь, Европейский Союз ежегодно выделяет более 100 миллионов евро на реализацию проектов Грузии, в том числе на поддержку модернизационной политики в сфере образования и науки в соответствии с Болонскими реформами [European Commission, 2018].

Рассмотрим ряд имеющихся особенностей Болонского процесса:

1. Целостность проводимых реформ.
2. Системная природа преобразований.
3. Противоречивый характер декларации (конкурентоспособность и в то же время сотрудничество, концентрация внимания на достоинствах и устранение имеющихся недостатков, социальная и экономическая функции высшего образования, высшее образование как «социальная составляющая» и как «рыночная услуга»).
4. Необходимость содействия проводимым преобразованиям.

Так, на правах подписанта Болонской декларации осенью 2019 г. Грузия стала официальным членом EURAXESS – структуры, созданной по инициативе Еврокомиссии. Целью ее является содействие мобильности исследователей в Европе и третьих странах и поддержка открытого рынка труда для исследователей. Бюджет EURAXESS составляет около 100 миллиардов евро. Это значит, что у грузинских ученых, преподавателей, учителей, студентов и школьников появилась возможность иметь открытый доступ к международным и внутренним научным грантам, поддерживать связь с иностранными университетами, научно-исследовательскими центрами и лабораториями по всему миру с учетом стратегических целей Еврокомиссии и ЕС.

Масштабные реформы

Разумеется, европейские стандарты и рекомендации коснулись не только вопросов продолжительности и форм обучения, но и содержания образовательного процесса. Например, в сферах социологии, философии, истории и экономики почти все учебные программы дополнены западными установками и идеями. Ещё одна «сторона медали» – последовал упадок популярности и привлекательности точных наук и технических специальностей среди абитуриентов. Согласно показателям, самыми востребованными специальностями, исходя из потока абитуриентов на вступительных экзаменах, являются связанные с медициной, правом, экономикой и другими общественными дисциплинами, далеко позади «следуют» инженерия, энергетика, производственное обучение, сельское хозяйство [Gachechiladze, 2004, p. 79]. Возникает угроза дефицита кадров для промышленного и сельскохозяйственного сектора Грузии. Министерство образования и науки страны прилагает все усилия для улучшения преподавания точных и технических дисциплин в высших учебных заведениях. Политика реформирования образовательной системы проводится в два уровня:

1. На уровне среднего образования ведется финансирование участия школьников в международных олимпиадах по математике, физике и информатике, вследствие чего растет количество обучающихся, которые увлекаются математическими и техническими науками.

2. На уровне высшего образования, в частности на базе ТГУ, благодаря сотрудничеству с Тбилисской компанией «Тэласи» по содействию эффективному развитию энергетического сектора экономики был сформирован научно-исследовательский центр, где для студентов проводились лекции, а для преподавателей и работников отраслевого сектора – курсы повышения квалификации [REGNUM, 2006]. Согласно договору о партнерстве, лучшим студентам энергетического факультета университета были назначены именные стипендии, а также предоставлялась финансовая поддержка для студентов-отличников, которые имели желание продолжить обучение за рубежом. Студенты, полностью прошедшие квалификационные курсы, имели возможность трудоустроиться в АО «Тэласи».

Масштабная реформа образования включает 10 пакетов трансформаций. Планируется поэтапная реализация реформ в течение 4 лет. Эксперты утверждают, что основной целью реформ является превращение Грузии в потенциального лидера среди республик Закавказья.

Для понимания производимых в государстве изменений целесообразно представить обзор и анализ одного из пакетов реформ – по вхождению и полноправному членству Грузии в составе крупнейшей Европейской организации по обеспечению качества высшего образования. Европейская сеть обеспечения качества в высшем образовании (ENQA) начала свою деятельность еще в 2000 г. Е.Р. Борисова считает, что основной целью Европейской ассоциации гарантии качества высшего образования является «развитие сотрудничества, обмен успешным опытом и стимулирование развития европейских стран в области обеспечения качества образования» [Борисова, 2006, с. 182].

В планах Министерства образования и науки на 2019–2020 учебный год предполагалось вхождение Грузии в «Европейский реестр агентств обеспечения качества» (EQAR), отмена финансирования обучения на 21 факультете (гуманитарные, аграрные науки, инженерия и т. п.), переход на ваучерную систему, т. е. перераспределение ресурсов, направляемых на бюджетные места в вузах. Предполагается, что эти нововведения дадут привлекательные бонусы грузинской молодежи. Так, от членства Грузии в EQAR ожидается:

– помощь грузинским педагогам и студентам со стороны европейских партнеров;

– признание диплома и получаемой квалификации на международном уровне;

– установление партнерских отношений между грузинскими и западными вузами.

Перейдем к выяснению формата содействия банковского сектора Грузии студентам в процессе получения ими высшего образования. Еще в 2005 г. один из лидеров банковского сектора Грузии АО «Банк Грузии» («Georgia Bank») начал выдачу кредитов для студентов на льготных условиях [Вачнадзе, 2009, с. 176]. Абитуриентам, их родителям или иным представителям следует предъявить следующие документы: удостоверение личности, справку о доходах (не менее 150 лари в месяц), справку из вуза, подтверждающую обучение в нем студента. Также «Банк Грузии» ежегодно выпускает «студенческую карту», которая позволяет учащимся использовать программу начисления баллов PLUS, льготы на проезд в общественном транспорте, SMS-банк и Интернет-банк [Bank of Georgia, 2019].

Грузинский «TBC Банк» начал выдачу студенческих кредитов с августа 2006 г. Кредит выдается каждому студенту, поступившему в вуз по итогам единых национальных экзаменов. Уровень кредитной ставки определяется наличием у будущего студента гранта.

На сегодняшний день система высшего образования Грузии практически полностью прошла все этапы европеизации. Ближайшие годы дадут возможность проанализировать себестоимость и степень эффективности этих нововведений и их влияние на ликвидацию экономических и социальных диспропорций независимой Грузии.

Вместе с тем сегодня противоречивое положение образовательной системы является отражением неоднозначной социальной жизни грузинского населения. Грузинское общество находится в состоянии «растерянности» и не знает, как правильно сделать выбор дальнейшего курса развития.

Проблемы получения образования представителями национальных меньшинств

Далее целесообразно поднять еще одну актуальную проблему – получение высшего образования представителями национальных меньшинств, в частности – азербайджанцами, чья численность на территории Грузии составляет около 300 тысяч человек. Данный вопрос требует незамедлительного решения от Министерства науки, образования, культуры и спорта.

Привлеченный нами для исследования регион, известный до революции под названием Борчалы (Квемо-Картли) – один из наиболее многонациональных краев Грузии, где находится и историко-этнографическая зона азербайджанцев [Новрузов, 1991, с. 5]. Согласно данным последней переписи населения, в ноябре 2014 г. численность населения Квемо-Картли составила 423 986 человек, около половины жителей этнически являются азербайджанцами, абсолютное большинство которых территориально относится к Марнеули, Дманисси, Гардабани [Грузия в цифрах, 2014]. Для сравнения: в 1989 г. в 52 населенных пунктах региона проживало 132 074 чел., где число азербайджанцев достигло 61 187 чел. [Ömərli, 2001, s. 126].

В настоящее время большинство выпускников средних школ Гардабанского, Марнеульского, Болнисского и Дманисского районов края не владеют даже самыми простыми грузинскими фразами и словосочетаниями. В данных регионах насчитывается около 78 школ, и в 58 заведениях занятия ведутся на азербайджанском или русском языках. Школьники Квемо-Картли составляют меньшую часть от общего числа грузинских школьников, но именно на их долю ежегодно приходятся 20–25 % проваленных выпускных экзаменов.

Комплексно рассмотрим основные причины данной проблемы и соответствующие меры по их решению:

1. Количество занятий грузинского языка в неделю.

Грузинский язык – официальный язык республики, язык государственных органов, органов местного самоуправления, язык, на котором проходит обучение в школах, профессиональных училищах, университетах [Цибахашвили, 2001, с. 4]. В азербайджанских школах региона Квемо-Картли, в частности в образовательных учреждениях Гардабанского, Марнеульского и Болнисского муниципалитетов, у учеников начальных, средних и старших классов возникают трудности с освоением базовой программы таких учебных дисциплин, как математика, история, география, литература, языкознание. Разумеется, из-за отсутствия подготовительных курсов по изучению грузинского языка получение дальнейшего образования для азербайджанской молодежи становится практически невозможным. Как итог, родители и попечители, обеспокоенные будущим своих детей, принимают решение покинуть Квемо-Картли.

2009 год стал решающим для будущих студентов из числа национальных меньшинств. Так, для оказания помощи абитуриентам-азербайджанцам в получении качественного высшего образования государство запустило образовательную программу «1+4». Главная идея проекта состоит в том, что выпускники школ год целенаправленно готовятся в университете, изучая грузинский язык, а после успешной сдачи экзамена автоматически зачисляются на заранее выбранный факультет или направление специализации, где срок обучения по программам бакалавриата составляет 4 года, магистратуры – 2.

С 2012 г. в Грузии осуществляется государственная программа «Грузинский язык для процветания». Добровольческие отряды численностью более 500 чел. отправляются в регион Квемо-Картли с целью преподавания грузинского языка ученикам начальной, средней и высшей школы.

Приведем пример реализации программы «1+4». На базе Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили, который является одним из ведущих научных центров, была начата учебно-методическая работа по преподаванию грузин-

ского языка как родного и иностранного, для всех желающих ведутся языковые курсы. На протяжении всего курса обучения будущих студентов используются современные интерактивные методы качественного освоения языка. Образовательный центр предлагает курсы грузинского языка на всех уровнях в соответствии со стандартами, разработанными Европейским Советом: A1, A2, B1, B2, C1, C2. Обучение на каждом уровне охватывает один год, кроме уровня A1 – курс длится один семестр [TSU, 2019].

Однако первые итоги реализуемой государством программы оказались далеко не оптимистическими – лишь 792 студента воспользовались ею (данные на 2017–2018 учебный год). К тому же около 80 % молодёжи бросают учёбу, ссылаясь на то, что занятия на грузинском языке вызывают у них сложности, в сжатые сроки освоить язык удаётся далеко не каждому.

Противоречивые настроения представителей национальных меньшинств можно объяснить и воздействием «Закона об общем образовании», подписанного бывшим президентом Грузии М. Саакашвили в апреле 2005 г. Анализируя этот законодательный акт, находим, что в пункте 1 статьи 4 говорится о том, что образовательный процесс в учреждениях среднего образования реализуется на официальном языке республики – грузинском. Исключение до событий 2008 г. составляла Абхазская Автономная Республика: там учениками самостоятельно мог быть выбран как основной, так и дополнительный языки для обучения – грузинский и абхазский. Обращаемся к пункту 3 статьи 4: «Граждане Грузии, для которых грузинский язык не является родным, имеют право получить полное общее образование на своем родном языке в соответствии с национальным учебным планом в порядке, установленном законодательством. В указанном общеобразовательном учреждении обязательно изучение государственного языка» [Закон об общем образовании. 2005. Статья 2].

2. Недостаток учебно-методических материалов для подготовки к занятиям.

Некачественная подготовка учебных и методических пособий по изучению грузинского языка, недостаточное количество рекомендуемого материала, непригодное физическое состояние учебников, справочников, методических разработок, в которых трудно прочитать необходимую информацию – еще один перечень проблем, в силу которых ученикам средних общеобразовательных азербайджанских школ республики тяжело освоить программу на грузинском языке.

3. Педагогический состав учебного заведения, не соответствующий запросам населения региона.

Прекращение обеспечения школ Квемо-Картли высокопрофессиональными педагогическим кадрами – наглядный пример равнодушия как грузинской, так и азербайджанской сторон к сложившемуся положению соотечественников, проживающих за территорией Азербайджана.

При этом нельзя не отметить, что одной из самых эффективных мер по ликвидации проблемы низкой квалификации учителей, предпринятых на государственном уровне в 2016 г., стала программа переподготовки педагогических кадров [Амирджанова, 2019]. Согласно программе, курсы переподготовки доступны для учителей 7–12 классов по таким дисциплинам, как география, биология, химия, математика, физика и английский язык. В целом около 25 000 специалистов смогут пройти длительное обучение в рамках программы, которое помимо тренингов включает в себя образовательные семинары, лекции, разработку ресурсов и содействие внедрению новых практик в школьной среде [Ministry of Education, Science, Culture and Sport of Georgia, 2019].

Зарплата учителей и педагогов в Грузии сегодня зависит от результатов тестирования и получаемой категории:

1) 1 категория – учителя несертифицированные;

2) 2 категория – учителя сертифицированные;

3) 3 категория – доктора и кандидаты наук, преподаватели с учеными званиями, практикующие в школе.

Один из программных «пакетов» политики модернизации образовательной системы Грузии включает в себя повышение средней заработной платы учителей, администрации школ, директоров, а также преподавателей в вузах. По словам министра образования, науки, культуры и спорта республики М. Батиашвили, к 2022 г. будут достигнуты заработные платы в размере 1 500 лари (около 500 долларов США) и 2 000 лари (около 650 долларов США) для школьного педагога и учителя высшей категории соответственно.

4. Внедрение ваучерной системы.

Термину «ваучер» в «Законе об общем образовании» дано следующее определение: «Ваучер – переданный государством учащемуся подлежащий обращению финансовый инструмент, который может быть выпущен как в материализованной, так и в нематериализованной форме и предназначен для финансирования получения учащимся общего образования». Что касается региона Квемо-Картли, то введение ваучерной системы не принесет ожидаемого положительного эффекта: объединение школ приведет к сокращению числа общеобразовательных учреждений в провинции (при расчете, что на одного ученика будет выделено 30 долларов США). Итог несложно просчитать – вырастет безработица, начнется кризис, экономическая нестабильность, а местное население останется без возможности получения среднего общего, а затем и высшего образования.

Анализ вопроса получения высшего образования представителями национальных меньшинств в Грузии и мер по усовершенствованию образовательной политики показывает, что «корень» проблем социальной жизни азербайджанцев Грузии кроется именно в правительственном подходе к меньшинствам, которые оказываются интегрированными в экономическую жизнь страны больше, чем в социальную, политическую, духовную ее сферы. Очевидно, что отсутствие не только калькированной с евростандартов, но продуманной, адаптированной к местным условиям системы мер поддержки образования национальных меньшинств, отвечающей реалиям этнолингвистического и экономического развития краев и муниципалитетов Грузии, приводит к диспропорциям и социальной напряженности.

Заключение

Таким образом, проходящая вполне типовой для постсоветских республик комплекс амбициозных реформ Болонского формата, грузинская система высшего образования и науки, при ее соответствующем качественном совершенствовании и улучшении материально-технической базы, стремится в перспективе соответствовать европейскому уровню. Только будущее протестирует «на прочность» все прилагаемые модернизационные усилия и сам вектор перемен.

Список литературы

1. Амирджанова Ш. Азербайджанцы в Грузии: почему им так сложно получить хорошее образование и перспективную работу. JAM News. 2019. URL: https://jam-news.net/ (дата обращения: 25 сентября 2019).
2. Борисова Е.Р. 2006. Положения Болонской декларации в системе образования. Чебоксары, Новое время, 311.
3. Васадзе Н.Ш. 1975. Из истории высшего педагогического образования в Грузии. Тбилиси, Издательство Тбилисского университета, 66.
4. Вачнадзе Г.Н. 2009. Деловая Грузия. М., ООО «Полпред Справочники», 209.
5. Вачнадзе Г.Н. и др., 1993. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси, Артануджи, 474.
6. Гаджиев К.С. 2001. Геополитика Кавказа. М., Международные отношения, 462.
7. Гретченко А.И. 2005. Болонский процесс: плюсы, минусы, за и против… М., Наука, 100.
8. Грузия в цифрах: итоги последней переписи населения. Грузинский язык за 3 месяца. 2014. URL: https://gruzinskij.ru/o-gruzii/facts/gruziya-v-cifrax.html (дата обращения: 30 апреля 2020).
9. Закон Грузии об общем образовании. 2010. Статья 2. Разъяснение терминов. Тбилиси, 2005.

10. Капальбо К. 2019. Грузия: Люди. Горы. Виноград. М., КоЛибри, Азбука-Аттикус, 428.
11. Кожокин Е. М. 2001. Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 1. Рос. ин-т стратегич. исслед. М., РИСИ, 321.
12. Месхиа Ш.А. 1968. История Грузии (краткий обзор). Тбилиси, ТбГУ, 47.
13. Новрузов Д.А. 1991. Традиционная и современная материальная культура азербайджанцев, проживающих в Грузии. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 21.
14. Рцхиладзе Г.В. 2018. Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 18 (1): 33–48.
15. «Тэласи» оформило соглашение с Техническим университетом и Академией энергетики Грузии. REGNUM. 2006. URL: https://regnum.ru/news/economy/644935.html (дата обращения: 20 ноября 2019).
16. Цибахашвили Г.И. 2001. Самоучитель грузинского языка. М. – Элиста-Гродно; Тропос, 256.
17. Bank of Georgia (საქართველოს ბანკი). Официальный сайт. URL: https://bankofgeorgia.ge/en/retail/main (дата обращения: 30 сентября 2019).
18. European Commission. Projects in Georgia – European External Action Service. Официальный сайт. URL: https://ec.europa.eu/search/?QueryText=georgia&op=Search&swlang=en&form_build_id=form-BLXVUcNX8q6o4DSZPXINwHpmc9KFaqXHcJXqB53DMac&form_id=nexteuropa_europa_search_search_form (дата обращения: 5 мая 2020 года).
19. Gachechiladze R. 2004. The New Georgia: Space, Society, Politics. London, Routledge, XXI, 205.
20. Ivane Javakhishvili. Tbilisi State University (თბილისის ივანე ჯავახიშვილ Bank of Georgia ის სახელობის სახელმწიფო უნივერსიტეტი). Официальный сайт. URL: https://www.tsu.ge/en/ (дата обращения: 30 сентября 2019).
21. Ministry of Education, Science, Culture and Sport of Georgia (საქართველოს განათლების, მეცნიერები, კულტურისა და სპორტის სამინისტრო). Официальный сайт. URL: https://www.mes.gov.ge/ (дата обращения: 30 сентября 2019).
22. Ömərli V. 2001. Qarayazi. I hissə. Baki – Çaşıoğlu, 760.

References

1. Amirdzhanova Sh. Azerbajdzhancy v Gruzii: pochemu im tak slozhno poluchit' horoshee obrazovanie i perspektivnuju rabotu [Azerbaijanis in Georgia: why it is so difficult for them to get a good education and promising work]. JAMS News. 2019. Available at: https://jam-news.net/ (data obrashhenija: 25 Sentyabrya 2019) (in Russian).
2. Borisova E.R. 2006. Polozhenija Bolonskoj deklaracii v sisteme obrazovanija [The Provisions of the Bologna Declaration in the Education System]. Cheboksary, Publ. New time, 311 p.
3. Vasadze N.Sh. 1975. Iz istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovanija v Gruzii [From the History of Higher Teacher Education in Georgia]. Tbilisi, Publ. TSU, 66 p.
4. Vachnadze G.N. 2009. Delovaja Gruzija [Business Georgia]. Moscow, Publ. LLS «Polpred Reference books», 209 p.
5. Vachnadze i dr., 1993. Istorija Gruzii (s drevnejshih vremen do nashih dnej) [History of Georgia (From Ancient Times to the Present Day)]. Tbilisi, Publ. Artanudzhi, 47 p.
6. Gadzhiev K.S. 2001. Geopolitika Kavkaza [Geopolitics of the Caucasus]. Moscow, Publ. International relationships, 462 p.
7. Gretchenko A.I. 2005. Bolonskij process: pljusy, minusy, za i protiv… [Bologna process: pros, cons, pros and cons ...]. Moscow, Publ. The sience, 100 p.
8. Gruzija v cifrah: itogi poslednej perepisi naselenija. Gruzinskij jazyk za 3 mesjaca [Georgia in figures: results of the last population census. Georgian language in 3 months]. 2014. Available at: https://gruzinskij.ru/o-gruzii/facts/gruziya-v-cifrax.html (data obrashhenija: 30 aprelja 2020).
9. Zakon Gruzii ob obshhem obrazovanii. 2010. Stat'ja 2. Razjasnenie terminov [Law of Georgia on General Education. 2010. Article 2. Clarification of Terms]. Tbilisi, 2005.

10. Kapal'bo K. 2019. Gruzija: Ljudi. Gory. Vinograd [Tasting Georgia: A Food and Vine Journey in the Caucasus]. Moscow, Publ. KoLibri, Azbuka-Attikus, 428 p.

11. Kozhokin E.M. 2001. Gruzija: problemy i perspektivy razvitija [Georgia: Problems and Development Prospects. T. 1. Ros. in-t strategich. Issled]. Moscow, Publ. RISI, 321 p.

12. Meshia Sh.A. 1968. Istorija Gruzii (kratkij obzor) [History of Georgia (short review)]. Tbilisi, Publ. TSU, 47 p.

13. Novruzov D.A. 1991. Tradicionnaja i sovremennaja material'naja kul'tura azerbajdzhancev, prozhivajushhih v Gruzii [Traditional and Modern Material Culture of Azerbaijanis Living in Georgia]. Avtoref. dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk. Baku, 21 p.

14. Rchiladze G.V. 2018. Faktor vneshnego avtoriteta dlja «malyh» gosudarstv i integracija na postsovetskom prostranstve [Factor of External Authority for Small States and Integration in the Post-Soviet Space]. Vestnik RUDN. International relations [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 18 (1): 33-48. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48.

15. «Tjelasi» oformilo soglashenie s Tehnicheskim universitetom i Akademiej jenergetiki Gruzii [«Telasi» signed an agreement with the Technical University and the Academy of Energy of Georgia]. Available at: https://regnum.ru/news/economy/644935.html (accessed 20 November 2019).

16. Cibahashvili G.I. 2001. Samouchitel' gruzinskogo jazyka [Georgian Language Tutorial]. Moscow-Elista city, Publ. Tropos, 256 p.

17. Bank of Georgia (საქართველოს ბანკი). Available at: https://bankofgeorgia.ge/en/retail/main (accessed 30 September 2019).

18. European Commission. Projects in Georgia – European External Action Service. Available at: https://ec.europa.eu/search/?QueryText=georgia&op=Search&swlang=en&form_build_id=form-BLXVUcNX8q6o4DSZPXINwHpmc9KFaqXHcJXqB53DMac&form_id=nexteuropa_europa_search_search_form (accessed 5 May 2020).

19. Gachechiladze Revaz, 2004. The New Georgia: Space, Society, Politics. London, Raitledge, XXI, 205 p.

20. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University (თბილისის ივანე ჯავახიშვილ Bank of Georgia ის სახელობის სახელმწიფო უნივერსიტეტი). Available at: https://www.tsu.ge/en/ (accessed 30 September 2019).

21. Ministry of Education, Science, Culture and Sport of Georgia (საქართველოს განათლების, მეცნიერების, კულტურისა და სპორტის სამინისტრო). Available at: https://www.mes.gov.ge/ (accessed 30 September 2019).

22. Omarli V. 2001. Qarayazi. Part I. Baku. Publl. Chashioglu, 760 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

Гаджиева Улкар, студент кафедры управления института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa A. Chereshneva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of History Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy, Lipetsk, Russia

Ulkar Gadjieva, student of the department of the management of the Institute of History Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy, Lipetsk, Russia

Via in tempore. История. Политология. 2021. Том 48, № 1 (107–116)
Via in tempore. History and political science. 2021. Volume 48, № 1 (107–116)

УДК 94 (100) + 94 (470) + 316.4
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-107-116

Проблема социальной сплоченности в контексте государственных стратегий противодействия изменениям климата

Л.В. Алиева, Т.Г. Хришкевич, Л.В. Антонова, В.А. Дмитриев
Псковский государственный университет,
Россия, 180000, Псковская обл., г. Псков, пл. Ленина, 2
E-mail: dva_psk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и место общества в реализации стратегий по борьбе с изменениями климата на примере российской, британской и германской практик. Сравнительный анализ подходов трех стран к построению климатической политики показывает, что наиболее остро потребность консолидации общества вокруг проблемы борьбы с изменением климата осознается в Великобритании и Германии, в то время как в России проблема обеспечения экологической безопасности решается государством в одиночку. Делается вывод, что социально-экологическая повестка дня является неотъемлемой частью современного политического дискурса, что подчеркивает актуальность проблемы; изменение климата становится основанием выработки новой социально-экономической политики стран, осознающих значимость проблемы климатических изменений; глобальные климатические изменения и являющиеся их следствием природные бедствия добавили к вечной проблеме социального неравенства новый аспект – экологический; повышение уровня социальной сплоченности должно способствовать приспособлению людей к меняющейся окружающей среде, взаимопомощи в случае чрезвычайных ситуаций, преодолению связанных с климатическими изменениями материальных и психологических рисков; достижение сплоченности является залогом устойчивого и сбалансированного развития в будущем.

Ключевые слова: социальная политика, защита окружающей среды, изменения климата, социальная сплоченность, экологическая безопасность.

Для цитирования: Алиева Л.В., Хришкевич Т.Г., Антонова Л.В., Дмитриев В.А. 2021. Проблема социальной сплоченности в контексте государственных стратегий противодействия изменениям климата. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 107–116. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-107-116.

The problem of social cohesion in the context of national strategies of climate change resistance

Liudmila V. Alieva, Tatiana G. Khrishkevich, Lidia V. Antonova, Vladimir A. Dmitriev
Pskov State University, 2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia
E-mail: dva_psk@mail.ru

Abstract. The article deals with the role and contribution of the society in the implementation of strategies on climate change struggle based on the examples of Russian, British, and German (i.e. three greatest European economies) practices. A comparative analysis of the environmental activities of these countries reveals that the necessity for social cohesion around the problem of climate change is perceived in Great Britain and Germany. Meanwhile, in Russia, the problem is solved by the state single-handed. It is concluded that social and ecological agenda is an integral part of the modern political discourse, which contributes to the recognition of the urgency of this problem; climate change is a reason for developing a new social-economic policy of the countries that are aware of the climate change problem; global climate

changes and natural disasters added to the eternal problem of social inequality a new aspect – the ecological one; the increase of social cohesion is to contribute to people's adaptation to the changing environment, mutual aid in case of emergency, overcoming material and psychological risks connected with climate change; achieving cohesion is a pledge of sustainable and balanced development in the future.

Keywords: social policy, environmental protection, climate change, social cohesion, ecological safety.

For citation: Alieva L.V., Khrishkevich T.G., Antonova L.V., Dmitriev V.A. 2021. The problem of social cohesion in the context of national strategies of climate change resistance. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 107–116 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-107-116.

Введение

В настоящее время трудно отрицать глобальный характер деструктивных климатических изменений и связанный с этим факт неблагополучного состояния окружающей среды в различных странах мира. Ливни, наводнения, засухи приводят к экономическому ущербу и человеческим жертвам и требуют экстренных (зачастую весьма внушительных) государственных расходов. Например, наводнение на реке Эльбе в августе 2002 г. потребовало от правительства Германии ассигнований в размере 10 млрд евро, а ущерб от наводнения в Иркутской области РФ в конце июня 2019 г. был оценен в 35 млрд руб. Однако во многих случаях выделение денежных средств не способно решить возникшую экологическую проблему. Так, из-за лесных пожаров в Сибири в 2019 г. в атмосферу Земли были выброшены десятки миллионов тонн двуокиси углерода, ускоряющей глобальное потепление, и борьба с последствиями данной катастрофы потребует не только времени и материальных затрат со стороны государства, но и осознания необходимости общественного участия в сокращении масштаба климатических проблем. В результате пожаров авиакомпания «S7» выступила с инициативой под названием «Мы – Сибирь», реализуемой под лозунгом «Посадим 1 000 000 деревьев вместе». Данный проект призван привлечь внимание общественности к проблеме пожаров в Сибири и на Дальнем Востоке. Эта и подобные ей инициативы со всей очевидностью показывают, что решение экологических проблем, связанных с глобальными климатическими изменениями, скорее всего, лежит в области пересечения сфер деятельности государства и гражданского общества. В связи с этим рассмотрение той роли, которую играет сплоченность общества в реализации государственных стратегий борьбы с изменением климата, представляется весьма актуальным и своевременным.

Объекты и методы исследования

Прежде всего необходимо обозначить объект нашего исследования (а точнее, его территориальную локализацию). В настоящей статье место и роль фактора социальной сплоченности в контексте противодействия изменениям климата на государственном уровне рассматривается на примере трех европейских государств: России, Германии и Великобритании. Данный выбор, безусловно, неслучаен, поскольку указанные страны являются тремя крупнейшими экономиками Европы с развитой индустрией и, соответственно, высокими объемами потребления энергоресурсов. Это, в свою очередь, закономерно делает их региональными лидерами по количеству вредных выбросов в окружающую среду, оказывающими наиболее сильное влияние на климатические изменения. Таким образом, вопросы борьбы с изменениями климата и связанный с этим комплекс социальных (в широком смысле данного понятия) проблем наиболее остро стоят перед правительствами России, Германии и Великобритании. Последние две страны, кроме того, на протяжении ряда последних лет последовательно реализуют программы по обеспечению социальной

сплоченности общества, что делает их опыт востребованным в России, в том числе в контексте проводимой Российским государством климатической политики.

Проблема социальной сплоченности в настоящее время привлекает внимание специалистов самого разного профиля – социологов, политологов, антропологов, историков и т. д. [Алиева и др., 2019]. В современной европейской политической риторике широко используется термин «политика сплочения», целью которой является минимизация неравенства, обеспечение гарантий благополучия и личностного самовыражения, включенности каждого гражданина в жизнь социума. Стратегия Совета Европы от 2004 г. определяет сплоченное общество как «взаимоподдерживающее сообщество свободных людей, преследующих достижение общих целей демократическими средствами [Revised Strategy for Social Cohesion, 2004].

В исследовательском дискурсе используется и термин «социально-экологическая сплоченность» [Cook, Swyngedouw, 2012, p. 1960]. В свете осознания мировым сообществом глобальных климатических угроз и опасности более частых и масштабных локальных стихийных бедствий международные организации призывают к продвижению экологических ценностей на всех уровнях. В общественных и научных дискуссиях все чаще поднимается проблема социальных (в широком смысле слова) последствий климатических изменений, актуальными становятся вопросы уровня развития социальной ответственности, вовлеченности каждого члена общества в решение задач, стоящих перед всей планетой. Ежегодно публикуемые Международной федерацией Красного креста «Доклады о глобальных катастрофах» в последние годы нередко акцентируют внимание на таких понятиях, как «социальная сплоченность», «сообщество», «партнерство и сотрудничество», «включенность и доверие» в контексте проблем предотвращения природных катастроф и ликвидации их последствий [Revised Strategy for Social Cohesion, 2004].

Вслед за подписанием в 1997 г. Киотского протокола в ряде стран в рамках международных договоренностей были приняты национальные стратегии борьбы с климатическими изменениями. Так, парламент Великобритании принял соответствующий акт в 2008 г. В ФРГ основным правовым регулирующим инструментом является неоднократно дополняемый Закон о возобновляемых источниках энергии (2000, 2004, 2009, 2012, 2013, 2017). Активное участие в первом периоде обязательств по Киотскому протоколу в 2004–2012 гг. приняла Россия. 17 декабря 2009 г. была утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации. С 2017 г. документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим основные вызовы и угрозы экологической безопасности, цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, является Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. Успех реализации данных программ в немалой степени зависит от эффективности взаимодействия государства и общества в борьбе с проявлениями изменений климата.

Исследование роли социальной сплоченности в государственных стратегиях борьбы с изменением климата России, Германии и Великобритании на современном этапе базируется на принципах новой междисциплинарной отрасли науки, интегрирующей достижения, предметные области и исследовательский инструментарий социологии, политологии, истории и других дисциплин, изучающих влияние человека на окружающую среду – экологической истории. Среди современных исследователей интерес к антропогенным катастрофам растет, что обуславливает дальнейшее изучение роли общества в принятии политических решений. Мультидисциплинарный характер методологии позволяет комплексно изучать ценностный и социокультурный аспекты проблемы климатических изменений, к которым относится и проблема участия общества в борьбе с климатическими изменениями.

Вместе с тем следует отметить, что социальная сплоченность не только является важным фактором, определяющим эффективность влияния общества на экологическую обстановку путем участия в реализации различных природоохранных мероприятий, но и сама

трансформируется под влиянием климатических изменений. Так, европейские эксперты называют следующие угрозы (как прямые, так и косвенные) социальной сплоченности в связи с изменением климата: интенсивная миграция населения, рост безработицы, загрязнение воды, дефицит продовольствия, возрастающий риск для здоровья. «Белая книга» Европейской комиссии под названием «Адаптация к изменению климата: на пути к европейской структуре действий», принятая 1 апреля 2009 г., подчеркивает, что изменение климата приведет к возрастанию социальных угроз, и в первую очередь пострадают незащищенные слои: пожилые люди, инвалиды, семьи с низкими доходами [White Paper, 2009].

Результаты и их обсуждение

В ноябре 2018 г. Независимая комиссия по устойчивому развитию и социальной сплоченности, созданная по инициативе фракции социал-демократов в Европейском парламенте, опубликовала отчет «Устойчивость и социальная сплоченность», одна из глав которого посвящена социально-экологическому прогрессу. В частности, авторы отчета отмечают, что экологические проблемы тут же влекут за собой проблемы социальные, и игнорирование этой тесной взаимосвязи не может способствовать устойчивому развитию. Засуха, снижение урожайности ведут к повышению цен, что влияет на бюджет малоимущих граждан. Усугубляет ситуацию тот факт, что в современном обществе, где в массовой культуре преобладает образ жизни «богатых и знаменитых», представители бедных слоев стремятся его копировать, не имея на это необходимых средств. Решить проблему может стратегия, основанная на принципах социальной справедливости, стремящаяся к ликвидации социального неравенства и в итоге приводящая к экологическому прогрессу [Nachhaltigkeit und Sozialer Zusammenhalt, 2018].

В 2007 г. британский министр иностранных дел М. Беккет подняла в ООН вопрос о влиянии климатических изменений на сферу международной и внутригосударственной безопасности. В данном аспекте наиболее уязвимыми признаются развивающиеся страны, так как для них характерен быстрый прирост населения, большая зависимость от сельского хозяйства, стремительная урбанизация, слаборазвитая инфраструктура и нехватка ресурсов. В перспективе климатические изменения могут привести к усугублению проблемы бедности и социального неравенства, острым социально-политическим конфликтам на фоне нехватки продовольствия и воды. На европейском и мировом уровне в настоящее время признается, что климатические катастрофы могут спровоцировать социальные катаклизмы, политические кризисы и военные конфликты, причем не только во взрывоопасных, но и в стабильных регионах мира [Leroy, Gebresenbet, 2013].

Упомянутый выше британский закон 2008 г. определяет стратегию сокращения выбросов парниковых газов до 2050 г., создает соответствующие структуры для регулирования этого процесса и устанавливает обязательные к исполнению нормы. Помимо сложного комплекса связанных с реализацией плана административных и юридических проблем, он также ставит вопрос о справедливости распределения бремени, степени участия в данном процессе отдельных лиц, промышленных предприятий, сообществ. Механизм распределения квот на вредные выбросы крайне сложно выстроить на принципах равного вклада. Предполагается, что с помощью него будет снято основное бремя с беднейших слоев населения, так как они потребляют меньше энергии и, соответственно, производят меньше вредных выбросов. В то же время покупка дорогостоящего оборудования для сокращения выбросов и переработки отходов требует вложения немалых финансовых средств, что может привести к росту цен на определенные товары и горючее и к обострению такой актуальной для Британии проблемы как «топливная бедность» – состояние, когда семье приходится тратить на обогрев дома более 10 % дохода. Очевидно, что в этом случае пострадают именно малообеспеченные граждане, а это, в свою очередь, создает угрозу углубления социальной разобщенности [Stallworthy, 2009, p. 432–434].

Кроме того, британские исследователи усматривают связь между проблемами окружающей среды, процессом урбанизации и уровнем социальной сплоченности. На первый взгляд, стихийные бедствия в равной степени угрожают людям из разных слоев общества, но на практике имеет место социально-экологическое неравенство, т. е. жители бедных, неблагополучных районов, как правило, подвержены большему риску в случае стихийного бедствия. Причиной этого может быть проживание на потенциально опасной территории, некачественное с точки зрения безопасности жилье, проблема страхования имущества и здоровья и т. д. Поэтому такие традиционно используемые для измерения сплоченности общества категории как равенство/неравенство и включение/исключение [Jupp et al., 2007, p. 23] оказываются актуальными и при оценке уровня экологической защищенности. В этих условиях повышение уровня социальной сплоченности видится как важный фактор преодоления негативных последствий кризисных ситуаций.

Помощь в ликвидации последствий экстремальных погодных явлений, выстраивание отношений между обществом и государством в экологической сфере возможно при участии локальных сообществ. Включенность всех его членов в общественную жизнь, активная гражданская позиция и внутренние отношения, выстраиваемые на принципах партнерства и равенства, могут обеспечить эффективность в решении самого широкого спектра социальных проблем [Dobbernack, 2014, p. 17–21], в том числе и связанных с окружающей средой.

Называются разные пути обеспечения социально-экологической сплоченности и вытекающей из нее социальной стабильности. Это могут быть как наборы конкретных отдельных действий (повсеместное внедрение безопасных для окружающей среды технологий, сокращение выбросов, изменение индивидуальных привычек людей и отказ от ценностей общества потребления), так и комплексные программы социальных реформ и преобразований в сфере экологического права [Cook, Swyngedouw, 2012].

В объединенной Германии социальная проблематика тесно вплетена в комплекс взаимозависимых сфер: защиту окружающей среды, климата и необходимости перехода на возобновляемые источники энергии. ФРГ стала одним из первых государств, где был принят Закон о поставках электроэнергии из возобновляемых источников энергии (1991 г.). На протяжении 2000–2019 гг. шло совершенствование законодательной базы, вершиной которой стал принятый в ноябре 2016 г. федеральным правительством «План действий по изменению климата до 2050 г.». Это сделало Германию страной, которая первой в мире разработала долгосрочную стратегию изменения климата, предусмотренную Парижским соглашением 2015 г. Помимо традиционных мер (например, сокращение выбросов на 55 % уже к 2030 г.), план предусматривает процесс мониторинга и участия общественности в решении экологических задач. План подчеркивает, что социальное согласие является важнейшей предпосылкой для реализации политики по защите климата, которая потребует дополнительных социальных расходов [Klimaschutzplan 2050, 2016]. По мнению правительства, без солидарности достижение амбициозных целей невозможно, учитывая, что преобразования затронут все сферы жизни: от изменения цен на транспорт до замены отопительных систем. По расчетам министерства финансов ФРГ, правительственный пакет мер в защиту климата будет стоить бюджету 54 млрд евро только в период до 2023 г. Чтобы добиться широкого общественного признания мер по реализации климатического плана, правительство предлагает ключевые принципы: «Справедливость. Доступность. Экономичность».

В ФРГ взаимосвязь сплоченности общества и глобальных климатических изменений является предметом обсуждения политиков, экономистов, ученых. Заметное место проблема занимает в политическом дискурсе левых и экологических партий. Природоохранная повестка дня не исчезает со страниц программ партии «Союз-90/Зеленые», традиционно влиятельной в ФРГ. Разделы, посвященные защите климата, присутствуют в договорах правящих коалиций. В частности, договор ХДС/ХСС – СДПГ в 2013 г. связыва-

ет разработку комплексной экологической программы с необходимостью выработки новых профессиональных и квалификационных требований для работников будущего [Deutschlands Zukunftgestalten, 2013].

Центральный пункт, вокруг которого вращается дискуссия германских исследователей о роли социальной сплоченности, – перспективы устойчивого развития [Ihme, 2010]. Авторы подчеркивают, что его залогом является равное отношение к трем изменениям: экологическому, экономическому и социальному. Принимая во внимание, что разбалансированное состояние окружающей среды является главным препятствием на пути к устойчивому развитию, отказ от комплексного решения проблемы угрожает всем остальным ее элементам. Интегрированный подход должен включать компромиссы между целями и стремление снизить конфликты между ними. Особое внимание в достижении социальной гармонии должно уделяться инновациям, которые расширяют технико-организационные знания общества и уменьшают конфликты. Способность генерировать знания является решающей предпосылкой для принципиальной возможности неограниченного экономического роста в его связи с социальным капиталом. Исследователей объединяет трактовка, что устойчивость должна быть настолько справедливой в настоящее время, чтобы обеспечить будущие поколения [Blazejczak, Edler, 2004, p. 10–30]. В то же время, обращаясь к вопросам сплоченности, исследователи много внимания уделяют изучению самого феномена изменения климата и его влиянию на окружающую среду [Ranke, 2019; Frater et al., 2010].

Что касается Российской Федерации, то, несмотря на предпринимаемые государством меры борьбы с изменением климата и адаптации отраслей экономики к стремительно меняющимся природным условиям, экспертами констатируется существование серьезной угрозы экологической безопасности [Галюжин и др., 2010]. В связи с этим проблема обеспечения экологической безопасности решается в России на самом высоком уровне. Так, в «Стратегии экологической безопасности России» государственная политика в сфере экологии рассматривается как часть внутренней и внешней политики Российской Федерации, которая реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления. Определенное место в реализации государственной стратегии борьбы с изменением климата в России отведено социальным институтам – согласно документу, общественные объединения могут участвовать в проведении государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако обязательного участия общественности в решении столь важных климатических проблем не предусмотрено, равно как Стратегией не предполагается сплочения общества для борьбы с изменением климата.

В тексте Указа Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ Президента Российской Федерации № 204, 2018] в перечне двенадцати направлений стратегического развития фигурирует и национальный проект «Экология». Это свидетельствует о попытке сбалансированного решения социально-экономических и экологических задач, что соответствует принципам и целям устойчивого развития общества на период 2016–2030 гг., принятым на саммите ООН в сентябре 2015 г. Национальный проект «Экология» объединяет 11 федеральных проектов: «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Инфраструктура для обращения с отходами 1–11 классов опасности», «Чистая страна», «Чистый воздух», «Оздоровление Волги», «Чистая вода», «Сохранение озера Байкал», «Сохранение биологического разнообразия и развития экологического туризма», «Сохранение уникальных водных объектов», «Внедрение наилучших доступных технологий» и «Сохранение лесов». Выделение отдельных частей в целостной проблеме борьбы с климатическими изменениями уже заставляет задуматься о сложности выбора, который будет стоять перед каждым гражданином, кото-

рому придется определить, что ему ближе – сохранение озера Байкал, оздоровление Волги или утилизация мусора.

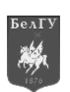
Эксперты говорят об уникальности российской ситуации – прежде всего, из-за зависимости от экспорта ископаемого топлива и энергоемких промышленных товаров. Они подчеркивают, что основным стимулом для снижения эмиссии в РФ должна стать диверсификация экономики в условиях потенциально снижающегося спроса на углеводородные ресурсы в мире [Вукович, 2005, Куцман, 2016].

К настоящему моменту Правительством Российской Федерации разработан проект стратегии долгосрочного развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. Данная стратегия устанавливает задачу достичь показателя ограничения к 2030 г. выбросов парниковых газов на уровне 67 % от их объема в 1990 г., что будет первым вкладом на национальном уровне в глобальное реагирование на изменение климата в рамках Парижского соглашения. Вместе с тем, поскольку стратегия имеет долгосрочный характер, в ней рассмотрены два основных сценария перспективного низкоуглеродного развития: базовый и интенсивный. Базовый сценарий предусматривает масштабное повышение энергетической эффективности российской экономики, полное обеспечение баланса воспроизводства лесов. По мере достижения ключевых индикаторов реализации этого сценария углеродоемкость ВВП по сравнению с уровнем 2017 г. должна снизиться на 9 % к 2030 г. и на 48 % к 2050 г. Переход же к интенсивному сценарию должен позволить достичь углеродной нейтральности ко второй половине – концу XXI в. При этом в документе подчеркивается, что реализация этих планов возможна только при активизации мер государственной поддержки, обеспечении надлежащей правовой основы и поддержке отечественных экспортеров [Проект Стратегии долгосрочного развития, 2020].

Можно достаточно уверенно говорить о том, что предпринимаемые в Российской Федерации меры борьбы с климатическими изменениями рискуют не увенчаться серьезным успехом, поскольку названные выше документы и вытекающие из них мероприятия направлены в первую очередь на борьбу с последствиями изменения климата, а не на выявление причин климатических изменений и разработку превентивных мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия человека и природы. Тем не менее можно констатировать, что на уровне политических элит России осознается тот факт, что для победы в любой борьбе, в том числе с изменениями климата, нужны сплоченность общества, максимальная мобилизация ресурсов и освоение новейших технологий.

Заключение

Рассмотренный нами материал позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, социально-экологическая повестка дня является неотъемлемой частью современного социогуманитарного научного дискурса, что подчеркивает актуальность обозначенной проблемы. Во-вторых, изменение климата является стимулом для выработки новой социально-экономической политики стран, осознающих значимость проблемы климатических изменений. В-третьих, глобальные климатические изменения и являющиеся их следствием природные бедствия добавили к вечной проблеме социального неравенства новый аспект – экологический. В-четвертых, повышение уровня социальной сплоченности должно способствовать приспособлению общества к меняющейся окружающей среде, взаимопомощи в случае чрезвычайных ситуаций, преодолению связанных с климатическими изменениями экономических, политических, социальных, психологических и иных рисков. Наконец, именно усиление социальной сплоченности видится залогом устойчивого и сбалансированного развития в будущем, одним из ключевых аспектов которого становится экологическая составляющая.

Список литературы

1. Алиева Л.В., Антонова Л.В., Хришкевич Т.Г. 2019. Современные исследования проблем социальной сплоченности: сравнительно-исторический анализ. Клио, 8 (152): 38–46.

2. Вукович Г.Г. 2005. Проблемы диверсификации экономической составляющей экологической безопасности в России. Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 3 (131): 57–61.

3. Галюжин С.Д., Лобикова О.М. 2010. Проблемы изменения климата. Вестник Белорусско-Российского университета, 2: 161–169.

4. Куцман М.В. 2016. Диверсификация рынка нефти с точки зрения энергетической и экологической безопасности. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 3 (2): 59–61.

5. Проект Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 25 апреля 2020).

6. Указ Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», 7.05.2018. [Электронный ресурс] URL: https://minenergo.gov.ru/view-pdf/11246/84473 (дата обращения: 25 апреля 2020).

7. Blazejczak J., Edler D. 2004. Nachhaltigkeitskriterien aus ökologischer, ökonomischer und sozialer Perspektive: ein interdisziplinärer Ansatz. Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung, 73 (1): 10–30.

8. Cook I.R., Swyngedou E. 2012. Cities, social cohesion and the environment: towards a future research agenda. Urban Studies, 49 (9): 1959–1979.

9. Deutschlands Zukunftgestalten. 2013. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. 27.11.2013. Available at: https://www.isl-ev.de/attachments/article/1048/koalitionsvertrag-FINAL.pdf (accessed: 28 September 2019).

10. Dobbernack J. 2014. The politics of social cohesion in Germany, France and the United Kingdom. London, Palgrave Macmillan, 212 p.

11. Frater H., Schwanke K., Podbregar N. 2010. Wetter, Klima, Klimawandel Wissenfüreine Welt im Umbruch'. Berlin, Springer, 264 s.

12. Ihme B. 2010. Nachhaltige Entwicklung – sozial-ökologischer Umbau. Kernbereiche linker Politik. Beiträge zur politischen Bildung, 2: 1–28.

13. Jupp J., Nieuwenhuysen J., Dawson E. 2007. Social cohesion in Australia. New York, Cambridge University Press, 228 p.

14. Klimaschutzplan 2050. 2016. Klimaschutzpolitische Grundsätze und Ziele der Bundesregierung. Berlin, Druck- und Verlagshaus Zarbock GmbH & Co. KG, 92. Available at: https://www.bmu.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Klimaschutz/klimaschutzplan_2050_bf.pdf (accessed: 28 September 2019).

15. Leroy M., Gebresenbet F. 2013. Science, facts and fears: The debate on climate change and security. In: Ruppel O.C., Roschmann C., Ruppel-Schlichting K. (eds.), Climate change: international law and global governance: Vol. II. Policy, diplomacy and governance in a changing environment. Berlin, Nomos Verlagsgesellschaft GmbH: 685–712.

16. Nachhaltigkeit und Sozialer Zusammenhalt. Progressive Society ist eine Initiative der Fraktion der Progressiven Allianz der Sozialdemokratenim Europäischen Parlament. 2018. Available at: https://www.progressivesociety.eu/sites/default/files/2018-12/S%26D_ProgressiveSociety-SustEqu_BROCHURE_DE_FINAL.pdf (accessed: 28 September 2019).

17. Ranke U. 2019. Klima und Umweltpolitik. Berlin, Springer Verlag GmbH: 312 s.

18. Revised Strategy for social cohesion approved by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 31 March 2004. Available at: https://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/socialcohesiondev/source/RevisedStrategy_en.pdf (accessed: 26 April 2020).

19. Stallworthy M. 2009. Legislating against climate change: A UK Perspective on a Sisyphean Challenge. The Modern Law Review, 72 (3): 412–436.

20. White Paper. Adapting to climate change: Towards a European framework for action. Brussels. 2009. Available at: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=com:2009:0147:fin:en:pdf (accessed: 28 September 2019).

References

1. Alieva L.V., Antonova L.V., Khrishkevich T.G. 2019. Sovremennye issledovaniya problem sotsial'noy splochennosti: sravnitel'no-istoricheskiy analiz [Contemporary research on social cohesion: a comparative historical analysis]. Klio [Clio], 8 (152): 38–46 (in Russian).

2. Vukovich G.G. 2005. Problemy diversifikatsii ekonomicheskoy sostavlyayushchey ekologicheskoy bezopasnosti v Rossii [Problems of diversification of the economic component of ecological safety in Russia]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences], 3 (131): 57–61 (in Russian).

3. Galjuzhin S.D., Lobikova O.M. 2010. Problemy izmenenija klimata [Climate change challenges]. Vestnik Belorussko-Rossijskogo universiteta [Bulletin of the Belarusian-Russian University], 2: 161–169 (in Russian).

4. Kucman M.V. 2016. Diversifikatsiya rynka nefti s tochki zreniya energeticheskoy i ekologicheskoy bezopasnosti [Diversification of the oil market in terms of energy and environmental safety]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of the humanities and natural sciences], 3 (2): 59–61 (in Russian).

5. Proekt Strategii dolgosrochnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii s nizkim urovnem vybrosov parnikovykh gazov do 2050 g. [Project of the Strategy for long-term development of the Russian Federation with low greenhouse gas emissions until 2050]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (accessed: 25 April 2020) (in Russian).

6. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda» [Decree of the President of the Russian Federation No. 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024»], 7 May 2018. Available at: https://minenergo.gov.ru/view-pdf/11246/84473 (accessed: 25 April 2020) (in Russian).

7. Blazejczak J., Edler D. 2004. Nachhaltigkeitskriterien aus ökologischer, ökonomischer und sozialer Perspektive: ein interdisziplinärer Ansatz. Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung, 73 (1): 10–30.

8. Cook I.R., Swyngedou E. 2012. Cities, social cohesion and the environment: towards a future research agenda. Urban Studies, 49 (9): 1959–1979.

9. Deutschlands Zukunftgestalten. 2013. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. 27.11.2013. Available at: https://www.isl-ev.de/attachments/article/1048/koalitionsvertrag-FINAL.pdf (accessed: 28 September 2019).

10. Dobbernack J. 2014. The politics of social cohesion in Germany, France and the United Kingdom. London, Palgrave Macmillan, 212 p.

11. Frater H., Schwanke K., Podbregar N. 2010. Wetter, Klima, Klimawandel Wissenfüreine Welt im Umbruch'. Berlin, Springer, 264 s.

12. Ihme B. 2010. Nachhaltige Entwicklung – sozial-ökologischer Umbau. Kernbereiche linker Politik. Beiträge zur politischen Bildung, 2: 1–28.

13. Jupp J., Nieuwenhuysen J., Dawson E. 2007. Social cohesion in Australia. New York, Cambridge University Press, 228 p.

14. Klimaschutzplan 2050. 2016. Klimaschutzpolitische Grundsätze und Ziele der Bundesregierung. Berlin, Druck- und Verlagshaus Zarbock GmbH & Co. KG, 92. Available at: https://www.bmu.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Klimaschutz/klimaschutzplan_2050_bf.pdf (accessed: 28 September 2019).

15. Leroy M., Gebresenbet F. 2013. Science, facts and fears: The debate on climate change and security. In: Ruppel O.C., Roschmann C., Ruppel-Schlichting K. (eds.), Climate change: international law and global governance: Vol. II. Policy, diplomacy and governance in a changing environment. Berlin, Nomos Verlagsgesellschaft GmbH: 685–712.

16. Nachhaltigkeit und Sozialer Zusammenhalt. Progressive Society ist eine Initiative der Fraktion der Progressiven Allianz der Sozialdemokratenim Europäischen Parlament. 2018. Available at: https://www.progressivesociety.eu/sites/default/files/2018-12/S%26D_ProgressiveSociety-SustEqu_BROCHURE_DE_FINAL.pdf (accessed: 28 September 2019).
17. Ranke U. 2019. Klima und Umweltpolitik. Berlin, Springer Verlag GmbH, 312 s.
18. Revised Strategy for social cohesion approved by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 31 March 2004. Available at: https://www.coe.int/t/dg3/socialpolicies/socialcohesiondev/source/RevisedStrategy_en.pdf (accessed: 26 April 2020).
19. Stallworthy M. 2009. Legislating against climate change: A UK Perspective on a Sisyphean Challenge. The Modern Law Review, 72 (3): 412–436.
20. White Paper. Adapting to climate change: Towards a European framework for action. Brussels. 2009. Available at: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=com:2009:0147:fin:en:pdf (accessed: 28 September 2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета, г. Псков, Россия

Хришкевич Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия

Антонова Лидия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия

Дмитриев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liudmila V. Alieva, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History, Pskov State University, Pskov, Russia

Tatiana G. Khrishkevich, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of World History and Area Studies, Pskov State University, Pskov, Russia

Lidia V. Antonova, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of World History and Area Studies, Pskov State University, Pskov, Russia

Vladimir A. Dmitriev, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of World History and Area Studies, Pskov State University, Pskov, Russia

УДК 94 (4) + 94 (5)
DOI 10.18413/2687-0967-2021-48-1-117-122

Ранняя Византия и гендерные исследования: проблемы и перспективы (по поводу книги: Болгов Н.Н. От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела. М., 2020)

И.Ю. Ващева
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: vasheva@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается круг проблем, связанных с гендерными исследованиями истории Ранней Византии. Импульсом к статье стал выход в 2020 г. научно-популярной книги Н.Н. Болгова «От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела». Отмечается, что в отечественной историографии до настоящего времени не сложилось подобного направления исследований. Собственно, и в целом историей Ранней Византии занимаются как основной проблематикой совсем немногие специалисты. Между тем в мировой науке это переходное время в последние десятилетия стало объектом пристального внимания со стороны многочисленных ученых, а количество публикаций приобрело взрывной характер. Сложилось и четко выраженное гендерное направление в изучении истории Поздней античности – Ранней Византии. Книга Н.Н. Болгова, имеющая несомненные достоинства в плане привлечения внимания к данной проблематике, должна послужить также стимулом к развитию исследований такого рода в отечественной византологии и, что не менее важно, обращена к массовому читателю и молодой аудитории. Автору удалось избрать корректную и уважительную интонацию в рамках светской науки при обращении к тематике, имеющей отношение к религиозной традиции.

Ключевые слова: гендерные исследования в истории, Ранняя Византия, Поздняя античность, рецензия, отечественная византинистика.

Для цитирования: Ващева И.Ю. 2021. Ранняя Византия и гендерные исследования: Проблемы и перспективы (по поводу книги: Болгов Н.Н. От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела. М., 2020). Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 117–122. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-117-122.

Early Byzantium and gender research: challenges and prospects (about the book: Bolgov N.N. From hetaera to abbess. Woman in Early Byzantium: the world of the senses and the life of the body. M., 2020)

Irina Yu. Vascheva
N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University
23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: vasheva@mail.ru

Annotation. This work examines a range of problems related to gender studies in the history of Early Byzantium. The impetus for the article was the publication in 2020 of the popular science book by N.N. Bolgov «From hetaera to abbess. Woman in Early Byzantium: the world of the senses and the life of

the body». It is noted that such a direction of research has not yet developed in Russian historiography. Actually, in general, very few specialists deal with the history of Early Byzantium as the main problematic. Meanwhile, this transitional period in recent decades has become the object of close attention from numerous scientists, and the number of publications has become explosive. There is also a clearly expressed gender direction in the study of the history of Late Antiquity – Early Byzantium. The book of N.N. Bolgov, who has undoubted merit in terms of drawing attention to this issue, should also serve as a stimulus for the development of research of this kind in Russian Byzantology and, no less important, is addressed to the general reader and young audience. The author managed to choose a correct and respectful intonation within the framework of secular science when addressing topics related to religious tradition.

Key words: gender studies in history, Early Byzantium, Late antiquity, review, Russian Byzantine studies.

For citation: Vascheva I.Yu. 2021. Early Byzantium and gender research challenges and prospects (about the book: Bolgov N.N. From hetaera to abbess. Woman in Early Byzantium: the world of the senses and the life of the body. M., 2020). Via in tempore. History and political science, 48 (1): 117–122 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-117-122.

In 2020, the publishing house «Lomonosov» published a book by N.N. Bolgov «From hetaera to abbess. Woman in Early Byzantium: the world of the senses and the life of the body». This work is of interest, first of all, because it is, perhaps, the first appearance in Russian popular science literature of work on the gender history of Late Antiquity or early Byzantium. First of all, the theme of the work itself attracts attention. Despite the tremendous interest in the «history of women» in recent times and the real boom in gender studies, there are not many works related to the early Middle Ages and especially early Byzantine history. As the author rightly notes, in world historiography there is a certain corpus of texts in the field of gender history, history of everyday life, social history, history of mentality, etc., created in recent decades by Byzantinists [Patlagean, 1976; Galatariotou, 1984–1985; Laiou 1981, 1992, 1993; Vogt, 1995; Arjava 1996; Garland, 2006, et al.]. Russian science in this direction is taking only the first steps [Болгов, 2020, p. 5–6]. For this reason, this book, although it has a popular scientific character, certainly deserves attention and has indisputable novelty and relevance, filling a significant gap in Russian historiography.

The period of the 4th – 7th centuries, which is discussed in the book, regardless of the name «early Byzantine» or «late antique», deserves special attention. This is the period of the most complex transformations in all spheres of life: the era of cardinal changes in the economic order, political perturbations, social upheavals, transformation of the entire system of values and mental attitudes, etc. Scientific comprehension of the period 4th – 7th centuries as an independent late antique era with its own specificity, began relatively recently. As for the position of a woman and her mentality in this era, in an era of paradigm change, the novelty and significance of this issue does not cause the slightest doubt.

Gender history, private life, history of mentality and history of corporality, history of sexuality, history of everyday life in Early Byzantium can hardly be called a well-studied field. Currently, these studies are in great demand, but they are just beginning to develop in Russian Byzantine studies.

As stated in the annotation, the work provides an outline of the history of the private life of an early Byzantine woman, but this book not only paints a broad panorama of the life of an early Byzantine woman, but also raises very serious and complex scientific problems. Each chapter, in fact, poses a separate scientific problem that requires serious research and scientific understanding.

The first chapter, which immerses the reader in the world of the private life of an early Byzantine woman, refers the reader to the history of the body and corporeality, so discussed in

modern humanitarian knowledge. It must be said that the attitude of the Christian church fathers to the body in general and the female body as a source of temptation in particular, theological reasoning about the nature of women in literature has been repeatedly discussed. However, the author not only shows the complexity and ambivalence of the Christian attitude towards women and her corporeality, but also perfectly shows the role of classical ancient traditions and stereotypes in the everyday life of the late antique society.

The second chapter, dealing with the history of the mentality of early Byzantine society, tells «about a mental upheaval and a radical change in the axiological scale due to the Christianization of East Roman society» [Болгов, 2020, p. 78]. As the author shows, this mental upheaval, a revolution in the system of values, radically changed the concepts of good and evil and the boundaries of what is permitted when the ancient paradigms of civilization were replaced by Christian ones. Obviously, the same «mental upheaval» leads women to rethink their sexuality, gender, and gender behavior and forces them to move away from traditional family values that have been formed for centuries and firmly entrenched in the minds of asceticism and monastic practices. The work perfectly shows this scrapping, a change in value orientations, but it does not give a clear and comprehensive answer to the question: «Why is this happening?», which makes the reader think over and over again about the realities of that time. In general, the chapter raises very serious problems of concern to many scientists.

Chapter 3 shows the various social roles of the early Byzantine woman in a wide range from hetaera to nun, shows very unusual female practices associated with gender refusal, which were widespread in the period of the 4th – 7th centuries. At the same time, a fair reservation is made that, as a rule, extreme or brightest manifestations of this or that phenomenon fall on the pages of sources, and the «mass» flow requires additional efforts to detect and analyze it.

The fourth chapter presents a whole gallery of female portraits and destinies – in the predominantly «male history» of Early Byzantium. For a long time, the attention of historians was attracted only by the fates of individual, most famous Byzantine women, mainly empresses, for example, the figures of the Empress Irina or the wife of Emperor Justinian Theodora. This work, partly following this tradition due to the nature of the available sources, builds in front of the reader a whole series of portraits of representatives of the political elite of Byzantium, and most importantly – tells about the private life and worldview of an ordinary woman, about those relationships that were considered the norm in early Byzantine society and often remained unspoken, not exposed.

The fifth chapter is devoted to the history of everyday life, telling about the history of costume, types of dwellings, food, dishes and other everyday realities that made up the everyday life of a Byzantine woman. Obviously, it took a lot of work to collect these smallest details, scattered in a huge number of various sources, and put them into a single picture that adequately reflects the subtle world of early Byzantine realities. And if in world historiography there have been publications such as Koukales' eight-volume book [Koukales, 1947–1957] for quite a long time, in Russian historiography such works are a great rarity.

The sixth chapter examines the gender aspects of the legal culture of early Byzantium. As the author points out, «the law most fully determines the social status of the sexes, their property characteristics and, therefore, reflects the existing gender system in its normative refraction» [Болгов, 2020, p. 189].

Thus, this book poses the most complex and acutely urgent scientific problems today and examines them on the basis of early Byzantine material.

The author relies on a wide range of sources of a very different nature [Болгов, 2020, p. 7–12], to which references are made, attracts a vast layer of modern scientific research, of which the works of Elizabeth Castelli, S.E. Harvey, Av. Cameron, J. Cloak, R. Webb and others, many of whom are little known to the Russian reader [Castelli 1986, 1991, 2001; Harvey 1990; Cameron, Kuhrt, 1993; Cloke, 1993; Webb, 1997, 2002, etc.], consistently reveals in various

spheres of a woman's private life the dichotomy «continuity – discontinuity», which largely determines the nature of the complex and contradictory era of the 4th – 7th centuries.

The methodological approaches used in this book are new and relevant for Russian Byzantine studies, while in foreign ones they became widespread only in the last decades of the Twentieth Century.

The fact that the author was able to explain these complex problems and discussions to the young reader, to whom the publishing house «Lomonosov» is oriented, deserves special attention, to the reader who often does not have a university education, to tell briefly and simply about the complex.

Also, in terms of the presentation of the material and the style, this work evokes certain associations with the famous book by A.P. Rudakov [Rudakov, 1996] (although this book, due to its release in the situation of 1917, had limitations in volume).

At the same time, it is possible to note some remarks to this work, which are inevitable in studies of this kind. For example, extremely interesting material on the development of female monasticism is given, unfortunately, only on the example of Egypt and Palestine, while Syrian monasticism or the development of monasteries in other regions of the empire is not at all affected.

In addition, in the introduction on p. 13 casually mentions that «monuments of illustrative art, such as the mosaics of Ravenna and Constantinople, book miniatures, etc., made it possible to draw observations and conclusions regarding the external representation of a woman's inner world (clothing, jewelry, etc.)». However, the publication, unfortunately, does not contain substantive illustrations and does not allow the reader to build a visual series himself, which is very significant for this topic.

Finally, it seems to us that it is not very successful and not entirely justified to use quotations from Berdyaev and other Russian philosophers [Болгов, 2020, p. 31], which does not so much explain the realities of the early Byzantine world, as it leads to the side of discussions around controversial issues of Russian theological and philosophical thought of the 19th – early 20th centuries.

It can be noted that some of the works and names of researchers mentioned in the text are absent from the list of references attached to the work. So, apparently, during editorial work, all publications in foreign languages were omitted, and only in Russian were left.

However, in general, these remarks are not of a fundamental nature and do not reduce the overall positive impression of the book.

So, this work is the first edition of this kind in modern Russian historical science. A very interesting and relevant topic, an appeal to serious scientific problems, and, at the same time, an easy-to-understand, very lively language and writing style will certainly interest the widest audience. The book is written in the best traditions of popular science literature and combines the necessary depth of approach to the topic, uniqueness of information and fascinating presentation of the material.

Reflecting on the problems and prospects, it can be noted that domestic Byzantine studies in the future, undoubtedly, could intensify its efforts towards expanding the methodological arsenal, in particular, mastering gender issues, while preserving its best traditions. The early Byzantine period provides ample research opportunities for this.

Список литературы

1. Болгов Н.Н. 2020. От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела. М., Ломоносов, 208.
2. Репина Л.П. 2001. Гендер в истории: проблематика и методология исследований. В кн.: Теория и методология гендерных исследований. М., МЦГИ/МВШСЭН: 351–365.
3. Рудаков А.П. 1996. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., Алетейя, 288.

4. Arjava A. 1996. Women and Law in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 338.
5. Cameron Av., Kuhrt A. (ed.). 1993. Images of Women in Antiquity. Detroit, Wayne State univ. Press/Routledge, 356.
6. Castelli E. 1991. «I Will Make Mary Male»: Pieties of the Body and Gender Transformation of Christian Women in Late Antiquity. In: Body guards: The cultural politics of gender ambiguity, Jan 1. New York, Routledge: 29–49.
7. Castelli E.1986. Virginity and its Meaning for Women's Sexuality in Early Christianity. In: Journal of Feminist Studies in Religion. 2–1: 61–88.
8. Castelli E. 2001. Women, Gender, Religion: A Reader. Edited with the assistance of Rosamond C. Rodman. New York, Palgrave/St. Martin's Press, 550.
9. Cloke G. 1993. Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Life-styles. Oxford, Clarendon Press, 158.
10. Galatariotou C. 1984–1985. Holy Women and Witches: Aspects of Byzantine Conceptions of Gender. In: Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 9: 55–94.
11. Garland L. 2006. Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200. London, Ashgate, 226.
12. Harvey S.A. 1990. Women in Early Byzantine Hagiography: Reversing the Story. In: Women's Strength: historical perspectives on women in Christianity. Ed. by L.L. Coon, K.J. Haldane, E.W. Sommer. Charlottesville, Univ. Press of Virginia: 46–50.
13. Koukales P. 1947–1957. The Private Life of the Byzantines [Byzantinon bios kai politismos]. 8 vols. Athens: Institut Francais.
14. Laiou A.E. 1992.Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Brookfield, Variorum Coll. Studies, 268.
15. Laiou A.E.1993. Sex, Consent and Coercion in Byzantium. In: Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies. Ed. A.E. Laiou. Washington, D. C.: 109–221.
16. Laiou A.E. 1981. The Role of Women in Byzantine Society. In: Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 31,1: 233–260.
17. Patlagean E. 1976. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance. In: Studi Medievali. Ser. 3. Vol. 17: 597–625 (in French).
18. Vogt K. 1995. «The Woman Monk»: a Theme in Byzantine Hagiography. In: Greece & Gender. Ed. by B. Berggreen, N. Marinatos. Bergen, Norwegian Institute at Athens: 141–148.
19. Webb R. 2002. Female Performers Entertainers in Late Antiquity. In: Greek and Roman Actors: Aspects of an Ancient Profession. Ed. P. Easterling, E. Hall. Cambridge, Cambridge University Press: 282–303.
20. Webb R. 1997. Salome's Sisters: the Rhetoric and Realities of Dance in Late Antiquity and Byzantium. In: Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium. Ed. L. James. London; New York, Routledge: 119–148.

References

1. Bolgov N.N. 2020. Ot getery do igumen'i. Zhenshchina v Rannej Vizantii: mir chuvstv I zhizn' tela [From hetaera to abbess. Woman in Early Byzantium: the world of the senses and the life of the body]. Moscow, Lomonosov, 208 (In Russian).
2. Repina L.P. 2001. Gender v istorii: problematika I metodologiya issledovanij [Gender in History: Problems and Research Methodology]. In: Teoriya i metodologiya gendernyh issledovanij [Theory and methodology of gender studies]. Moscow: Moscow center for gender studies/Moscow Higher School Social and Economic Sciences: 351–365 (in Russian).
4. Arjava A. 1996. Women and Law in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 338.
5. Cameron Av., Kuhrt A. (ed.). 1993. Images of Women in Antiquity. Detroit, Wayne State univ. Press/Routledge, 356.
6. Castelli E. 1991. «I Will Make Mary Male»: Pieties of the Body and Gender Transformation of Christian Women in Late Antiquity. In: Body guards: The cultural politics of gender ambiguity, Jan 1. New York, Routledge: 29–49.
7. Castelli E.1986. Virginity and its Meaning for Women's Sexuality in Early Christianity. In: Journal of Feminist Studies in Religion. 2–1: 61–88.

8. Castelli E. 2001. Women, Gender, Religion: A Reader. Edited with the assistance of Rosamond C. Rodman. New York, Palgrave/St. Martin's Press, 550.

9. Cloke G. 1993. Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Life-styles. Oxford, Clarendon Press, 158.

10. Galatariotou C. 1984–1985. Holy Women and Witches: Aspects of Byzantine Conceptions of Gender. In: Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 9: 55–94.

11. Garland L. 2006. Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200. London, Ashgate, 226.

12. Harvey S.A. 1990. Women in Early Byzantine Hagiography: Reversing the Story. In: Women's Strength: historical perspectives on women in Christianity. Ed. by L.L. Coon, K.J. Haldane, E.W. Sommer. Charlottesville, Univ. Press of Virginia: 46–50.

13. Koukales P. 1947–1957. The Private Life of the Byzantines [Byzantinon bios kai politismos]. 8 vols. Athens: Institut Francais.

14. Laiou A.E. 1992.Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Brookfield, Variorum Coll. Studies, 268.

15. Laiou A.E.1993. Sex, Consent and Coercion in Byzantium. In: Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies. Ed. A.E. Laiou. Washington, D. C.: 109–221.

16. Laiou A.E. 1981. The Role of Women in Byzantine Society. In: Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 31,1: 233–260.

17. Patlagean E. 1976. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance. In: Studi Medievali. Ser. 3. Vol. 17: 597–625 (in French).

18. Vogt K. 1995. «The Woman Monk»: a Theme in Byzantine Hagiography. In: Greece & Gender. Ed. by B. Berggreen, N. Marinatos. Bergen, Norwegian Institute at Athens: 141–148.

19. Webb R. 2002. Female Performers Entertainers in Late Antiquity. In: Greek and Roman Actors: Aspects of an Ancient Profession. Ed. P. Easterling, E. Hall. Cambridge, Cambridge University Press: 282–303.

20. Webb R. 1997. Salome's Sisters: the Rhetoric and Realities of Dance in Late Antiquity and Byzantium. In: Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium. Ed. L. James. London; New York, Routledge: 119–148.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Vascheva, doctor of historical sciences, professor of the Department of medieval civilizations of Institute of International Relations and World History, N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhni Novgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-123-131

К вопросу о происхождении этнонимов *варяги* и *видиварии*

А.Е. Виноградов
Независимый исследователь, г. Москва
E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Спор об этнической природе и происхождении названия варягов, упомянутых в древнерусских летописях, продолжается уже не одно столетие. Исследователи опираются в основном на поздние скандинавские и византийские источники или же, наоборот, на античные сведения, фиксировавшие другую этническую картину по сравнению с той, что была в Восточной Европе к моменту летописного призвания варягов. При этом на второй план уходят известия источников о народах, населявших берега и острова Балтики в раннем средневековье, этнонимы которых связывают с Гуннской и Аварской державами. Именно эти этнонимы, возможно, являются кальками термина *варяг* и связанного с ним *видиварии*.

Ключевые слова: варяги, видиварии, Балтика, скандинавы, латинский язык, гунны, тюрки, Аварский каганат.

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2021. К вопросу о происхождении этнонимов *варяги* и *видиварии*. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 123–131. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-123-131.

On the question of the origin of etnonyms *Varyagi* and *Vidivarii*

Alexey E. Vinogradov
Independent researcher, Moscow
E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The dispute about the ethnic nature of the Varangians mentioned in the ancient Russian chronicles has been going on for more than one century. Researchers rely mainly on late Scandinavian and Byzantine sources, or, conversely, on ancient information that recorded a different ethnic picture compared to that in Eastern Europe at the time of the chronicle vocation of the Varangians. At the same time, news of sources about other peoples who inhabited the shores and islands of the Baltic in the early Middle Ages, whose ethnonyms are associated with the Hunnic and Avar powers, go into the background. The Turks, Avars and other Eastern Peoples who came to Europe, mixing with Germans, Vlachs and Slavs, gave birth to new Ethnic Groups with names that reflect the ethnonymic tradition of nomads in a new European form. This fact, as well as the spread of the Latin language in the status of the *lingua franca,* not only of the post-Roman world, but also of other parts of Europe, caused the appearance of the phenomenon and rapid disappearance of the historical scene of the Vidivarii and Varangyans (Varyags).

Key words: Varangians, Vidivarii, Baltic, Scandinavians, Latin, Huns, Turks, Avar Khaganate.

For citation: Vinogradov A.E. 2021. On the question of the origin of etnonyms *Varyagi* and *Vidivarii*. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 123–131 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-123-131.

Известие «Повести временных лет» о призвании варягов в 862 г. дало повод для длительной научной полемики вокруг вопроса об этнической природе призванных и их этнониме. К настоящему времени большинство историков и лингвистов развивают версию В.Томсена [Thomsen, s. 124–127] о скандинавском происхождении этого слова, устанавливая взаимосвязь между væringjar (*væringjar),* обозначавшим на языке викингов наемную дружину (от vár – клятва), *βάραγγοι,* известным с 1034 г. именованием гвардейцев византийского императора и древнерусским *варяги* [Пчелов, 2012, с. 7; Вилкул, Николаев, 2020, с. 141; Scheel, 2015, p. 97].

Альтернативные версии представлены в основном последователями линии С.А. Гедеонова, видящими в *варягах* славян / славянизированных кельтов / «древнеевропейцев» *вагров или варинов* [Кузьмин, 2003, с. 222–242], [Фомин, 2005, с. 422–461], [Романчук, 2016, с. 68–70].

Обе версии содержат существенные недостатки, на которые не раз обращалось внимание. В частности, переход *væringjar >βάραγγοι > væringi* (скандинавская форма в значении *служившие в Византии)* требует объяснений, в греческом варианте ожидалась бы другая форма – *βαριγγος* [Аникин, с. 102]. Поэтому в эту цепочку вслед за А.А. Куником встраивают историко-лингвистические элементы вроде лангобардского *waregang(i)* (*пришельцы, чужаки*) [Луговой, 2009, с. 405–409; Parducci, 2007, 1–11], или чаще вслед за Г. Якобссоном реконструируют ее первую часть как скандинавскую *warāngR- [Мельникова, 1998, с. 160]. Однако такая реконструкция ввиду отсутствия следов реальной формы в скандинавской лексике также вызывает сомнения, в том числе среди сторонников норманнской версии [Danilenko, 2004, с. 183]. Фиксация термина *βάραγγοι* лишь в XI в. заставляет передвигать на два столетия и время появления русской формы *варяги* [Вилкул, Николаев, 2020, с. 141] от указанной в летописи.

В свою очередь феномен позднего появления термина *варяги* пытаются объяснить его вторичностью по отношению к якобы существовавшей древнерусской форме, дескать, через старое прочтение «юса малого» соответствовавшей скандинавской *væring*– [Клейн, 2014, с. 341]. Однако в XI в., т. е. в период создания первых летописных памятников, носовых гласных в речи восточных славян уже не было [Галинская, 2009, с. 43]. Личное летописное имя *Варяжко* «свидетельствует о давней укорененности самого слова «варяг» на Руси» [Мельникова, Петрухин, 1994, с. 60], форма *Вараиг* у Касвини, явно опиравшегося на старые источники, широкое распространение термина *варяг* в разных слоях русской лексики пусть и в других значениях [Аникин, 2012, с. 100–101, 103]) показывают, что этноним изначально существовал в его ныне известном виде.

При этом væringjar *и væringi* – социальные термины, что касается византийских *βάραγγοι*, то их этническая природа менялась в зависимости от времени и притока новых рекрутов [Васильевский, 1908, с. 392], они могли описываться греками и как *кельты*, и *англы*, и как *обитатели севера* в значении преимущественно *скандинавы* (термин *Варангия* применительно к истории норвежца Харальта [Кекавмен, 1972, с. 283]). *Варяги* же изначально – термин определенно этнический.

Объяснение, что-де в древнерусском языке через социальную дружинную лексику появилось этническое, общее название для всех скандинавов [Мельникова, 1998, с. 159] или для шведских викингов [Macdonald, Somerville, 2010, p. 301] игнорирует указания и русских летописей, и восточных источников на обширную территорию, которую варяги (*Варанк, Вараиг*) занимали в Восточной Европе [Виноградов, 2020b, с. 10] где, в свою очередь, не наблюдалось сплошного скандинавского присутствия. Рассмотрение взаимосвязи термина *варяги* с греческим *βάραγγοι (*грузинским *варанги,* арабо-персидским *Варанк)* через призму архаичного и малоупотребительного [Мельникова, Петрухин, 1994, с. 67] скандинавского суффикса *ang,* на наш взгляд, малоубедительно.

Показательно, что еще в начале XVI в. сами скандинавы (датчане), переводя этно- или топоним *Варяги* из грамоты московского великого князя Василия III, воспроизводили

его в «русском» виде Variagi, Wariagi (при этом ряд других названий переводя по-своему) и отделяли от этого Variagi понятие «урманский» или «норвежский» [Возгрин, Шаскольский, Шрадер, 1998, с. 129–131].

Что касается трактовки этноса варягов как скандинавов или как вообще шведов, то в последнее время ее несоответствие историческим данным становится очевидным даже для некоторых сторонников норманнской теории, которые стали ассоциировать понятие *варяг* исключительно с жителями Готланда, которые, как признается, в раннем средневековье культурно отличались от скандинавов [Gannholm, 2017, pp. 6–7, 57].

В свою очередь, в рамках наиболее известной из альтернативных версий варяжского этногенеза трудно объяснить и существование кельтских/древнеевропейских реликтов в контексте балтийской истории IX–X вв., и разницу между антропонимиконом балтийских славян и Руси, не говоря уже о более широком аспекте варяжской проблемы: названиях днепровских порогов и т. д. Притом, по мнению А.А. Горского, с варягами Рюрика трудно сопоставить как славян, так и известных нам скандинавов, поскольку ни те, ни другие «не имели государственнообразовательных потенций», которые могли бы привести к созданию столь крупного государства, как Киевская Русь [Горский, 2009, с. 16].

На наш взгляд, решение варяжской проблемы невозможно без объяснения феномена фиксации балтийских *варягов* как этнонима в славянских, а также восточных источниках, и отсутствия такового в западноевропейских. При всей отдаленности балтийской ойкумены от центров европейской культуры до начала крестовых походов в Финляндию и Прибалтику очевидно, что существование такого значительного народа не могло пройти совсем незамеченным для западных хронистов и географов. Просто, по всей вероятности, этот этноним на Западе звучал по-другому.

О возможном существовании подобного синонима рассуждали исследователи еще XIX в. В частности, по И.Е. Забелину, другим именем *варягов* были известные по сочинению Иордана *видиварии*, носителей которого сам историк считал балтийскими славянами [Забелин, 2019, с. 147]. В другом ключе ту же тему раскрывает В.И. Кулаков, в чьих исследованиях прослеживается цепочка от полиэтничных видивариев, распространивших свое влияние от устья Вислы до Самбии и островов Балтики [Кулаков, 2003, с. 109] до основания Русского государства [Кулаков, 1999].

И сейчас даже скудной информации Равеннского Анонима и других источников о раннесредневековой картине Балтики достаточно, чтобы поставить вопрос о генезисе термина *варяг* в совершенно других этнических реалиях, чем *væringjar*. Письменные и устные легендарные источники говорят о присутствии на Балтике в раннем средневековье роксоланских (Roxolanorum) и савроматских (Sauromatum) группах, о *турках* (Turci), о *хуннских* (Hunorum) царях и воинах, аланах [Виноградов, 2020b, с. 11]. Данные о том, что *гунны*, переселившись со среднедунайских равнин, обитали какое-то время на берегах Балтики, можно найти и в венгерских средневековых хрониках, старогерманском фольклоре, топонимах [Кузнецов, 2001, с. 69]. По свидетельству Приска Панийского, современники Аттилы были убеждены в том, что он распространил свою власть в том числе на острова «Океана» [The fragmentary history…, 2014, p. 68]. Даже название варягов у Длугоша – Vorahuni – явно отдает воспоминаниями о проникших на берега Балтики степняках, которых в средневековье по традиции именовали Huni, *гунны*.

Эти указания источников на полиэтничный дунайский импульс, заставлявший бурлить раннесредневековую Балтику, пытаются истолковать как ошибку, смешение средневековыми авторами Прибалтики и Причерноморья, как в случае с сообщением Адама Бременского о *турках* [Adamus Bremensis, 1876, pp. 163, 167] [Древняя Русь…, 2010, с. 144–145, 147] или просто игнорировать. Так, А. Стендер-Петерсен просто охарактеризовал сведения автора «Хроники деяний норманнов во Франции» о том, что рядом с готами и датчанами живут еще Huni, как «отсебятину самого плохого качества» [Стендер-Петерсен, 1960, с. 145].

Нам представляется некорректным отсеивать целый свод источников в угоду той или иной исторической концепции. С методологической точки зрения, на наш взгляд, более правильно попытаться эти источники сопоставить с летописными и другими нарративными данными, традиционно используемыми в рассмотрении варяжского вопроса, а также с результатами археологических исследований.

Именно последние зафиксировали как отзвук «гуннских войн» переселение в V–VII вв. н. э. на правобережье Нижнего Немана и острова Балтики вплоть до Готланда многочисленных групп из Дунайского региона, в том числе сохранивших элементы кочевнической культуры, причем сохранивших вплоть до XI века [Виноградов 2020b, с. 12]. Эти данные, как и появление в географических пределах Балтики и в схожем с варяжским контексте восточного термина *Хакан-Рус* Бертинских анналов, дают основания усмотреть в варягах не скандинавский, как, впрочем, и не славянский, но полиэтничный, с существенным номадическим акцентом дунайский компонент.

Некоторые исследователи допускают миграцию на Балтику не непосредственно кочевников-гуннов, но участников «гуннской политии» – гепидов, герулов, балтов [Curta, Bliujene, 2011, p. 44], другие, сомневаясь в собственно гуннской экспансии далеко на север, полагают возможной более позднюю аварскую экспансию [Näsman, 2008, p. 116]. Авары активно участвовали в торговле с балтами, утверждает К. Скворцов, возможно, даже и в работорговле на Балтике [Skvortsov, 2015]. По мнению А.В. Мастыковой, контакты с балтами осуществляло подконтрольное аварам оседлое население каганата [Мастыкова, 2015, с. 464].

Все это отнюдь не исключает культурного влияния номадов на указанное население. Еще с позднеримского времени у части германских племен вплоть до Балтики заметно использование сарматских знаков власти, свидетельствовавшее о смешении элиты и/или о клятвенно-зависимых отношениях от номадов [Яценко, Добжанска, 2012], что, возможно, объясняет появление *роксолан*, *сармат* и *аланов* в источниках в балтийском и околобалтийском контексте. Очевидно, то же можно сказать и о более поздних связях с оказавшей огромное влияние на культуру германцев Гуннской державой [Шувалов, 2001, с. 136–140], и с Аварским каганатом, в котором присутствие тюркского элемента признается большинством исследователей. Этноним *туркилинги* (Turcilingi, Thorcilingi), упомянутый Иорданом в контексте падения Западной Римской империи [Iordanus, 1882, p. 44], некоторые исследователи рассматривают как сочетание названия Turci с германским суффиксом ling, т. е. как свидетельство германо-тюркского смешения в зоне гуннского владычества [Kim Hyiun Jin, 2013, p. 101].

В любом случае речь идет о заселении прибалтийских территорий этносами, в значительной мере или связываемыми с ранними тюрками или с народами, испытавшими на себе их влияние. И вот здесь феномен *туркилингов,* а также *турок*, упомянутых Адамом Бременским как соседей Руси по «заливу», которым с юга владеют славяне, а с севера – скандинавы [Древняя Русь…, 2010, с. 145], могли бы, на наш взгляд, сыграть ключевую роль в решении проблемы этнонима *варяги*.

Для этого, в свою очередь, необходимо обратиться к генезису названия *турки* (*тюрки)*. Согласно выводам С.П. Толстова, этот этноним восходил к термину Tür-kün «возрастный класс молодых неженатых воинов», т. е. поначалу он имел социальную семантику и лишь затем через последовательную смену значений («войско» и др.) обретал смысл «национального имени». Впрочем, его в политическом значении объединения разных родов использовали и другие, находившиеся под влиянием тюрок народы [Толстов, 1938, с. 80–81].

Напомним, что появление этнонима *турк, тюрк* в источниках (VI в.) примерно совпадает с исторически и археологически прослеживаемым появлением кочевнических групп на Балтике и сообщением Иордана о видивариях там же. Это сообщение привлекает внимание на фоне скудной информации источников раннего средневековья об этнической картине Балтики, по крайней мере, четкой локализацией (в эстуарии Вислы) и этнической характеристикой видивариев как «собравшихся из различных племен» [Кекавмен, 1972, с. 72]. После Иордана информация о видивариях пропадает, что предполагает возмож-

ность смены этнонима. И таких наследников пытаются найти, например, в Vuizunbeire «Баварского географа» [Коматина, 2020, с. 124].

Некоторые исследователи считают, что *видиварии* – общее имя для «осколков» различных, по преимуществу германских племен, и сам этноним имеет германскую этимологию со значением «вещие воины» или «люди Видьи» (т. е. Видевута [Кулаков, 2003, с. 114, 252]) или же «жителей страны Вит» (известная по «Орозию короля Альфреда» Witland) [Коматина, 2020, с. 124].

По мнению Е.Ч. Скржинской, загадочное имя «воспринимается как собирательное» [Иордан, 1960, с. 221]. Вместе с тем в тексте Иордана видивариям не дана родоплеменная характеристика (gens, gentis), как их соседям – эстиям и акацирам [Iordanus, 1882, p. 63]. Но не значит ли это, что и «родового» названия здесь просто не существовало, а «собирательное название» следует выводить из языка, на котором был написан труд Иордана – из латыни? Последняя составляющая этого названия varii может быть трактована как прилагательное мн. ч. «разнообразные», либо как существительное, образованное от прилагательного (в латыни varia – букв. «пеструшка», имя для представителей фауны, а здесь «разношерстное сборище», «сброд»). Такое значение вполне соответствует определению «ex diversis nationibus adgregati» Иордана. Первая же часть – усеченная (что обычно для двусоставных слов) форма vidui «одинокие, холостые», что практически калька уже вышеупомянутому Tür-kün.

Случайное ли это совпадение с учетом вышеприведенных данных о средневековой этнической картине Балтики? На наш взгляд, нет. Археологические данные показывают, что переселенцы, устремившиеся с юга на Балтику, а также в Восточную Европу, были «воинскими коллективами, оставшимся ”не у дел“ после распада государства Аттилы», практически все оставленные ими предметы «иллюстрируют нам некий суровый мужской быт» и, скорее всего, данный феномен восходит к своеобразной культуре, которая долгое время «формировалась в среде германских варваров на римской службе» [Михайлова, 2012, с. 205]. В Литве престижные вещи дунайского происхождения находятся в основном в мужских захоронениях, из чего делается вывод, что в них погребены воины, долгое время пробывшие на Дунае (А. Блиуене и Ф. Курта считают, что речь идет о балтийских уроженцах, много лет проведших вдали от родины [Curta, Bliujene, 2011, p. 56], что спорно, но в любом случае и они подпадают под категорию «холостые»).

И само недолгое существование термина видиварии, только промелькнувшего в одном историческом источнике, говорит в пользу такой трактовки этого слова. Естественно, основная масса воинов-переселенцев с юга если не погибала в боях, то все-таки находила себе жен на новом месте обитания, Привисленье – славянок, балтиек и т. д., запуская процесс смешения. И сам феномен полиэтничной и «мультикультурной» дружины в низовьях Вислы быстро прекратил бы свое существование, если бы из центра Европы к Балтике еще два столетия не шли новые волны переселенцев [Виноградов, 2020b, с. 12], поддерживая здесь определенную «мультикультурность».

Но если о varii еще можно было говорить, но vidi (vidui) основная масса местных жителей уже не были. Вторая часть этнонима потеряла актуальность, так же как, собственно, Tür-kün. Но если последний термин уцелел, чуть модифицировавшись и изменив семантику, то в «собирательном имени» видиварии больше шансов было сохраниться у второй части, varii.

Это заметно при рассмотрении вопроса о *варягах*. Удивительно, но до сих пор исследователи в основном обходили стороной наиболее точное фонетические соответствие древнерусскому *варяги,* которое также находятся в латыни и ее дериватах (variego, vareggiare – «делать пестрым, разнообразным»). Латинское прочтение здесь нам кажется наиболее вероятным, поскольку, во-первых, латинские корни прослеживаются и в варяжском именослове [Виноградов, 2020a].

Во-вторых, прочтение имени этноса, или, по терминологии Л.Н. Гумилёва, суперэтноса как «пестрые, составленные из разных элементов» имеет практически кальку в

тюркском, где, согласно гипотезе авторитетных лингвистов конца XIX – первой половины XX в., именование одного из крупнейших племенных объединений – булгар – означает «смешанные» [Stoyanov, p. 65]. Что опять же не случайная параллель, если учитывать историю этногенеза тюрок вообще, складывавшегося поначалу как военно-политический союз различных народов и сложившегося затем в нечто большее «вследствие этнического смешения» [Гумилёв, с. 25].

Считаем допустимым, что взаимосвязанные термины *видиварии, варяги* отразились у Иордана и Адама Бременского в виде *туркилинги* и *турки*, что лишний раз демонстрирует характерное для эпохи взаимодействие Запада и Востока. Не случайно в полиэтничной среде дунайских гуннов отмечалось многоязычие, в т. ч. использование латыни; как и римских специалистов [Обломский, с. 165], в свою очередь, Восточная и Западная Римская империи привлекали кочевников вместе с германцами на свою службу [Thompson, 1982, p. 64] результатом чего стало создание особого смешанного воинского подразделения –Уннигарды [Мехамадиев, 2015]. Литовские и прусские предания говорили о римских переселенцах на север, дополняя сведения о пришедших с юга номадах, красноречиво упоминание римского имени *Антонес* и тюркского *Чинбех* в одном контексте истории соседних с Пруссией регионов [Виноградов 2020b, с. 12].

В разнообразии этнической картины циркумбалтийского пространства раннего средневековья, вероятно, кроется ключ к разгадке вопросов, связанных с летописным рассказом о призвании варягов. Экспансия на берега Балтики народов и воинских групп, подвергшихся влиянию, с одной стороны, Римской империи, с другой – гуннской и аварской державы, привела к появлению феномена смешанных суперэтносов, совместивших культурные и этнонимические традиции Запада и Востока. Одним из таких суперэтносов стали видиварии, установившие контроль над торговыми путями между Балтикой и югом и впоследствии – варяги, превратившие эти контрольные функции в государственные.

Список источников

1. Возгрин Е.В., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. 1998. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле. Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб.: 125–135.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2010. Т. IV. (комм. А.В. Назаренко). М., Русский Фонд Содействия образованию и науке, 512.
3. Adam Bremensis. 1876. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Adam Bremensis. Hannoverae: I. Bibliopolii Hahniae, XX: 191.
4. Iordanus. 1882. Iordanis Romana et Getica, t. 5, p. 1 ed. T. Mommsen. Berlin, Weidmann: 200.
5. Priscus. The fragmentary history of Priscus. 2014. Attila, The Huns and the Roman Empire A. D. 430–476. Merchantville, Evolition: 194 [XLVIII].

Список литературы

1. Аникин А.Е. 2012. Русский этимологический словарь. М., Рукописные памятники Древней Руси. Вып. 6, 364.
2. Васильевский В.Г. 1908. Труды. Т. I. СПб, изд. Имп. Академии Наук, 401.
3. Вилкул Т.Л., Николаев С.Л. 2020. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их. Studia slavica et Balcanica Petropolitana, 1 (27): 138–160.
4. Виноградов А.Е. 2020. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 309–317.
5. Виноградов А.Е. 2020. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы. Вестник МГПУ. Серия История. Политология. 1: 8–20.
6. Галинская Е.А. 2009. Историческая фонетика русского языка. М., МГУ: 160.
7. Горский А.А. 2009. Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // Родина. 9: 15–18.
8. Гумилёв Л.Н. 1967. Древние тюрки. М., Наука, 501.
9. Забелин И.Е. 2019. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., Юрайт, 513.

10. Иордан. 1960. О происхождении и деяниях гетов. Пер. Е.Ч. Скржинской. М., Восточная литература, 436.
11. Кекавмен. 1972. Советы и рассказы. М., Наука. 746.
12. Клейн Л.С. 2014. Еще один спор о лехитских варягах. Stratum plus, 5: 335–343.
13. Коматина П. 2020. Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 1 (27): 106–137.
14. Кузнецов Е.В. 2001. Этногенез восточных славян. Исторические очерки (VI–IX вв.). Арзамас, АГПУ, 191 [1].
15. Кузьмин А.Г. 2003. Начало Руси. М., Вече, 432.
16. Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов. Stratum plus, 5: 148–151.
17. Кулаков В. И. 2003. История Пруссии до 1283 г. М., Индрик, 432.
18. Луговой О.М. 2009. К вопросу о происхождении термина «Варанг/Варяг/Вэринг». Stratum plus, 6: 405–409.
19. Мастыкова А.В. 2015. О некоторых подвесках в погребениях ольштынской группы. Barbaricum (Warszawa), 11: 461–471.
20. Мельникова Е.А. 1998. «Варяги, Варанги, Вэринги»: Скандинавы на Руси и в Византии: Византийский временник, Т. 55 (80), ч. 2. М., Наука: 159–164.
21. Мельникова Е.А. Петрухин В.Я. 1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках. К истории названия «варяг». Славяноведение, 2: 56–68.
22. Мехамадиев Е.А. 2015. Синезий Киренский и войсковое подразделение «Уннигарды». Готы и гунны в Восточной Римской империи на рубеже IV–V вв. Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 4: 61–74.
23. Михайлова Е.Р. 2012. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи. Истоки славянства и Руси. Сб. статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб., 201–210.
24. Обломский А.М. 2004. Заключение. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., ИА РАН: 163–166.
25. Пчелов Е.В. 2012. Рюрик и начало Руси. М., Старая Басманная, 60.
26. Романчук А.А. 2016. Варяги и варязи: к вопросу о возникновении этнонима *варяг*. Восточноевропейский научный вестник. 2: 65–72.
27. Стендер-Петерсен А. 1960. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова. Kuml. Årbog for jysk arkælogisk selskab. Ärhus: 144–152.
28. Толстов С.П. 1938. К истории древнетюркской социальной терминологии. Вестник древней истории. 1: 72–81.
29. Фомин В.В. 2005. Варяги и варяжская Русь. М., Русская панорама, 488.
30. Шувалов В.П. 2001. У истоков средневековья: двор Аттилы. Проблемы социальной истории и культуры средневековья и Нового времени. Вып. 3. СПб, СПбГУ: 130–145.
31. Яценко С.А. Добжанска Г. 2012. Германские парадные копья II–III вв. н. э. с сарматскими знаками. Труды ГИМ, Вып. 191: 494–509.
32. Curta F. Bliujene A. 2011. Exotic Lands, Quixotic Friends, Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Medieval Archaeology, 55: 29–65.
33. Danilenko A. 2004. Urmane, Varjagi and other (Nordic) Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle. Byzantinoslavica LXII: 137–205.
34. Gannholm T. 2017. Gotland, the Home of the Varangians. Stånga, Stavgard, 211.
35. Kim Hyiun Jin, 2013. The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge, 338.
36. Macdonald R.A. Somerville A.A. 2010. The Viking Age: A Reader. University of Toronto Press, 528.
37. Näsman U. 2008. Scandinavia and the Hunns: a source-critical approach to an old question. Fornvännen. (103): 2: 111–118.
38. Parducci D. 2007. Gli stranieri nell'alto medievo Appunti sul cap. 367 dell'edictum Rotari. Mirator (Helsinki), 1: 1–11.
39. Scheel R. 2015. Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck&Rurecht, 1343.
40. Skvortsov K. 2015. The story of a «Byzantine» coin from Sambia (on the question of Balto-Avar Contacts. Barbaricum (Warszawa). 11: 601–622.

41. Stoyanov V. 1987. Die structur und Betentung des Bulgarischen Etnonyms im Lichte einer Evolitiontheorie. Etudes Balkaniques, 2: 65–82.

42. Thompson E.A. 1982. Romans and Barbarians. The Decline of the Western Romanian Empire. Univ. of Wisconsin Press, 329.

43. Thomsen V. 1879. Der Ursprung des Russishen Staates. Gotha, F.A. Perthes, 156.

References

1. Anikin A.E. 2012. Russkij etimologicheskij slovar' [Russian etymological dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 364.

2. Vasil'evskij V.G. 1908. Trudy [Proceedings]. T. I. St. Petersburg, izd. Imp. Akademii Nauk, 401.

3. Vilkul T.L., Nikolaev S.L. 2020. Rus' v perechnyakh narodov «Povesti vremennykh let» i vne ikh [Russia in the lists of peoples «Tales of bygone years» and beyond]. Studia slavica et Balcanica Petropolitana, 1 (27): 138–160 (in Russian).

4. Vinogradov A.E. 2020. Antroponimiya pervykh russkikh knyazey i proiskhozhdenie dinastii Ryurikovichey [Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty] Via in tempore. Istoriya. Politologiya, 47 (2): 309–317 (in Russian).

5. Vinogradov A.E. 2020. Kul'tura dlinnykh kurganov v svete varyazhskoy problemy [Culture of long barrows in the light of the Varangian problem]. Vestnik MGPU. Istoriya. Politologiya. 1: 8–20 (in Russian).

6. Galinskaya E.A. 2009. Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka [Historical phonetics of the Russian language]. Moscow, Publ. MGU, 160.

7. Gorskiy A.A. 2009. Nachalo Rusi: slavyano-varyazhskaya dilemma? [The Origin of Russia: Slavic-Varangian Dilemma?]. Rodina. 9: 15–18.

8. Gumilyov L.N. 1967. Drevnie tyurki [Göktürks]. Moscow, Nauka, 501.

9. Zabelin I.E. 2019. Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremen [History of Russian life since ancient times]. P. 1. Moscow, Yurajt, 513.

10. Iordan. 1960. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov [On the origin and deeds of the Getae]. Per. E.Ch. Skrzhinskoj. Moscow, Vostochnaya literatura, 436.

11. Kekavmen. Sovety i rasskazy [Tips and stories]. 1972. Moscow, Nauka, 746.

12. Kleyn L.S. 2014. Eshche odin spor o lekhitskikh varyagakh [Another dispute about the lechite Varangians]. Stratum plus, 5: 335–343 (in Russian).

13. Komatina P. 2020. Slavyanskie etnonimy «Bavarskogo geografa»: istoriko-lingvisticheskiy analiz [Slavic ethnonyms of the «Bavarian geographer»: historical and linguistic analysis]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 1 (27): 106–137 (in Russian).

14. Kuznecov E.V. 2001. Etnogenez vostochnyh slavyan. Istoricheskie ocherki (VI–IX vv.) [Ethnogenesis of the Eastern Slavs. Historical essays (VI–IX centuries)]. Arzamas, AGPU, 191 [1].

15. Kuz'min A.G. 2003. Nachalo Rusi [the Beginning of Russia]. Moscow, Veche, 432.

16. Kulakov V.I. 1999. Baltiyskiy variant dvizheniya vikingov [Baltic version of the Viking movement]. Stratum plus, 5: 148–151 (in Russian).

17. Kulakov V.I. 2003. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia before 1283]. Moscow, Indrik, 432.

18. Lugovoy O.M. 2009. K voprosu o proiskhozhdenii termina «Varang/Varyag/Vering» [The question of the origin of the term «Warang/Varjag/Vering»]. Stratum plus, 6: 405–409 (in Russian).

19. Mastykova A.V. 2015. O nekotorykh podveskakh v pogrebeniyakh ol'shtynskoy gruppy [About some pendants in the burials of the Olshtyn group]. Barbaricum (Warszawa), 11: 461–471 (in Russian).

20. Mel'nikova E.A. 1998. «Varyagi, Varangi, Veringi»: Skandinavy na Rusi i v Vizantii [«Varyagi, Varangians, Veringi»: Skandinavians in Rus’ and in Byzantium]. Vizantijskij vremennik, t. 55 (80), ch. 2. Moscow, Nauka, 159–164 (in Russian).

21. Mel'nikova E.A. Petrukhin V.Ya. 1994. Skandinavy na Rusi i v Vizantii v X–XI vekakh. K istorii nazvaniya «varyag» [Scandinavians in Russia and in Byzantium in the X–XI centuries. To the history of the name «Varangian»]. Slavyanovedenie, 2: 56–68 (in Russian).

22. Mekhamadiev E.A. 2015. Sineziy Kirenskiy i voyskovoe podrazdelenie «Un-nigardy». Goty i gunny v Vostochnoy Rimskoy imperii na rubezhe IV–V vv. [Of Synesius of Cyrene and military

units «Unigard». Goths and Huns in the Eastern Roman Empire at the turn of the IV–V centuries]. Vestnik NNGU, 4: 61–74 (in Russian).

23. Mikhaylova E.R. 2012. Formirovanie kul'tury dlinnykh kurganov: protsess na fone epokhi. Istoki slavyanstva i Rusi [Formation of the long barrow culture: a process against the background of an epoch. Sources of Slavs and Rus]. Sb. statey po materialam X chteniy pamyati Anny Machinskoy. SPb.: 201–210 (in Russian).

24. Oblomskij A.M. 2004. Zaklyuchenie. Ranneslavyanskij mir [Conclusion. Early Slavic world]. Issue 6. Moscow, IA RAN: 163–166 (in Russian).

25. Pchelov E.V. 2012: Ryurik i nachalo Rusi [Rurik and the beginning of Russia]. Moscow, Staraya Basmannaya, 60.

26. Romanchuk A.A. 2016. Varyagi i varyazi: k voprosu o vozniknovenii etnonima varyag [Varangians and varyazi: on the question of the origin of the ethnonym Varangians]. Vostochnoevropejskij nauchnyj vestnik. 2: 65–72 (in Russian).

27. Stender-Petersen A. 1960. Otvet na zamechaniya V.V. Pokhlebkina i V.B. Vilinbakhova [Response to the comments of V.V. Pohlebkin and V.B. Vilinbakhov]. Kuml. Årbog for jysk arkælogisk selskab. Ärhus: 144–152 (in Russian).

28. Tolstov S.P. 1938. K istorii drevnetyurkskoy sotsial'noy terminologii [On the history of ancient Turkic social terminology]. Vestnik drevnej istorii [Bulletin of ancient history]. 1: 72–81 (in Russian).

29. Fomin V.V. 2005. Varyagi i varyazhskaya rus' [The Vikings and the Varangian Rus]. Moscow, Russkaya panorama, 488.

30. Shuvalov V.P. 2001. U istokov srednevekov'ya: dvor Attily [At the origins of the middle ages: the court of Attila]. Problemy social'noj istorii i kul'tury srednevekov'ya i Novogo vremeni. Iss. 3. St. Petersburg, SPbGU: 130–145 (in Russian).

31. Yatsenko S.A. Dobzhanska G. 2012. Germanskie paradnye kop'ya II–III vv. n. e. s sarmatskimi znakami [German ceremonial spears of the II–III centuries ad with Sarmatian signs]. Trudy GIM, № 191. Moscow, 494–509 (in Russian).

32. Curta F. Bliujene A. 2011. Exotic Lands, Quixotic Friends, Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Medieval Archaeology, 55: 29–65.

33. Danilenko A. 2004. Urmane, Varjagi and other (Nordic) Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle. Byzantinoslavica. LXII: 137–205.

34. Gannholm T. 2017. Gotland, the Home of the Varangians. Stånga, Stavgard, 211.

35. Kim Hyiun Jin, 2013. The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge, 338.

36. Macdonald R.A. Somerville A.A. 2010. The Viking Age: A Reader. University of Toronto Press, 528.

37. Näsman U. 2008. Scandinavia and the Hunns: a source-critical approach to an old question. Fornvännen. (103): 2: 111–118.

38. Parducci D. 2007. Gli stranieri nell’alto medievo. Appunti sul cap.367 dell’ Edictum Rotari. Mirator (Helsinki), 1: 1–11.

39. Scheel R. 2015. Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck&Rurecht, 1343.

40. Skvortsov K. 2015. The story of a «Byzantine» coin from Sambia (on the question of Balto-Avar Contacts. Barbaricum (Warszawa). 11: 601–622.

41. Stoyanov V. 1987. Die structur und Betentung des Bulgarischen Etnonyms im Lichte einer Evolitiontheorie. Etudes Balkaniques, 2: 65–82.

42. Thompson E.A. 1982. Romans and Barbarians. The Decline of the Western Romanian Empire. Univ. of Wisconsin Press, 329.

43. Thomsen V. 1879. Der Ursprung des Russishen Staates. Gotha, F.A. Perthes, 156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey E. Vinogradov, PhD in history, independent researcher, Moscow

УДК 930.2 (477.62)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140

Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле

Г.Г. Чепига
Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева,
ДНР, 83086, г. Донецк, ул. Артема, д. 44
E-mail: chepiga_galina@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу освоения территории Среднего Подонцовья в период активизации политики российской военно-земледельческой колонизации в данном регионе. Период характеризуется переходом от полукочевого и кочевого хозяйственного быта к полной оседлости местного населения (XVI–XVII вв.). Ставится вопрос о роли юртов в этом процессе. Проведено сравнение употребления этого термина в России, в среде донского казачества и у татар. В тюркском понимании, в восприятии населения южнорусских окраин и донского казачества значение этого понятия в целом было сходно. Сделан вывод о том, что юрты как форма экономического освоения Поля предшествовали разворачиванию русской земледельческой колонизации, способствовали усилению политического влияния России, а также были одной из форм включения новых территорий в административную систему пограничных уездов России.

Ключевые слова: Поле, юрты, Среднее Подонцовье, город Царёв-Борисов, заселение, Донбасс в XVI–XVII вв.

Для цитирования: Чепига Г.Г. 2021. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 132–140. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140.

Northern Donbass in the economic and political system of the Russian state in the XVI–XVII centuries: yurts, watchmen, cities in the Field

Galina G. Chepiga
Donetsk State Music Academy named after S.S. Prokofiev,
44 Artema St., Donetsk, 83086, DPR
E-mail: chepiga_galina@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the topic of the Middle Podontsovye territory development during the period of strengthening of the political and economic influence of Russia in this region. The period is characterized by the transition from a semi-nomadic and nomadic economic life to the complete settledness of the local population (XVI–XVII centuries). The article touches upon the question of the yurts` role in this process. A comparison of using this term in Russia among the Don Cossacks and among the Tatars is made. The meaning of this concept was generally similar in the Turkic understanding and in the southern Russian outskirts and the Don Cossacks` perception. The coverage of the Donetsk region territory by the guard service of the Russian state contributed to the acceleration of the region economic development by the population of the southern Russian outskirts. Tsarev-Borisov became the first Russian city built on the territory of the Middle Podontsovye. With its construction, the entire Middle Podontsovye was included in the administrative system of Russia. After the burning of the city, the owner of the yurts was the Svyatogorsk Monastery, then the newly built Russian cities – Tor, Mayatsky, Tsarev-Borisov of the second settlement. Later, rural settlements appeared at the locations of the yurts and there

was a transition from the yurt way of life to the agricultural one. It is concluded that yurts, as a form of economic development of the Field, preceded Russian agricultural colonization. At the same time, yurt was an administrative unit that was intended for colonization, including unpopulated areas into the administrative system of the.

Key words: Field, yurts, Middle Podontsovye, Tsarev-Borisov town, settlement, Donbass in the XVI–XVII centuries.

For citation: Chepiga G. G. 2021. Northern Donbass in the economic and political system of the Russian state in the XVI–XVII centuries: yurts, watchmen, cities jn the Field. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 132–140 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140.

Введение

Эпоха Нового времени для Российского государства обозначилась феноменом возникновения на её восточных и южных рубежах новой геополитической реальности – «Поля». Логика исторического процесса привела к тому, что Российское государство и его население вынуждены были вступить во взаимодействие с ним. Порубежье государства с наследниками степных империй не было статичной границей и отличалось активной динамикой взаимодействия. Полевые окраины России служили базой для разворачивания военно-земледельческой колонизации и распространения государственного влияния на территорию Поля. Каждый участок пограничья имел в данном контексте свою специфику.

Объекты и методы исследования

Целью данной работы является рассмотрение особенностей упомянутых общероссийских процессов для территории Среднего Подонцовья. В районе среднего течения Северского Донца расположена северная часть историко-географического региона Донбасс. Донбасс – область, которая определяет историческую территорию в зоне Северского Донца и Донецкого кряжа.

Юг Харьковской области принято относить к исторической области «Слобожанщина», несмотря на её историческое отношение к Белгородскому краю, Белгородскому полку и разряду. В районе впадения реки Оскол в Северский Донец (юг Харьковщины) начинается регион Среднего Подонцовья, тут в 1599 г. был построен первый русский город в указанном регионе, с которого начался процесс заселения современной территории Донбасса – Царёв-Борисов [Кравченко, Кузин и др., 2017; История Донбасса…, 2018].

Методологическая база исследования базируется на принципах историзма и объективности, а также на общенаучной и исторической методологии. Хронологический метод позволил показать процесс освоения территории Донбасса в динамике, сравнительный – сопоставить применение понятия «юрт» в употреблении тюркских и славянских народов, системный метод позволил выдвинуть предположение о наиболее вероятной дате основания Святогорского монастыря, генетический – проследить процесс распространения российского государственного влияния на территорию Поля в районе Среднего Подонцовья и его связь с освоением приграничной территории в форме юртов.

Результаты и их обсуждение

Первый город со времён средневековья на территории Среднего Подонцовья возник только к концу XVI в., однако известия о нахождении русских сторож на территории края поступают с начала XVI в. Так, немецкий дипломат, посетивший Россию в 1517 и 1526 гг., Сигизмунд Герберштейн, оставил сразу несколько сведений о территории будущего Донбасса, относящихся к началу XVI в. Уже в то время существовало название местности – «Святые Горы», отмечен «Великий Перевоз», служивший переправой с Крымского на левый, Московский берег Донца в районе Святогорья. Также дипломат

упомянул о том, что великий князь Московский Василий Иванович в эту местность ежегодно посылал служилых, о которых им сделана следующая запись: «…воины, которых князь каждый год посылает туда для разведывания и отражения татарских набегов…» [Герберштейн, 1866, с. 103]. В XVI в. Святые Горы неоднократно упоминаются в качестве сторожевого поста Российского государства на его южных окраинах. В Патриаршей летописи под 1555 г. имеется следующее известие: «И как воеводы пришли верх Мжа и Коломока, и прибежал к ним сторож от Святых Гор, да станишник Лаврентей Колтовской товарища прислал с тем: царь крымской Донец перелез со многыми людми, а идет к Резаньским или к Тулскым украйнам» [ПСРЛ, т. 13, 1904, с. 256]

В середине XVI в. к Донцу уже ездят путивльские станичники. В 1571 г. экспедиция Михаила Тюфякина и Матвея Ржевского установила пограничные знаки, выбитые на дубах, на конечных точках русских станичных разъездов. В Поле эти знаки доходили до р. Айдар.

Боярин М. Воротынский по «расспросу» составил роспись сторож, семь из которых располагались на Донце, три – на территории будущего Донбасса. Указывались географические ориентиры и расстояния между ними и сторожами. Для досмотра пунктов стоянки голов и сторожей была послана экспедиция. Она же устанавливала пограничные знаки [Беляев, 1848, с. 17]. Роспись Донецких сторож по дозору М. Тюфякина и М. Ржевского отличается большей точностью, чем роспись М. Воротынского «по расспросу» (например, сторожа Бахмутовская от Святогорской отстоит скорее на полтора днища, чем на полднища, днище – это день пути). Станичная служба в районе Торских озер и Среднего Подонцовья в источниках проявляется регулярно на протяжении и всего XVII в. С постройкой первых русских городов на территории Донбасса – Маяцкого (1663 г.), Тора (1676 г.), Райгородка (1684 г.) – сторожевая и станичная службы стали обязанностью гарнизонов этих городов [Материалы для истории…, 1886, с. 120–122]. Данные города фиксируются как «города на Поле», г. Маяцкий входил в число городов Белгородского полка и разряда [Загоровский, 1969, с. 159].

Таким образом, по письменным источникам мы видим, что Донецкий край с XVI в. входил в политическую зону влияния Российского государства, к концу XVI в. относится первая попытка осадить постоянное население, к концу XVII в. территория степного Донбасса впервые официально вошла в состав России по Константинопольскому миру с Турцией. В соответствии с договором 1700 г. Россия не только отстояла Среднее Подонцовье, но и продвинула границу государства в степи значительно южнее реки Бахмут. Однако до установления границы на местности дело не дошло.

Тем не менее полевая окраина российского государства, порубежье, всё ещё не имея чётких границ, теперь продвинулась на юг. На юг, в «новые земли», пошли промысловики солевары и иные отходники. Но освоение края было приостановлено внешнеполитическими неудачами. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. закончилась неудачно для России. По результатам Прутского похода Петра I был заключён Прутский мир (1711 г.), затем Адрианопольский трактат (1713 г.) В результате города Бахмут, Тор, Маяцкий остались пограничными крепостями, т. к. граница прошла недалеко от рек Северский Донец и Тор. В 1714 г. было произведено разграничение территорий между Турцией и Россией их представителями на местности, в т. ч. в Подонцовье [Артамонов, 2019, с. 395]. Так впервые в истории южнорусское Пограничье в этом районе обрело чёткие контуры государственной границы.

Однако кроме усиления политического влияния Российского государства в Подонцовье следует обратить внимание на экономические особенности освоения региона.

Так, появление сторожевой службы в Подонцовье предполагало многомесячное нахождение станичников в Поле, что делало бы их задачу невыполнимой, если б не возможность их занятий промыслами. Можно предположить, что станичники не только знали промысловые угодья, но и сами их разведывали. Поскольку станицы и сторожа набира-

лись из служилого сословия порубежных городов России, то их (и членов их семей) можно считать первыми владельцами юртов (уходов) в регионе. Сторожевая служба внесла свою долю участия в формирование юртовой экономики, характерной для полевых окраин России.

Исследователями все чаще подмечается тот факт, что «Поле» является особым геополитическим регионом. Так, в диссертационном исследовании «Южное порубежье Российского государства в конце XVI–XVII вв. (на примере Среднего Поосколья)» автором был поставлен вопрос о необходимости обобщающего термина. Приведем один из тезисов автора диссертации С.С.Кушнарева: «Формирование природно-географического региона дает возможность местному сообществу выработать топоним, относящийся ко всей его территории. В данном случае таким топонимом выступает «Поле» как название степных и лесостепных участков южнорусских территорий, не имевших постоянного населения и четких административных границ». С.С. Кушнарев поставил вопрос не только об обобщающем географическом термине, но и о специфическом хозяйственно-культурном облике Поля: «Сюда мы относим колонизацию (заселение и хозяйственное освоение территории), приспособление переселенцев к новым природно-климатическим условиям, внедрение новых типов хозяйствования, нашедших отражение в новых формах землевладения и землепользования» [Кушнарев, 2015]. К особенностям землепользования на территории Поля, безусловно, следует отнести юртовые владения.

Исторический процесс на территории Среднего Подонцовья имел два направления развития, которые в самом общем виде можно представить как историю земледельческого и скотоводческого хозяйственно-культурных типов.

Полная оседлость в данном регионе предполагала обеспечение населения продуктами земледелия собственного производства. Земледельческое освоение и заселение Среднего Подонцовья широко развернулось во второй половине XVIII в., когда сложились необходимые предпосылки политического и экономического характера. Этому способствовал рост миграционного потенциала, направленность внутренней и внешней политики Российского государства. Однако продолжительный период времени ведение собственно земледельческого хозяйства на данной территории было невозможным, как и ведение полноценного кочевнического хозяйства. Возникли переходные формы. То же можно сказать и о государственном влиянии на просторы степи-лесостепи как со стороны Крыма, так и со стороны Российского государства. Принадлежность к этим государствам территории Поля, попытки хозяйственного и административного освоения носили переходный характер, который ярче всего проявлялся в бытовании на землях Подонцовья в XVI–XVII вв. такой формы, которая получила в документах наименование «юрт».

О юртах на территории Поля упоминают источники: отписки, сказки, грамоты и пр. Самый известный документ о юртах Среднего Подонцовья – это опубликованный Д.И. Багалеем «Наказ воеводам Богд. Бельскому и Сем. Алферову о постройке города Царевоборисова», где говорилось, что после устройства города необходимо послать людей на Донец и Оскол, велеть атаманам прибыть со всех рек, записать, кто в каком юрте атаман и где есть юрты, и кто в них хозяин. Предлагалось также сообщить держателям юртов, что царь пожаловал владеть ими, а если появятся черкасы, сгонять их с рек [Материалы для истории…, 1886, с. 10]. Таким образом, наличие юртов на Среднем Донце зафиксировано уже к концу XVI в.

Слово «юрт» тюркского происхождения. Юрт – территория для кочевья, место стоянки [Сборник материалов…, 1941, с. 305]. Целесообразно сравнить содержание этого термина с бытовавшим тогда термином улус. По документам, опубликованным В.Г. Тизенгаузеном, видно, что улус – это территория, которой правит властитель, а после него – его наследники (в частности, Джучи-хан) [Там же, с. 42]. В отличие от этого юрт, исходя из контекста, написанного в документах, – территория, находящаяся во владении. К примеру, «улус, находившийся в пределах реки Ирдыш, поручил Чингис-хан управле-

нию Джучи-хана. Юрт Джучи находился в пределах Ирдыша и столица устроена там же» [Там же, с. 64]. Т. е. улус и юрт не равнозначные понятия. Первое – политическое, второе – экономическое. Подтверждением тому неоднократное использование термина в дальнейшем повествовании: «…направился из пределов джучиевых юртов…, Джучи, перекочевывая и переходя из юрта на юрт…, юрты для летовья и зимовья разделим (между собою) по справедливости…, отправились каждый в свой юрт, …юрт Тулуя находился в сопредельности Угетая» [Там же, с. 77, 80].

Таким образом, у монголо-татар «юрт» представлял собой хозяйственно-экономическую единицу, ограниченную территориально. Как один из видов территориального деления юрт имел и некоторое административное значение. Из контекста приведенных документов видно, что размеры юртов у монголо-татар были весьма различны. Юртом, т. е. владением, могло называться даже государственное или автономное образование, что сближало его с русским понятием «вотчина».

Близкие соседи татар в степи – донские казаки. Понятие «юрт» у них известно с XVI в. Донские казачьи юрты смыкались с воронежскими уходами. Там южнорусская окраина постепенно переходила в юртовые владения (фактически заимки) верхнедонских казаков. В истории вольного казачества слово «юрт» и хозяйственное явление, стоящее за ним, сохранилось и стало частью экономического быта донских казаков.

Можно было бы предположить, что к границам Белгородского уезда также продвигались донские юрты (вверх по Северскому Донцу) и упоминаемые в документах о строительстве Царе-Борисова казаки – представители донского казачества. Однако прямых свидетельств этому нет.

Воронежский уезд, как и другие пограничные со степью уезды России, имел в составе заселённую и гораздо большую по площади незаселённую части. Последняя делилась на станы, состояла из ухожьев на откупе, т. е. имела редкое население, ведущее полуоседлый или неоседлый образ жизни в Поле. Белгородский уезд также частично делился на станы, однако его традиционной хозяйственной единицей незаселённой части были юрты.

Юрты упоминаются в источниках совместно с ухожьем, вотчиной, станом. По контексту использования понятий «юрты» и «ухожьи» мало отличаются. Так, в 1685 г. на месте Битюцкого ухожья в Воронежском уезде существовало 12 юртов [Загоровский, 1969, с. 40]. Но если Воронежский уезд имеет незаселённую часть – ухожьи или вотчины, реже – юрты, то белгородские служилые люди владели чаще юртами. Как правило, в качестве владельцев фигурируют русские служилые люди. Юртовая часть Белгородского уезда именовалась Донецкой волостью и доходила до впадения р. Оскол в Северский Донец. Например, упоминается «Донецкая волость, район «белгородских юртов» [Загоровский, 1969, с. 46].

На южной границе Белгородских юртов был основан в 1599 г. город Царёв-Борисов. Однако правительству к этому времени было известно о наличии уходников и ниже по течению Северского Донца. Их и было приказано взять на службу, т. е. легализовать их положение, записав как владельцев юртов.

Всё время с начала 20-х годов, когда уже имеем сведения о Святогорском монастыре, Северский Донец был весьма оживленной транспортной артерией. Ежегодно по нему проходило от 80 до 200 будар, направлявшихся из Белгорода на Дон и обратно [Куц, 2009, с. 61]. Известно, что в 20-х годах XVII в. Святогорский монастырь пользовался землями «выше монастыря от р. Оскольского устья вниз по Донцу, пониже монастыря по казачьи юрты по Сухарев да по речку Черный Жеребец, да с другой стороны Донца по речку Бахмутову» [Святогорская Успенская…, 1880, с. 42]. Среди этих земель известны Крестовский и Репнинский юрты. Фактически Святогорский монастырь получил во владение те же угодья, которые были записаны за держателями юртов во время первого заселения Царёва-Борисова. После постройки новых городков эти территории частично перешли во

владение их жителей [Чепига, 2012, с. 160]. Белгородским исследователем А.И. Папковым отмечено, что в конце XVI – начале XVII вв. на юге России появляется целый ряд монастырей и что почти все монастыри на осваиваемых землях открывались практически сразу после постройки нового города [Папков, 2011, с. 115]. Мы не имеем сведений о точной дате основания монастыря в Святых горах, но связь между основанием города Царёва-Борисова и Святогорским монастырём очевидна. Если монастырь был основан, как и другие монастыри юга России, по приказу государственной и церковной властей в связи с постройкой нового города, центра колонизации, и должен был открыться почти сразу после постройки нового города, то его основание можно предполагать в 1600–1601 гг. Обострение экономической и политической обстановки в стране в последующие годы делает маловероятным издание приказа о его основании до окончания Смуты. Первое письменное упоминание о Святогорском монастыре на данный момент датируется 1620 г. [Дедов, 2014, с. 89], сожжение Царёва-Борисова большинство исследователей относят к 1612 г. [Чепига, 2012]. По данным А.А. Новосельского, «Царёв-Борисов был сожжен, по-видимому, татарами в 1612 г., когда «бояре под Москвою стояли»; «обгорелый наряд был вывезен в Белгород» [Новосельский, 1948, с. 67].

Территория, где находились юрты-урочища, была после смутного времени во владении Святогорского монастыря и считалась одним гигантским владением, пока не были построены новые города – Царёв-Борисов второго заселения, Маяцкий и Тор. В 1659 году святогорские старцы жаловались в Москву: «…к Святогорскому монастырю было исстари ваше Государское жалованье на пропитание нам богомольцам вашим в верх и на низ по реке по Донцу девять юртов. Из тех юртов было в дом Пречистые Богородицы … дохода со всякого юрта по два рубли, по два пуда меду, по кунице. И ныне те угодья отняли у нас Борисова города черкасцы и всякие жилецкие люди и торские солевары насильством без твоего Государева указа неведомо почему…» [24]. Юрты на данной территории упоминаются в течение всего XVII столетия, причем фигурируют как юрты донского казачества, так и белгородских людей. Встречаются данные об использовании донецких юртов черкасами. Так, в июне 1653 года были получены сведения со Святых Гор от черкашенина Ивашки Баскраева из Теплинского юрта о посольстве крымчан к гетману Богдану Хмельницкому [Акты…, 1894, с. 328–329].

Дополнительный перечень среднедонецких юртов, переданных в общее владение жителям городов в 1666 г., следующий: «р. Балаклея Малая, озеро Ильмень, затон Берецкий, колодязь Студенок, затон Пичугин, колодязь Нетригус, р. Тор, р. Бахмут, р. Чорный Жеребец, р. Красная, р. Боровая, 7 озер солёных» [Юркевич, 1932, с. 49]. Выше по течению находились юрты Савинский, Берецкий, Изюмский [Булавинское восстание…, 1935, с. 97].

Как видно из приведенного материала, постройка Царёва-Борисова стала отправным событием для включения всей территории Среднего Подонцовья в административную систему Российского государства.

Первыми поселениями, возникшими в Новое время в Среднем Подонцовье, были Царёв-Борисов и Святогорский монастырь, но постоянного населения в регионе не прослеживается до 1663 г., когда был построен г. Маяцкий. До этого на территории края отмечается существование различных промыслов, которыми занимались уходники, а также наличие военных сил Российского государства – сторож, станичников и других отрядов, посылаемых на Поле со специальными заданиями. И первые поселения, и первые города зависели от поставок из центра. Монахи и служилые люди получали пропитание и жалованье из южнорусских городов, хотя многие из них были держателями юртов. Уходники также экономически были связаны с городами южнорусской окраины [Куц, 2009, с. 90].

---

[24] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Столбец 481. Л. 295–295 об.

Юрт выступает в качестве формы освоения приграничной территории в условиях существования Поля. Классик исторической науки в области заселения Центрального Черноземья и колонизации Поля В.П. Загоровский в одной из своих работ отметил: «Оттесняя вольных казаков к югу, приглашая их на службу в новые города, русское правительство в 90-е гг. XVI в., видимо, начало одновременно раздавать далёкие южные земли и московским землевладельцам – сначала в виде промысловых угодий, «юртов» [Загоровский, 1991, с. 235]. Материалы по заселению Донецкого региона подтвердили это предположение ученого.

Заключение

Таким образом, юрты – это форма хозяйственного освоения природного ландшафта в условиях присваивающего хозяйства. В тюркском понимании, в восприятии населения южнорусских окраин и донского казачества значение этого понятия в целом было сходно. Города, которые строились на южной окраине России: Тор (совр. г. Славянск), Маяцкий (совр. с. Маяки), Райгородок (совр. пгт Райгородок) не имели сельской округи. Однако их жители, получая жалованье за службу, одновременно имели юрты. Территории уходов, как и сами жители, были приписаны к соответствующим городам. Юрты как форма экономического освоения Поля предшествовали русской земледельческой колонизации, способствовали усилению политического влияния России, а также были одной из форм включения новых территорий в административную систему Российского государства. Это имеет прямое отношение к формированию населения современного Донбасса, первым страницам его истории Нового времени.

Список источников

1. Акты Московского государства. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. Спб., 1894, 773 с.

2. Булавинское восстание. 1707–1708. Труды историко-археографического института АН СССР. Т. XII. М., Изд-во политкаторжан, 1935, 528 с.

3. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., В типографии В. Безобразова и комп., 1866, 229 с.

4. Материалы для истории колонизации и быта Степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетии. Т. 1. Багалей Д.И. Харьков, Тип. К.П. Счасни, 1886, 358 с.

5. Полное Собрание Русских Летописей. Т. 13. 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.. Типография И.Н. Скороходова, 1904, 302 с.

6. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Т. 2. М., Л., Издательство академии наук СССР, 1941, 307 с.

7. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии. Харьков, Тип. Окружного штаба, 1880, 166 с.

Список литературы

1. Артамонов В.А. 2019. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М., Издательство «Кучково поле», 448 с.

2. Беляев И.Д. 1848. О сторожевой и станичной службе на польской окраине Московского государства. М., Тип. Университета, 86 с.

3. Дедов В.Н. 2014. Святые Горы. Иллюстрированная история. Донецк, «Донбасс», ТОВ «РА «Ваш імідж», 464 с.

4. Загоровский В.П. 1669. Белгородская черта. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 304 с.

5. Загоровский В.П. 1991. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, Изд-во ВГУ, 272 с.

6. История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие. Под общей редакцией проф. Л.Г. Шепко, проф. В.Н. Никольского. Донецк, ДонНУ, 2018, 730 с.

7. Кравченко Э.Е., Кузин В.И., Чепига Г.Г., Ляшенко В.Г. 2017. Очерки истории Донецкого края (с древнейших времён до 1917 года). Музейный вестник Республики. Донецк, Типография «РА ДОН», 495 с.

8. Куц О.Ю. 2009. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., «Дмитрий Буланин», 456 с.

9. Кушнарев С.С. 2015. Южное порубежье Российского государства в конце XVI–XVII вв. – (на примере Среднего Поосколья): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Харьков, Электронная книга, 280 с. Режим доступа: http://history.karazin.ua/themes/history/resources/57863ab0a3983f8072f938cb40f7384f.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

10. Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., АН СССР, 447 с.

11. Папков А.И. 2011. Освоение Российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVI – начале XVII веков. НИУ БелГУ. Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 18. 7 (102): 110–115.

12. Чепіга Г.Г. 2012. Українська та російська історіографія про перше заселення м. Царебарисова та особливості колонізаційних процесів навколо нього. Святогірський альманах. 2012. Збірка наукових праць. Донецьк. Видавництво «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж»: 157–166.

13. Юркевич В. 1932. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. Киев, ВУАН., 191 с.

References

1. Artamonov V.A. 2019. Turecko-russkaya vojna 1710–1713 gg. [Turkish-Russian war of 1710–1713]. M., Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», 448 p.

2. Belyaev I.D. 1848. O storozhevoj i stanichnoj sluzhbe na pol'skoj okraine Moskovskogo gosudarstva [On the guard and stanitsa service on the Polish outskirts of the Moscow state]. M., Tip. Universiteta, 86 p.

3. Dedov V.N. 2014. Svyatye Gory. Illyustrirovannaya istoriya [Holy Mountains. Illustrated history]. Doneck, «Donbass», TOV «RA «Vash imidzh», 464 p.

4. Zagorovskij V.P. 1969. Belgorodskaya cherta [Belgorod line]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 304 p.

5. Zagorovskij V.P. 1991. Istoriya vhozhdeniya Central'nogo Chernozem'ya v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI veke [The history of the Central Black Earth Regionentry into the Russian state in the 16th century]. Voronezh, Izd-vo VGU, 272 p.

6. Istoriya (istoriya Donbassa ot drevnosti do sovremennosti): uchebnoe posobie [History (history of Donbass from antiquity to the present): textbook]. Pod obshchej redakciej prof. L.G. Shepko, prof. V.N. Nikol'skogo. Doneck, DonNU, 2018, 730 p. (in Russian).

7. Kravchenko E.E., Kuzin V.I., Chepiga G.G., Lyashenko V.G. 2017. Ocherki istorii Doneckogo kraya (s drevnejshih vremyon do 1917 goda) [Essays on the history of the Donetsk region (from ancient times to 1917)]. Muzejnyj vestnik Respubliki. Doneck, Tipografiya «RA DON». 495 p. (in Russian).

8. Kuc O.Y. 2009. Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667) [Don Cossacks in the period from the capture of Azov to the speech of S. Razin (1637–1667)]. SPb., «Dmitrij Bulanin», 456 p.

9. Kushnarev S.S. Yuzhnoe porubezh'e Rossijskogo gosudarstva v konce XVI–XVII vv. (na primere Srednego Pooskol'ya): dis. … kand. ist. Nauk [Southern border of the Russian state at the end of the XVI XVII centuries (on the example of the Middle East): dis. ... Cand. Hist]. Kharkiv, 2015. Elektronnaya kniga. 280 p. Rezhim dostupa: http://history.karazin.ua/themes/history/resources/57863ab0a3983f8072f938cb40f7384f.pdf (data obrashcheniya: 08.01.2021).

10. Novosel'skij A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century]. M.-L., AN SSSR, 447 p.

11. Papkov A.I. 2011. Osvoenie Rossijskim gosudarstvom svoih yuzhnyh okrain i osnovanie monastyrej v konce XVI – nachale XVII vekov [The development by the Russian state of its southern outskirts and the founding of monasteries in the late 16th – early 17th centuries]. NIU BelGU. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2011. Vyp. 18. 7 (102): 110–115 (in Russian).

12. Chepiga G.G. 2012. Ukraïns'ka ta rosijs'ka istoriografiya pro pershe zaselennya m. Careborisova ta osoblivosti kolonizacijnih procesiv navkolo n'ogo [Ukrainian and Russian historiography about the first settlement of Tsareborisov and features of colonization processes around it]. Svyatogorsk miscellany. 2012. Collection of scientific works. Donetsk., Vidavnictvo «Donbas», TOV «RA «Vash imidzh»: 157–166 (in Ukrainian).

13. Yurkevich V. 1932. Emigraciya na skhid i zalyudnennya Slobozhanshchini za B. Hmel'nic'kogo [Emigration to the east and population of Slobozhanshchyna under B. Khmelnytsky]. Kiev, VUAN. 191 p. (in Ukrainian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чепига Галина Геннадиевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Донецкой государственной музыкальной академии имени С.С. Прокофьева, г. Донецк, ДНР

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina. G. Chepiga, Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Humanities, Donetsk State Music Academy named after S.S. Prokofiev, Donetsk, DPR

УДК 047.081/083(471.324)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-141-149

К вопросу о состоянии развития кустарной промышленности Центрального Черноземья в пореформенный период

С.С. Журавлёв, В.А. Григорова
Воронежский институт МВД России,
Россия, 394065, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53
E-mail: zhuravlev310@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере Центрального-Черноземного региона анализируется состояние развития кустарной промышленности во второй половине XIX века. Авторы проследили динамику роста промыслового населения, исследовали изменение структуры мелкотоварного производства и имущественного положения кустарей. На конкретных примерах из неопубликованных документов проиллюстрировали техническую оснащенность мелких предприятий крестьян. На основе данных земской статистики авторам удалось проанализировать особенности эволюции кустарно-промысловой деятельности населения Центрально-Черноземных губерний. Всесторонний анализ земской статистики пореформенного периода показал, что кустарно-промысловая деятельность, в которой было занято абсолютное большинство жителей Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской губерний к концу XIX века, по темпам роста производства в несколько раз опережала крупную фабрично-заводскую промышленность.

Ключевые слова: кустарная промышленность, кустари, предпринимательство, Центрально-Черноземный регион, пореформенный период.

Благодарности: работа выполнена при поддержке профессора кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, доктора исторических наук Григоровой Виктории Александровны.

Для цитирования: Журавлёв С.С., Григорова В.А. 2021. К вопросу о состоянии развития кустарной промышленности Центрального Черноземья в пореформенный период. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 141–149. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-141-149.

On the state of development of the handicraft industry of the Central Chernozem Region in the post-reform period

Sergey S. Zhuravlev, Victoria A. Grigorova
Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
53 Patriotov Ave., Voronezh, 394065, Russia
E-mail: zhuravlev310@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the state of development of artisanal industry in the second half of the 19th century using the example of the Central Chernozem Region. The authors followed the growth dynamics of the commercial population, investigated the changes in the structure of small-scale production and the property status of artisans. Based on examples of unpublished documents, the technical equipment of small enterprises of peasants was illustrated. Based on the data of zemstvo statistics, the authors were able to analyze the features of the evolution of handicraft activity of the population of the Central Chernozem provinces. A comprehensive analysis of the zemstvo statistics of the post-reform period showed that the handicraft industry, in which the absolute majority of residents of the Voronezh, Kursk, Tambov, Oryol provinces were employed, by the end of the XIX century, was several times ahead of the large factory industry in terms of production growth.

Keywords: handicraft industry, handicraftsmen, entrepreneurship, the Central Chernozem region, the post-reform period.

Acknowledgements: the work was supported by Professor of the Department of Social and Humanitarian, Economic and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Historical Sciences Grigorova Victoria Alexandrovna.

For citation: Zhuravlev S.S., Grigorova V.A. 2021. On the state of development of the handicraft industry of the Central Chernozem Region in the post-reform period. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 141–149 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-141-149.

Введение

Исследование локальных аспектов истории кустарной промышленности России в настоящее время выступает актуальной проблемой в исторической науке. В свое время именно на ее базе в регионе формировался предпринимательский слой. Накапливая доход от продажи кустарных изделий, мелкие товаропроизводители при сочетании определенных условий превращались в собственников частных предприятий. Они не имели крупных капиталов, а помощь со стороны государства была непоследовательна и ограничена. При этом их отличала деловая хватка и активность, которая сегодня в контексте преодоления последствий социально-экономического кризиса признается важным условием функционирования государства.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи выступает кустарный сектор экономики Центрального Черноземья в пореформенный период. В работе были использованы следующие методы исследования: анализ, синтез, историко-сравнительный, историко-генетический. Историко-сравнительный метод позволил проследить динамику развития промыслового населения в отдельных губерниях Центрально-Черноземного региона страны в пореформенный период. Историко-генетический метод позволил проследить изменения, которые происходили в кустарном секторе региональной экономики в пореформенный период.

Результаты и их обсуждение

Процесс становления и развития кустарной промышленности в России принадлежит к числу дискуссионных тем в отечественной историографии. Основным противоречием до сих пор остается неоднозначная интерпретация научно-теоретических основ мелкотоварного производства. Предметом спора выступала суть понятия – «кустарь». В дореволюционной историографии он трактовался как мелкий товаропроизводитель из низших сословий, не связанный с формой промышленности [Рындзюнский, 1966, с. 72]. Исследователи советского периода указывали на необходимость разграничения домашней промышленности, ремесленного производства и кустарной промышленности. Например, В.И. Ленин, доказывая капитализацию кустарных промыслов, обосновывал связь кустарей с рынком. Кустарем признавался тот товаропроизводитель, который сбывал товар исключительно на базарах и ярмарках [Ленин, 1967, с. 354].

Ориентированность на рынок в качестве основного признака признается и современными учеными: В.А. Григоровой, Н.А. Душковой, А.В. Перепелицыным, М.Д. Карпачёвым, И.Н. Лихорадовой и др. [Перепелицын, 2006, с. 56; Карпачёв, 2012, с. 23; Лихорадова, 2013, с. 18; Григорова, 2017, с. 24; Душкова, 2018, с. 320].

Также предметом спора выступала суть понятия – «кустарная промышленность». В рамках дореволюционной историографии сложилась вполне устойчивая традиция отождествления «кустарной промышленности» с крестьянскими промыслами. Данная точка

зрения прослеживается в работах А.К. Корсака, А.А. Рыбникова [Корсак, 1861, с. 2; Рыбников, 1922, с. 22].

В отдельных случаях «кустарная промышленность» рассматривается в качестве мелкой семейной организации производства продуктов с целью их дальнейшего сбыта, которая свойственна крестьянскому сословию российского общества и используется ими как подспорье при основном занятии – земледелии [Брокгауз, Ефрон, 1991, с. 121].

Довольно интересную позицию по данному вопросу выразил выдающийся государственный деятель России Н.Х. Бунге. В работе «Полицейское право» автор отметил, что кустарная промышленность представляет собой домашнюю форму производства, которая обслуживала интересы крупных фабрик и заводов как в городской, так и в сельской местности [Бунге, 1869, с. 236].

В историографии российского периода кустарная промышленность трактуется с экономических и юридических позиций. Исследователи поднимают вопросы о наличии подспорного характера промысловой деятельности по отношению к земледелию, о специфике семейной организации труда, о кооперации мелких товаропроизводителей.

В качестве наиболее важной характеристики кустарного производства подчёркивается отсутствие какой-либо законодательной основы осуществления данного вида деятельности. Кроме того, признаётся сословная принадлежность предприятий кустарного типа крестьянству как носителю традиционных, патриархальных устоев российского общества [Ловцова, 2015, с. 8].

Конкретно-исторические аспекты зарождения и эволюции кустарно-промысловой деятельности в российской деревне проанализированы в работах И.Д. Ковальченко, О.Н. Бурдиной, Л.И. Земцова, В.В. Канищева, Б.Н. Миронова [Ковальченко, 1974; Земцов, 1994; Бурдина, 1996; Миронов, 1999; Канищев, 2002].

Анализ различных трактовок позволил сделать вывод, что «кустарная промышленность» относится к особой разновидности мелкой обрабатывающей промышленности, характеризующейся специфическими признаками:

1. Преобладание ручного труда.
2. Организуется, как правило, в форме семейного, домашнего производства.
3. Ориентирована на удовлетворение потребительского спроса населения в товарах массового потребления.
4. Имеет тесную связь с рынком сельскохозяйственной продукции.
5. Не облагается налогом со стороны государства.
6. Применение наемного труда.

На территории Центрального Черноземья кустарная промышленность, сочетавшая в себе все указанные признаки, активное распространение получила в пореформенный период. Социально-экономическая ситуация того времени, нерешенность земельного вопроса, специфика арендных отношений на землю, последствия строительства железных дорог, связанные с расширением рыночных отношений, обуславливали активность обращения крестьян к промысловым занятиям.

Динамика роста промыслового населения в регионе в течение двух последних десятилетий XIX века в Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской губерниях отмечалась в пределах от 1,4 до 13 раз [Григорова, 2017, с. 145].

Масштабы данного процесса были приблизительными, так как при расчете использовались показатели, зафиксированные различными ведомствами – земствами, Губернским статистическим комитетом и другими.

Динамику роста промыслового населения региона в пореформенный период можно представить в виде диаграммы, составленной авторами на основе анализа статистических сведений подворной переписи Воронежской губернии, итогов исследований земств и Губернского статистического комитета, а также данных первой всеобщей переписи населения страны.

Диаграмма 1 показывает, что в течение двух десятилетий численность людей, занятых промысловой деятельностью, стабильно увеличивалась. Наивысшие показатели роста регистрировались в Орловской губернии, далее – в Тамбовской, Воронежской и Курской губерниях в порядке возрастания.

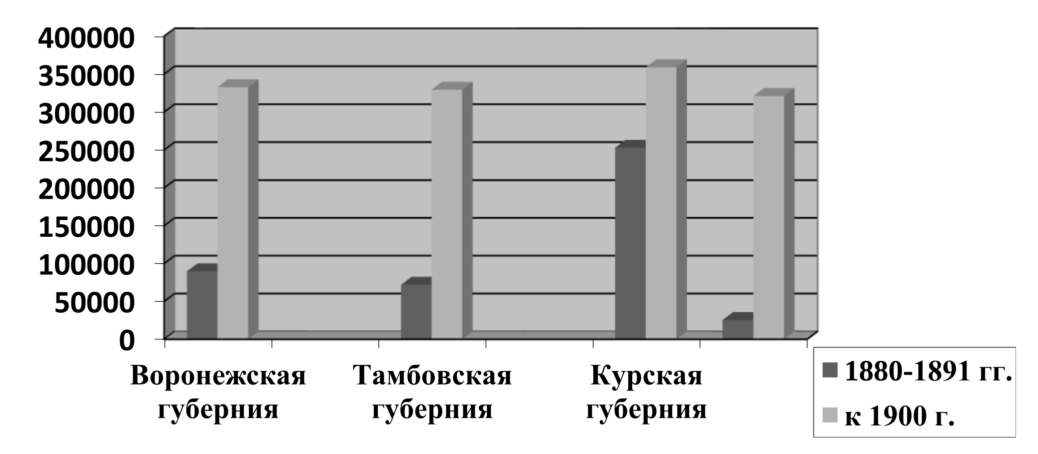

Рис. 1. Динамика роста промыслового населения Центрального Черноземья в конце XIX века [Григорова, 2017, с. 146]

Резкий скачок промыслового населения Орловской губернии на 295 677 человек объяснялся особенностями системы землевладения, сложившейся после отмены крепостного права. Большинство крестьян, оказавшись малоземельными, причем зачастую с участками низкого плодородия, вынуждено обращалось к вспомогательным видам деятельности с целью получения какого-либо дохода.

Динамика роста промыслового населения на территории региона сопровождалась различными трансформациями в рамках кустарно-промысловой деятельности, основным среди которых являлось изменение структуры мелкотоварного производства.

В пореформенный период в общей структуре крестьянской кустарной промышленности Центрально-Черноземного региона выделялись предприятия, связанные с обработкой продукции земледелия и животноводства: мукомольное, салотопенное, маслобойное, крупяное, солодовенное и др.

Следующий уровень градации был представлен предприятиями по обработке природного сырья: свечносальное, поташное, кожевенное, химическое, писчебумажное, мыловаренное, кирпичное и другие виды производств [Орлов, 1881, с. 267].

Техническая оснащённость подобных кустарных предприятий, как правило, была скромной. Так, в «Оценочной описи имущества овчинной мастерской жителя села Нижняя Катуховка, Воронежского уезда, Алексея Трофимовича Шеменёва» указано, что принадлежащее ему предприятие было небольших размеров (3×2,75×1,16 м), выстроено из сосновых досок, из инструментов в нём числились: коса – 1 шт., железный крюк – 1 шт., гребешки – 1 шт., колода – 1 шт [25].

Аналогично был организован паточный завод жителя Новая Усмань Усманской волости Воронежского уезда, крестьянина Андрея Сергеевича Чухвистова. Здание завода было выстроено из кирпича, без окон. Двери, полы и потолок завода изготовлены из сосны. Техническое оснащение представляли котёл из красной меди, предназначенный для варки крахмала, кирпичная печь для котла, стрельчатые весы, комплект чугунных гирь весом в 1, 2, 10, 20 пудов, чан для размолки крахмала [26].

Прибыль таких предприятий была невысокой и напрямую зависела от технического оснащения и типа производства. В частности, маслобойный завод жителя села Желан-

[25] Государственный Архив Воронежской Области (далее ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 6116. Л. 1–4.
[26] ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7871. Л. 1–6.

ное Михайловской волости Бобровского уезда Губина Михаила ежегодно приносил своему владельцу доход в сумме 53 рубля 36 копеек [27].

Важно заметить, что промышленные заведения мелких товаропроизводителей распределялись в регионе неравномерно. Например, в Воронежской губернии 8 мельниц и 6 крупорушек насчитывалось в пределах Новопокровской волости Бобровского уезда. В Богучарском уезде регистрировалось 3 647 мельниц и 91 крупорушка. В Коротоякском уезде было 1 005 ветряных мельниц, 59 водяных мельниц и 120 крупорушек [28].

Подобный разброс промышленных заведений отмечался и в Тамбовской губернии, где неравномерность была обусловлена экономическими и природно-географическими особенностями.

Последствием формирования новой структуры мелкотоварного производства на территории региона явилось улучшение имущественного положения кустарей, связанное с процессом формирования частной собственности крестьян в виде надельной земли, инвентаря, рабочего скота и промышленных предприятий.

Определенную роль в данном процессе играли меры государственной политики в отношении кустарного производства, одной из которых являлось использование элементов дифференцированного подхода к налогообложению. Так, ремесленные и фабричные предприятия, а также сельскохозяйственные заведения кустарного типа: кирпичные заводы, лесопилки, маслобойни и другие виды производств, располагавшиеся на частной территории либо на арендуемых земельных угодьях, освобождались от уплаты налоговых пошлин в том случае, если численность рабочих на них была менее 16 человек, а при производстве продукции машины и другое оборудование, приводимое в действие паром, не использовались [Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями, с. 7].

Важное место в деятельности местных органов власти отводилось мероприятиям по поддержке промыслов. Данные меры сводились к финансированию местных кустарных производств со стороны государства, к распространению сельскохозяйственных и производственных знаний среди местного крестьянского населения, устройству сельскохозяйственных выставок кустарных изделий, устройству сельскохозяйственных складов и т. д. Все вышеуказанные позиции способствовали активизации хозяйственной активности крестьянского населения в условиях формирующихся рыночных отношений.

Не исключением были и земские органы Воронежской губернии. Так, для усовершенствования производственных знаний среди местного населения, занимавшегося плетением кружева, в Задонском уезде Воронежской губернии в селе Пальны в 1880-е гг. была организована практическая школа кружевниц, в которой обучали плетению кружев, рисованию и составлению сколков, а также принимали заказы и скупали кружева у местного населения. Данная школа имела несколько отделений, располагавшихся по всему уезду. Школа кружевниц финансировалась за счёт средств Министерства земледелия и государственных имуществ [29].

В том же Задонском уезде Воронежской губернии при посредничестве земских органов были выработаны меры поддержки производителей сельскохозяйственных машин и орудий труда. Данные меры поддержки сводились к следующему:

1. Обеспечено взаимодействие между местными мастерами и Задонской школой ремесленных учеников, которая занималась изготовлением валов для тех крестьян, которые приобретали недоработанные детали.

2. Кустарям была оказана помощь в реализации готовой продукции. Организованные по инициативе земств сельскохозяйственные склады скупали за наличные деньги

[27] ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 5895. Л. 7.
[28] ГАВО, Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1146. Л. 10.
[29] ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4561. Л. 11.

у кустаря готовую продукцию и продавали её покупателю в кредит с начислением небольших процентов в пользу склада.

3. Были организованы выставки кустарной продукции с целью популяризации технических знаний среди местных мастеров. Авторы лучших изобретений имели право получить от государства премию в размере 15 рублей.

4. При поддержке земств местные сельскохозяйственные склады снабжали кустарей дешёвым материалом и сырьём и т. д. [30]

В с. Конь-Колодезь Задонского уезда Воронежской губернии в пореформенный период функционировала сельскохозяйственная школа, которая занималась профессиональной подготовкой кустарей. Данное учебное заведение выступало своеобразным просветительским центром по распространению сельскохозяйственных знаний среди местного населения. В начале 1890-х гг. при поддержке земств при школе были созданы предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции: сыроваренные, маслоделательные, молочные, крахмальные, маслобойные заводы. Сырьё для предприятий школа скупала у местных производителей в обход скупщикам. Готовая продукция при содействии школы сбывалась на рынках губернии и за её пределами.

Деятельность данной школы положительно сказалась на хозяйственном развитии уезда. Так, например, в 1892 году при поддержке школы местные крестьяне заложили до 8 000 огородов, на которых с целью последующей продажи выращивали бахчи, огурцы, помидоры, капусту и т. д. [31]

Заключение

Таким образом, на территории Центрально-Черноземного региона в пореформенный период отмечался рост численности промыслового населения и активизация промысловой деятельности крестьян. Мелкие предприниматели, вовлеченные в производство и товарно-денежные отношения, применявшие наёмную рабочую силу на предприятиях кустарного типа, принимали деятельное участие в процессе формирования капиталистической экономики Российской империи. В итоге в годы форсированного развития промышленного способа производства в ходе индустриализации промыслы сохранились, несмотря на конкуренцию развивавшегося крупного производства. И уже к концу XIX века в регионе отмечалось практически пятикратное превосходство занятости кустарей в мелких промыслах по сравнению с фабрично-заводской промышленностью.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России В.А. Григоровой.

Список литературы

1. Бунге Н.Х. 1873. Полицейское право. Ч. 2. Киев, Издательство «Университетской типографии», 356.
2. Бурдина О.Н. 1996. Крестьяне-дарственники в России. 1861–1907. М.: Наука, 567.
3. Григорова В.А. 2017. Кустарные промыслы Центрального Черноземья на пути модернизации (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 291.
4. Душкова Н.А. 2018. Исторический опыт государственного управления кустарной промышленностью Центрального Черноземья (вторая половина XIX – начало XX века). Былые годы, 47: 319–327.

[30] ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4561. Л. 17–18.
[31] ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2015. Л. 3–5.

5. Зозуля О.А. 2015. Российское государство, земство и кустари на рубеже XIX–XX вв.: формирование системы взаимоотношений. Лесной вестник, 4: 129–137.

6. Земцов Л.И. 1994. Крестьяне Центрально-Черноземного района на рубеже XIX–XX веков. Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Курск, Издательство Курского государственного педагогического института, 342.

7. Корсак А.О. 1861. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., Типография Грачева и К°, 310.

8. Карпачев М.Д. 2012. Роль неземледельческих промыслов в жизни крестьянства Воронежской губернии в начале XX века. Вестник Воронежского Государственного Университета, 2: 65–74.

9. Канищев В.В. 2002. Естественноисторические условия модернизации аграрного общества. Тамбовская губерния, XIX–XX вв. Некоторые итоги и проблемы изучения. Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVII–XX вв.: материалы международной конференции. Тамбов, 236.

10. Ковальченко И.Д. 1974. Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., Наука, 451.

11. Кустарная промышленность. Энциклопедический словарь. Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. М., «Терра»: 121.

12. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. Харьков, А.В. Скалон, 82.

13. Ловцова М.С. 2015. Промыслы крестьянства аграрного региона в ракурсе социального развития (Тамбовская губерния 1870–1908 гг.). Вестник ТГУ, 20: 105–113.

14. Ленин В.И. 1985. Полное собрание сочинений. Т. 3. Развитие капитализма в России. М., Издательство политической литературы, 832.

15. Лихорадова И.Н. 2013. Формирование групп строительных рабочих и рабочих гужевого транспорта в Воронежской губернии в пореформенный период. Научный вестник Воронежского Государственного Архитектурно-Строительного Университета, 2: 18–26.

16. Миронов Б.Н. 1999. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., Изд-во «Дмитрий Буланин», 267.

17. Орлов П.А. 1881.Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и Вел. кн. Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., Типография братьев Пантелеевых, 753.

18. Перепелицын А.В. 2006. Крестьянская промышленность Центрального Черноземья России в 60–90-е годы XIX века. Вестник Воронежского Государственного Университета, 1: 56–64.

19. Рыбников А.А. 1922. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., Кооперативное Издательство, 52.

20. Рындзюнский П.Г. 1966. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80 гг. XIX в.). М., Наука, 261.

References

1. Bunge N.H. 1873. Policejskoe pravo [Police law]. P.2. Kiev, Izdatel'stvo «Universitetskoj tipografii», 356.

2. Burdina O.N. 1996. Krest'yane-darstvenniki v Rossii. 1861–1907 [Peasants-donators in Russia. 1861–1907]. M., Nauka, 567.

3. Grigorova V.A. 2017. Kustarnye promysly Central'nogo Chernozem'ya na puti modernizacii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Handicrafts of the Central Chernozem region on the way of modernization (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Voronezh, GBOU VO «Voronezhskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet», 291.

4. Dushkova N.A. 2018. Istoricheskij opyt gosudarstvennogo upravleniya kustarnoj promyshlennost'yu Central'nogo Chernozem'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Historical experience of state management of the handicraft industry of the Central Chernozem region (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Bylye gody, 47: 319–327.

5. Zozulja O.A. 2015. Rossijskoe gosudarstvo, zemstvo i kustari na rubezhe XIX–XX vv.: formirovanie sistemy vzaimootnoshenij [The Russian State, the Zemstvo and the Artisans at the Turn of the XIX–XX centuries: the formation of a system of relations]. Lesnoj vestnik, 4: 129–137.

6. Zemcov L.I. 1994. Krest'yane Central'no-Chernozemnogo rajona na rubezhe XIX–XX vekov. Problemy istoricheskoj demografii i istoricheskoj geografii Central'nogo Chernozem'ya [Peasants of the Central Chernozem region at the turn of the XIX–XX centuries. Problems of historical demography and historical geography of the Central Chernozem region]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 342.

7. Korsak A.O. 1861. O formah promyshlennosti voobshhe i o znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoj i domashnej promyshlennosti) v Zapadnoj Evrope i Rossii [On the forms of industry in general and on the importance of home production (cottage and home industry) in Western Europe and Russia]. M., Tipografiya Gracheva i K°, 310.

8. Karpachev M.D. 2012. Rol' nezemledel'cheskih promyslov v zhizni krest'yanstva Voronezhskoj gubernii v nachale XX veka [The role of non-agricultural crafts in the life of the peasantry of the Voronezh Province at the beginning of the XX century]. Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2: 65–74.

9. Kanishchev V.V. 2002. Estestvennoistoricheskie usloviya modernizacii agrarnogo obshchestva. Tambovskaya guberniya, XIX–XX vv. Nekotorye itogi i problemy izucheniya [Natural-historical conditions of modernization of the agrarian society. Tambov province, XIX–XX centuries. Some results and problems of the study]. Social'naya istoriya rossijskoj provincii v kontekste modernizacii agrarnogo obshchestva v XVII–XX vv.: materialy mezhdunarodnoj konferencii. Tambov, 236.

10. Koval'chenko I.D. 1974. Vserossijskij agrarnyj rynok, XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvennogo analiza [All-Russian agricultural market, XVIII – early XX century. Experience in quantitative analysis]. M., Nauka, 451.

11. Kustarnaya promyshlennost' [Cottage industry]. Enciklopedicheskij slovar'. Pod red. F.A. Brokgauza, I.A. Efrona. M., «Terra»: 121.

12. Polozhenie o poshlinah za pravo torgovli i drugih promyslov so vsemi pozdnejshimi izmeneniyami i dopolneniyami [Regulation on duties for the right to trade and other Crafts with all later amendments and additions]. Har'kov, A.V. Skalon, 82.

13. Lovcova, M.S. 2015. Promysly krest'janstva agrarnogo regiona v rakurse social'nogo razvitija (Tambovskaja gubernija 1870–1908 gg.) [Crafts of the peasantry of the agrarian region in the perspective of social development (Tambov province 1870–1908)]. Vestnik TGU, 20: 105–113.

14. Lenin V.I. 1985. Polnoe sobranie sochinenij. T. 3. Razvitie kapitalizma v Rossii [The complete collection of works. The development of capitalism in Russia]. M, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 678.

15. Lihoradova I.N. 2013. Formirovanie grupp stroitel'nyh rabochih i rabochih guzhevogo transporta v Voronezhskoj gubernii v poreformennyj period [Formation of groups of construction workers and horse-drawn transport workers in the Voronezh Province in the post-reform period]. Nauchnyj vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Arhitekturno-Stroitel'nogo Universiteta, 2: 18–26.

16. Mironov B.N. 1999. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Imperial period (XVIII – early XX century)]. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 267.

17. Orlov P.A. 1881. Ukazatel' fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii s carstvom Pol'skim i Vel. kn. Finlyandskim: materialy dlya fabrichno-zavodskoj statistiki [Index of factories and factories of European Russia with the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland: materials for factory statistics]. SPb., Tipografiya brat'ev Panteleevyh, 753.

18. Perepelicyn A.V. 2006. Krest'janskaja promyshlennost' Central'nogo Chernozem'ja Rossii v 60–90-e gody XIX veka [Peasant industry of the Central Chernozem Region of Russia in the 60–90s of the XIX century]. Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 1: 56–64.

19. Rybnikov A.A. 1922. Melkaja promyshlennost' i ee rol' v vosstanovlenii russkogo narodnogo hozjajstva [Small-scale industry and its Role in the Restoration of the Russian National Economy]. M., Kooperativnoe Izdatel'stvo, 52.

20. Ryndzjunskij P.G. 1966. Krest'janskaja promyshlennost' v poreformennoj Rossii (60–80 gg. XIX v.) [Peasant industry in Post-Reform Russia (60–80 years of the XIX century)]. M., Nauka, 261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлёв Сергей Сергеевич, преподаватель кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Россия

Григорова Виктория Александровна, профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Zhuravlev, Lecturer, Department of Social and Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

Victoria A. Grigorova, professor of the Department of Social and Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

УДК 94(47).043
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-150-158

Развитие рынка дворянских землевладений и его влияние на перераспределение частной земельной собственности в Центральном Черноземье в 1860–1890-е годы

В.А. Тонких [1], В.В. Громова [2]
[1] Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Gromvv@mail.ru

Аннотация. С отменой крепостного права постепенно стали сниматься сословные ограничения для свободного перехода земли от дворян в собственность других сословий. Появились предпосылки для развития межсословного земельного рынка. В то же время во второй половине XIX века представители дворянского сословия продолжали оставаться основными участниками земельного рынка. В статье рассматривается эволюция торговых отношений дворянского сословия на земельном рынке Центрального Черноземья в 1860–1890-е годы. На основе анализа материалов по статистике движения землевладения в 45 губерниях Европейской России выявлены тенденции, происходившие на земельном рынке с 1863 по 1892 год. Изменения купли-продажи дворянских землевладений в Центральном Черноземье сопоставлены с общероссийскими данными, выявлены сходные и отличительные черты. Поскольку развитие земельного рынка оказывало существенное влияние на межсословное перераспределение частной земельной собственности, в статье рассмотрено изменение структуры землевладения в Центральном Черноземье в 1877 и 1905 годах. Определены основные сословия частных земельных собственников, выявлено их количество и размеры их землевладений. Отдельно рассмотрена структура частного землевладения Курской губернии, которая из всех губерний Центрального Черноземья отличалась наибольшим количеством мелких земельных собственников.

Ключевые слова: земельный рынок, дворяне, продавец, покупатель, сделка, покупка, продажа, десятина, товарооборот.

Для цитирования: Тонких В.А., Громова В.В. 2021. Развитие рынка дворянских землевладений и его влияние на перераспределение частной земельной собственности в Центральном Черноземье в 1860–1890-е годы. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 150–158 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-150-158.

The noble land market development and its impact on the land property redistribution in the central Chernozem region from the 1860's to the 1890's

Vladimir A. Tonkikh [1], Viktoriya V. Gromova [2]
[1] Voronezh State University,
1 Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russia
[2] Belgorod State University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Gromvv @mail.ru

Abstract. With the serfdom era gone, estate ownership restrictions had been eliminated by and by. Some possibilities for the inter-caste land market development had come about. Meanwhile, during the second half of the 19th century the nobles had been remaining major participants of the land trading. The article

is dedicated to the evolution of trading relations among the nobles in the land market of the Central Chernozem Region from the 1860's to the 1890's. Due to the land trading statistics analysis, land market tendencies from 1863 to 1892 were identified in 45 regions of the European Russia. Modifications of purchase and sale of the noble lands in the Central Chernozem Region were compared with the all-Russian ones; similar and different features were detected. As the land market development had a great impact on the inter-caste private property redistribution, modifications of the land ownership formation in the Central Chernozem Region in 1877 and 1905 are mentioned in the article. The main estates of land owners were identified, quantity and sizes of their land properties were determined. The land tenure formation of the Kursk Region possessing the biggest number of smallholders was individually considered.

Keywords: land market, nobility, seller, customer, transaction, purchase, sale, tithe, trade.

For citation: Tonkikh V.A., Gromova V.V. 2021. The noble land market development and its impact on the land property redistribution in the central Chernozem region from the 1860's to the 1890's. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 150–158. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-150-158.

Земля в качестве товара является одним из основных компонентов аграрного рынка, от степени развития которого в XIX веке зависело национальное благосостояние России. Условия для зарождения и развития земельного рынка возникли с началом проведения реформ по отмене крепостного права, так как постепенно стали сниматься сословные ограничения для свободного перехода земли от дворян в собственность других сословий.

С 1863 по 1892 годы в 45 губерниях Европейской России было совершено 565 788 сделок по продаже земли и соответствующее количество сделок по ее покупке. Товарооборот земельного рынка составил 80 727 тыс. дес. стоимостью 2 027 млн руб. На долю дворянского сословия пришлось 45 % сделок по продаже земли и 17 % сделок по ее покупке, 71 % проданной и 41 % купленной земли. От продажи земли дворяне получили 1 459 млн руб. или 72 % капиталов земельного рынка. На покупку земли дворяне затратили 821 тыс. руб., что составляло 56 % от суммы, полученной в результате ее продажи. По всем приведенным показателям дворяне больше других сословий были вовлечены в торговые отношения на земельном рынке. И только по количеству сделок-покупок они были на втором месте после крестьян, на долю которых приходилось 44 % всех сделок-покупок [Материалы по статистике…, 1901, с. 2–13].

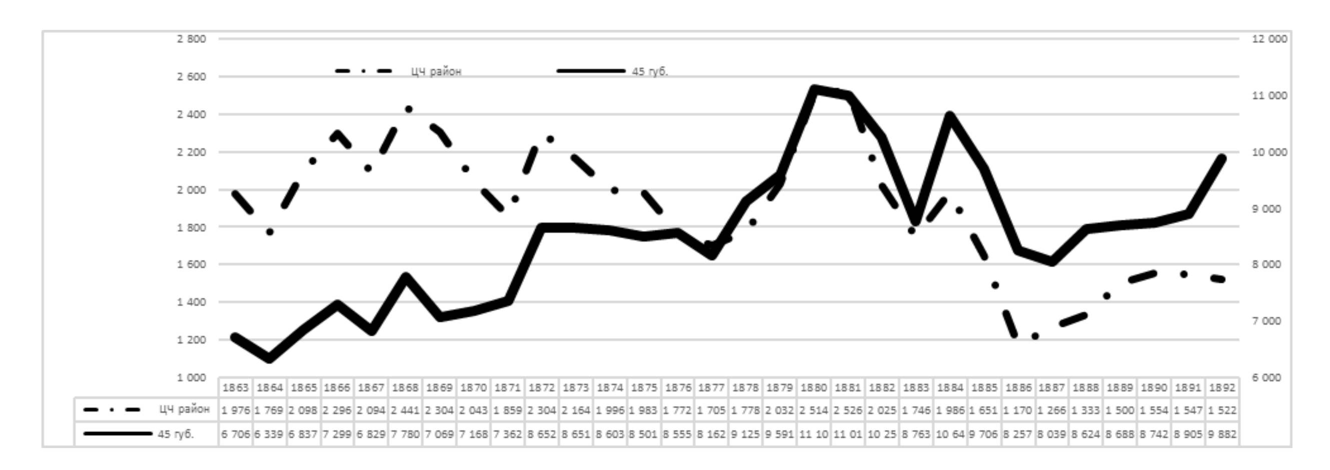
В Центрально-Черноземном районе, включающем 10 губерний (Воронежскую, Курскую, Орловскую, Тамбовскую, Тульскую, Рязанскую, Казанскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую), было совершено 30 % сделок по продаже земли и 23 % сделок по ее покупке, продано 15 % земли и обращалось 28 % капиталов земельного рынка России. Дворяне района совершили 56 954 сделки по продаже земли и 25 455 сделок по ее покупке, продали 9 163 тыс. дес., купили – 5 900 дес. От продажи земли они выручили 425 млн руб., на покупку земли затратили 262 млн руб. [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–61].

Степень вовлеченности дворянского сословия в торговые отношения на земельном рынке района в основном соответствовала общероссийским показателям. При этом товарооборот дворянских землевладений был немного больше, чем в среднем по Европейской России. На долю дворян приходилось 78 % проданной и 50 % купленной в районе земли [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–61].

В указанный период в Европейской России дворяне в 2,7 раза чаще продавали землю, чем покупали. В Центральном Черноземье этот показатель был немного меньше – количество дворянских сделок по продаже земли в 2,2 раза превышало количество сделок по покупке [Материалы по статистике…, 1901, с. 2–9, 50–57].

В 1860–1890-х годах купля-продажа дворянских землевладений изменялась циклически. Количество дворянских сделок по продаже земли изменялось синхронно с количеством сделок по ее покупке.

	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877
ЦЧ район	1 976	1 769	2 098	2 296	2 094	2 441	2 304	2 043	1 859	2 304	2 164	1 996	1 983	1 772	1 705
45 губ.	6 706	6 339	6 837	7 299	6 829	7 780	7 069	7 168	7 362	8 652	8 651	8 603	8 501	8 555	8 162

	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
ЦЧ район	1 778	2 032	2 514	2 526	2 025	1 746	1 986	1 651	1 170	1 266	1 333	1 500	1 554	1 547	1 522
45 губ.	9 125	9 591	11 10	11 01	10 25	8 763	10 64	9 706	8 257	8 039	8 624	8 688	8 742	8 905	9 882

Рис. 1. Количество сделок по продаже земли, совершенных дворянами за период с 1863 по 1892 год [Материалы по статистике…, 1901, с. 2–3, 56–57]
Fig. 1. Number of land transactions committed by nobles during the period from 1863 to 1892

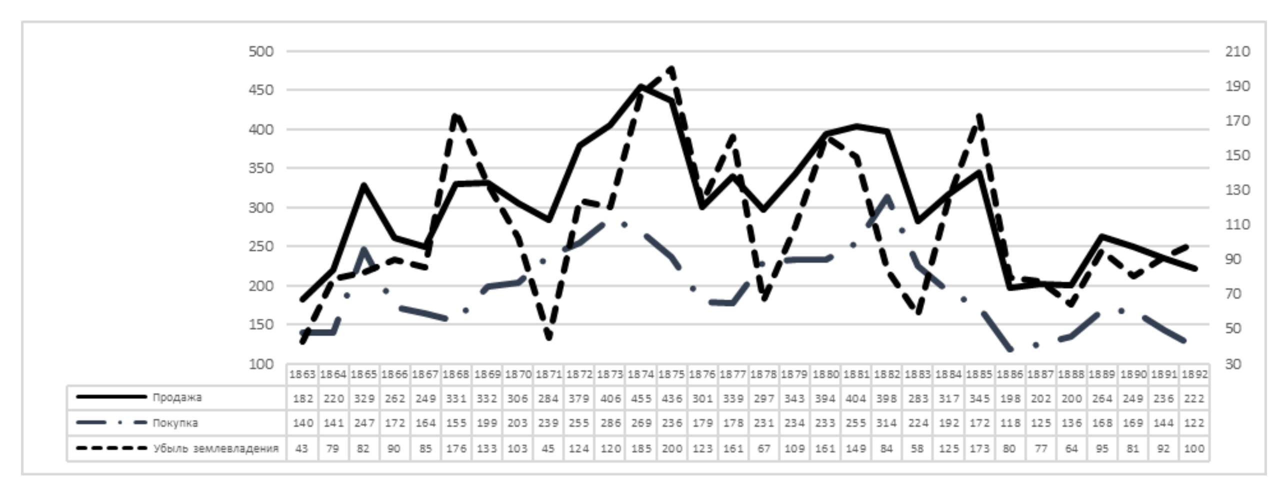
С 1863 по 1880 год продажа дворянских землевладений в Европейской России нарастала. В Центрально-Черноземном районе продажа дворянских землевладений была подвержена более частым изменениям, чем в целом по России. В 1863 году дворяне района совершили 1 976 сделок по продаже земли. С 1863 по 1868 годы количество сделок выросло в 1,2 раза до 2 441 сделки. С 1869 года начала прослеживаться тенденция к спаду продаж, который в целом продолжался в течение 9 лет до 1877 года. За этот период количество дворянских сделок по продаже земли относительно 1868 года сократилось в 1,4 раза. Начиная с 1878 года изменения на земельном рынке Центрально-Черноземного района стали соответствовать и общероссийским тенденциям – купля-продажа дворянских землевладений начала увеличиваться. В 1881 году было совершено в 1,5 раза больше сделок по продаже земли, чем в 1877 году [Материалы по статистике…, 1901, с. 56–57].

В 1879–1881 годах в Центрально-Черноземном районе и в целом по всей Европейской России купля-продажа дворянских землевладений достигла пика. В 1880 году в 45 губерниях Европейской России дворяне совершили 11 107 сделок по продаже земли и 3 792 по ее покупке, в Центрально-Черноземном районе – 2 514 и 1 039 сделок соответственно. В Европейской России по сравнению с 1863 годом продажа дворянских землевладений выросла в 1,6 раза, покупка – в 1,17 раза. В Центральном Черноземье рост купли-продажи был менее существенным – продажа выросла в 1,3 раза, а покупка практически не изменилась – ее рост составил всего 6 %. С 1882 по 1886 год на земельном рынке наблюдался спад, при этом в 1884 году купля-продажа дворянских землевладений повсеместно выросла, а в 1885 году спад продолжился. В 1886 году в Центрально-Черноземном районе купля-продажа дворянских землевладений достигла минимальных значений за тридцатилетний период с 1863 по 1892 год. В 1886 году дворяне совершили 1 170 сделок по продаже земли и 559 сделок по ее покупке, что соответственно в 2,4 и 1,9 раза меньше, чем в 1880 году. В Европейской России в целом спад купли-продажи был менее резким, чем в Центрально-Черноземном районе – количество дворянских сделок по покупке и по продаже сократилось в 1,3 раза каждая. С 1887 по 1892 год на земельном рынке вновь начался подъем [Материалы по статистике…, 1901, с. 56–57].

Таким образом, в течение рассматриваемого периода с 1863 по 1892 год в Европейской России и, в частности, в Центрально-Черноземном районе дворяне были основным участником земельного рынка. Начиная с 1878 года изменения, происходившие на земельном рынке Центрального Черноземья, соответствовали общероссийским тенденциям.

В течение рассматриваемого тридцатилетнего периода с 1863 по 1892 год в Европейской России в среднем в год продавалось 1 918 тыс. дес., покупалось 1 110 тыс. дес.,

в Центральном Черноземье – 305 тыс. дес. и 197 тыс. дес. соответственно. В Центрально-Черноземном районе покупали земли на 30 % меньше, чем продавали.

	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877
Продажа	182	220	329	262	249	331	332	306	284	379	406	455	436	301	339
Покупка	140	141	247	172	164	155	199	203	239	255	286	269	236	179	178
Убыль землевладения	43	79	82	90	85	176	133	103	45	124	120	185	200	123	161

	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Продажа	297	343	394	404	398	283	317	345	198	202	200	264	249	236	222
Покупка	231	234	233	255	314	224	192	172	118	125	136	168	169	144	122
Убыль землевладения	67	109	161	149	84	58	125	173	80	77	64	95	81	92	100

Рис. 2. Количество десятин, проданных и купленных дворянами Центрально-Черноземного района с 1863 по 1892 год [Материалы по статистике…, 1901, с. 58–59]
Fig. 2. Number of dessiatinas bought and saled by nobles in The Central Chernozem Region from 1863 to 1892

С 1863 по 1874 годы количество проданной и купленной дворянами земли постепенно увеличивалась.

Несмотря на то, что в 1869–1877 годах количество дворянских сделок по купле-продаже земли сокращалось, это не повлияло на количество проданной и купленной земли. В 1874–1875 годах дворянами района было продано максимальное за тридцатилетний период количество земли – 455 и 436 тыс. дес. соответственно. Несмотря на то, что в эти годы дворяне не только много продавали земли, но и покупали, в районе наблюдалась самая большая убыль дворянского землевладения за весь тридцатилетний период. Сокращение количества сделок и увеличение количества проданной и купленной земли свидетельствуют о совершении дворянами крупных сделок по купле-продаже земли. В эти годы на одну сделку приходилось 228 и 220 дес. земли, что было значительно выше среднего (162 дес.) [Материалы по статистике…, 1901, с. 58–59].

Второй по величине пик купли-продажи дворянских землевладений был в 1880–1882 годах. В эти годы дворяне совершили максимальное количество сделок по купле-продаже земли, продано 394, 404 и 398 тыс. дес., куплено 286, 269, и 314 тыс. дес. соответственно. На одну сделку в среднем приходилось по 160 дес., т. е. земля продавалась и покупалась более мелкими партиями, чем в 1874–1875 годах [Материалы по статистике…, 1901, с. 58–59].

Начиная с 1883 года стала прослеживаться тенденция к сокращению количества проданной и купленной дворянами земли. В 1886 году по сравнению с 1882 годом продажа дворянских землевладений сократилась на 51 %, покупка – на 62 %. Несмотря на то, что с 1887 года количество дворянских сделок по купле-продаже земли начало увеличиваться, площадь проданных и купленных земель сокращалась до 1892 года. С 1886 по 1892 год дворяне продавали и покупали меньше земли, чем в предыдущие 17 лет. Количество ежегодно продаваемых десятин колебалось от 198 тыс. дес. до 264 тыс. дес., купленных – от 118 тыс. дес. до 169 тыс. дес. [Материалы по статистике…, 1901, с. 58–59].

С 1863 по 1892 гг. дворяне продали земли в 1,55 раза больше, чем купили. В результате совершенных сделок дворяне потеряли 3 263 тыс. дес. Указанное количество земли перешло к другим сословиям [Материалы по статистике…, 1901, с. 52–53, 58–59].

К 1877 году в частной собственности района находилось 15,6 млн дес., что составляло 32 % от общей площади района (49 млн дес.) [Островский, 2013, с. 25] и 16,7 % от частновладельческих земель 49 губерний Европейской России (93,9 млн дес.). Из этого количества на долю личных земельных собственников пришлось 15,3 млн дес. Собственность обществ и товариществ была незначительной – 242 тыс. дес. – 1,5 % от частной земельной собственности района [Статистика землевладения…, 1907. С. 12–17].

Таблица 1
Table 1

Структура частных землевладений в Центрально-Черноземном районе в 1877 и 1905 годах [Статистика землевладения…, 1907, с. 12–17].
Private landownership formation in The Chernozem Region in 1877 and 1905

Сословия	1877 год			1905 год		
	Кол-во собствен -ников	Кол-во земли (тыс. дес).	Средний размер землевладения	Кол-во собствен -ников	Кол-во земли (тыс. дес).	Средний размер землевладени я
Дворяне	26 830	12550	468	21 334	8484	398
Купцы	3 665	1695	462	5 347	1959	366
Мещане	6 446	226	35	8 474	503	59
Крестьяне	57 318	793	14	81 628	1758	22
Иностранные подданные	50	15	306	75	40	535
Прочие сословия	1 358	54	40	3 950	267	68
Итого	95 667	15 333	-	120 808	13 011	-
Частная собственность обществ и товариществ		242			2 129	
Всего		15 575			15 140	

В общем фонде личного землевладения района (15,3 млн дес.) – дворянам принадлежало 82 %, купцам [32] – 11 %, крестьянам – 5,2 %, мещанам – 1,5 %, прочим сословиям – менее 1 % [Статистика землевладения…, 1907, с. 16].

В 1877 году общее количество личных земельных собственников района составляло 95 667 человек. Большинство (60 %) собственников были крестьяне. На одного владельца крестьянского сословия в среднем приходилось 14 дес. Мещане составляли 7 % личных земельных собственников, а средний размер их землевладений был в два раза больше, чем у крестьян – 35 дес. Дворяне и купцы составляли 28 % и 4 % личных землевладельцев. На одного владельца этих сословий в среднем пришлось 468 дес. и 462 дес. соответственно [Статистика землевладения…, 1907, с. 16].

К 1905 году в районе в частной собственности находилось 15,1 млн дес., из них личным владельцам принадлежало 13 млн дес. или 86 %, обществам и товариществам – 2,1 млн дес. или 14 %. По сравнению с 1877 годом земельная собственность обществ и товариществ увеличилась практически в 9 раз [Статистика землевладения…, 1907, с. 15].

В общем фонде личного землевладения на долю дворян приходилось 65 %, купцов – 15 %, крестьян – 14 %, мещан – 4 %, прочих сословий – 2 %.

Количество личных земельных собственников выросло в 1,3 раза до 120 808 человек. Из этого количества крестьяне составляли 68 %, дворяне – 18 %, купцы – 15 %, мещане – 14 %. На одного землевладельца дворянского сословия пришлось 398 дес., купеческого – 366 дес., крестьянского – 22 дес., мещанского – 59 дес. земли [Статистика землевладения…, 1907, с. 12–13.]

[32] Вместе с почетными гражданами.

Таким образом, к 1905 году по сравнению с 1877 годом количество земельных собственников дворянского сословия уменьшилось на 20 %, их землевладения – на 32 %, а средний размер землевладений – на 15 %. У других сословий в структуре землевладений прослеживались противоположенные тенденции – количество земельных собственников увеличивалось. У крестьян и мещан также выросли средние размеры землевладений в 1,5 и 1,7 раза соответственно, но у купцов они сократились в 1,3 раза.

Средние размеры частных землевладений дают только общую картину перераспределения частновладельческих земель между сословиями.

При рассмотрении отдельных губерний района распределение частновладельческих земель между сословиями выглядит иначе.

Рассмотрим пример Курской губернии, которая из всех губерний района отличалась наибольшим количеством мелких земельных собственников. В 1877 году 24 012 личным землевладельцам губернии принадлежало 1 416 тыс. дес. В среднем на одного владельца дворянского сословия приходилось 204 дес., купеческого – 214 дес., мещанского – 15 дес. и крестьянского – 8 дес. [Статистика землевладения…, 1907, с. 16–17]. К 1905 году тенденции в перераспределении личной земельной собственности в губернии соответствовали тенденциям, имевшимся во всем Центральном Черноземье.

Таблица 2
Table 2

Структура частного землевладения Курской губернии
в 1877 и 1905 годах [Статистика землевладения…, 1907, с. 12–17].
Private landownership formation in the Kursk region in 1877 and 1905

Сословия	1877 год					1905 год				
	Кол-во собственников	Кол-во земли (тыс. дес.)	Средний размер землевладения	Кол-во собственников в % к итогу	Кол-во десятин в % к итогу	Кол-во собственников	Кол-во земли (тыс. дес.)	Средний размер землевладения	Кол-во собственников в % к итогу	Кол-во десятин в % к итогу
Дворяне	5 712	1 165	204	23,5	82	4 533	859	190	15	68
Купцы	415	89	214	2	6	753	97	129	3	8
Мещане	1 189	17	15	5	1	1 092	35	32	4	3
Крестьяне	16 222	136	8	67,5	10	22 973	258	11	77	20
Остальные	474	9	18	2	1	428	11	25	1	1
Итого	24 012	1 416	-	100	100	29 779	1 260	-	100	100

В сравнении со средними значениями большинство землевладельцев губернии были мелкими земельными собственниками. В 1877 году 61,5 % личных землевладельцев губернии имели в собственности менее 10 дес. и 29 % – от 10 до 100 дес. Количество землевладельцев, имеющих в собственности более 1 000 дес., было чуть более 2 % [Статистический временник…, 1886. С. 32–33]. К 1905 году количество землевладельцев, владевших до 10 дес., выросло до 65 %, от 10 до 100 дес. – сократилось всего на 0,5 %, а свыше 1 000 дес. – до 1,5 % [Статистика землевладения…, 1907, с. 71].

Крупными землевладельцами губернии были в основном представители дворянского сословия. Отдельные дворянские землевладения превышали 20 тыс. дес. Так, в Пу-

тивльском уезде кн. А.В. Барятинскому принадлежало 20 219 дес. [33] В Грайвороновском уезде владения кн. Н.Б. Юсупова составляли 21 463 дес. [34]

Вместе с тем в 1877 году 16 % дворян губернии имели в собственности не более 10 дес., 49 % – от 10 дес. до 100 дес., 26 % – от 100 до 500 дес., 3 % – от 500 дес. до 1 000 дес. [Статистический временник …, 1886, с. 34]. К 1905 году их количество составило 24 %, 45 %, 23 % и 2 % соответственно [Статистика землевладения…, 1907, с. 71].

Из представленных данных видно, что количество дворян-землевладельцев, имевших в собственности до 10 дес., увеличилось, а от 10 дес. до 1 000 дес. – сократилось. В 1877 и 1905 годах доля дворян, владевших свыше 5 000 дес., составляла менее 1 % [Статистический временник…, 1886, с. 35; Статистика землевладения…, 1907, с. 71].

Наряду с дворянами среди относительно крупных землевладельцев губернии встречались представители других сословий. В Щигровском уезде купцу Александру Федоровичу Антимонову принадлежало 2 703 дес. [35] земли. Самым крупным землевладельцем крестьянского сословия был Сурин Филипп Степанович, в Дмитриевском уезде ему принадлежало 650 дес. [36]

Таким образом, тенденции, происходившие не земельном рынке Центрально-черноземного района, в целом соответствовали общероссийским тенденциям. Товарооборот дворянских землевладений района был немного больше, чем в среднем по Европейской России. С 1863 по 1905 годы дворяне были основными участниками земельного рынка. Вместе с тем дворянские землевладения постепенно переходили от дворян к другим сословиям, главным образом к купцам, крестьянам и мещанам. Купцы были на втором месте после дворян по площади землевладений и по средним размерам земельных участков. Большинство личных землевладельцев были крестьянами. Средние размеры их землевладений были намного меньше, чем у дворян и купцов. Несмотря на то, что развитие земельного рынка с 1863 по 1905 годы оказывало существенное влияние на межсословное перераспределение частной земельной собственности, к 1905 году большинство частновладельческих земель продолжало принадлежать дворянам. В 1877 году большинство дворян были мелкими земельными собственниками. К 1905 году тенденция к сокращению средних размеров дворянских землевладений усилилась.

Список литературы

1. Анфимов. А.М. 1969. Крупное помещичье хозяйство европейской России (Конец XIX – начало XX в.). АН СССР. Ин-т истории СССР. М., Наука, 394.
2. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Под ред. генерал-Майора Н.Н. Обручева. СПб., 1871.
3. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. 1974. Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., Наука, 399.
4. Корелин А.П. 1879. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., Наука, 304.
5. Князь Васильчиков А. 1876. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах: в 2-х т. СПб., типография Стасюлевича. Т. II. 787.
6. Литвак Б.Г. 1991. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861–1895 гг. М., Издательство политической литературы, 93.
7. Литуев В.Н. 1997. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., Калита, 148.
8. Лященко П.И. 1901. Очерки аграрной эволюции. СПб., б. м., 446.

[33] Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 91. Л.3–28.
[34] ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 4–5.
[35] ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 97. Л. 32.
[36] ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.

9. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. IV: Свод данных о купле-продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие с 1863 по 1892 гг. Под ред. А.Е. Рейнбота. СПб., Тип. Киршбаума, 1901.

10. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII.: Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие. 1863–1902 гг. Под ред. А.Е. Рейнбота. СПб., Тип. Киршбаума, 1907.

11. Михалевич В. 1862. Материалы географии и статистики России. Воронежская губерния. Собранные офицерами генерального штаба. СПб., Издательство библиотеки графа Панина, 187.

12. Островский А.В. 2013. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 418.

13. Проскурякова Н.А. 1973. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX вв. История СССР. 1: 55–75.

14. Святловский В.В. 1911. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., Книгоиздательство «Начало», 116.

15. Скребицкий А. 1865. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, Т. II. Ч. II. 1624.

16. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., ЦСК МВД, 1907.

17. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб., 1880.

18. Статистика землевладения. Воронежская губерния. Вып. V. СПб., ЦСК МВД, 1905.

19. Статистика землевладения. Курская губерния. Вып. XXXVII. СПб., ЦСК МВД,1906.

20. Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 10. СПб., ЦСК МВД, 1886.

21. Фортунатов А.Ф. 1893. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев, 246.

22. Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897.

References

1. Anfimov A.M. 1969. Krupnoe pomeshhich'e hozjajstvo evropejskoj Rossii (Konec XIX – nachalo XX v.) [Large-scale estates of European Russia (the late 19th century – early 20th)]. AN SSSR. In-t istorii SSSR. M., Nauka, 394.

2. Voenno-statisticheskij sbornik. Vyp. IV [Military Statistics, ed. 4]. Pod red. general-Majora N.N. Obrucheva. SPb., 1871.

3. Koval'chenko I.D., Milov L.V. 1974. Vserossijskij agrarnyj rynok, XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvennogo analiza [All-Russian agrarian market, 18 – early 20th century. Quantitative analysis attempt]. M., Nauka, 399.

4. Korelin A.P. 1879. Dvorjanstvo v poreformennoj Rossii 1861–1904 gg. [Landed gentry in post-reform Russia (1861–1904)] M., Nauka, 304.

5. Knjaz' Vasil'chikov A. 1876. Zemlevladenie i zemledelie v Rossii drugih Evropejskih gosudarstvah: v 2-h t. [Land tenure and farming in Russia and other European countries: in two volumes]. SPb., tipografija Stasjulevicha T. II. 787.

6. Litvak B.G. 1991. Russkaja derevnja v reforme 1861 g. Chernozemnyj centr. 1861–1895 gg. [Russian village after the reform of 1861 Central Chernozem region] M., Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 93.

7. Lituev V.N. 1997. Zemel'naja sobstvennost' kak dvorjanskaja monopolija v kapitalisticheskoj Rossii [Monopolized land ownership by the nobility in capitalist Russia] M., Kalita, 148.

8. Ljashhenko P.I. 1901. Ocherki agrarnoj jevoljucii [Essays on the agrarian revolution]. SPb., b. m., 446.

9. Materialy po statistike dvizhenija zemlevladenija v Rossii. Vyp. IV: Svod dannyh o kuple-prodazhe zemel' v 45 gubernijah Evropejskoj Rossii za tridcatiletie s 1863 po 1892 gg. [Statistics on Russian agricultural progress, ed. 4. Set of data related to the land mobility in 45 provinces of European Russia during the period from 1863 to 1892]. Pod red. A.E. Rejnbota. SPb., Tip. Kirshbauma, 1901.

10. Materialy po statistike dvizhenija zemlevladenija v Rossii. Vyp. XIII.: Pogubernskie itogi mobilizacii zemel' i srednie zemel'nye ceny za 40-letie. 1863–1902 gg. [Statistics on Russian agricultural progress, ed. 13. Results of land mobility in each province and average land prices during the period from 1863 to 1902]. Pod red. A.E. Rejnbota. SPb., Tip. Kirshbauma, 1907.

11. Mihalevich V. 1862. Materialy geografii i statistiki Rossii. Voronezhskaja gubernija. Sobrannye oficerami general'nogo shtaba [Russian geography and statistics. The province of Voronezh. Data collected by by General Staff officers]. SPb., Izdatel'stvo biblioteki grafa Panina, 187.

12. Ostrovskij A.V. 2013. Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Crop production of the European Russia in the late 19th century – early 20th century]. SPb., 418.

13. Proskurjakova N.A. 1973. Razmeshhenie i struktura dvorjanskogo zemlevladenija Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Placement and formation of noble land ownership in European the late 19th century – early 20th]. Istorija SSSR. 1: 55–75.

14. Svjatlovskij V.V. 1911. Mobilizacija zemel'noj sobstvennosti v Rossii (1861–1908 gg.). [Land mobility in Russia (1861–1908)]. SPb., Knigoizdatel'stvo «Nachalo», 116.

15. Skrebickij A. 1865. Krest'janskoe delo v carstvovanie imperatora Aleksandra II [Peasant cause during the reign of Alexander II. Bonn on the Rhine, vol. II. Part II. 1624] Bonn-na-Rejne, T. II. Ch. II. 1624.

16. Statistika zemlevladenija 1905 g. Svod dannyh po 50 gubernijam Evropejskoj Rossii. [Land mobility statistics (1905). Set of data on 50 provinces of European Russia] SPb., CSK MVD, 1907.

17. Statistika pozemel'noj sobstvennosti i naselennyh mest Evropejskoj Rossii. Vyp. I. [Statistics of land ownership and localities of European Russia. Ed. 1]. SPb., 1880.

18. Statistika zemlevladenija. Voronezhskaja gubernija [Land ownership statistics. Voronezh Region]. Vyp. V. SPb., CSK MVD, 1905.

19. Statistika zemlevladenija. Kurskaja gubernija [Land ownership statistics. Kursk Region]. Vyp. XXXVII. SPb., CSK MVD, 1906.

20. Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii. Seriya III. Vyp. 10 [Annals of Statistika's of russian empire] SPb., CSK MVD, 1886.

21. Fortunatov A.F. 1893. Sel'skohozjajstvennaja statistika Evropejskoj Rossii [Agricultural statistics of European Russia]. M., Tipolitografija t-va I.N. Kushnerev, 246.

22. Cifrovye dannye o pozemel'noj sobstvennosti v Evropejskoj Rossii [Figures for the land ownership in European Russia]. SPb., 1897.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Громова Виктория Валентиновна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Тонких Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT ATHORS

Viktoriya V. Gromova, postgraduate student of the Department of Russian history and pre-study Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir A. Tonkih, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and World Politics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 94(47).08
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-159-166

Карьерный сценарий чиновника Духовного ведомства во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере секретарей Воронежской духовной консистории)

М.С. Кременева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kremeneva.m@yandex.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируются сходства и различия в карьере пяти чиновников, которые во второй половине XIX – начале XX вв. занимали должность секретаря в Воронежской духовной консистории. Научная работа проводилась в русле антропологического подхода с использованием сравнительно-исторического и просопографического методов. Главными критериями для сопоставления карьерного пути выступили образование, первое и последнее место службы, а также место, которое предшествовало занятию рассматриваемой должности, чин в должности консисторского секретаря и награды, полученные за время служебной деятельности. Результатом проведённого исследования стала реконструкция карьерного сценария секретаря Воронежской духовной консистории.

Ключевые слова: духовная консистория, Воронежская епархия, чиновничество, секретарь консистории, карьерный сценарий.

Для цитирования: Кременева М.С. 2021. Карьерный сценарий чиновника Духовного ведомства во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере секретарей Воронежской духовной консистории). Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 159–166. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-159-166.

The career scenario of an official of the Ecclesiastical Department in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of the secretaries of the Voronezh ecclesiastical consistory)

Marina S. Kremeneva
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: kremeneva.m@yandex.ru

Abstract. This study investigates similarities in the careers for officials of Ecclesiastical Department. The method we applied was a prosopography and comparison of the career paths of five secretaries of Ecclesiastical consistories. The officials we selected were Consistorial secretaries in the Voronezh dioceses in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. We expected to find similar points in education, first and last place of service, additional duties as a secretary, rank and awards. The results obtained show that clerks of an ecclesiastical Consistory usually had graduated from an theological seminary or theological academy. After that, the young man worked for several years in the field of office work. It is interesting to note that all the officials in question served in St. Petersburg, in the office of the Chief Prosecutor of the Holy Synod at different times of your life. The study provides strong evidence that service as an official of the spiritual Department had its own unique features in the Russian Empire.

Keywords: ecclesiastical consistory, Voronezh diocese, bureaucracy, consistorial secretary, career scenario.

For citation: Kremeneva M.S. 2021. The career scenario of an official of the Ecclesiastical Department in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of the secretaries of the Voronezh ecclesiastical consistory). Via in tempore. History and political science, 48 (1): 159–166 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-159-166.

В последнее десятилетие в исследованиях социально-гуманитарной тематики всё чаще стало фигурировать такое понятие, как «жизненный сценарий». Преимущественно оно используется социологами и психологами (реже философами и культурологами), которые стремятся проанализировать и выявить закономерности в развитии тех или иных групп людей. В этой сфере наибольшего внимания заслуживают работы Т.Р. Вакилева [Вакилев, 2013], Л.Ю. Логуновой [Логунова, 2016], И.А. Мизиновой [Мизинова, 2013], С.Н. Петросьян [Петросьян, 2016] и З.И. Рябикиной [Петросьян, Рябикина, 2016], А.А. Чекалиной [Чекалина, 2011]. Отталкиваясь от определения «сценарности», которое фигурирует в их исследованиях, мы формулируем соответствующую дефиницию. Так, «карьерный сценарий» – это некая упорядоченность или заданность хода событий относительно профессионального становления и восхождения по служебной лестнице той или иной личности.

В частности, в нашей работе рассматривается карьерный сценарий главного чиновника в провинциальном Духовном ведомстве – секретаря Духовной консистории. Временные рамки исследования ограничены второй половиной XIX в., когда система духовных консисторий прошла более чем двадцатилетний период своей институциональной истории после введения «Устава духовных консисторий» 1841 г. и началом 1917 г., когда в результате революционных событий система регионального церковного управления претерпела качественные изменения.

Уже с начала XIX в. базовым принципом в организации гражданской службы (после того, как были учреждены министерства) стал принцип единоначалия как учреждения [Шатохин, 2006, с. 56]. Духовная консистория была поставлена под контроль светских властей [Скутнев, Скутнева, 2017, с. 88]. Так, её канцелярия состояла исключительно из светских чиновников [Курилкин, 2009, с. 120]. Её возглавлял секретарь, назначаемый в должность по предложению обер-прокурора Святейшего Синода [Фёдоров, 2003, с. 20]. Консисторский секретарь находился в двойном подчинении: сотрудничал с епархиальным архиереем, но в то же время в первую очередь подчинялся синодальному обер-прокурору [Лескин, 2017, с. 192]. Так, он осуществлял общий надзор за канцелярией, а также следил за правильностью ведения делопроизводства [Комиссаров, 2012, с. 155]. Как отмечает исследователь Э.В. Фролова, по сравнению с членами присутствия, секретарь обладал намного большим влиянием на деятельность консистории как органа епархиального управления [Фролова, 2015, с. 192].

Исследование важных вех в профессиональной жизни и деятельности консисторских секретарей проводилось нами в русле антропологического подхода. Ведущими в этой работе являлись компаративный и историко-биографический методы, а также метод просопографии. Главным источником информации выступили формулярные списки секретарей, служивших в канцелярии Воронежской духовной консистории. Стоит отметить, что в целом такие послужные списки содержат в себе большой объём информации о чиновнике, включая его социально-демографические и биографические данные, информацию о трудовой деятельности и служебные характеристики [Башкова, 2017, с. 3].

Так, анализируя и сравнивая вехи продвижения по карьерной лестнице чиновников Духовного ведомства, которые отразились в послужных списках, нами были обнаружены тождественные маркеры в их профессиональной мобильности.

В фондах 796 (Канцелярия Синода) и 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода) Государственного исторического архива (РГИА) нами были отобраны для сопоставления послужные списки следующих консисторских секретарей, занимавших эту должность в пределах Воронежской епархии в рассматриваемый период (расположены в хронологической последовательности пребывания в должности):

– Зеленский Михаил Иванович;
– Касаткин Александр Николаевич;
– Невоструев Александр Николаевич;
– Правдин Александр Матвеевич;
– Беллавин Пётр Павлович.

В соответствии с информацией, нашедшей своё отражение в формулярах, мы определили следующие критерии для сравнения продвижения по службе:

а) образование;
б) первое место службы;
в) место службы, предшествовавшее занятию должности консисторского секретаря;
г) последнее место службы;
д) прочие карьерные вехи;
е) чин в должности секретаря духовной консистории;
ж) награды за время служебной деятельности.

Зеленский Михаил Иванович обучался в Воронежской семинарии. По исключении из её среднего отделения в 1835 г. поступил на службу в Воронежскую духовную консисторию копиистом [37]. В 1843 г. он стал занимать должность столоначальника, но только в 1848 г. в ней был утверждён. С 1850 г. по 1853 г. с перерывом исправлял должность помощника секретаря консистории. В 1853 г. был определен помощником секретаря с поручением должности секретаря. Через полтора года стал непосредственно секретарём Воронежской духовной консистории, коим и являлся до 1869 г. [38] За это время М.И. Зеленский был повышен в чине (вступал в должность губернским секретарём, а с 1865 являлся уже надворным советником). Сразу после увольнения от должности консисторского секретаря был причислен к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сверх штата. В ней в 1872 г. он окончил свою профессиональную деятельность (в чине коллежского советника).

Во время службы в должности консисторского секретаря Михаил Иванович получил бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. Служа в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, в 1872 г. был пожалован кавалером ордена Святой Анны III степени [39].

Стоит отметить, что также М.И. Зеленский, когда был столоначальником, привёл в порядок архивные дела. Также долгое время он совмещал свою службу в духовной консистории с должностью секретаря Воронежского епархиального попечительства о бедных духовного звания (с 1847 по 1867 гг.) [40].

Касаткин Александр Николаевич окончил курс наук в Смоленской духовной семинарии в 1853 г. и сразу же по окончании поступил на службу в её Правление письмоводителем [41]. С 1854 г. началась его карьера в роли канцелярского чиновника. Так, через несколько месяцев после поступления на службу в канцелярию Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора он был назначен помощником канцелярского секретаря. В 1857 г. был определён канцелярским чиновником в канцелярию обер-прокурора

[37] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 39. Отд. 1. Ст. 1. Д. 223. Л. 1 об.
[38] Там же. Л. 4 об.
[39] Там же. Л. 6 об.
[40] Там же. Л. 2 об.
[41] РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 1. Ст. 1. Д. 140. Л. 1 об.

Святейшего Синода, в 1858 г. стал младшим помощником столоначальника, а перед переводом в Воронеж занимал должность столоначальника (с 1867 г.).

Так, в 1869 г. Александр Николаевич по определению Святейшего Правительствующего Синода был определён секретарём Воронежской духовной консистории [42]. На тот момент он имел чин надворного советника. В этой должности он прослужил 9 лет и окончил её в чине коллежского советника. Стоит отметить, что за это время А.Н. Касаткин также являлся делопроизводителем Воронежского епархиального комитета Православного миссионерского общества.

В 1878 г. был уволен от должности секретаря и одновременно причислен к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сверх штата. Ровно через год его назначили исполняющим обязанности секретаря в Екатеринославскую духовную консисторию. В 1881 г. ему был присвоен чин статского советника.

Необходимо отметить, что за время своей профессиональной деятельности непосредственно в должности секретаря консистории Александра Николаевича наградили в 1870 г. орденом Святой Анны II степени. С 1867 г. А.Н. Касаткин являлся кавалером ордена Святого Станислава II степени, был удостоен бронзовой медали на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. (1856 г.) [43].

Невоструев Александр Николаевич окончил курс наук в Московской духовной академии в 1862 г. После этого он несколько лет служил преподавателем истории (русской, всеобщей и т. д.) сначала в Костромской семинарии, а потом в Костромской гимназии и Костромском Григоровском женском первого разряда училище. С 1868 г. А.Н. Невоструева определили помощником столоначальника в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода [44]. Спустя два года службы его назначили секретарём Екатеринославской духовной консистории (на этот момент он имел чин коллежского секретаря). Примечательно, что во время пребывания в Екатеринославской епархии он также являлся редактором местных Епархиальных ведомостей (на протяжении 5 лет) [45]. В 1879 г. был перемещён в Воронежскую духовную консисторию на должность секретаря, в которой и прослужил вплоть до своей смерти. Он скончался в 1882 г., на этот момент был в чине коллежского советника.

За время свой службы в должности секретаря духовной консистории Александр Николаевич был удостоен следующих орденов: Святого Станислава III степени и Святой Анны III степени [46].

Правдин Александр Матвеевич обучался в Санкт-Петербургской духовной академии и окончил её магистрантом по историческому отделению в 1871 г., был одним из лучших студентов курса [Поликарпов, 1908, с. 2]. В том же году он (сверх штата) был причислен к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, и в ней прослужил несколько лет. Затем, уже имея чин титулярного советника, в 1874 г. был назначен секретарём Саратовской духовной консистории [47]. В 1882 г. Александр Матвеевич был переведен на ту же должность в Воронежскую епархию, в которой впоследствии прослужил 24 года (дослужился до чина коллежского советника) [Звягинцева, 2017, с. 32]. В сентябре 1906 г. его назначили прокурором Грузино-Имеретинской синодальной конторы, но трудился А.М. Правдин там только чуть более года [К переходу из Воронежской епархии А.М. Правдина, 1906, с. 1029]. 2 декабря 1907 г. он скончался, на этот момент имел чин статского советника [Александр Матвеевич Правдин, 1908, с. 22].

---

[42] Там же. Л. 9 об.
[43] Там же. Л. 29 об. – Л. 30 об.
[44] РГИА. Ф. 796. Оп. 50. Отд. 1. Ст. 1. Д. 124. Л. 6 об.
[45] Там же. Л. 9 об.
[46] Там же. Л. 4 об.
[47] РГИА. Ф. 797. Оп. 76. Отд. 1. Ст. 1. Д. 92. Л. 4 об.

Стоит отметить, что Александр Матвеевич, пребывая в должности консисторского секретаря, в каждой епархии упорядочивал делопроизводство, исследовал её церковную историю и писал об этом статьи [Введенский, 1908, с. 39]. Также он являлся редактором официальной части местных Епархиальных ведомостей. В 1901 г. по его инициативе был основан Воронежский церковно-археологический комитет [Никольский, 1908, с. 34].

За всё время своей профессиональной деятельности в должности консисторского секретаря был удостоен следующих орденов: Святого Станислава III и II степени, Святой Анны III и II степени, Святого Владимира IV степени [48].

Беллавин Пётр Павлович обучался в Казанской духовной академии и окончил её в 1895 г. со степенью кандидата богословия. В этом году он также начал карьеру как чиновник в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (сверх штата). В июне-августе 1897 г. П.П. Беллавин являлся исполняющим обязанности секретаря Святейшего Синода, а в октябре того же года был назначен исполняющим должность секретаря в Екатеринбургскую духовную консисторию (на этот момент имел чин коллежского секретаря), и в 1899 г. был в должности утверждён [49]. После служил секретарём в Таврической духовной консистории (1902–1905 гг.), в первой экспедиции Московской духовной консистории (1905–1913 гг.). К сожалению, послужной список оканчивается 1909 г., но, согласно данным Адрес-календарей, нами выявлено, что с 1914 г. и до конца синодального периода он занимал должность консисторского секретаря в Воронежской епархии [Адрес-календарь, 1916, с. 1268]. Служа в Воронежской епархии, был коллежским советником (с 1911 г.).

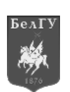
Примечательно, что во время службы в различных епархиях он также являлся редактором официального отдела местных Епархиальных ведомостей, членом местного Императорского православного Палестинского общества, членом местного училищного совета.

За время своей служебной деятельности (только до 1909 г.) получил следующие ордена: Святого Станислава III степени, Святой Анны и Святого Станислава II степени. Также имел серебряную медаль на груди на двойной Владимирской и Андреевской ленте, учреждённую в память 25-летия существования церковно-приходских школ [50].

Таким образом, проанализировав и сопоставив данные, полученные в ходе нашего исследования, мы реконструировали карьерный сценарий чиновника Духовного ведомства во второй половине XIX – начале XX вв. Отправной точкой начала карьеры было получение образования в духовном учебном заведении. На протяжении рассматриваемого периода наблюдается повышение образовательного уровня секретарей: если М.И. Зеленский имел семинарское образование, то П.П. Беллавин – ученую степень. Далее следовали несколько лет канцелярской службы, непосредственная работа в сфере делопроизводства. Преимущественно это была служба в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (под данный пункт не подходит только персона М.И. Зеленского, но это отступление можно объяснить тем, что он поступил на службу в Духовную консисторию в первой половине XIX в., ещё до принятия Устава Духовных консисторий 1841 г.). Прослужившего в канцелярии несколько лет молодого чиновника, если он достойно зарекомендовал себя, обер-прокурор определял в ту или иную епархию на должность консисторского секретаря. Зачастую к этому моменту чиновник уже дослужился до чина коллежского секретаря (исключение также М.И. Зеленский – он стал им на следующий год после вступления в должность). Своеобразным продолжением профессии для секретарей консистории являлось участие в общественной жизни губернии в качестве редакторов региональных церковных периодических изданий, членов корпоративных и церковно-общественных организаций. Служебные заслуги секретарей отмечались государственными наградами, как правило, орденами Святой Анны или Святого Станислава второй или третьей степени.

---

[48] Там же. Л. 3 об.
[49] РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 567. Л. 2 об.
[50] Там же. Л. 1 об.

Список литературы

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 год. Часть I. 1916. СПб, Сенатская типография, 1526.

2. Александр Матвеевич Правдин. 1908. Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 1: 22.

3. Башкова И.С. 2017. Формулярный список как форма учёта служащих канцелярии Таврического губернатора в первой половине XIX в. Научный вестник Крыма, 4 (9): 1–6.

4. Вакилев Т.Р. 2013. Социальный и имущественный портреты местного чиновничества во второй половине XIX в. (по данным формулярных списков Пензенской губернии). Теория и практика общественного развития, 11: 310–313.

5. Введенский С.П. 1908. Памяти А.М. Правдина. Воронежская старина, 7: 39–40.

6. Звягинцева М.С. 2017. Секретарь Воронежской духовной консистории А.М. Правдин: историк и канцелярский чиновник. В кн.: Живая память – 2017: сборник научных трудов открытой конференции начинающих ученых и исследователей «Живая память – 2017» (с. Верхопенье, 5 мая 2017 г.). Белгород, ООО «Эпицентр»: 31–34.

7. К переходу из Воронежской епархии А.М. Правдина. 1906. Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 23: 1029–1034.

8. Комиссаров П.А. 2012. Кадровый состав Костромской духовной консистории во второй половине XIX – начале XX века. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 5: 167–170.

9. Курилкин И.Б. 2009. Структура епархиальных органов делопроизводства во второй половине XIX – начале XX века (на примере Оренбургской епархии). Вестник Челябинского государственного университета. Серия История, 41 (179): 119–122.

10. Лескин Д.Ю. 2017. Духовные консистории как явление самобытности отечественного государства и права: исторический аспект. В кн.: Перспективы государственно-правового развития в России в XXI веке: Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей (Ростов-на-Дону, 19 апреля 2017 г.). Ростов-на-Дону, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации: 190–195.

11. Логунова Л.Ю. 2016. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектоника. Вестник КомГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки, 1: 17–23.

12. Мизинова И.А. 2013. Жизненный сценарий личности: основные подходы к рассмотрению. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 14: 59–64.

13. Никольский П.В. 1908. Памяти А.М. Правдина. Воронежская старина, 7: 33–38.

14. Петросьян С.Н. 2016. Жизненный сценарий как бытийное пространство личности. Гуманизация образования, 2: 51–59.

15. Петросьян С.Н., Рябикина З.И. 2016. Современные подходы к проблеме жизненного сценария личности как социально-психологического феномена. Вестник АГУ, 3 (183): 123–135.

16. Поликарпов Н.И. 1908. Александр Матвеевич Правдин (2 декабря 1907 года). Биографический очерк. Воронежская старина, 7: 1–32.

17. Скутнев А.В., Скутнева С.В. 2017. Правовые основы формирования, организационная структура и деятельность духовных консисторий в XIX веке. Вестник гуманитарного образования, 6: 87–91.

18. Фёдоров В.А. 2003. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М, Русская панорама, 480.

19. Фролова Э.В. 2015. Статус секретаря духовной консистории в системе епархиального управления РПЦ синодального периода. Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 6 (56): 191–195.

20. Чекалина А.А. 2011. Профессиональные события в жизненных сценариях женщин-учителей. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология, 4 (18): 35–44.

21. Шатохин И.Т. 2006. Особенности и структура государственной службы Российской империи во второй половине XIX века. Современные наукоёмкие технологии, 1: С. 56–59.

References

1. Adres-kalendar'. Obshhaja rospis' nachal'stvujushhih i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravlenijam v Rossijskoj imperii na 1916 god. Chast' I. 1916 [Calendar address. General list of superiors and other officials in all departments in the Russian Empire for 1916. Part I]. SPb, Senatskaja tipografija, 1526 (in Russian).

2. Aleksandr Matveevich Pravdin. 1908 [Aleksander Matveevich Pravdin]. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. Neoficial'naja chast', 1: 22 (in Russian).

3. Bashkova I.S. 2017. Formuljarnyj spisok kak forma uchjota sluzhashhih kanceljarii Tavricheskogo gubernatora v pervoj polovine XIX v. [The official list as the form of the accounting of employees of office of the Taurian governor in the first half of the 19th century]. Nauchnyj vestnik Kryma, 4 (9): 1–6 (in Russian).

4. Vakilev T.R. 2013. Social'nyj i imushhestvennyj portrety mestnogo chinovnichestva vo vtoroj polovine XIX v. (po dannym formuljarnyh spiskov Penzenskoj gubernii) [Social and material images of the local officials in the second half of the 19 th century (case study of the service records of the Penza province)]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija, 11: 310–313 (in Russian).

5. Vvedenskij S.P. 1908. Pamjati A.M. Pravdina [For the memory of A.M. Pravdin]. Voronezhskaja starina, 7: 39–40 (in Russian).

6. Zvjaginceva M.S. 2017. Sekretar' Voronezhskoj duhovnoj konsistorii A.M. Pravdin: istorik i kanceljarskij chinovnik. V kn.: Zhivaja pamjat' – 2017: sbornik nauchnyh trudov otkrytoj konferencii nachinajushhih uchenyh i issledovatelej «Zhivaja pamjat' – 2017» (s. Verhopen'e, 5 maja 2017 g.) [Secretary of the Voronezh Spiritual Consistory A.M. Pravdin: Historian and Clerical Official. In the book: Living Memory – 2017: collection of scientific papers of the open conference of novice scientists and researchers «Living Memory – 2017» (Verkhopenye village, May 5, 2017)]. Belgorod, OOO «Jepicentr»: 31–34 (in Russian).

7. K perehodu iz Voronezhskoj eparhii A.M. Pravdina. 1906 [To the transition from the Voronezh diocese Pravdin A.M.]. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. Neoficial'naja chast', 23: 1029–1034 (in Russian).

8. Komissarov P.A. 2012. Kadrovyj sostav Kostromskoj duhovnoj konsistorii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Staff composition of Kostroma spiritual consistory in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova, 5: 167–170 (in Russian).

9. Kurilkin I.B. 2009. Struktura eparhial'nyh organov deloproizvodstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orenburgskoj eparhii) [The structure of diocesan office-work bodies in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of the Orenburg diocese)]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija, 41 (179): 119–122 (in Russian).

10. Leskin D.Ju. 2017. Duhovnye konsistorii kak javlenie samobytnosti otechestvennogo gosudarstva i prava: istoricheskij aspekt. V kn.: Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitija v Rossii v XXI veke: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii kursantov i slushatelej vuzov MVD Rossii, studentov gumanitarnyh vuzov, adjunktov, aspirantov i soiskatelej (Rostov-na-Donu, 19 aprelja 2017 g.) [Spiritual consistories as a phenomenon of the originality of the national state and law: a historical aspect. In the book: Prospects of state and legal development in Russia in the XXI century: Collection of materials of the All-Russian scientific and theoretical conference of cadets and listeners of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, students of humanitarian universities, adjuncts, graduate students and applicants (Rostov-on-Don, April 19, 2017)]. Rostov-na-Donu, Rostovskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii: 190–195 (in Russian).

11. Logunova L.Ju. 2016. Biograficheskij metod v issledovanii lichnosti: metodologija i arhitektonika [Biographical method in the study of personality: methodology and architectonics]. Vestnik KomGU. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki, 1: 17–23 (in Russian).

12. Mizinova I.A. 2013. Zhiznennyj scenarij lichnosti: osnovnye podhody k rassmotreniju [The vital script of the personality: the basic approaches to consideration]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika, 14: 59–64 (in Russian).

13. Nikol'skij P.V. 1908. Pamjati A.M. Pravdina [For the memory of A.M. Pravdin]. Voronezhskaja starina, 7: 33–38 (in Russian).

14. Petros'jan S.N. 2016. Zhiznennyj scenarij kak bytijnoe prostranstvo lichnosti [Life script as individual’s existential space]. Gumanizacija obrazovanija, 2: 51–59 (in Russian).

15. Petros'jan S.N., Rjabikina Z.I. 2016. Sovremennye podhody k probleme zhiznennogo scenarija lichnosti kak social'no-psihologicheskogo fenomena [Current approaches to the problem of personality life script as social and psychological phenomenon]. Vestnik AGU, 3 (183): 123–135 (in Russian).

16. Polikarpov N.I. 1908. Aleksandr Matveevich Pravdin (2 dekabrja 1907 goda). Biograficheskij ocherk [Alexander Matveevich Pravdin (December 2, 1907). Biographical sketch]. Voronezhskaja starina, 7: 1–32 (in Russian).

17. Skutnev A.V., Skutneva S.V. 2017. Pravovye osnovy formirovanija, organizacionnaja struktura i dejatel'nost' duhovnyh konsistorij v XIX veke [Legal bases of formation, organizational structure and activities of the spiritual consistories in the nineteenth century]. Vestnik gumanitarnogo obrazovanija, 6: 87–91.

18. Fjodorov V.A. 2003. Russkaja Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period. 1700–1917 [Russian Orthodox Church and State. Synodal period. 1700–1917]. M, Russkaja panorama, 480 (in Russian).

19. Frolova Je.V. 2015. Status sekretarja duhovnoj konsistorii v sisteme eparhial'nogo upravlenija RPC sinodal'nogo perioda. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie [Status of secretary of Ecclesiastical consistory in the system of diocesan administration of the Russian Orthodox Church of the synodal period]. Voprosy teorii i praktiki, 6 (56): 191–195 (in Russian).

20. Chekalina A.A. 2011. Professional'nye sobytija v zhiznennyh scenarijah zhenshhin-uchitelej. [Professional events in life scripts of women-teachers]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: pedagogika i psihologija, 4 (18): 35–44 (in Russian).

21. Shatohin I.T. 2006. Osobennosti i struktura gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka [Features and structure of the civil service of the Russian Empire in the second half of the 19th century]. Sovremennye naukojomkie tehnologii, 1: S. 56–59 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кременева Марина Сергеевна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Kremeneva, Postgraduate Student, Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(47).084.8
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-167-176

Хорваты в боях против советских войск под Харьковом осенью 1941 года

Л.Х. Муромцева
Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86
E-mail: muromtseva-2020@inbox.ru

Аннотация. Одной из первых воинских частей, сформированных в Независимом Государстве Хорватия (существовало в течение 1941–1945 гг.), стал 369-й усиленный хорватский полк. Эта добровольческая часть была отправлена на Восточный фронт, где вошла в состав 100-й легкой пехотной дивизии вермахта. В течение октября – начала ноября 1941 г. хорватские легионеры вели боевые действия на Харьковском направлении против 76-й горно-стрелковой дивизии и других соединений советской 38-й армии. Понеся серьезные потери, хорватские военнослужащие, как свидетельствовали показания перебежчиков и пленных, начали разочаровываться в своем выборе и терять веру в победу нацистской Германии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 369-й усиленный хорватский полк, Харьковская оборонительная операция 1941 года.

Для цитирования: Муромцева Л.Х. 2021. Хорваты в боях против советских войск под Харьковом осенью 1941 года. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 167–176. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-167-176.

Croats in battles against Soviet troops near Kharkov in autumn 1941

Ljudmila Kh. Muromtseva
Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., 394043, Voronezh, Russia,
E-mail: muromtseva-2020@inbox.ru

Abstract. One of the first military units formed in the Independent State of Croatia (existed during 1941–1945) was the 369th Reinforced Croatian Regiment. This volunteer unit was sent to the Eastern Front, where it became part of the 100th Light Infantry Division of the Vermacht. During October – early November 1941, Croatian legionnaires fought in the Kharkov direction against the 76th Mountain Rifle Division and other formations of the Soviet 38th Army. The fighting in the first half of October did not lead to a noticeable advance of the Croatian and German units, since the Soviet troops as a whole firmly held the defended line. Only after the directive of the Headquarters on the withdrawal of the troops of the Southwestern Front to the Seversky Donets line, the 38th Army began to withdraw, and the Germans and Croats proceeded to the pursuit operation. The fighting on the eastern bank of the Seversky Donets continued until the beginning of November 1941, after which both opposing sides went over to the defensive and Croatian units were withdrawn to the rear. Having suffered serious losses, Croatian servicemen, as testified by the testimony of defectors and prisoners, began to be disappointed in their choice and to lose faith in the victory of Nazi Germany.

Keywords: Great Patriotic War, 369th reinforced Croatian regiment, Kharkov defensive operation 1941.

For citation: Muromtseva L.Kh. 2021. Croats in battles against Soviet troops near Kharkov in autumn 1941. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 167–176 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-167-176.

Введение

Харьковская (Сумско-Харьковская) оборонительная операция октября 1941 г. не относится к числу наиболее исследованных в отечественной исторической науке операций РККА начального периода Великой Отечественной войны. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что боевые действия на Харьковском направлении 1–29.10.1941 г. не получили освещения ни в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», ни в двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.», ни в последнем фундаментальном исследовании истории войны – двенадцатитомном издании под эгидой Министерства обороны и под председательством генерала армии С.К. Шойгу «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Между тем Харьковская операция 1941 г. была не самой неудачной среди других операций Красной армии первых месяцев войны. Хотя по ее итогу советские войска были вынуждены оставить Харьков, но не были ни окружены, ни разбиты, и не беспорядочно отступили, а совершили плановый отход в соответствии с приказом Ставки ВГК, после чего перешли к обороне на указанном последнем рубеже Северского Донца, который в дальнейшем прочно удерживали до мая 1942 г., т. е. до второй битвы за Харьков. В результате проведенной оборонительной операции войска левого крыла немецкой группы армий «Юг» были обескровлены и принуждены более чем на полгода остановить наступательные действия, что явилось значимым фактором из числа тех, что в последующем привели к коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и, в конечном счете, к окончательной победе Советского Союза над гитлеровской Германией, ее союзниками и сателлитами.

Относительно последних следует отметить, что в боях октября 1941 г. под Харьковом принимали участие не только немецкие войска; здесь в составе 100-й легкой пехотной дивизии вермахта вел боевые действия 369-й усиленный хорватский пехотный полк. Эти действия в нашей исторической науке также остаются практически неизученными. В имеющихся статьях по теме [Русак, 2001; Милич, 2005; Романько, 2013] харьковские бои хорватских подразделений не освещены, к тому же в работах последних авторов [Милич, 2005, с. 385; Романько, 2013, с. 75] упоминается о боях, которые хорватские легионеры вели в районах населенных пунктов Петрушаны, Кременчуг, Полтава, Первомайск и др., между тем как на самом деле в ряде из них вела боевые действия 100-я ЛПД еще без 369-го хорватского ПП, а через ряд других 369-й полк только двигался по железной дороге и маршем на фронт. Иная ситуация в зарубежной историографии: и в истории боевого пути 100-й легкопехотной (позднее – егерской) дивизии Х. Нейдхардта [Neidhardt, 1981], и в сравнительно недавно вышедшей 588-страничной монографии А. Обходаса и Дж. Марка, непосредственно посвященной боевым действиям 369-го хорватского полка на Восточном фронте [Obhodas, Mark, 2010], октябрьским 1941 г. боям на Харьковском направлении посвящено по несколько страниц, однако авторы опираются исключительно на немецкие и хорватские источники и излагают события в соответственно хорватской и немецкой перспективе. В связи с этим представляется, что в год восьмидесятилетия Первой битвы за Харьков 1941 года исследование участия в ней войск одного из гитлеровских сателлитов, основанное на анализе архивных документов Центрального архива Министерства обороны РФ с задействованием сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов и метода системного анализа, будет и актуальным, и своевременным.

Хорватские легионеры отправляются на фронт

369-й усиленный хорватский пехотный полк являлся добровольческой частью, сформированной в Независимом Государстве Хорватия, просуществовавшем с 1941 по 1945 г. в качестве итало-германского протектората под властью ультранационалистического профашистского режима усташей, получившего печальную известность вследствие практиковавшегося им террора и геноцида в отношении этнических меньшинств страны

[Любомирова И., 2001, с. 179–189; Фрейдзон, 2001, с. 255; Эванс, 2011, с. 178–180; Югославия…, 2011, с. 394–396].

После обучения часть под командованием полковника И. Маркуля в августе 1941 г. была отправлена на Восточный фронт для того, чтобы руководство НГХ (А. Павелич, С. Кватерник) могло продемонстрировать гитлеровской Германии свою лояльность и поддержку [Гальдер, 1971; Семиряга, 2000; Дробязко, Романько, Семенов, 2011; Романько, 2013; Великая Отечественная война…, 2015]. Часть была направлена в 100-ю легкую пехотную дивизию (командир – генерал-лейтенант В. Занне) 55-го армейского корпуса 17-й полевой армии группы армий «Юг». Дивизия считалась легкой, так как была не трех-, а двухполкового состава; усиление ее еще одним полком давало командиру дивизии надежду на более существенные успехи в боевых действиях против частей советской 38-й армии (командующий – генерал-майор В.В. Цыганов) на Харьковском направлении, где данное соединение, несмотря на многочисленные атаки, в течение двух недель с 27 сентября по 10 октября 1941 г., когда к немцам присоединились хорваты, практически не имело продвижения [Мюллер-Гиллебранд, 2002; Романько, 2004; Милич, 2005; Вохмянин, Подопригора, 2008; Вохмянин, Подопригора, 2009].

По прибытии 369-го хорватского полка в 100-ю легкую пехотную дивизию первый был разделен в соответствии с тем, какая немецкая часть отвечала за обучение конкретного хорватского подразделения. 1-й хорватский батальон вместе с 14-й противотанковой ротой был передан под командование 54-го ПП, 2-й батальон – под командование 227-го ПП, артиллерийский дивизион вошел в состав 83-го АП, 11-я самокатная рота – в состав авангарда (Vorausabteilung – передовой отряд); 3-й батальон, полковой штаб и остальные подразделения 369-го ПП составили резерв 100-й ЛПД. Этот порядок был оформлен в приказе командира 100-й ЛПД № 263/41 от 12 октября 1941 г.; вероятно, что немецкое командование не только стремилось повысить уровень подготовки и укрепить дисциплину новой части, но пока что просто не слишком доверяло хорватам. Командиру хорватского полка также не очень понравилось, что его часть фактически перестала быть самостоятельной войсковой единицей, по поводу чего он вступил в переписку с Загребом [Neidhardt, 1981; Русак, 2001; Obhodas, Mark, 2010].

Первая встреча с Красной армией

Между тем положение на фронте было таково, что хорватским подразделениям практически с первого дня пришлось не только и даже не столько заниматься завершением своей боевой подготовки, сколько принимать непосредственное участие в боевых действиях, будучи используемыми даже не побатальонно, а поротно и повзводно. 10 октября 227-й и 54-й ПП атаковали части 76-й горно-стрелковой дивизии под командованием генерал-майора К.И. Горюнова юго-восточнее Искровки, но продвижения не имели и отошли на исходные позиции. После безуспешной атаки 1-я рота 1-го хорватского батальона была вызвана из резерва и передана под командование 2-го ПБ 54-го ПП, развернувшись между 1-м и 2-м ПБ [Obhodas, Mark, 2010, с. 41] [51]. На следующий день части 100-й ЛПД вместо продолжения атак перешли к обороне, при этом 1-й хорватский батальон был распределен поротно между тремя батальонами 54-го ПП, а две роты 2-го батальона сменили на позициях две роты 227-го ПП. С немецкой стороны действовало несколько усиленных патрулей, в состав которых были включены и хорваты. Хорватской пулеметной ротой, размещенной в Степановке, был сбит советский легкий бомбардировщик, в то же время в ходе советской бомбардировки линии обороны 227-го ПП было убито двое и ранено трое легионеров из состава 8-й роты [Neidhardt, 1981, с. 128; Obhodas, Mark, 2010, с. 41, 45]. 12 октября продолжалось временное затишье, только на правом фланге 76-й ГСД 3-й СБ

[51] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 229. Оп. 161. Д. 177. Л. 44; Ф. 1410. Оп. 1. Д. 17. Л. 187; Ф. 6529. Оп. 0002641 сс. Д. 0007. Л. 53–54.

434-го СП овладел Пашенков, потеснив 2-й ПБ 54-го ПП; немецкая и хорватская артиллерия из Кочубеевки вела огонь по позициям 93-го ГСП в районе Ровны, который при поддержке 560-го ГАП воспрепятствовал продвижению группы противника, действовавшего с юго-восточной окраины Кочубеевки в направлении правого фланга [Obhodas, Mark, 2010, c. 54] [52]. На следующий день артиллерийская дуэль продолжалась, 83-й АП 100-й ЛПД с приданными частями 6 артдивизионами (18 батарей) вел огонь по Искровке, но эффект обстрела был незначительным и изменений в положении частей 76-й ГСД не произошло [Obhodas, Mark, 2010, c. 54] [53]. 14 октября обмен артиллерийскими ударами продолжился, но дело этим не ограничилось: 434-й СП вновь овладел северо-западной окраиной Пашенков, но был остановлен контратаками перегруппировавшихся немецких и хорватских подразделений (1-й ПБ 369-го ПП) в районе Шелестово, Петропавловка, 137-й ГСП овладел рощей в 1 км юго-западнее ст. Искровка, но также был вынужден отойти назад, а во второй половине дня продолжил наступательные действия силами мелких групп [Neidhardt, 1981, c. 129; Obhodas, Mark, 2010, c. 41] [54]. 15 октября правофланговые 434-й СП и 137-й ГСП наступали в прежних направлениях на Петропавловку, Шелестово и Рябковку. Подразделения 54-го ПП и хорватского 1-го ПБ отвечали контратаками, в результате чего хорваты вновь овладели Петропавловкой, потеряв при этом 4 чел. убитыми и 6 ранеными [Neidhardt, 1981, c. 129–130; Obhodas, Mark, 2010, c. 41–43] [55].

Таким образом, бои в районе Кочубеевки продолжались уже свыше двух недель, и если 76-й ГСД не удалось выполнить поставленную задачу на наступление, то и 100-я ЛПД, в состав которой был включен 369-й хорватский ПП, с 27 сентября по 15 октября 1941 г. фактически не смогла продвинуться вперед. Однако на правом фланге 38-й и левом фланге 21-й армий Юго-Западного фронта к середине октября сложилась опасная ситуация: противник активно продвигался на Богодуховском направлении, так что линия фронта первой стала представлять собой оперативный выступ, грозивший превратиться в «мешок». Более того, активные наступательные действия противника против войск соседних Брянского и Южного фронтов привели к тому, что в полуохвате с флангов оказался ЮЗФ в целом. Чтобы избежать риска возможного удара подвижных войск противника с флангов и прорыва их в тыл, а также с целью спрямления и сокращения линии фронта, Ставкой было принято решение об отводе войск ЮЗФ (и, соответственно, правофланговой 12-й армии ЮФ, подчиняемого с 16.10.1941 г. ЮЗФ) на новую линию обороны. Директивой № 003010 от 15.10.1941 г. фронту была поставлена задача в период с 17 по 30 октября отвести войска на линию Касторное, Старый Оскол, Новый Оскол, Валуйки, Купянск, Лиман, после чего вывести в резерв 6 стрелковых дивизий и 2 кавкорпуса [Баграмян, 1971, с. 385–388; Русский архив…, 1996, с. 245].

От Перекопа до Северского Донца: бои и потери

Из-за прорыва немецкой 1-й танковой армии на Ростовском направлении отвод войск ЮЗФ начался на сутки раньше. Командир 76-й ГСД приказом № 04 от 4.00 16.10.1941 г. поставил перед частями задачу, прикрываясь арьергардами (батальон от 434-го СП и по стрелковой роте от 137-го, 216-го и 93-го ГСП), отойти на промежуточный рубеж: (иск.) х. Дергачи, Перекоп, (иск.) Снежков Кут [56]. К исходу дня части дивизии были отведены на новый рубеж и заняли позицию между 212-й СД и 47-й ГСД в полосе: свх. Перебудова, свх. южнее железной дороги Высокополье – Ковяги, 500 м западнее Перекоп, к. Левендало, х. Илюховка, х. Контакузово, х. Корсуновка [57]. Установив разными видами разведки

---

[52] ЦАМО. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 17. Л. 187; Ф. 6529. Оп. 0002641 сс. Д. 0007. Л. 58.
[53] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 177. Л. 57; Ф. 6529. Оп. 0002641 сс. Д. 0007. Л. 60.
[54] Там же. Л. 61.
[55] Там же. Л. 66.
[56] Там же. Л. 66.
[57] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 177. Л. 65; Ф. 6529. Оп. 0002641 сс. Д. 0007. Л. 67.

отход советских войск, противник перешел к преследованию. В 15.00 подразделения 54-го ПП, в том числе 1-й хорватский ПБ, начали выдвижение к ст. Коломак, 227-го ПП со 2-м хорватским ПБ – к ст. Искровка. Через п. Коломак отходили на восток 137-й и 216-й ГСП, арьергард занял позицию в Белоусове. К исходу дня обе станции были заняты противником, а утром 17 октября 1-й хорватский ПБ атаковал арьергард 76-й ГСД, отошедший на восточный берег р. Коломак. Мост через реку был взорван, но хорваты сумели переправиться и оттеснить советскую пехоту, после чего саперный батальон 100-й ЛПД вместе с хорватским саперным взводом укрепили оставшийся неповрежденным другой мост и противник продолжил преследование. Вперед был выдвинут авангард, в состав которого вошли подразделения дивизионного разведбата, роты самокатчиков немецких и хорватского полков, саперные и противотанковые подразделения [Neidhardt, 1981, с. 131–132; Obhodas, Mark, 2010, с. 43, 45, 49, 55] [58].

В 12.00 17 октября штаб 76-й ГСД сообщал в штаб 38-й армии о занятии рубежа, проведении окопных работ и о том, что «противник активных действий не проявляет (полное затишье)» [59]. Однако затишье продолжалось недолго: в 14.00 противник открыл артиллерийский огонь из Высокополья по позициям 434-го СП, затем огонь открыли подошедшие к переднему краю немецкие танки, в результате чего полк оставил свх. Перебудово и отошел на юг к высоте 156,3 [60]. В то же время у немцев и хорватов дела обстояли немногим лучше: авангард 100-й ЛПД, двигаясь по дороге на Валки, в районе Бровкивка попал под огонь советской артиллерии. Хорватская 11-я рота была отправлена на разведку по северному ответвлению дороги в направлении Перекоп, где попала под огонь всех видов оружия 216-го и 137-го ГСП, поддерживаемых взводом 100-го ПТБ и двумя танками, была прижата к земле и только с наступлением темноты смогла отойти в лес у развилки дорог; потери составили 6 чел. убитыми, в т. ч. 1 офицер, и 20 ранеными [Neidhardt, 1981, с. 132; Obhodas, Mark, 2010, с. 49–50]. На следующий день в районе Ковяги, Перекоп, Илюховка, Контакузово разгорелись ожесточенные бои. 54-й ПП наступал на позиции 76-й ГСД на левом фланге, 227-й ПП – на правом фланге. Под прикрытием тумана, используя поддержку не только полевой, но и самоходной артиллерии 197-го дивизиона штурмовых орудий, подразделения 227-го ПП атаковали оборону 216-го ГСП между Перекопом и Илюховкой. Наступающие оказались под огнем гаубиц 560-го ГАП из Контакузово, понесли потери и на время остановились (216-м ГСП были захвачены трофеи: пулеметы, автоматы, винтовки и др.), но через некоторое время прорвались в глубину обороны полка и вышли с фланга в район огневой позиции 3-й батареи, командир и бойцы которой не отступили, приняли бой и, защищаясь до последнего, к 21.00 героически погибли в полном составе вместе с командиром и комиссаром. Артполк по приказу командира дивизии в ночь на 19 октября продолжил отход в район Буды, тогда как стрелковые части арьергардами продолжали удерживать рубеж до вечера 19.10.1941 г. (основные силы получили приказ на отход в район Березовое, Буды, Южный). 227-й ПП вместе с хорватскими подразделениями наступал через Илюховку в направлении Валки, 54-й ПП с 1-м и 2-м хорватскими батальонами с боем овладел Перекопом, защищаемым 137-м ГСП [61]. Этот бой дорого обошелся хорватам: 1-й и 2-й батальоны потеряли 17 чел. убитыми (в т. ч. 1 офицер и 2 унтер-офицера), 18 чел. ранеными (в т. ч. 1 офицер и 3 унтер-офицера) и 40 чел. пропавшими без вести (в т. ч. 1 унтер-офицер). Трое хорватских военнослужащих по результатам боя были награждены Железными крестами 2-го класса; как нетрудно заметить, деревянных крестов в тот день оказалось больше [Neidhardt, 1981, с. 133–134; Мельников, 2008, с. 125; Obhodas, Mark, 2010, с. 44, 48].

207-й ГСП и за ним 434-й СП отходили через Ковяги и Люботин на Березовое и Буду, 137-й и 98-й ГСП – через Валки на Буду, 216-й ГСП – через Валки на Южный; части

[58] Там же. Л. 67.

[59] ЦАМО. Ф. 393. Оп. 0008973. Д. 0043. Л. 191.

[60] Там же. Л. 186–187.

[61] ЦАМО. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 11. Л. 15; Д. 251. Л. 177; Ф. 6529. Оп. 0002641 сс. Д. 0007. Л. 68; Ф. 11598. Оп. 0000001. Д. 0001. Л. 8.

двигались по покрытым осенней грязью разбитым дорогам, подвергаясь ударам немецкой авиации. Сосредоточившись в указанных районах, 76-я ГСД уже утром 20 октября по приказу командования была в качестве армейского резерва отправлена маршем в северном направлении на Гавриловку, Пересечное, Полевое с целью усиления правого фланга 38-й армии, прикрывавшего Харьков с северо-запада, где наступала 101-я ЛПД, в то время как 57-я ПД действовала фронтально с запада, а 100-я ЛПД обходила город с юго-запада. Отход на восток и дальнейшее движение на север 76-й ГСД прикрывали с запада 300-я СД и с юга 47-я ГСД [Русский архив…, с. 251] [62].

После овладения Перекопом части 100-й ЛПД, ведя бои с арьергардами 300-й СД, двинулись на Валки и далее на Одрынку. 1-й хорватский ПБ двигался во втором эшелоне 54-го ПП, 2-й ПБ – с 227-м ПП, в маршевой колонне которого шел и отделенный 18.10.1941 г. от 83-го АП хорватский артдивизион после того, как поддержал огнем атаки свои войска при Перекопе. (Из-за истощения тягловой силы – 233 лошади вышли из строя – дивизион, потерявший за предшествующие дни двух человек пропавшими без вести и одиннадцать дезертировавшими, остановился на отдых в Валки и в дальнейших боях за Харьков участия не принимал.) Штаб 369-го ПП с 3-м ПБ двигались в дивизионном резерве. 20–21 октября части дивизии, не встречая существенного сопротивления отходящих 300-й СД и 47-й ГСД, достигли Караван, овладели Буда, подошли к Березовое (участок 300-й СД) и завязали бой за Мерефу (участок 47-й ГСД). Авангард 100-й ЛПД, включая хорватских самокатчиков, во взаимодействии с частями 57-й ПД занял Коротич, вступив здесь в бой с находившимися на марше частями 76-й ГСД, и двинулся в направлении Липовой Рощи и Филиппово, где в районе ст. Рыжов столкнулся с обороной 647-го СП только что сформированной 216-й СД, которая вместе с 57-й СБР НКВД в качестве гарнизона Харькова получила приказ удерживать город до 25 октября. Бой здесь окончился без явного преимущества с той и другой стороны, обе понесли потери и вернулись на исходные позиции (по отправленному в этот день рапорту штаба дивизии с момента пересечения Днепра потери 100-й ЛПД составили 1 746 чел.) [Баграмян, 1971, с. 393–394; Neidhardt, 1981, с. 134–137; Obhodas, Mark, 2010, с. 44, 49, 51–52, 55] [63].

22 октября 1941 г. бои на юго-западной окраине Харькова продолжались. Авангард и 54-й ПП 100-й ЛПД овладел Липовой Рощей (при этом 1-й хорватский ПБ имел боестолкновение в районе Высокого) и вел бой с частями 216-й СД за Филиппово; 227-й ПП занял Березовку и Покотиловку, где оборонялись остатки 300-й СД. Бои за Филиппово с участием хорватских подразделений дивизионного авангарда продолжались до 24 октября, после чего 54-й ПП был выведен в Липовую Рощу, а хорватский 1-й ПБ – в Ледное, оставаясь там до 28 октября, после чего был передислоцирован в Лосево, где соединился с другими подразделениями 369-го ПП (только хорватский саперный взвод вместе с саперным батальоном 100-й ЛПД продолжал работы по ремонту мостов, созданию переправ и разминированию до 22 ноября, только после чего присоединился к полку). 2-й ПБ был выведен с фронта 25 октября, когда части 57-й ПД окончательно овладели Харьковом, а войска 38-й армии начали отход через промежуточные рубежи по р. Рогань и р. Студеная на рубеж Северского Донца. 11-я самокатная рота в составе дивизионного авангарда участвовала в зачистке южной и юго-восточной окраин Харькова, где 26 октября имела боестолкновение в районе х. Федорцы. 216-я, 300-я, 199-я сд и 47-я ГСД отходили на Рогань и Каменную Яругу, по этой оси 27–28 октября двигался и авангард 100-й ЛПД (28.10.1941 г. дивизия была включена в состав 11-го АК 6-й армии генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау). В районе Каменной Яруги 29.10.1941 г. 11-я хорватская рота имела еще один бой, а 30 октября достигла Чугуева,

---

[62] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 177. Л. 72; Ф. 6529. Оп. 0002641 сс. Д. 0007. Л. 68; Ф. 11598. Оп. 0000001. Д. 0001. Л. 8.

[63] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 80. Л. 29; Д. 177. Л. 79; Ф. 11598. Оп. 0000001. Д. 0001. Л. 9.

обороняемого частями 47-й ГСД; авангард 100-й ЛПД, наступая вдоль железной дороги и шоссе, овладел городом [Obhodas, Mark, 2010, с. 55] [64].

Таким образом, 100-я ЛПД к концу октября 1941 г. своим авангардом вышла к Северскому Донцу, откуда хорватская рота была возвращена в состав 369-го полка. На этом рубеже наступление левого крыла группы армий «Юг» вследствие понесенных потерь, трудностей со снабжением и возросшим сопротивлением советских войск остановилось. (По предложению командования ЮЗФ Ставка утвердила новый рубеж обороны фронта восточнее прежде намеченной линии, чтобы прикрыть железнодорожную магистраль Касторное – Валуйки – Купянск – Лисичанск; новая линия, обозначенная в приказе штаба ЮЗФ № 0244/оп от 28.10.1941 г., проходила через Тим, Изюм и по Северскому Донцу до Ямполь) [Баграмян, с. 401–405; Русский архив…, 1996, с. 265; Obhodas, Mark, 2010, с. 53–54] [65].

Разведывательные рейды подразделений дивизионного авангарда на восточном берегу Северского Донца, где они имели боестолкновения с частями 47-й ГСД и 199-й СД, продолжались в начале ноября 1941 г. 47-я ГСД занимала позиции по восточному берегу реки Б. Бурлук от Шиповатово до Новоивановки, 199-я СД – южнее: (иск.) Новоивановка, (иск.) Балаклейка. Между советскими и немецкими позициями тем самым образовалась довольно широкая ничейная полоса, и обе стороны высылали навстречу друг другу разведывательные партии, а в дальнейшем и усиленные отряды, завязывавшие бои друг с другом в районах Граково, Гавриловка, Василенково, Коробочкино, Малиновка, Анновка, Печенеги. В течение второй декады ноября происходили довольно серьезные бои за Граково и Анновку между 617-м СП 199-й СД и 148-м ГСП 47-й ГСД и противником, в ходе которых населенные пункты не раз переходили из рук в руки. Советские части захватили 15 пленных и трофеи: 8 орудий, 4 миномета, 15 станковых и 9 ручных пулеметов, 30 винтовок, 1 радиостанцию, 4 повозки, 59 лошадей и другое военное имущество. Правда, их противником были части уже не 100-й ЛПД, а принявшей ее участок 297-й ПД (524-й ПП); первая (собственно, дивизионный авангард) 10.11.1941 г. была отведена за линию фронта [Neidhardt, 1981, с. 144] [66].

Хорваты в тылу и в плену

Части 100-й ЛПД были разбросанно расквартированы в Каменной Яруге, Рогани, Лосево, Харькове, Осмово и Боровом, занимаясь приведением в порядок вооружения, автомобильного и гужевого транспорта, тренировками личного состава, а также – между делом – грабежом гражданского населения. (Хорват-перебежчик С. Зимович на допросе 2.12.1941 г. рассказывал: «В г. Харькове немцы забирают хлеб, одежду и другие вещи, я видел, когда немцы на улице снимали с местного гражданина сапоги. Я в г. Харькове на Проспекте Сталина № 175 стоял на квартире у работницы Гущиной Надежды Андреевны. Она рассказывала, что у нее немцы забрали одежду, рубашки, платки, мыло, сахар и запасы хлеба вплоть до того, что забрали тесто, приготовленное для выпечки хлеба» [67].) Партизаны и подпольщики отвечали оккупантам нападениями и диверсиями, уничтожая вражеских солдат, офицеров и даже генералов (14.12.1941 г. в Харькове был взорван командир 68-й ПД генерал-майор Г. Браун с несколькими офицерами своего штаба), те, в свою очередь, проводили массовые аресты заложников и казни [Neidhardt, 1981, с. 145] [68].

[64] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 177. Л. 97–98.

[65] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 46. Л. 40–42; Оп. 161. Д. 15. Л. 5; Д. 46. Л. 293–296, 354; Д. 155. Л. 119, 214; Д. 177. Л. 84, 87, 97; Д. 119. Л. 411–412; Ф. 7712. Оп. 217866 с. Д. 1. Л. 98–99; Ф. 7712. Оп. 217866 с. Д. 1. Л. 98–99.

[66] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 178. Л. 2, 3, 8, 9, 12, 13, 18, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33; Оп. 161. Д. 37. Л. 241; Д. 47, Л. 155, 331, 383; Д. 48. Л. 118–122; Ф. 11247. Оп. 0000001. Д. 0005. Л. 393.

[67] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 22. Л. 89.

[68] Там же. Л. 89.

Хорватское подразделение из состава дивизионного авангарда было снято с фронта еще 5 ноября 1941 г. На следующий день генерал В. Занне издал приказ о возобновлении подготовки личного состава 369-го хорватского полка под руководством немецких офицеров и инструкторов. Хотя с 10 ноября общее руководство обучением было возложено на командира полка оберста И. Маркуля, на деле всем процессом распоряжались немцы во главе с оберст-лейтенантом А. Тьером. В каждую хорватскую роту для наблюдения за обучением были введены немецкие офицер, унтер-офицер и солдат, к полковому и батальонным штабам были прикомандированы военные чиновники, переводчики, медики и технические специалисты. По мнению немецкой стороны, значительная часть хорватских офицеров и унтер-офицеров все еще не соответствовали предъявляемым требованиям [Neidhardt, 1981, с. 142–143; Obhodas, Mark, 2010, с. 57–60].

Согласно официальным данным на 15 ноября, за время участия в боевых действиях хорватская часть потеряла 37 чел. убитыми, 76 ранеными и 52 пропавшими без вести, и к 21.11.1941 г. численность полка составляла 104 офицера, 5 военных чиновников, 495 унтер-офицеров и 3 185 солдат, всего 3 799 чел. Эта цифра объяснялась тем, что из Дёллерсхайма на фронт полк отбыл со сверхштатной численностью, что впоследствии подтверждали хорватские перебежчики и военнопленные. (Так, солдат Н. Янжек показывал, что на советско-германский фронт отправилось около 5 000 чел., но до позиций добралось около 4 000 чел., так как примерно 800 чел. по разным причинам отсеялись по пути, а около 200 чел. были отправлены из Харькова по решению военно-полевого суда в Германию; последний факт подтверждал и унтер-офицер С. Зимонич.) В любом случае, первый опыт сражений против Красной армии, полученный хорватскими легионерами в октябрьских боях на Харьковском направлении, сильно отличался от изначальных надежд на быструю и легкую военную прогулку. Относительно теплая украинская зима и сравнительно комфортабельные условия, в которых хорваты находились в период ноябрьского обучения в Лосево, казались им чересчур жесткими. Впрочем, до какой-то степени так оно и было: пленные свидетельствовали, что хорватские солдаты не имели зимнего обмундирования и получали не более 300 г хлеба, причем бывали случаи, что хлеба не получали в течение четырех дней. Соответственно, если в первые недели войны легионеры под влиянием немецкой пропаганды, в силу нахождения в тылу, хорошего питания и незначительности трудностей не проявляли недовольства и верили в победу немцев, то к зиме 1941 г. их настроение изменилось. По словам перебежчика Зимонича, в Харькове одни хорватский унтер-офицер бежал из части, переодевшись в гражданскую одежду, но был пойман и расстрелян; военнопленный И. Маленица, фельдфебель 4-й роты (пулеметной) 369-го ПП, рассказывал, что в его роте во время пребывания в Харькове застрелился унтер-офицер Ниджие Муйкович. Зимонич свидетельствовал, что ему часто приходилось слышать среди солдат, что они воюют не за себя, а за чужие интересы, и такое же настроение было среди офицеров, которые говорили, что воевать не за что, и это при том, что в войсках было развито доносительство, и если в артдивизионе арестовали 4 чел., то в пехотных подразделениях – 180 чел.; солдат отдавали под суд и осуждали на срок от 5 месяцев до 2 лет. «Мое отношение к войне Германии против Советского Союза такое, что я пошел бы бить немцев», – заявлял перебежчик [69].

Заключение

Подводя итоги исследования, следует сказать, что боевые действия 369-го усиленного хорватского пехотного полка в боях против советских войск на Харьковском направлении в октябре 1941 г. имели большое значение не столько для последних, сколько для самих хорватских легионеров. Хорваты участвовали в боях мелкими подразделениями в составе немецких частей, и боевая эффективность этих подразделений была по этой причине незначительной. В то же время первые боестолкновения с частями Красной армии,

[69] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 22. Л. 88–89; Ф. 228. Оп. 709. Д. 535. Л. 21–22, 25, 45 об.

первые понесенные в них потери, первые сложности со снабжением в условиях русского климата произвели сильное впечатление на хорватских добровольцев. Приведенные высказывания перебежчиков и пленных хорошо иллюстрируют перемену настроения хорватских военнослужащих, ставшую следствием первых более-менее серьезных боев на Восточном фронте, а впереди их было еще очень много…

Список литературы

1. Баграмян И.Х. 1971. Так начиналась война. М., Воениздат, 512.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. 2015. Т. 1. Основные события войны. М., Кучково поле, 976.
3. Вохмянин В.К., Подопригора А.И. 2008. Харьков, 1941. Часть 1. У края грозы. Харьков, Райдер, 100.
4. Вохмянин В.К., Подопригора А.И. 2009. Харьков, 1941. Часть 2. Город в огне. Харьков, Райдер, 148.
5. Гальдер Ф. 1971. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Том III. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941–24.09.1942). М., Воениздат, 367.
6. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. 2011. Иностранные формирования Третьего рейха. М., АСТ, Астрель, 830.
7. Мельников В.М. 2008. Харьков в огне сражений: «Забытый» 41-й. Харьков, СИМ, 523.
8. Милич А. 2005. Хорватские добровольцы в германском вермахте во Второй мировой войне. Крестовый поход на Россию. М., Яуза, 480.
9. Мюллер-Гиллебранд Б. 2002. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., Изографус, 800.
10. Романько О.В. 2004. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., АСТ, Транзиткнига, 312.
11. Романько О.В. 2013. Хорватские добровольческие формирования на советско-германском фронте (1941–1943). Военно-исторический архив, 9: 71–90.
12. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. 1996. Т. 16 (5–1). М., Терра, 448.
13. Семиряга М.И. 2000. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., РОССПЭН, 863.
14. Фрейдзон В.И. 2001. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., Алетейя, 318.
15. Эванс Р. 2011. Третий рейх. Дни войны. 1939–1945. М., Астрель, 942.
16. Югославия в ХХ веке: Очерки политической истории. 2011. М., Индрик, 888.
17. Любомирова И. 2001. Национализъм и национална политика в Независимата Хърватска Държава (1941–1945). София, С. Климент Охридски, 501.
18. Neidhardt H. 1981. Mit Tanne und Eichenlaub. Kriegschronik der 100. Jäger-Division, vormals 100 leichte Infanterie-Division. Graz, Stocker-Verlag, 468.
19. Русак А.В. 2001. Хорватські легіонери на Східному фронті 1941–1943 рр. Український історичний журнал, 2: 112–121.
20. Obhodas A., Mark J. 2010. Croatian Legion The 369th Reinforced (Croatian) Infantry Regiment on the Eastern Front 1941–1943. Sydney, Leaping Horseman Books, 600.

Referenses

1. Bagramyan I.Kh. 1971. Tak nachinalas' voyna [This is how the war began]. Moscow, Publ. Voenizdat, 512 (in Russian).
2. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12 t. 2015. T. 1. Osnovnye sobytiya voyny [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 volumes. Vol. 1. The main events of the war]. Moscow, Publ. Kuchkovo pole, 976 (in Russian).
3. Vokhmyanin V.K., Podoprigora A.I. 2008. Khar'kov, 1941. Chast' 1. U kraya grozy [Kharkov, 1941. Part 1. At the edge of a thunderstorm]. Khar'kov, Publ. Rayder, 100 (in Russian).

4. Vokhmyanin V.K., Podoprigora A.I. 2009. Khar'kov, 1941. Chast' 2. Gorod v ogne [Kharkov, 1941. Part 2. City on fire]. Khar'kov, Publ. Rayder, 148 (in Russian).

5. Gal'der F. 1971. Voennyy dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachal'nika General'nogo shtaba Sukhoputnykh voysk 1939–1942 gg. Tom III. Ot nachala vostochnoy kampanii do nastupleniya na Stalingrad (22.06.1941–24.09.1942) [War diary. Daily notes of the Chief of the General Staff of the Land Forces 1939–1942. Volume III. From the beginning of the eastern campaign to the offensive on Stalingrad (06/22/1941–09/24/1942)]. Moscow, Publ. Voenizdat, 367.

6. Drobyazko S.I., Roman'ko O.V., Semenov K.K. 2011. Inostrannye formirovaniya Tret'ego reykha [Foreign formations of the Third Reich]. Moscow, Publ. AST, Astrel', 830 (in Russian).

7. Mel'nikov V.M. 2008. Khar'kov v ogne srazheniy: «Zabytyy» 41-y [Kharkov in the fire of battles: «Forgotten» 41st]. Khar'kov, Publ. SIM, 523 (in Russian).

8. Milich A. 2005. Khorvatskie dobrovol'tsy v germanskom vermakhte vo Vtoroy mirovoy voyne. Krestovyy pokhod na Rossiyu [Croatian volunteers in the German Wehrmacht in World War II. Crusade to Russia]. Moscow, Publ. Yauza, 480 (in Russian).

9. Myuller-Gillebrand B. 2002. Sukhoputnaya armiya Germanii 1933–1945 gg. [The German Land Army 1933–1945]. Moscow, Publ. Izografus, 800.

10. Roman'ko O.V. 2004. Musul'manskie legiony vo Vtoroy mirovoy voyne [Muslim legions in World War II]. Moscow, Publ. AST, Tranzitkniga, 312 (in Russian).

11. Roman'ko O.V. 2013. Khorvatskie dobrovol'cheskie formirovaniya na sovetsko-germanskom fronte (1941–1943) [Croatian volunteer formations on the Soviet-German front (1941–1943)]. Voenno-istoricheskiy arkhiv, 9: 71–90 (in Russian).

12. Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka VGK. Dokumenty i materialy. 1941 god [Russian archive: Great Patriotic War: Supreme Command Headquarters. Documents and materials. 1941 year.]. 1996. T. 16 (5–1). Moscow, Publ. Terra, 448 (in Russian).

13. Semiryaga M.I. 2000. Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, Publ. ROSSPEN, 863 (in Russian).

14. Freydzon V.I. 2001. Istoriya Khorvatii. Kratkiy ocherk s drevneyshikh vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.) [History of Croatia. A brief sketch from ancient times to the formation of the republic (1991)]. Saint Petersburg, Publ. Aleteyya, 318 (in Russian).

15. Evans R. 2011. Tretiy reykh. Dni voyny. 1939–1945 [Third Reich. Days of war. 1939–1945]. Moscow, Publ. Astrel', 942.

16. Yugoslaviya v XX veke: Ocherki politicheskoy istorii [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History]. 2011. Moscow, Publ. Indrik, 888 (in Russian).

17. Любомирова И. 2001. Национализъм и национална политика в Независимата Хърватска Държава (1941–1945). София, Publ. С. Климент Охридски, 501.

18. Neidhardt H. 1981. Mit Tanne und Eichenlaub. Kriegschronik der 100. Jäger-Division, vormals 100 leichte Infanterie-Division. Graz, Publ. Stocker-Verlag, 468.

19. Русак А.В. 2001. Хорватські легіонери на Східному фронті 1941–1943 рр. Український історичний журнал, 2: 112–121.

20. Obhodas A., Mark J. 2010. Croatian Legion The 369th Reinforced (Croatian) Infantry Regiment on the Eastern Front 1941–1943. Sydney, Publ. Leaping Horseman Books, 600.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муромцева Людмила Халиловна, экстерн Воронежского государственного педагогического университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljudmila Kh. Muromtseva, extern of the Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

УДК 929
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187

Убийство Соломона Михоэлса: к проблеме подлинности и достоверности исторических источников

М.К. Бисенгалиев
МОО «Платоновское философское общество», независимый исследователь
125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6, корп. 6
E-mail: bermont_avalov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор ожесточенной полемики среди исследователей эпохи позднего сталинизма о причинах гибели Соломона Михоэлса (Шлойме Вовси) – всемирно известного советского актёра, художественного директора Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТа), а также видного общественно-политического деятеля, в том числе председателя «Еврейского антифашистского комитета». Дается критический анализ происхождения документов, на основании которых исследователями делаются спорные обобщающие выводы. Сделан вывод о недостоверности ряда исторических источников, относящихся к убийству Михоэлса. В этой связи поставлен вопрос о необходимости нового пересмотра «дела Михоэлса». Приводятся обширная библиография, характеристика источников и историография рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: С. Михоэлс, И. Сталин, Еврейский антифашистский комитет, источниковедческий анализ, исторический источник, критика источников.

Для цитирования: Бисенгалиев М.К. 2021. Убийство Соломона Михоэлса: К проблеме подлинности и достоверности источников. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 177–187. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187.

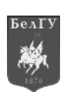
Assassination of Solomon Mikhoels: About the problem of authenticity and reliability of the historical primary sources

Marat K. Bisengaliev
Plato Philosophy Society, independent researcher
6 k. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia
E-mail: bermont_avalov@mail.ru

Abstract. There is a great deal of debate among researchers of the late Stalin era about whether there are good reasons to believe that Stalin decided to kill the Jewish leader Solomon Mikhoels, which was a famous Soviet actor at the time, artistic director of the Moscow State Jewish Theater (“GOSET”) and head of the “Jewish Anti-fascist Committee”. This article provides an overview of this debate and the variety of the research strategies currently in use. Particular attention to the critical analysis of the origin of documents is given; on the basis of which researchers draw controversial generalizing conclusions. It is concluded that a number of historical sources related have been are unreliable and there is no source-study evidence for their legitimate origin. In this regard, the question was raised about the new research of the scientific problem of the assassination of Solomon Mikhoels. An extensive bibliography, characteristics of sources and historiography of the issue under consideration are presented.

Keywords: S. Mikhoels, J. Stalin, Jewish Anti-fascist Committee, source-study analysis, a historical source, criticism of sources.

For citation: Bisengaliev M.K. 2021. Assassination of Solomon Mikhoels: About the problem of authenticity and reliability of the historical primary sources. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 177–187 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-177-187.

Введение

В 2020 году исполнилось 130 лет с рождения Соломона Михоэлса (Шлойме Вовси) – всемирно известного актёра, художественного руководителя Московского ГОСЕТа и официального лидера советской еврейской общественности, первого председателя «Еврейского антифашистского комитета» (далее – ЕАК). Однако, несмотря на широкое исследовательское внимание, в общественной деятельности и гибели Михоэлса остается много загадок.12 января 1948 г. сотрудниками МГБ СССР Михоэлс был убит, а его гибель замаскирована под несчастный случай в автокатастрофе. Причины и обстоятельства этого убийства стали предметом ожесточенных споров среди исследователей эпохи позднего сталинизма. Задачей данной статьи является анализ этой полемики, на основании которого предлагаются обобщающие выводы.

В отечественной историографии из имевшей выраженный антисемитский характер кампании по борьбе с космополитизмом в СССР 1949–1953 гг. исследователи выделяют отдельные проблемно-тематические блоки: от «дела Еврейского антифашистского комитета» (конец 1948 – июль 1952 гг.) и борьбы с «безродными космополитами» в науке и экономике страны (1949–1953 гг.) [70] – до «дела о сионистском заговоре в МГБ» (1951–1953 гг.), окончившегося «делом врачей» (конец 1952 – апрель 1953 гг.). В большинстве работ эти репрессии рассматриваются как проводимая под личным руководством Сталина единая государственная политика [71]. Одним из главных аргументов единства линии государственного антисемитизма служит преемственное «замыкание круга» от «дела врачей» к «делу» ЕАК. Так, 13 января 1953 г. в сообщении ТАСС на передовице газеты «Правда» было объявлено, что, по данным следствия, ряд «врачей-вредителей» «получил директиву “об истреблении руководящих кадров СССР” из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса» [72]. Имя Михоэлса присутствует во всех вышеуказанных «делах». В этой связи убийство службами МГБ СССР в январе 1948 г. Соломона Михоэлса сегодня признается большинством исследователей первым случаем в череде последовавшей с конца того же года цепочки антисемитских репрессий [73], предпосылки к которым назревали (и «разрабатывались» спецслужбами) в течение ряда предшествующих лет или даже десятилетий.

Предмет и методы исследования

По мнению автора, правомочность применимости такой общетипологической цепочки «дел» и кампаний к более ранним событиям может быть подвергнута закономерному сомнению. В особенности когда она представлена не как общая тенденция общенациональной политики Советского государства по еврейскому вопросу в первые послевоенные годы, а конкретно по отношению к гибели Михоэлса, т. е. фактически путем экстраполяции в прошлое результатов многолетнего раскручивания маховика общепризнанно фальсификационной следственной машины МГБ и МВД СССР. Связь убийства Михоэлса в январе и ликвидации ЕАК в ноябре 1948 г. с неким «генеральным вектором» предположительной последовательной сталинской политики государственного антисемитизма, несомненно, должна была найти у сторонников этой версии дополнительные документальные

---

[70] Историографию кампании по борьбе с космополитизмом в СССР см.: [Генина, 2011].

[71] См., напр., работы: [Костырченко 2003а; Лясс, 2007; Brent, Naumov, 2003]. Периодизацию эволюции государственного антисемитизма см.: [Костырченко, 2009, с. 210–288].

[72] «Арест группы врачей-вредителей» // Правда [газета], 1953. № 13 (12581) от 13 янв. С. 1; см.: Документ № 262 в БД Архива А.Н. Яковлева, URL (доступ от 10.09.2020): <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69982>.

[73] Библиографию публикаций о гибели Михоэлса в XX в. см. в посвященном ему научно-библиографическом обзоре [Соломон Михоэлс: Библиогр. указ., 2003].

подтверждения. И действительно, такие доказательства были найдены и предоставлены как сторонниками, так и скептиками обсуждаемой версии. Таким образом, из множества современных научных и научно-публицистических работ, посвященных гибели С. Михоэлса, мы выделяем две граничные альтернативные и, так сказать, «межеумочную» версии, критическое сопоставление которых приводит к герменевтически важным выводам, в свою очередь ставшим инструментом данного компаративного историко-источниковедческого исследования. Рассмотрим кратко эти версии.

Версия 1. Гибель С. Михоэлса стоит обиняком от «дела ЕАК» и сталинской политики государственного антисемитизма

В целом ряде работ гибель Михоэлса связывается с так называемым «делом Аллилуевых», когда в декабре 1947 – январе 1948 гг. А.С., Е.А. и К.П. Аллилуевы подверглись аресту и были осуждены за клевету на вождя Советского правительства. Посредником в передаче этой «дезинформации» на Запад, по мнению следствия, послужил С. Михоэлс, а его «связными» были арестованные в декабре 1947 г. И.И. Гольдштейн и З.Г. Гринберг. Поскольку известно, что Сталин очень болезненно и жестко реагировал на слухи о своей семье и о нем лично, просочившиеся в западную прессу, то, по замечанию ряда исследователей, какие-либо дополнительные побудительные антисемитские мотивы в планах и действиях вождя по отношению к Михоэлсу оказываются излишними или даже не совпадающими с привлекаемыми фактами. Сталин дан санкцию на арест Аллилуевых, согласно свидетельству его дочери С. Аллилуевой, в связи с тем, что они «Знали слишком много, – и болтали слишком много. А это на руку врагам...» [Аллилуева, 1990, с. 149].

Согласно заключению В.В. Кожинова, разделяемому и рядом других российских исследователей, «важно заметить, что “вина” Михоэлса в январе 1948 года заключалась не в создании “сионистского центра”, а в распространении “клеветы” на Сталина. Имело место <…> “дело Михоэлса – Аллилуевых”, а не, скажем, “дело ЕАК”. Только почти год спустя начались аресты участников “сионистского центра”, прежде всего членов ЕАК» [Кожинов, 1999].

Израильский историк А.Д. Эпштейн отмечает в этой связи, что выводы исследователей об отношении И.В. Сталина к советскому и мировому еврейству, будучи соотнесенными, «зияют, казалось бы, немыслимыми лакунами» [Эпштейн, 2014, с. 435], поскольку одновременно с убийством Михоэлса именно по инициативе Сталина СССР оказывал будущему государству Израиль не имевшую равных по своим масштабам политическую и военную поддержку: «мы должны как-то соотнести то, что в один и тот же день Сталин и убивает Михоэлса за излишние “сионистские сантименты”, и снабжает сионистов значительной партией оружия, которым они в итоге и выигрывают Войну за независимость – и соотнести это, прямо скажем, непросто» [Эпштейн, 2014, с. 435–436].

Относительно поставленного вопроса определенную обоснованность обретает версия гибели Михоэлса, которую мы обозначили как «межеумочная». Согласно этой версии, антисемитскую ненависть испытывал в то время не сам Сталин, а ряд руководящих кадров МГБ и МВД СССР, которые и подставили под удар Михоэлса, срежиссировав для вождя убедительный сценарий, на основании которого тот и принял решение об устранении Михоэлса.

Версия 2 («межеумочная»). Сталин идет на поводу сведений, фальсифицированных в аппарате МГБ СССР

Ж.А. Медведев утверждает, что «в январе 1948 года убийство Михоэлса не могло быть связано ни с “делом ЕАК”, ни с “делом врачей”. Этих дел не было даже в зародыше. <…> поводом для решения Сталина могла быть причастность Михоэлса к “делу Аллилуевых”, по которому в 1947 году были арестованы почти все родственники самого Сталина по линии его покойной жены Надежды Аллилуевой» [Медведев, 2003, с. 23]. Жорес Мед-

ведев анализирует документальные свидетельства и приходит к парадоксальному выводу: изложенные в докладной записке Л.П. Берии о гибели Михоэлса сведения, что директива об устранении Михоэлса исходила лично от Сталина, являются политической интригой самого Л.П. Берии и не имеют ничего общего с действительностью: «Не исключено также, что это была не директива, а лишь согласие с предложением, исходившим от самого Абакумова, в ведомстве которого эта “спецоперация” готовилась заранее, до 10 января» [Медведев, 2003, с. 58].

По заключению Жореса А. Медведева, «К записке Берии от 2 апреля 1953 года нельзя относиться как к документу, полно отражающему действительные обстоятельства этого преступления» [Медведев, 2003, с. 24]. Отмечается также, что «рапорт от 14 января 1948 года из секретариата МВД СССР за подписью министра, генерал-полковника Сергея Круглова» [Козлов, Мироненко, 1994, с. 247] об обстоятельствах гибели Михоэлса, как «*первичный* документ, достоверность которого не вызывает сомнений, противоречит показаниям Огольцова и Цанавы, приводившимся в записке Берии» [Медведев, 2003, с. 17], а сама «Записка» содержит противоречие: «С одной стороны, по рассказу Абакумова, “Сталин дал мне <Абакумову> срочное задание – быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск”. <…> С другой стороны, по показаниям Цанавы, руководивший всей операцией Огольцов прибыл в Минск за день или два до приезда Михоэлса и с уже готовым планом “ликвидации”» [Медведев, 2003, с. 20].

Близкий знакомый С. Михоэлса, некогда сам ставший жертвой кампании против «буржуазных космополитов», А.М. Борщаговский в известной документальной повести «Обвиняется кровь», посвященной этой кампании, также рассматривает версию о том, что Берия инспирировал показания арестованных участников спецоперации (Абакумова, Огольцова и Цанавы) и «позволил им решительно все свалить на Сталина, сделав их самих покорными <…> исполнителями высочайшего приказа» [Борщаговский, 1994, с. 9–10].

Таким образом, согласно рассмотренной версии, убийство Михоэлса было подготовлено спецслужбами и лишь санкционировано Сталиным после представленных ему фиктивных конспирологических доказательств о причастности Михоэлса к делу Аллилуевых.

Версия 3. Сталин – инициатор и организатор убийства Михоэлса по антисемитским убеждениям

Вероятно, первым систематическим исследованием в данном ракурсе можно смело назвать вышедшую в Иерусалиме в 1995 г. и выдержавшую несколько изданий монографию Ф.М. Лясса [Лясс, 2007], в которой автор на основе системного анализа публицистических источников и архивных документов сделал попытку представить Сталина в качестве действовавшего по заранее составленному сценарию режиссера готовившегося им массового геноцида советских евреев, но не успевшего реализовать свои планы [74]. В этом ракурсе гибель Михоэлса рассматривается как один из этапов такого сценария.

Известный историк Г.В. Костырченко, посвятивший исследованию генезиса сталинского «госантисемитизма» докторскую диссертацию и целый ряд научных монографий, утверждает: «Главную роль в генезисе официального антисемитизма сыграл фактор единовластия Сталина» [Костырченко, 2014, с. 49, 51]. Костырченко полагает, что в современной исторической литературе нет «научно обоснованного ответа на ключевой вопрос о соотношении патологической параноической юдофобии и макиавеллиевского прагматизма в личном антисемитизме Сталина» [Костырченко, 2003а, с. 24], и он пытает-

[74] Эта попытка была продолжена в целом ряде западных работ, в т. ч. пытающихся раскрыть «генеральный план заговора Сталина» против советской еврейской диаспоры, см., напр.: [Brent, Naumov, 2003].

ся дать такой ответ. В рамках этой схемы историк включает в нее гибель Михоэлса в качестве события, предваряющего кампанию по борьбе с космополитизмом и сопутствующие еврейские гонения в целом. По мнению исследователя, «к концу 40-х годов престарелый и страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду стали мерещиться происки и заговоры сионистов» [Костырченко, 2003a, с. 707], а «с “дела” Михоэлса – Аллилуевых политический сыск, осуществлявшийся МГБ, приобрел ярко выраженный антисемитский характер» [Костырченко 2003a, с. 387]. В своих многочисленных тематических публикациях Костырченко представляет гибель Михоэлса как следствие инспирированного Сталиным фальсифицированного расследования «“сионистского заговора” Михоэлса – Аллилуевых» (как названа одна из глав его работы): «главным виновником нагнетания государственного антисемитизма в стране и превращения аппарата МГБ в ударную силу этой политики был сам Сталин, что наглядно проявилось в истории физического устранения культурного лидера советского еврейства Соломона Михоэлса» [Костырченко, 2003, с. 388]. Здесь автор развивает и документально обосновывает версию сопоставления дела Аллилуевых с убийством Михоэлса и «делом ЕАК», которую впервые провела Л.А. Шатуновская, арестованная по «делу Аллилуевых». В своей мемуарной книге «Жизнь в Кремле» (1982) она посвятила отдельную главу теме «Дело Михоэлса – Аллилуевых», где впервые объединила в одно «дело» две «чистки» – Аллилуевых и ЕАК: «лишь очень немногие знают о том, что все эти аресты были звеньями одной цепи, этапами осуществления одного преступного сталинского замысла, целью которого было “окончательное решение” еврейского вопроса в СССР по гитлеровскому образцу» [Шатуновская, 1982, с. 239].

Однако, чтобы мотивировать этот «сталинский замысел» об устранении Михоэлса, Костырченко приходится не обращать внимания на даты. Так, известно, что во второй половине декабря 1947 г. Е.А. Аллилуева дала признательные показания о том, что ее знакомый И.И. Гольдштейн интересовался личной жизнью Сталина. Гольдштейн тотчас же был арестован, однако лишь в начале января 1948 г. от него выстроилась документально подкрепленная цепочка, ведущая к Михоэлсу. Этим документом сам исследователь считал «протокол допроса, который стал первым «официальным протоколом с момента ареста Гольдштейна <…> с признательными показаниями подследственного и его подписями <...> Датированный 9 января 1948 г., этот материал на следующий день был представлен Абакумовым Сталину <….> окончательное решение о его [Михоэлса] физическом устранении Сталин, скорей всего, принял 10 января 1948 г., когда Абакумов представил ему полученные под пыткой показания Гольдштейна о работе Михоэлса на американскую разведку по сбору информации о нем через родственников» [Костырченко, 2003a, с. 384, 388–389]. В тот же вечер эти показания были разосланы из сталинской канцелярии членам Политбюро [Костырченко, 2010, с. 159].

Однако эта «документально подтвержденная цепочка», иллюстрирующая мотивы Сталина в устранении Михоэлса, не соответствует другим фактам. В частности тому, что возглавляемая С.И. Огольцовым оперативная группа для проведения спецоперации по убийству Михоэлса приехала в Минск еще до его прибытия, т. е. 5–8 января [75].

Для подтверждения своей новой гипотезы в специально посвященной убийству Михоэлса статье [Костырченко, 2003b] Костырченко вводит в рассмотрение целый ряд новых документов, связанных с гибелью Михоэлса, на основании которых приведенные выше версии Ж. Медведева и других признаются историком неверными, а выводы – устаревшими, поскольку «К сожалению, Жоресу Александровичу, видимо, просто не попались на глаза не так давно опубликованные первичные показания некоторых главных убийц

---

[75] В «Записке» Л.П. Берии по «делу Михоэлса» в Президиум ЦК КПСС (от 2 апреля 1953 г.) приводятся следующие показания бывшего министра МГБ Белоруссии Цанавы: «При приезде *Огольцов* сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И.В. Сталина должен быть ликвидирован *Михоэлс*, который через день или два приезжает в Минск по делам службы» [Костырченко, 2005, с. 118].

Михоэлса – Огольцова, Цанавы, Шубнякова. Эти материалы, <…> со значительно большей, чем раньше, точностью позволяют реконструировать обстоятельства гибели знаменитого артиста» [Костырченко, 2003b].

Костырченко приводит собственную версию преступления, согласно которой арестованный по «делу Аллилуевых» И.И. Гольдштейн уже в конце декабря 1947 г., согласно цитируемому в статье свидетельству бывшего следователя Г.А. Сорокина (приводимому по «показаниям арестованного В.И. Комарова от 15–22 июля 1953 г.» со ссылкой на «Центральный архив ФСБ РФ» без указания архивного рубрикатора), «…показал о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле» [Костырченко, 2003b]. Поэтому «…к следующему своему визиту в Кремль к Сталину, который пришелся на вечер 23-го числа, Абакумов, скорей всего, уже имел на руках "признание" Гольдштейна» [Костырченко, 2003b].

В действительности здесь Костырченко приводит цитату из собственноручных показаний самого Г.А. Сорокина от 3 января 1954 г., опубликованных в составе хранящегося в РГАСПИ [76] письма из Главной военной прокуратуры в ЦК КПСС о реабилитации осужденных по делу ЕАК от 12.12.1955 г. [Костырченко, 2005, с. 204]. Этим объясняется отсутствие выходных данных в отсылке цитаты на Центральный архив ФСБ РФ, как и в случае другого непроверенного новообретенного документа – «Объяснительной записки» С.И. Огольцова на имя Берии, – на основании которого, по вновь открывшимся из него обстоятельствам, Костырченко приходит к выводу, что «указание о ликвидации С.М. Михоэлса было дано Сталиным 27 декабря 1947 года» [Костырченко, 2005, с. 118], когда он встречался с вызванными в Кремль Абакумовым и Огольцовым. В специальной статье о «деле Михоэлса» исследователь диаметрально меняет свою позицию, перенося на конец декабря 1947 г. дату, когда, по его мнению, Сталину могло быть доложено о доказательствах шпионской деятельности Михоэлса, «выбитых» под пытками у Гольдштейна: «Этот нужный "хозяину" результат был озвучен в Кремле, скорей всего, 27 декабря, когда Абакумов снова предстал перед Сталиным, на сей раз в сопровождении своего заместителя С.И. Огольцова. <…> Впоследствии, 18 марта 1953 года, в своем письменном объяснении Берии Огольцов сделает чрезвычайно важное сообщение о главном результате той встречи: "Во время беседы… товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса…"» [Костырченко, 2003b] [77]. Здесь и далее по тексту Костырченко ссылается на те самые новые документы, которые, по его мнению, не были должным образом учтены Ж. Медведевым и сторонниками других версий, в данном случае – на «Объяснительную записку» замминистра госбезопасности СССР по общим вопросам генерал-лейтенанта С.И. Огольцова, лично руководившего в Минске убийством Михоэлса. Основываясь на этих документах, Костырченко приходит к следующему основному тезису своей новой версии: «В противоположность тому, что утверждают Ж. Медведев и А. Борщаговский (инициатива в устранении Михоэлса исходила-де от Абакумова, а Сталин лишь дал "лицензию на отстрел"), именно кремлевский "хозяин" играл в этом деле первую скрипку. <…> Никак нельзя сбрасывать со счетов и показания Огольцова, свидетельствовавшего, что, вызвав его и Абакумова, "глава Советского правительства" дал им 27 декабря 1947 года не только указание о проведении "специального мероприятия в отношении Михоэлса", но и уточнил при этом, что имеет в виду автомобильную катастрофу» [Костырченко, 2003b] [78].

[76] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 335–348.

[77] Опираясь на роман В. Левашова [Левашов, 2003], цитируется «Объяснительная записка» С.И. Огольцова Л.П. Берии «О подготовке и осуществлении "спецоперации" по устранению С.М. Михоэлса» от 18.03.1953, легитимизированная автором впоследствии: [Костырченко, 2005, с. 110–112].

[78] Также со ссылкой в качестве источника на роман В. Левашова: [Левашов, 2003, с. 400].

Таким образом, предложенная Г.В. Костырченко версия гибели Михоэлса основывается как на обобщающих выводах исследователя о периоде государственного антисемитизма, инициированном, по его мнению, старческой паранойей у Сталина, так и на привлечении неких новых архивно-документальных первоисточников, которые в этой связи будут критически рассмотрены далее.

Результаты и их обсуждение: О достоверности первоисточников по «делу Михоэлса»

В англоязычном исследовании проф. Дж. Кипа и А. Литвина современной историографии сталинизма, переведенном на русский язык, особое внимание уделяется вопросу о подлинности и достоверности источников сталинской эпохи как мемуарного, так и документального характера: «Проблема подлинности и достоверности источников возникла и при работе в архиве бывшего КГБ СССР <...> различные домыслы, существовавшие в следственных делах для осуждения арестованных, изначально были фальсифицированными документами. <...> Методика работы с ними чрезвычайно сложна. Ведь это крайне тенденциозные документы, в которых нуждается в проверке каждая фраза и слово» [Кип, Литвин, 2009, с. 213–214].

Рассмотрим в данном ракурсе новые документальные источники, вводимые Г.В. Костырченко для доказательства своей версии убийства Михоэлса и критики предшествующих объяснений события. Эта новая версия была опубликована автором в еженедельнике «Новости разведки и контрразведки» (2003. № 21–22. С. 7–10) и перепечатана в журнале «Лехаим» [Костырченко, 2003b, с. 39–48]. В дальнейшем источники, данные и выводы этой статьи были включены автором в последующие научные монографии.

Новая версия гибели С. Михоэлса рассматривается автором в этих публикациях на основании «Объяснительных записок» С.И. Огольцова и Ф.Г. Шубнякова к Л.П. Берии о их соучастии в убийстве С.М. Михоэлса, а также следственных показаний Л.Ф. Цанавы о «“спецоперации” по ликвидации С.М. Михоэлса», опубликованных в сборнике архивных первоисточников «Государственный антисемитизм в СССР» [Костырченко, 2005] самим Г.В. Костырченко как его составителем с одинаковой ссылкой «ЦАФСБ РФ. Архивная коллекция составителя. Копия» и отсылкой к первой публикации. Ей оказывается роман (политический триллер) В.В. Левашова «Убийство Михоэлса» [Левашов, 1998], из которого эти документы были переопубликованы в данном научном сборнике. Скажем, для примера, что этот роман начинается с еще одного документа: «Протокола допроса обвиняемого Джугашвили (Сталина) Иосифа Виссарионовича», и его автор никогда не претендовал на чисто документальный жанр романа.

В.В. Левашов в «Открытом письме историку Г.В. Костырченко» так объясняет происхождение в его романе вышеперечисленных архивных документов: «Издатель спросил: “Не хочешь заняться Михоэлсом? Ты же драматург, знаешь театр”. Как выяснилось, незадолго до этого он купил у какого-то отставного кагэбэшника ксерокопии допросов по делу Михоэлса. Вы, г-н Костырченко, в своей статье обильно цитируете по моей книге докладную записку полковника Шубнякова, заявив перед тем, что это недавно опубликованные документы из архива ФСБ. Нигде они не опубликованы, только в моем романе» [Левашов, 2004, с. 48–49]. Таким образом, отсылка Костырченко к Центральному архиву ФСБ РФ как источнику происхождения документов была официально опровергнута первым публикатором, а под их копиями, находящимися в «архивной коллекции составителя» сборника, т. е. Г.В. Костырченко, имеются в виду соответствующие страницы романа, действительно приведенные в сносках к документам на страницах сборника [Костырченко, 2005, с. 112–113, 115–116]. При этом сами первоначальные ксероксы документов не были затребованы для источниковедческого анализа этих исторических источников при их научной публикации. Дальнейшая судьба ксероксов также неизвестна.

В связи с этим мы не имеем возможности исключить критику источников: в частности, фальсификацию источников на всех этапах их приобретения у неизвестного лица издательством «Олимп» по целому ряду причин. Вот лишь несколько из них.

1. Данные в «Объяснительной записке» от 18 марта 1953 г. на имя Берии полковника Ф.Г. Шубнякова противоречат его нотариально заверенным свидетельским показаниям по делу Михоэлса, представленным 6 июня 1995 года в Останкинский суд г. Москва по иску генерал-лейтенанта КГБ в отставке Е. Питовранова, а также его интервью журналу «Коммерсантъ – Власть». Согласно этим показаниям, полковник Шубняков не участвовал в ликвидации С. Михоэлса, а поездку в Минск совершил для встречи с информатором (Голубовым-Потаповым) о настроениях и планах Соломона Михоэлса [79].

2. Объяснительные записки С.И. Огольцова на имя Берии от 18 и 19 марта, а также Шубнякова от 18 марта 1953 г. были написаны ими до ареста, который произошел 3 апреля 1953 г. На дату написания записок Огольцов был отстранен от дел и «ходил в министерство писать объяснения, которые от него требовал Берия. Заметно нервничая, он называл кощунством то, что от него требовали» [Млечин, 2008]. В свою очередь, Ф.Г. Шубняков все еще занимал свой рабочий кабинет. Таким образом, они оба располагали всеми своими служебными записями и данными. Однако та же «Объяснительная записка» Огольцова составлена по типовому сценарию показаний арестованного, в которой ее автор не припоминает даже дат аудиенции со Сталиным, что является очевидным вымыслом: в то время о таком забывать было нельзя, тем более в отчете начальству. Так, С.И. Огольцов не давал показания, а докладывал Л.П. Берии: «По Вашему требованию докладываю об обстоятельствах проведенной операции по ликвидации главаря еврейских националистов Михоэлса в 1948 году. В ноябре-декабре (точно не помню) 1947 года Абакумов и я были вызваны в Кремль к товарищу Сталину И.В. <…> Во время беседы, в связи с чем, сейчас вспомнить затрудняюсь, товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса <…> Примерно в первых числах января 1948 года Михоэлс выехал по делам театра в г. Минск. <…> Числа 6–7 января 1948 года я с группой товарищей <…> выехал на машине в Минск. <…> Операция была проведена успешно, если не ошибаюсь, в ночь с 11 на 12 января 1948 года»[80]. Отметим, что все даты в этой «Объяснительной записке», а в сущности – докладной на имя нового руководителя ведомства, указаны опытнейшим работником МГБ слегка ошибочно. Однако этот документ, составленный по наработанному сценарию показаний подследственного заключенного, не соответствует ситуации, в которой находился в тот момент С.И. Огольцов. Отстраненный новым руководством за неделю до того (11 марта 1953 г.) от должности Начальника ГРУ МГБ, он не был арестован и еще не лишился звания и службы в рядах МГБ, как и доступа к своим служебным записям или как минимум возможности посоветоваться о «подзабытом» с соучастником Ф.Г. Шубняковым в его рабочем кабинете.

Заключение

Представленный на примере «Объяснительных записок» Ф.Г. Шубнякова и С.И. Огольцова критический анализ новых «архивно-документальных» первоисточников по делу об убийстве С.М. Михоэлса демонстрирует их несоответствие с последующими нотариально заверенными показаниями Ф.Г. Шубнякова, а очевидная небрежность при указании дат встречи со Сталиным и спецопераций в докладной («Объяснительной записке») опытного аппаратчика МГБ генерал-лейтенанта С.И. Огольцова (ожидавшего на тот

---

[79] Тяжба отставного генерала КГБ с прессой // Газета «Коммерсантъ» № 166 от 09.09.1995. С. 20. URL (доступ от 20.04.2020): <https://www.kommersant.ru/doc/117211>; Жирнов Е. 1998. Как убили Михоэлса // Коммерсантъ – Власть. № 2 (от 27 янв.). С. 38.

[80] Цит. по: Записка С.И. Огольцова Л.П. Берии о подготовке и осуществлении «спецоперации» по устранению С.М. Михоэлса от 18 марта 1953 г. [Костырченко, 2005, с. 110–112].

момент нового назначения) свидетельствует о намеренной тенденциозности либо фальсификации этого документа.

Как представляется, перечисленных в настоящей статье фактов достаточно, чтобы усомниться в легитимности документов, на основании которых историком Г.В. Костырченко была построена и обоснована новая версия убийства Соломона Михоэлса. Обзор полемики и критический анализ источников этой версии приводят к выводу, что, казалось бы, давно исследованное историками «дело Михоэлса» с очевидностью требует нового пересмотра в вопросе о том, какова в действительности была роль Сталина в решении судьбы великого актёра и режиссёра [81].

Список литературы

1. Аллилуева С. 1990. Двадцать писем другу. М., Известия, 174.

2. Борщаговский А.М. 1994. Обвиняется кровь. М., Прогресс-Культура, 398.

3. Генина Е.С. 2011. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в оценках отечественных исследователей 1990-х – начала 2000-х гг. Вестник КемГУ, 4: 22–27.

4. Кип Дж., Литвин А. 2009. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / пер. с англ. Изд. 2-е. М., РОССПЭН, 328.

5. Кожинов В.В. 1999. Россия. Век XX (1939–1964): Опыт беспристрастного исследования. М., Алгоритм, 397.

6. Козлов В.А., Мироненко С.В., ред. 1994. Архив новейшей истории России: «Особая папка» И.В. Сталина: Каталог документов. Т. 1. М., Благовест, 394.

7. Костырченко Г.В. 2003a. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М., Международные отношения, 784.

8. Костырченко Г.В. 2003b. «Дело Михоэлса». Новый взгляд. Дискутируя с Жоресом Медведевым. И не только с ним. Лехаим, 10: 39–48.

9. Костырченко Г.В., сост. 2005. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М., МФД: Материк, 592.

10. Костырченко Г.В. 2009. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., РОССПЭН, 415.

11. Костырченко Г.В. 2014. Доктрина «Старшего брата» и формирование государственного антисемитизма в СССР в свете идеологической и этнополитической трансформации сталинского режима в 1930-е годы. В кн.: Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., Полит. энциклопедия: 41–52.

12. Левашов В.В. 1998. Убийство Михоэлса. Роман. М., АСТ-Олимп, 480.

13. Левашов В.В. 2004. Кто творит мифы. Открытое письмо историку Г. Костырченко. Лехаим, 3: 48–49.

14. Лясс Ф.М. 2007. Последний политический процесс Сталина, или Несостоявшийся юдоцид. М. – Иерусалим, Филобиблон, 614.

15. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., Права человека, 2003. 288.

16. Млечин Л.М. 2008. История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М., Центрполиграф, 509.

17. Соломон Михоэлс: Библиогр. указ. (1919–1999). 2003. М., РГБИ, 248.

18. Шатуновская Л.А. 1982. Жизнь в Кремле. New York, Chalidze, 351.

19. Эпштейн А.Д. 2014. «Национальный вопрос» между внутренней и внешней политикой. В кн.: Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., Полит. энциклопедия: 426–445.

20. Brent J., Naumov V. 2003. Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors, 1948–1953. New York, Harper Collins, 399.

[81] Посвященный этому вопросу цикл статей публикуется нами в журнале «Знание. Понимание. Умение» (выпуски 1–3 за 2021 г.).

Referenses

1. Allilueva S. 1990. Dvadtsat' pisem drugu [Twenty Letters to a Friend]. Moscow, Izvestiya Publ., 174 (in Russian).

2. Borshchagovskiy A.M. 1994. Obvinyaetsya krov' [The blood accuses]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 399 (in Russian).

3. Genina E.S. 2011. Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v SSSR v otsenkakh otechestvennykh issledovateley 1990-kh – nachala 2000-kh gg. [The campaign against cosmopolitism in the USSR in the Appraisals of our country's researchers of the 1990s – the early 2000s.] Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 4: 22–27 (in Russian).

4. Kip Dzh., Litvin A. 2009. Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya [Stalinism. Russian and Western Views at the Turn of the Millenium] Transl. from Engl. 2rd. ed. Moscow, ROSSPEN Publ., 327 (in Russian).

5. Kozhinov V.V. 1999. Rossiya. Vek XX (1939–1964): Opyt bespristrastnogo issledovaniya [Russia. XX century (1939–1964)]. Moscow, Algoritm, 397 (in Russian).

6. Kozlov V.A., Mironenko S.V., red. 1994. Arkhiv noveyshey istorii Rossii: «Osobaya papka» I.V. Stalina: Katalog dokumentov [Archive of Contemporary Russian History, vol. 1: The «Special Files» for I.V. Stalin. A Catalogue of Documents]. Moscow, Blagovest Publ., 394 (in Russian).

7. Kostyrchenko G.V. 2003a. Taynaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm [Stalin's Secret Policy: The Regime and Anti- Semitism]. 2rd. ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 784 (in Russian).

8. Kostyrchenko G.V. 2003b. «Delo Mikhoelsa»: Novyy vzglyad. Diskutiruya s Zhoresom Medvedevym. I ne tol'ko s nim [«The investigation of Mikhoels». A New Look. Polemising with Zh. Medvedev and others]. Lekhaim, 10: 39–48 (in Russian).

9. Kostyrchenko G.V., sost. 2005. Gosudarstvennyy antisemitizm v SSSR. Ot nachala do kul'minatsii, 1938–1953 [State Anti-Semitism in the USSR: From the Beginning to Culmination, 1938–1953] / Pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva. Moscow, MFD: Materik, 592 (in Russian).

10. Kostyrchenko G.V. 2009. Stalin protiv «kosmopolitov». Vlast' i evreyskaya intelligentsiya v SSSR [Stalin against the «cosmopolitans». Power and Jewish intelligentsia in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 415 (in Russian).

11. Kostyrchenko G.V. 2014. Doktrina «Starshego brata» i formirovanie gosudarstvennogo antisemitizma v SSSR v svete ideologicheskoy i etnopoliticheskoy transformatsii stalinskogo rezhima v 1930-e gody. [The doctrine of the «Big Brother» and the formation of state anti-Semitism in the USSR in the light of the ideological and ethno-political transformation of the Stalinist regime in the 1930s.] V kn.: Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody. [In: Soviet Nations and Nationality Policy from the 1920s to the 1950s.]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ.: 41–52 (in Russian).

12. Levashov V.V. 1998. Ubiystvo Mikhoelsa. Roman [The killing of Mikhoels. Novel]. Moscow, AST-Olimp Publ., 480 (in Russian).

13. Levashov V.V. 2004. Kto tvorit mify. Otkrytoe pis'mo istoriku G. Kostyrchenko [Who creates myths. An open letter to the historian G. Kostyrchenko]. Lekhaim, 3: 48–49 (in Russian).

14. Lyass F.M. 2007. Posledniy politicheskiy protsess Stalina, ili Nesostoyavshiysya yudotsid [Stalin's Last Political Trial, or the Genocide that did not take place]. Moscow – Ierusalim, Filobiblon Publ., 612 (in Russian).

15. Medvedev Zh.A. Stalin i evreyskaya problema. Novyy analiz [Stalin and the Jewish Problem: A New Analysis]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 288 (in Russian).

16. Mlechin L.M. 2008. Istoriya vneshney razvedki. Kar'ery i sud'by [History of foreign intelligence. Careers and destinies]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 509 (in Russian).

17. Solomon Mikhoels: Bibliogr. ukaz. (1919–1999) [Bibliographic index (1919–1999)]. 2003. Ed. E.I. Alekseenkova, et al. Moscow, Publ. RGBI, 248 (in Russian).

18. Shatunovskaya L.A. 1982. Zhizn' v Kremle [Life in the Kremlin]. New York, Publ. Chalidze, 351 (in Russian).

19. Epshteyn A.D. 2014. «Natsional'nyy vopros» mezhdu vnutrenney i vneshney politikoy [«Ethnic question» between domestic and foreign policy. In: Soviet Nations and Nationality Policy from the 1920s to the 1950s.]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ.: 426–445 (in Russian).

20. Brent J., Naumov V. 2003. Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors, 1948–1953. New York, Harper Collins Publ., 399.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бисенгалиев Марат Кабдушевич, член МОО «Платоновское философское общество», независимый исследователь, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marat K. Bisengaliev, member of the Plato Philosophy Society, independent researcher. Moscow, Russia

Via in tempore. История. Политология. 2021. Том 48, № 1 (188–197)
Via in tempore. History and political science. 2021. Volume 48, № 1 (188–197)

УДК 94 (470)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-188-197

Идеологические установки советского государства по отношению к Русской православной церкви и их реализация в период подготовки и проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года

Н.В. Остроухова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 108805@bsu.edu.ru

Аннотация
В статье проанализированы особенности практической реализации идеологических установок советского государства при подготовке и проведении VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в июле-августе 1957 года. Это событие состоялось в условиях политики «десталинизации», развернутой Н.С. Хрущевым, и, как следствие, относительной неопределенности состояния государственно-церковных отношений. Анализ реализуемых органами государственной власти методов и средств идеологической подготовки и контроля участников принимающей стороны важен не только для понимания сложившегося подчиненного статуса Русской православной церкви в государственно-церковных отношениях. Подготовленные для духовенства директивы, трактовавшие вопросы устройства и положения Русской православной церкви, свободы совести, значения религии как пережитка капитализма в СССР, свидетельствовали о начале нового витка богоборческой политики. При этом ожидаемые, но провокационные для власти вопросы об истинном положении Русской православной церкви в СССР, а также настойчивые высказывания иностранных гостей о конкурентоспособности православной веры в условиях существующей государственной идеологии коммунизма могли послужить катализатором антирелигиозных гонений, развернутых советской властью в 1958 году.

Ключевые слова: советское государство, Русская Православная Церковь, духовенство, верующие, государственно-церковные отношения, антирелигиозная политика, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Для цитирования: Остроухова Н.В. 2021. Идеологические установки советского государства по отношению к Русской православной церкви и их реализация в период подготовки и проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 188–197. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-188-197.

The ideological instructions of the Soviet state in relationship to the Russian Orthodox Church and their implementation during the preparation and holding of the VI World Festival of Youth and Students in 1957

Natalya V. Ostroukhova
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 108805@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the features of the practical implementation of the ideological guidelines of the Soviet state during the preparation and holding of the VI World Festival of Youth and Students,

held in July-August 1957. This event took place in the context of the policy of «de-Stalinization» developed by N.S. Khrushchev, and as a consequence of the relative uncertainty of the relations between the state and Church. An analysis of the methods and means of ideological preparation and control of the host country participants, implemented by the state authorities, primarily by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers, is important not only for understanding the existing subordinate status of the Russian Orthodox Church in state-church relations. The directives prepared for the clergy, interpreting the issues of the structure and position of the Russian Orthodox Church, freedom of conscience, the significance of religion as a remnant of capitalism in the USSR, testified to the beginning of a new round of theomachist policy. At the same time, the expected but provocative questions for the authorities about the true position of the Russian Orthodox Church in the USSR, as well as persistent statements by foreign guests about the competitiveness of the Orthodox faith in the conditions of the existing state ideology of communism, could serve as a catalyst for the anti-religious persecutions launched by the Soviet government in 1958.

Keywords: soviet government, Russian Orthodox Church, the clergy, believers, state-church relations, anti-religious policy, the VI World Festival of Youth and Students.

For citation: Ostroukhova N.V. 2021. The ideological instructions of the Soviet state in relationship to the Russian Orthodox Church and their implementation during the preparation and holding of the VI World Festival of Youth and Students in 1957. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 188–197 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-188-197.

В современных условиях углубления в российском обществе духовно-нравственного кризиса, обусловленного разрушением семейных устоев и общественных норм морали, выработанных исторически сложившимися в России религиозными конфессиями, сохранение православной культурной традиции как важнейшего ценностного ориентира становится особенно актуальным.

Русская православная церковь (далее – РПЦ) на протяжении советского периода существования российской государственности пережила целый ряд сложных, порою трагических этапов. Одним из них стало очередное ужесточение антирелигиозной политики в СССР в период руководства страной Н.С. Хрущева.

Детальное изучение причин, хода и результатов нового витка агрессивной богоборческой политики руководства СССР по отношению к РПЦ в обозначенный период состоит, прежде всего, в том, чтобы извлечь уроки из негативного исторического опыта, не повторить разрушительных последствий, к которым привела государственная политика насильственного слома мировоззренческой матрицы народа, являвшейся на протяжении многих веков фундаментом строительства русской культуры в целом.

Методологию исследования религиозной политики советского государства в отношении РПЦ в 1953–1964 гг. составляют основополагающие принципы объективности, научности, историзма, системный и ценностный подходы. В процессе подготовки статьи применялись проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, герменевтический методы исследования.

В настоящее время внимание исследователей обращено к различным аспектам истории государственно-церковных отношений в СССР второй половины XX века. Используемые советской властью формы, методы и средства реализации конфессиональной политики в отношении РПЦ в 1953–1964 годы, позиции РПЦ на международной арене, а также использование авторитета Церкви во внешнеполитических целях стали предметом исследования таких историков, как Васильева [2004], Марченко [2008], Маслова [2005], Одинцов [2002], Чумаченко [1999], Шкаровский [2010]. Среди работ церковных историков обобщающий характер носят работы Цыпина [1997]. Изучение истории отношений государства и Церкви остро актуализировано в связи с участившимися нападками на РПЦ на постсоветском пространстве. В этой связи представляет интерес изучение проблемы практической реализации идеологических установок советского государства при подго-

товке и реализации мероприятий VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в июле-августе 1957 года. Автор считает, что постановка темы для более углубленного изучения правомерна, поскольку является недостаточно исследованной.

Политика «десталинизации», развернутая Н.С. Хрущевым после XX съезда КПСС, включала ряд беспрецедентных в советской истории мероприятий по частичной либерализации общественной жизни. Однако эти меры не коснулись РПЦ как одного из важнейших в стране институтов гражданского общества. И это несмотря на то, что советское руководство проявляло заинтересованность в использовании ресурсов РПЦ во внешнеполитических целях. Прежде всего это касалось использования авторитета и международных организационных возможностей РПЦ в создании единого мирового «фронта» борьбы за мир в условиях «холодной войны» и ожесточенной гонки вооружений, развернувшейся после окончания Второй мировой войны. Не только Русская, но и Зарубежная православная церковь в этот период прилагали значительные усилия по консолидации усилий в миротворческом, пацифистском движении, осуждающем производство, хранение и использование всех видов оружия массового уничтожения, проведение ядерных испытаний, развязывание локальных войн и вооруженных конфликтов.

Например, в составе делегации СССР на состоявшейся в Берлине Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира, проходившей с 24 по 28 мая 1954 года, участвовал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), избранный членом Президиума сессии [Митрополит Николай, 1954, с. 17–21]. На повестке дня заседаний в качестве главных стояли два вопроса: «О запрете атомного и термоядерного оружия» и «Безопасность наций» [Чрезвычайная сессия, 1954].

Митрополит Николай был одним из важных участников еще одной международной конференции, проходившей с 19 по 23 июня 1954 года в Стокгольме. Конференция была посвящена ослаблению напряженности в межгосударственных отношениях. Митрополит Николай от имени всех религиозных деятелей, участвовавших в конференции, огласил Обращение к лидерам крупных мировых держав [Обращение, 1954, с. 22].

В своем выступлении митрополит Николай не только осуждал использование атомного и водородного оружия, но и от имени РПЦ он указывал на необходимость увеличения числа встреч малых групп религиозных деятелей в целях укрепления дружбы между церквами и установления контактов в деле защиты мира [Обращение, 1954, с. 22–23].

В предложениях, озвученных митрополитом Николаем, было отмечено, что для реализации цели ослабления международной напряженности, укрепления и поддержания мира в условиях «холодной войны» необходимо расширение международного культурного обмена. В этой связи участники секции по вопросам культуры Международной конференции по ослаблению напряженности в международных отношениях особо подчеркивали первостепенную роль культурного обмена между народами для установления взаимопонимания и доверия, так необходимых для укрепления и поддержания мира [Рекомендации, 1954, с. 27].

Противоречивость политики, проводимой Н.С. Хрущевым, проявлялась, в частности, в том, что международный авторитет РПЦ продолжал активно использоваться руководством СССР в условиях, когда внутри страны государственная машина развертывала широкомасштабные мероприятия очередного витка богоборческой деятельности. Несмотря на крайне сложные внутренние государственно-церковные отношения, помощь политическому руководству СССР со стороны РПЦ в деле борьбы за мир, особенно в межгосударственных культурных обменах, не прекращалась, хотя и осуществлялась в строго заданных советским государством идеологических рамках.

Важной формой развития активного культурного обмена стала интеграция СССР в систему международного туризма и присоединение к международному фестивальному движению молодежи и студентов. В этой связи одним из важнейших событий в рамках развития культурного взаимодействия стало проведение VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего с 28 июля по 11 августа 1957 года. В фестивале приняли участие

представители пяти континентов земного шара, делегации 131 страны, и в общей сложности на фестиваль прибыло 34 тысячи гостей. Впервые приняли участие в молодежном фестивале делегации от 17 стран, в том числе Либерии, Ганы, Эфиопии, Новой Зеландии и др. Делегация от США состояла из 141 представителя, что было в пять раз больше, чем на V Всемирном фестивале, проходившем в Варшаве в 1955 году [Советское зазеркалье, 2007, с. 84]. Символом фестиваля стал рисунок знаменитого французского художника Пабло Пикассо «Голубь мира», лозунгом – слова «За мир и дружбу!» [Лобанов, 2015].

Учитывая степень идеологической нагрузки фестиваля, советское руководство заблаговременно приступило к реализации подготовительных мероприятий к Всемирному молодежному форуму в СССР. Фестиваль был призван нивелировать образ страны «тоталитарного сталинского социализма» в глазах мировой общественности. С точки зрения советского политического руководства, молодежь могла выполнить задачу идеологической рекламы Советского Союза не менее эффективно, чем политики. Наряду с информацией о проводящейся в СССР «десталинизации», важной целью советского коммунистического руководства было «развенчание мифа» о нарушении в Советском Союзе прав граждан на свободу совести, о преследовании верующих и гонений, в частности, на РПЦ.

Для реализации этих задач была составлена специальная программа действий, разосланная во все регионы страны.

Так, в июле 1957 г. из Москвы в адрес всех уполномоченных Совета по делам РПЦ (в том числе уполномоченному по Белгородской области РСФСР) была направлена секретная директива за подписью председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова. В ней содержались инструкции о дополнительной работе, необходимость которой выявилась в рамках мероприятий по подготовке и проведению VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве по линии РПЦ. В совокупности эти мероприятия кратко именовались «Программой взаимодействия» [82].

Из информации следовало, что в связи с возможным прибытием на фестиваль значительного числа верующей молодежи, которая могла интересоваться вопросами государственно-церковных отношений в СССР, Международный подготовительный комитет включил в программу фестиваля встречи молодых христиан Запада с молодыми христианами СССР для обмена мнениями. Г.Г. Карпов сообщал в директиве, что в этой связи возникла острая необходимость подготовки «специально обученных ответственных лиц» из состава клира, церковных советов, слушателей и преподавателей духовных учебных заведений Советского Союза, ответственных за прием и проведение бесед с представителями зарубежных делегаций.

Следует отметить, что примерный план мероприятий по вопросу подготовки к фестивалю был намечен еще в январе 1957 года на первом совещании председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова с представителями Московской Патриархии и духовенства г. Москвы и Московской области [83].

От Совета по делам РПЦ группу, ответственную за подготовку и проведение мероприятий в рамках фестиваля, возглавил уполномоченный Васильев, а в Московской Патриархии специально для этой цели созданный подготовительный Комитет возглавил митрополит Николай Крутицкий и Коломенский (Ярушевич) [84].

Для подготовки выше упоминавшихся «специально обученных ответственных лиц» в Москве были проведены многочисленные инструктивные совещания, на которых были заслушаны доклады и лекции. В частности, информация представителей Подготовительного комитета Борисенкова «О значении фестиваля», лектора ЦК КПСС Юркина «О международном положении», Карпова «О свободе совести и вероисповеданий в СССР», рек-

[82] Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р.-140. Оп. 3. № 5. Л. 251–262.
[83] Там же. Л. 252.
[84] Там же. Л. 253.

тора духовной академии Ружицкого «О вопросах, наиболее часто задаваемых иностранцами, и примерных ответах на них» и другие [85].

Наиболее «проверенные» с точки зрения надежности студенты Московской духовной академии в составе 30 человек были утверждены в качестве экскурсоводов по Троице-Сергиевой лавре. С данной группой проводились специальные беседы и семинары ректором духовной академии Ружицким и другими работниками патриархии. Специально для данной группы было организовано несколько общих лекций и докладов о международном положении, о достижениях советского народа за 40 лет, об отношениях между церковью и государством, о свободе вероисповедания и свободе совести в СССР и др.

Для зарубежных участников запланированной встречи в Загорске с «действительным положением религии и РПЦ в СССР» была подготовлена специальная справка «Положение религии в СССР, устройство и жизнь Русской православной церкви и ее связи с православными и иностранными церквами и объединениями», которая затем была использована в докладе Ружицкого на встрече христиан, переведена на английский и французский языки и роздана иностранным делегатам [86].

Вместе с тем в ходе фестиваля намеченная «Программа взаимодействия» неоднократно подлежала корректировке. Так, христиане Великобритании неожиданно поставили вопрос о необходимости проведения специального собеседования молодых зарубежных христиан с молодыми христианами СССР. Представители СССР в составе молодых священнослужителей, слушателей академий и семинарий и нескольких мирянок, выбранных для участия в собеседовании, были быстро и «основательно подготовлены» для такого «собеседования». Лично Председателем Совета по делам РПЦ Карповым и его первым заместителем Белышевым для них было прочитано несколько специальных лекций с освещением вопроса о свободе совести в СССР, устройстве, положении и деятельности РПЦ в СССР. Кроме того, Московская Патриархия подготовила и разослала по церквам краткую канонико-статистическую справку для ознакомления всех лиц, работающих с иностранцами, с целью унификации ответов о РПЦ [87].

Ожидания советского руководства относительно проявления зарубежной молодежью интереса к положению религии и Церкви в Советском Союзе оправдались. В дни фестиваля только московские церкви посетило свыше шести тысяч человек [88].

Из секретной директивы Г.Г. Карпова, разосланной из Москвы в регионы, следовало, что представители иностранных делегаций интересовались не только вопросами истории и архитектуры конкретных церквей, положением, структурой и деятельностью РПЦ, но и взаимоотношением верующих с государственной властью, перспективами развития РПЦ, вопросами религиозного воспитания в СССР, идеологическим соотношением религии и коммунизма и др. [89] Итогом собеседования были как положительные, так и отрицательные отзывы со стороны иностранных делегаций. Так, отдельные зарубежные гости выражали недоверие к действительному положению РПЦ, сомневались в том, что церкви являются действующими, а не являются национализированными музеями [90]. Однако были и положительные результаты.

Так, в запланированной встрече, состоявшейся 31 июля 1957 года в Троице-Сергиевой лавре (г. Загорск), приняли участие 750 молодых христиан из 17 стран, в том числе 230 представителей делегации Великобритании. От христиан Советского Союза присутствовало 700 представителей, в том числе более 600 – от РПЦ. Гости познакомились с историей Лавры, осмотрели соборы, помещения семинарии, академии, ознакоми-

---

[85] Там же.
[86] Там же. Л. 254.
[87] Там же. Л. 254–255.
[88] Там же. Л. 255.
[89] Там же. Л. 255–256.
[90] Там же. Л. 256.

лись с материалами выставки «О жизни Русской Православной Церкви» [91]. По информации Г.Г. Карпова посещение Лавры оказало значительное позитивное влияние, способствовало изменению взглядов о положении церкви в СССР в лучшую сторону у представителей делегаций Бразилии, Бельгии, Швейцарии и Испании [92].

По инициативе делегации Великобритании 3 августа состоялась новая встреча молодых христиан в составе 150 человек, в том числе представителей от христианских церквей Италии, Франции, ФРГ, ГДР, Чехословакии, Китая, Швеции, Австрии, Дании. Среди них наиболее значительное по численности представительство (по 30 человек) имели делегации Великобритании и СССР. После секционного обсуждения вопросов о месте христиан в государстве и обязанностей христиан в деле защиты мира все собрались на пленарное заседание, где была отмечена положительная роль и целесообразность подобного рода встреч, в том числе для подготовки Всемирной конференции молодых христиан [93].

Всего в дни фестиваля Троице-Сергиеву лавру посетило более 30 групп иностранных делегаций, включавших около 400 человек. Молодые люди задавали самые разные, в том числе весьма острые политические и идеологические вопросы. Например, студентов и журналистов из ФРГ интересовало, не заменит ли коммунизм в конечном итоге религию, и почему РПЦ не противопоставляет коммунистическому учению и его пропаганде организованную миссионерскую деятельность [94].

Одна из групп американцев интересовалась, может ли священник с амвона критиковать правительственные действия; и как чувствуют себя духовенство и верующие в атеистическом государстве [95].

Активную работу на фестивале вели представители Московской Патриархии. Так, в период с 15 июля по 9 августа 1957 года Московскую Патриархию посетило 20 групп и отдельных лиц – участников молодежного форума.

Митрополит Николай принял делегацию общественных и религиозных деятелей из США во главе с исполнительным секретарем ООН и межправительственных связей Г. Боссом. Состоялись визиты президента японского религиозного общества «Конкокио» (Сопроцветание народов) Тосио Мияке; пастора Форбека из Норвегии; профессора К. Фассбиндер из ФРГ; пастора Ф. Кларк из Великобритании, Генерального секретаря китайского национального комитета ИМКА Цзянь-Вань-Ханя.

Митрополит Николай принял также членов патриаршего совета Антиохийской церкви профессоров Л. Дирани, И. Хури; ассистента экуменистического семинара университета в Марбурге (ФРГ), д-ра философии Г. Канус-Креде; директора журнала «Африканская действительность» г-на Дьона (Сенегал); председателя делегации Кипра С. Маркидеса. В Московской Патриархии побывали группы участников фестиваля из Канады, Голландии, ФРГ, международного общества «Друзей примирения» во главе с вице-президентом Жаном Госсом (Франция) и других [96].

В уже упоминавшейся выше директиве Г.Г. Карпова какие-либо замечания к действиям и высказываниям участников молодежного форума от Советского Союза отсутствовали. Более того, подчеркивалась признанная представителями зарубежных делегаций положительная роль подобных встреч и проводимых диспутов в деле укрепления дружественных взаимосвязей и борьбы за мир [97].

В ходе работы Фестиваля активная советская идеологическая работа шла по всем направлениям.

---

[91] Там же. Л. 257.
[92] Там же. Л. 257–258.
[93] Там же. Л. 258–259.
[94] Там же. Л. 259.
[95] Там же. Л. 260.
[96] Там же. Л. 261.
[97] Там же. Л. 262.

Например, информация о положении РПЦ в СССР и ее взаимоотношениях с властью содержалась в «Кратких сведениях о Русской православной церкви на 1 апреля 1957 года». «Краткие сведения» были составлены Московской Патриархией и разосланы ею всему составу патриархальных архиереев как подсобный справочный материал при беседах с иностранными гостями [98].

Очевидно, что данный документ содержал официальную, исключительно позитивную, а следовательно, искаженную трактовку действительного положения РПЦ в СССР. В нем были указаны только два основополагающих нормативных акта, которые определяли положение религии в Советском государстве – Декрет Советского Правительства от 23 января 1918 года «Об отделении Церкви от Государства и школы от Церкви» и Конституция СССР 1936 г. (ст. 124). Отсутствовали сведения об утвержденном постановлением СНК СССР от 28 января 1944 года за № 162 «Положении об управлении Русской православной церкви», которое качественно улучшало положение церкви в СССР [Постановление СНК СССР, 28.01.1944 г.]. Особое внимание уделялось трактовке свободы совести в СССР. Подчеркивалось, что государство гарантирует религиозным объединениям полную свободу самоуправления, предъявляя к ним единственное требование – не нарушать законов страны [99]. В качестве связующего звена между религиозными объединениями и правительством Советского Союза, а также местными органами власти указывались Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, которые должны были способствовать реализации гражданами СССР свободы совести, провозглашенной конституцией [100]. Исходя из официальной трактовки, РПЦ в своей деятельности не испытывала никакого притеснения и вмешательства в свою внутреннюю жизнь со стороны государства [101]. В данном документе представлена картина безоблачного мирного взаимодействия Церкви и государства без всякого явного или скрытого давления со стороны последнего на РПЦ. Эта картина была далека от реальной жизни, но духовенство должно было строго придерживаться предписанных им идеологических установок, особенно в случае возможных встреч с иностранными гражданами, которые проявляли интерес к действительному положению Церкви в СССР.

Для реализации вышеуказанных установок Советом по делам РПЦ 5 июля 1957 года было направлено в адрес уполномоченных Совета по делам РПЦ на местах секретное инструктивное письмо, так называемая «Справка о церкви в СССР». Ее рекомендовано было обязательно использовать всем, прежде всего – духовенству, в беседах с иностранцами в случае обращения последних с вопросами о положении церкви в СССР и взаимоотношениях РПЦ с государством [102]. По сравнению с «Краткими сведениями о Русской православной церкви на 1 апреля 1957 года» в «Справке о церкви в СССР» гораздо большее внимание уделялось разъяснению вопросов о свободе совести в СССР и о сущности отделения Церкви от государства и школы от Церкви [103].

Обращаясь к истории, в том числе к характеристике положения РПЦ в царской России, автор данной справки утверждал, что русский народ никогда не был глубоко верующим, а принадлежал к православию по необходимости. Иначе, по мысли автора, вряд ли так быстро большинство советских людей отошли от религии и стали атеистами [104].

Кроме того, по мнению составителя справки, в Советском Союзе отсутствовали любые основания для утверждения о притеснениях и гонениях на РПЦ и верующих, по-

[98] Там же. Л. 46.
[99] Там же. Л. 47.
[100] Там же. Л. 48.
[101] Там же. Л. 49.
[102] Там же. Л. 65–119.
[103] Там же. Л. 73–81.
[104] Там же. Л. 72.

скольку религия в СССР, являясь пережитком капитализма в сознании людей, находилась в процессе отмирания [105].

Таким образом, по состоянию на 1957 год РПЦ еще удавалось, хотя и с большим трудом, отстаивать свое вновь неопределенное после смерти И.В. Сталина (вследствие политики «десталинизации», развернутой Н.С. Хрущевым) положение в рамках такого официально атеистического государства, как СССР. Исходя из анализа состава представителей зарубежных делегаций VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, характера и тематики задаваемых рядовому духовенству и руководству РПЦ в лице митрополита Николая вопросов, положение РПЦ для иностранных граждан служило критерием для определения действительного наличия в Советском Союзе гражданских свобод, записанных в советской Конституции 1936 г. Для представителей духовенства СССР не было неожиданным появление вопросов о взаимоотношении государства и Церкви, соотношении религии и коммунизма. Ответственные лица были идеологически подготовлены к ответам на такие «острые» вопросы.

В стремительно меняющейся в СССР после смерти И.В. Сталина обстановке Московская Патриархия, пытаясь не допустить обострения взаимоотношений между церковью и политическим руководством страны, вынужденно подчинялась идеологическим установкам и требованиям советского руководства. Это, в свою очередь, углубляло раскол в православии в целом, поскольку делало невозможным примирение РПЦ с Русской Зарубежной православной церковью и ее многочисленными приходами.

С другой стороны, и коммунистическое руководство СССР, руководимое Н.С. Хрущевым, старалось дискредитировать РПЦ в глазах граждан, особенно молодежи. И поэтому любое проявление положительного потенциала РПЦ как внутри страны – в вопросах нравственности и культуры, так и в международной деятельности РПЦ по объединению усилий верующих в борьбе за сохранения мира, использовалось, но в идеологической антирелигиозной пропаганде квалифицировалось как «приспособленчество».

Вероятно, настойчивая и весьма острая постановка иностранными делегатами вопросов о конкуренции православия и коммунизма могла стать одним из катализаторов масштабной богоборческой политики на государственном уровне, которая была инициирована Н.С. Хрущевым и развернута в полном объеме, начиная с 1958 года.

Список литературы

1. Васильева О.Ю. 2004. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. Москва, Лепта, 380 с.
2. Лобанов К. 2015. Исторические хроники. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. URL: http://vkomsomole.ru/articles/854---vi-----(Дата обращения 19.01.2019).
3. Митрополит Николай. 1954. На Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира. Журнал Московской Патриархии, 7: 17–21. http://jmp.ru/ymarh4354y.php?yo=54&mo=07 (Дата обращения 19.01.2019).
4. Марченко А.Н. 2008. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона: 1958–1964 гг. Дис. ... докт. ист. наук. Москва, 392 с.
5. Маслова И.И. 2005. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской православной церкви (1953–1991). Автореф. дис. … докт. ист. наук. Москва, 46 с.
6. Обращение к верующим всех религий мира. 1954. Журнал Московской Патриархии, 7: 22–23. URL: http://jmp.ru/ymarh4354y.php?yo=54&mo=07 (Дата обращения 19.01.2019).
7. Одинцов М.И. 2002. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. Москва, РОИР, 312 с.

[105] Там же. Л. 73.

8. Постановление СНК СССР «Положение об управлении Русской православной церкви» № 162 от 28.01.1944 г. В кн.: Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2009. Сборник документов. Сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцева, Л.А. Лыкова. Москва, Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 271–278.

9. Рекомендации международной конференции по ослаблению напряжения в международных отношениях. 1954. Журнал Московской Патриархии, 7: 25–29. URL: http://jmp.ru/ymarh4354y.php?yo=54&mo=07 (Дата обращения 19.01.2019).

10. Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е годы: учебное пособие. 2007. Сост. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Мазин К.А., Федулин А.А., Шнайдген Й.Й. Москва, ФОРУМ, 256 с.

11. Цыпин В. 1997. История Русской церкви. 1917–1997. Москва, Издательство Спасско-Преображенского Валаамского монастыря, 831.

12. Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира. (ТАСС). 1954. Сталинец, 63 (2754). 28 мая. URL: http://musey29.ru/wp-content/uploads/2018/12/63-28-maya-1954-goda.pdf (Дата обращения 17.02.2019).

13. Чумаченко Т.А. 2014. Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью, верующими. Вестник Челябинского государственного университета, 19 (348). Право, 39: 83. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/gosudarstvo-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-1958-1964-godah-novaya-politicheskaya-voyna-s-religiey-tserkovyu-i-veruyuschimi (Дата обращения 17.02.2019).

14. Чумаченко Т.А. 1999. Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. Москва: АИРО-ХХ, 247 с.

15. Шкаровский М.В. 2018. Антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. в Ленинградской епархии и противостояние им митрополита Никодима (Ротова). Вестник исторического общества, 2: 19–33. DOI: 10.24411/2587-8425-2018-10012 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antireligioznye-goneniya-1958-1964-gg-v-leningradskoy-eparhii-i-protivostoyanie-im-mitropolita-nikodima-rotova (Дата обращения 19.01.2019).

16. Шкаровский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. Москва: Вече, Лепта, 480 с.

17. Шкаровский М.В. 1999. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – Москва: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 400 с.

References

1. Vasil'eva O.Yu. 2004. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i Vtoroy Vatikanskiy Sobor [Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council]. Moscow, Publ. Lepta, 380 p. (in Russian).

2. Lobanov K. 2015. Istoricheskie hroniki. VI Vsemirnyj festival' molodezhi i studentov [Historical chronicles. VI World Festival of Youth and Students]. Available at: http://vkomsomole.ru/articles/854---vi-----(accessed: 19 January 2019) (in Russian).

3. Mitropolit Nikolaj. 1954. Na Chrezvychajnoj sessii Vsemirnogo Soveta Mira [At the Extraordinary Session of the World Peace Council]. Zhurnal Moskovskoj Patriarhii, 7: 17–21. Available at: http://jmp.ru/ymarh4354y.php?yo=54&mo=07 (accessed: 19 January 2019) (in Russian).

4. Marchenko A.N. 2008. Khrushchevskaya tserkovnaya reforma i ee vliyanie na vnutritserkovnuyu zhizn' po materialam ural'skogo regiona: 1958–1964 gg. [Khrushchev's church reform and its impact on church life based on materials from the Urals region: 1958–1964]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 392 p. (in Russian).

5. Maslova I.I. 2005. Evolyutsiya veroispovednoy politiki sovetskogo gosudarstva i deyatel'nosti Russkoy pravoslavnoy tserkvi (1953–1991) [The evolution of the religious policy of the Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church (1953–1991)]. Abstract. dis. … dokt. ist. nauk. Moscow, 46 p. (in Russian).

6. Obrashchenie k veruyushchim vsekh religij mira. 1954 [An appeal to believers of all religions of the world]. Zhurnal Moskovskoj Patriarhii, 7: 22–23. Available at: http://jmp.ru/ymarh4354y.php?yo=54&mo=07 (accessed: 19 January 2019) (in Russian).

7. Odintsov M.I. 2002. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the twentieth century: history, relations with the state and society]. Moscow, Publ. RARR, 312 p. (in Russian).

8. The resolution of the Council of People's Commissars of the USSR «Regulations on the management of the Russian Orthodox Church» No. 162 of 01.28.1944. In: Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945. 2009. Collection of documents. Comp. O.Yu. Vasilyeva, I.I. Kudryavtseva, L.A. Lykova. Moscow, Publishing House of the Krutitsky Compound, Society of Church History Fans, 271–278 (in Russian).

9. Rekomendacii mezhdunarodnoj konferencii po oslableniyu napryazheniya v mezhdunarodnyh otnosheniyah [Recommendations of the international conference on easing tensions in international relations] ZHurnal Moskovskoj Patriarhii, 7: 25–29. Available at: http://jmp.ru/ymarh4354y.php?yo=54&mo=07 (accessed: 19 January 2019) (in Russian).

10. Sovetskoe zazerkal'e. Inostrannyj turizm v SSSR v 1930–1980: uchebnoe posobie. 2007 [Soviet through the looking glass. Foreign tourism in the USSR in the 1930–1980s]. Comp. Bagdasaryan V.E., Orlov I.B., Mazin K.A., Fedulin A.A., SHnajdgen. J.J. Moscow, Publ. FORUM, 256 p. (in Russian).

11. Tsypin V. 1997. Istoriya Russkoy tserkvi. 1917–1997 [The History of the Russian Church. 1917–1997]. Moscow, Spassko-Preobrazhensky Valaam Monastery Publishing House, 831 p. (in Russian).

12. Chrezvychajnaya sessiya Vsemirnogo Soveta Mira [Extraordinary session of the World Peace Council] (TASS) 1954. Stalinec, 63 (2754). 28 maya. Available at: http://musey29.ru/wp-content/uploads/2018/12/63-28-maya-1954-goda.pdf (accessed: 17 February 2019) (in Russian).

13. Chumachenko T.A. 2014. Gosudarstvo i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1958–1964 godakh: novaya politicheskaya voyna s religiey, tserkov'yu, veruyushchimi. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 19 (348). Pravo, 39: 83 [The State and the Russian Orthodox Church in 1958–1964: a new political war with religion, the church, and believers. Bulletin of Chelyabinsk State University, 19 (348). Right, 39: 83]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/gosudarstvo-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-1958-1964-godah-novaya-politicheskaya-voyna-s-religiey-tserkovyu-i-veruyuschimi (accessed: 17 February 2019) (in Russian).

14. Chumachenko T.A. 1999. Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie, 1941–1961 gg. [State, Orthodox Church, believers, 1941–1961]. Moscow, Publ. AIRO-XX, 247 p. (in Russian).

15. Shkarovskiy M.V. 2018. Antireligioznye goneniya 1958–1964 gg. v Leningradskoy eparkhii i protivostoyanie im mitropolita Nikodima (Rotova). Vestnik istoricheskogo obshchestva [Anti-religious persecution of 1958–1964 in the Leningrad diocese and the confrontation by Metropolitan Nicodemus (Rotov). Bulletin of a historical society], 2: 19–33. DOI: 10.24411/2587-8425-2018-10012 Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/antireligioznye-goneniya-1958-1964-gg-v-leningradskoy-eparhii-i-protivostoyanie-im-mitropolita-nikodima-rotova (accessed: 19 January 2019) (in Russian).

16. Church in Shkarovskiy M.V. 2010. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [Russian Orthodox the twentieth century]. Moscow, Publ. Veche, Lepta, 480 p. (in Russian).

17. Shkarovskiy M.V. 1999. Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh) [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow, Publ. Krutitsky Patriarchal Compound, Society of Church History Fans, 400 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Остроухова Наталья Валерьевна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Ostroukhova, postgraduate student of the Department of Russian history and pre-study Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 930
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-198-210

Белгородский учительский институт в современной историографии

В.А. Лю-Ку-Тан
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Аннотация. Данное исследование представляет собой обобщение и систематизацию исследовательского опыта, анализ историографии 2000–2010-х годов, посвященной созданию и функционированию Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX вв. В статье представлено количество научных публикаций, которые разделены на два периода по уровню публикационной активности. Изучены причины увеличения исследовательского интереса к истории Белгородского учительского института. По результатам анализа содержания научные публикации разделены на ряд тематических блоков: исследования нормативно-правовой базы, регламентирующей открытие и деятельность Белгородского учительского института, его место в системе педагогического образования Российской Империи; реконструкция и изучение биографий и научной деятельности директоров, преподавателей и выпускников учительского института; изучение повседневной жизни воспитанников городского училища при учительском институте.

Ключевые слова: историография, Белгородский учительский институт, городское училище, Министерство Народного Просвещения, образование.

Для цитирования: Лю-Ку-Тан В.А. 2021. Белгородский учительский институт в современной историографии. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 198–210. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-198-210.

Belgorod Teacher's Institute in contemporary historiography

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Abstract. This study presents generalization and systematization of research experience, an analysis of the 2000s – 2010s historiography, dedicated to the Belgorod Teacher's Training Institute's foundation and functioning. The article presents the number of scientific publications, which are divided into two periods by the level of publication activity. Also the reasons of the increase of research interest in the history of the Belgorod Teacher's Training Institute have been studied. Scientific publications were divided into a number of thematic blocks according to the analysis of its content: research of the legal framework governing the opening and activities of the Belgorod Teacher's Training Institute, its place in the system of pedagogical education of the Russian Empire; reconstruction and study of biographies and scientific activities of directors, teachers and graduates of the teacher's training institute; study of the scholar's daily life and the city school by the teacher's training institute.

Keywords: historiography, Belgorod Teacher’s Training Institute, town school, Ministry of Public Education, education.

For citation: Lyu-Ku-Tan V.A. 2021. Belgorod Teacher's Institute in contemporary historiography. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 198–210 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-198-210.

Изучение и использование исторического опыта подготовки педагогов является одним из аспектов успешной модернизации современной системы образования и повышения его уровня, в связи с этим в современной исторической науке наблюдается увеличение исследовательского интереса к учительским институтам Российской Империи.

Наиболее крупный сегмент в современной историографии учительских институтов представлен локальными исследованиями, среди которых можно выделить работы, посвященные нескольким учительским институтам одного региона. Наиболее изученными в данном аспекте на сегодняшний день являются учительские институты Западной и Восточной Сибири, Южного Урала [Кочурина, 2005; Шагеева, 2014; Шилов 2014], а также исследования, нацеленные на выявление особенностей создания и функционирования одного конкретного учительского института [Мустафина и др., 2014; Костылева, 2020].

На сегодняшний день одним из наиболее исследованных учительских институтов европейской части Российской Империи является Белгородский учительский институт. С целью продолжения дальнейшего комплексного изучения данной темы необходимо определить степень её изученности в современной исторической науке. Данное исследование представляет собой анализ историографии 2000–2010-х годов, посвященной созданию и функционированию Белгородского учительского института, с целью обобщения и систематизации исследовательского опыта современных учёных.

Основу методологической базы исследования составили общенаучные методы – метод анализа, синтеза, а также проблемно-хронологический метод, использование которого позволило проанализировать исследования, посвященные изучению Белгородского учительского института в хронологической последовательности, а также выделить проблемные историографические блоки.

По результатам изучения исследований, посвященных истории Белгородского учительского института, было установлено, что в основном они представлены научными статьями и краткими историческими справками в монографиях по истории Белгородского государственного университета, а также была составлена таблица, которая позволила проследить динамику публикационной активности по указанной теме.

Таблица 1
Table 1

Количество опубликованных исследований по истории
Белгородского учительского института с 1999 по 2019 гг.
The number of published studies on the history of the Belgorod Teachers' Institute 1999–2019

Год	Количество публикаций
1999	1
2001	1
2002	1
2007	1
2013	1
2014	4
2016	8
2017	5
2018	7
2019	3

С 1999 по 2019 гг. было опубликовано 32 исследования по истории учительского института в Белгороде. Основываясь на анализе роста публикационной активности, можно говорить о двух периодах: с 1999 по 2013 гг. и с 2014 по 2019 гг.

Историография первого периода посвящена изучению становления и функционирования учительского института в Белгороде до 1917 г. и характеризуется тенденцией появления исследований, актуальность которых обусловлена празднованием юбилейных дат Белгородского государственного университета [Дятченко, 2007].

В 1999 г. вышло исследование Е.Ю. Прокофьевой, в котором реконструирована деятельность Белгородского учительского института до революционных событий 1917 г. Историком изучены учебный процесс, преподавательский состав и вместе с тем отмечена проблема материального положения преподавателей учебного заведения. Е.Ю. Прокофьева рассматривает городское училище. Исследован социальный состав учеников городского училища и воспитанников учительского института, а также правила пребывания их в учебном заведении. В статье указаны основные положения реформы учительских институтов, предпринятой Временным правительством в 1917 г., которой должен был подвергнут и Белгородский учительский институт [Прокофьева, 1999].

Значительное увеличение исследовательского интереса к истории Белгородского учительского института наблюдается с 2014 г. и обусловлено следующими факторами: во-первых, в связи с развитием цифровых технологий у современных ученых появился доступ к цифровым копиям многих источников конца XIX – начала XX века из фондов архивов и библиотек [Московкин, 2016, с. 22], во-вторых, в процессе реализации проекта «Модернизация Музея истории университета», в связи с отсутствием данных в архивах Белгородской области, у сотрудников музея появилась возможность проводить научно-исследовательскую и поисковую работу в фондах архивов, библиотек и музеев России [Денисова, 2018, с. 78]. Наибольшее количество – 8 исследований – вышло в 2016 году, в год празднования 140-летия Белгородского государственного национального исследовательского университета.

К 140-летнему юбилею Белгородского государственного национального исследовательского университета, который является правопреемником Белгородского учительского института, вышел ряд работ, посвященных истории становления и работы учительского института в Белгороде [Мамаева, 2016; Московкин, 2016; Новый этап, 2016; Терещенко, 2016].

Следует отметить, что увеличение исследовательского интереса и актуализация исследований учительских институтов привели к расширению тематики научных работ. Наряду с исследованием истории становления и основных этапов исторического развития Белгородского учительского института современные ученые также изучают нормативно-правовую базу, регламентирующую деятельность учительских институтов, место Белгородского учительского института в системе педагогического образования Российской Империи, вопрос открытия учительского института в г. Белгороде, биографии и научную деятельность директоров, преподавателей и выпускников учительского института, повседневную жизнь воспитанников, а также вопрос о здании и городском училище при учительском институте.

Нормативно-правовая база. Рассматривая нормативно-правовую базу, регламентирующую деятельность как учительских институтов в целом, так и Белгородского учительского института в частности, значительное внимание исследователи уделяют следующим источникам: «Положение о городских училищах и учительских институтах» (1872), «Инструкция о порядке управления учительскими институтами» (1876), «Программы и учебные планы предметов, преподаваемых в учительских институтах» (1876), «Инструкция касательно объема и метода преподавания учебных предметов в учительских институтах» (1876). В 2001 г. А.М. Болгова выпустила систематизированный сборник нормативно-правовых актов второй половины XIX в., регулирующих работу учительских ин-

ститутов [Болгова, 2001]. Другие исследователи рассмотрели процесс поступления в Белгородский учительский институт и городское училище и проанализировали программу вступительных экзаменов по Закону Божиему [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018а]. Авторы отмечают, что, несмотря на установленные унифицированные правила и программы поступления в 1876 г. Министерством Народного Просвещения, они могли варьироваться в различных учительских институтах [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2016].

Опираясь на нормативно–правовую базу, современные исследователи изучили причины создания и специфику работы Белгородского учительского института в системе педагогического образования Российской Империи. В исследовании Д.А. Терещенко изучены роль и место учительских институтов в системе профессиональной подготовки педагогов на рубеже XIX – XX вв., а также представлено развитие и изменение сети учительских институтов на территории Российской Империи в хронологическом аспекте. Автор рассматривает деятельность учительского института в период с 1876 по 1917 годы, в том числе программы преподаваемых предметов, преподавательский состав, количество воспитанников и их сословную принадлежность, ошибочно относя его к учебным заведениям, предоставляющим «незаконченное высшее специальное образование» [Терещенко, 2016, с. 154].

В современной историографии проанализирован процесс учреждения Белгородского учительского института. В работах А.М. Болговой и И.В. Денисовой рассмотрен процесс торжественного открытия учебного заведения 26 сентября 1876 г., указано количество воспитанников и учеников, принятых в учительский институт и городское училище соответственно, список первых преподавателей, сведения о здании, в котором располагались учебные заведения [Болгова, 2002; Денисова, 2013].

Директора Белгородского учительского института. С 2014 выходят комплексные исследования В.М. Московкина, посвященные директорам, преподавательскому составу и выпускникам учебного заведения. На основе опубликованных источников («Журнал Министерства народного просвещения», «Циркуляр по Харьковскому учебному округу», «Списки лиц, служащих по Харьковскому учебному округу») восстановлены списки преподавателей учительского института за 1876, 1886,1894, 1902, 1903, 1913 годы, а также представлены списки выпускников 1894, 1895, 1902, 1903 годов с информацией о назначении их на службу в городские и уездные училища Харьковского учебного округа. Используя историко-биографический метод при работе с указанными источниками и поисковой системой Google, автор реконструировал процесс профессионального развития и научные биографии пяти директоров учебного заведения: П.Е. Рощина, Д.Н. Ларионова, А.Ф. Комарова, Ф.Е. Пактовского, А.К. Димитриу [Московкин, 2014а, г, 2016].

В целом исследование биографии директоров Белгородского учительского института является одним из наиболее изученных аспектов в изучении истории учебного заведения. В.М. Московкин публикует отдельные работы, посвященные А.Ф. Комарову, П.Е. Рощину, А.К. Димитриу, структура которых включает в себя информацию о местах их службы, предшествующих учительскому институту или следующих за ним, а также данные на основе поиска в сети Интернет с помощью Google Books и Google Scholar об их научно-исследовательской работе [Московкин, 2014б, в, 2016; Рощин, 2016; Московкин, Садовски, 2016, 2018].

Значительное внимание исследователями уделено личности А.К. Димитриу. В работе И.В. Денисовой на основе неопубликованных источников изучен период обучения А.К. Димитриу в Императорском Новороссийском университете и его научная деятельность под руководством Ф.И. Успенского и Э.Р. фон Штерна. В данном исследовании реконструированы его профессиональная и научная биография. Анализируя работу А.К. Димитриу в должности директора Белгородского учительского института, И.В. Денисова особо отмечает его заслугу в подъеме уровня педагогического образования не только в учительском институте, но и в г. Белгороде в целом [Денисова, 2016б].

Обращаясь к реконструкции биографии А.К. Димитриу, В.М. Московкин публикует ряд документов (Отношение Белгородского педагогического кружка, диплом об окончании Императорского Новороссийского университета) и фотографий из семейного архива правнучки бывшего директора Белгородского учительского института Н.Л. Потаниной, на которых в том числе запечатлен преподавательский состав учебного заведения XX века [Московкин, 2017].

Преподаватели Белгородского учительского института. Наряду с реконструкцией биографии директоров Белгородского учительского института исследователи изучают и преподавательский состав, значительное внимание уделяется не только восстановлению списков преподавателей учебного заведения, но и исследованию их жизни, творчества, научной и педагогической деятельности. Одним из актуальных рассматриваемых вопросов является белгородский период жизни академика живописи и преподавателя рисования и черчения учительского института в Белгороде с 1876 по 1886 годы Юлия Ивановича Феддерса [Лимаров, Патлань, 2015; Денисова, 2016а].

В 2017 г. выходит исследование, посвященное законоучителям учебного заведения. По результатам изучения опубликованных источников и документов из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Белгородской области представлен анализ программ преподавания Закона Божия и восстановлены биографии 6 законоучителей: М.Н. Федорова, М.П. Трухманова, А.В. Гапонова, Л.Н. Булгакова, Е.Н. Попова, А.Г. Попова и учителя пения священника Н.В. Боголюбова; дается характеристика жизни, научному труду и образовательной деятельности во время их службы в Белгородском учительском институте [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018д]. В статье опубликованы фотографии трех законоучителей – М.П. Трухманова, Е.Н. Попова, А.Г. Попова.

Выпускники и воспитанники Белгородского учительского института. На сегодняшний день изучены правила приёма, анализ процесса обучения, образовательный уровень, сословная принадлежность, сценарий профессиональной жизни воспитанников Белгородского учительского института как будущих учителей городского училища и примеры их самореализации в других профессиональных областях [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2019в].

Поднимая дискуссионный вопрос о литературном произведении как историческом источнике современные исследователи с целью изучения повседневной жизни поступающих и воспитанников Белгородского учительского института и города Белгорода обращаются к творчеству советского писателя Ивана Дмитриевича Василенко. «В 1914 г. И.Д. Василенко прибыл в город Белгород для поступления в Белгородский учительский институт. Белгородскому периоду жизни писателя посвящена его повесть «Волшебные очки» из цикла «Жизнь и приключения заморыша» (1962), где представлено описание учебного заведения и города Градобельска, так Иван Дмитриевич называет Белгород» [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2019а, с. 173]. В научной статье представлены процесс поступления в учительский институт, сравнение сведений из официальных источников и повести о количестве поступивших и их сословной принадлежности в 1914 г., сопоставлены литературные герои и преподавательский состав.

На сегодняшний день продолжается изучение выпускников Белгородского учительского института. Исследователями восстановлено ежегодное количество выпускников учебного заведения с 1879 по 1916 годы, 75 % из них удалось идентифицировать, по результатам работы с «Циркуляром по Харьковскому учебному округу» восстановлены списки выпускников учебного заведения с 1879 по 1912 годы [Золотая книга выпускников, 2016, с. 11–13]. В современной исторической науке продолжается работа по восстановлению биографий выпускников учительского института в исследовании И.В. Денисовой и В.А. Лю-Ку-Тан, в результате изучения и анализа документов из фондов Российского государственного исторического архива и Белгородского государственного историко–краеведческого музея и опубликованных источников реконструированы биографии и

представлены фотографии выпускников Е.М. Подтягина, З.И. Угрюмова, П.Ф. Бузука, А.Б. Петрищева. Кроме того, авторами были реконструированы биографии и проанализирована научная деятельность известных педагогов П.И. Барышникова и И.П. Кулегаева, которые окончили Белгородский учительский институт. В исследовании представлен анализ сохранившихся воспоминаний об учебном заведении известного публициста А.Б. Петрищева и М.М. Рыбалкина [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2019б].

Анализу воспоминаний и реконструкции биографии выпускника Белгородского учительского института 1897 г. М.М. Рыбалкина посвящено исследование М.В. Московкина и И.Т. Шатохина. В работе детально описана рукопись с воспоминаниями об учительском институте, хранящаяся в фондах Белгородского государственного историко-краеведческого музея. В исследовании опубликованы воспоминания о здании Белгородского учительского института, меню, учебном процессе, директоре Д.Н. Ларионове и преподавателях, в том числе проведен сравнительный анализ списка преподавателей и служащих 1894 г. из справочных источников и рукописи [Московкин, Шатохин, 2017].

Повседневная жизнь воспитанников Белгородского учительского института. Используя практические и теоретические наработки такого направления, как история повседневности, современные исследователи обращаются к реконструкции сценария жизни воспитанника Белгородского учительского института. По результатам анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих процесс поступления и дальнейшего обучения и пребывания воспитанников в институте, неопубликованных отчетов директоров Белгородского учительского института из фондов Российского государственного исторического архива и воспоминаний выпускников восстановлены: описание зданий, где проживали и обучались воспитанники, распорядок дня, рацион питания, процесс подготовки к занятиям, характер проведения свободного времени, каникулярные поездки на экскурсии в крупные города [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018г]. Неотъемлемой частью повседневной жизни воспитанников и преподавателей учительского института было здание, история которого также восстанавливается современными учёными [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018б].

Городское училище при Белгородском учительском институте. На сегодняшний день также одним из рассматриваемых аспектов в рамках исследования истории Белгородского учительского института стала история открытого при нём для практических занятий воспитанников городского училища. Учёными рассмотрены правила приема и программа обучения в городском училище, процесс открытия, реконструирован процесс подготовки, проведения и анализа занятий, проведенных воспитанниками учительского института, а также опубликована информация о сохранившемся в фондах музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета аттестате выпускника 1901 г. В.И. Першина [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2017в, г]. В целом проанализировано взаимодействие данных учебных заведений, идентифицированы выпускники Белгородского учительского института, которые служили учителями в городском училище: Е.М. Подтягин, И.Т. Иглин, Д.И. Черняков, И.П. Кулегаев, А.И. Панов» [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018а, с. 80].

Наряду с научными публикациями, посвященными истории Белгородского учительского института, результаты научно-исследовательской деятельности нашли отражения в экспозиции музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, где в связи со 140-летним юбилеем учебного заведения была создана новая постоянная экспозиция «Белгородский учительский институт 1876–1919 гг.» [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2017а]. В ней представлены восстановленные биографии шести директоров, их портретные фотографии, репринтные воспроизведения прижизненных изданий их научных трудов, списки преподавателей, их фотографии, цифровые копии работ преподавателя рисования и черчения Ю.И. Феддерса, а также списки выпускников и медаль «Достойному», которой награждали лучших воспитанников учительского института [Денисова, 2018].

Кроме постоянной экспозиции по результатам научной работы были представлены и временные выставки, посвященные юбилеям директоров учебного заведения «160 лет со дня рождения директоров Белгородского учительского института А.К. Димитриу и П.А. Дьяконова», а также «160 лет со дня рождения директора Белгородского учительского института Ф.Е. Пактовского» [Денисова, Лю-Ку-Тан, 2018в].

Таким образом, в современной исторической науке Белгородский учительский институт является одним из наиболее исследованных учебных заведений данного типа европейской части Российской Империи. Результаты научных исследований опубликованы в 32 научных статьях и кратких исторических справках, а также отражены в экспозиции музея истории НИУ «БелГУ». Историография 2000-х годов посвящена восстановлению исторического развития Белгородского учительского института с 1876 по 1919 гг. Увеличение исследовательского интереса и расширение тематики исследований по истории Белгородского учительского института наблюдается с середины 2010-х годов. Все проанализированные исследования разделены на следующие тематические блоки: нормативно–правовая база учительских институтов, процесс открытия учительского института в Белгороде, директора, преподавательский состав и выпускники Белгородского учительского института, повседневная жизнь воспитанников и городское училище при учительском институте.

Список литературы

1. Болгова А.М. 2001. К истории создания Белгородского учительского института: документы и материалы. Из истории образования на Белгородчине. Вып. 1. Белгород, 100.

2. Болгова А.М. 2002. К истории учреждения Белгородского учительского института. Научные ведомости БелГУ. Серия Педагогика, 17 (2): 239–249.

3. Денисова И.В. 2013. Из истории становления Белгородского учительского института (Харьковский учебный округ). В кн.: Історичні регіони України: минуле та сучасність. Материалы международной конференции» (Харьков, 28–29 октября 2013 г.). Харьков: 173–176.

4. Денисова И.В. 2016. О выставочных проектах университетского музея. В кн.: Научно-методическое сопровождение образовательных программ в области искусства. Материалы международной научно-практической конференции (г. Белгород, 21–22 октября 2016 года). Белгород, ИПЦ «ПОЛИТЕРРА»: 72–73.

5. Денисова И.В. 2016. Педагог Алексей Димитриу (1857–1925) – первый византинист Белгорода. В кн.: Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. М.; Белгород, ООО «Эпицентр»: 75–77.

6. Денисова И.В. 2018. Научно-исследовательская деятельность музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Жизнь земли. Междисциплинарный научно-практический журнал, 40 (1): 77–83.

7. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2016. Программа поступления в Белгородский учительский институт по Закону Божиему в экспозиции музея истории НИУ «БелГУ». Под ред. иерея Ярослава Манохина. В кн.: 1917–2017: уроки столетия: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Воронеж, Издательский дом ВГУ. Вып. I: 56–60.

8. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2017. Белгородский учительский институт в экспозиции музея истории НИУ «БелГУ». В кн.: Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара, Самар. гос. ин-т культуры: 274–278.

9. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2017. К вопросу о поступлении в Белгородский учительский институт и городское училище при нем. В кн.: Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции (Белгород, 18 ноября 2016 г.). Белгород, ИПЦ «Политерра»: 45–48.

10. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2017. К истории городского училища при Белгородском учительском институте в конце XIX – начале XX века. В кн.: Молодёжь – науке 2017. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016–2017 учебном году. Псков, Псковский государственный университет, 1 (1): 210–213.

11. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2018. Городское училище при Белгородском учительском институте в конце XIX – начале XX века. Плотникова. В кн.: Карамзинские чтения. Материалы II Всероссийской научной конференции (Белгород, 15 декабря 2017 г.). Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 77–80.

12. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2018. К вопросу о здании Белгородского учительского института. Сост. Н.М. Гончаренко. В кн: Интеграция как базовый фактор создания и развития социокультурного пространства города. Материалы Международной научно-практической конференции (Белгород, 7–8 декабря 2017 г.). Белгород, КОНСТАНТА: 32–35.

13. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2018. Персоналии Белгородского учительского института в фонде музея истории НИУ «БелГУ»: реконструкция и экспонирование. В кн.: VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире архивов, музеев и библиотек (к 190-летию со дня Рождения Н.Н. Страхова. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Белгород, 21–23 ноября 2018 г.). Белгород, ИД «Белгород»: 193–199.

14. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2018. Повседневная жизнь воспитанников Белгородского учительского института. Под об. ред. В.А. Вермеенко. В кн.: Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., Культурно-просветительское товарищество: 415–420.

15. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2018. Преподаватели Закона Божьего в Белгородском учительском институте в конце XIX – начале XX века. Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования, 4 (2): 33–44. DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-3.

16. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2019. Белгород и Белгородский учительский институт в творчестве И.Д. Василенко. В кн.: Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.). Санкт-Петербург, Культурно-просветительское товарищество: 172–177.

17. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2019. Выпускники Белгородского учительского института в экспозиции музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Жизнь Земли: Междисциплинарный научно-практический журнал, 41 (1): 54–60.

18. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. 2019. К вопросу о подготовке и профессиональной деятельности воспитанников Белгородского учительского института. В кн.: Белгородский диалог – 2018. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: Материалы X Международного молодежного научного форума (Белгород, 18–23 апреля 2018 г.). Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 163–166.

19. Дятченко Л.Я. 2007. Белгородскому государственному университету 130 лет. Высшее образование в России, 3: 86–92.

20. Золотая книга выпускников. Электронная книга. URL: http://alumni.bsu.edu.ru/alumni/gold–book/book/#p=10 (дата обращения: 20 августа 2020).

21. Костылева Е.В. 2020. Профессиональная подготовка в Феодосийском учительском институте (1874–1918). Вестник Марийского государственного университета, 14 (1) (37): 24–32. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-24-32.

22. Кочурина С.А. 2005. Учительские институты Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров (1902–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 26.

23. Лимаров А.И., Патлань Ю.В. 2015. Художник Юлий Феддерс: в поисках новых фактов биографии. RELGA Научно-культурологический журнал. 7 (295). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu–www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=4253 (дата обращения: 20 августа 2020).

24. Мамаева Т.П. 2016. Из истории развития высшего педагогического образования на Белгородчине (к 140-летию основания НИУ «БелГУ»). Современные тенденции развития науки и технологий, 5: 78–83.

25. Московкин В.М. 2014. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники. Научный результат. Серия «Социальные и гуманитарные исследования». 2 (2): 29–41.

26. Московкин В.М. 2014. Забытый деятель народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу как известный византинист. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 21 (192): 101–105.

27. Московкин В.М. 2014. О крупном деятеле народного образования юга России Александре Федоровиче Комарове (1842–1918). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 20 (191): 204–211.

28. Московкин В.М. 2014. Очерки о дореволюционных директорах Белгородского учительского института. В кн.: Сучасні проблеми науки та освіти: матеріали 14 міжнар. міждисциплінар. науч.-практ. конф. Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна: 35–48.

29. Московкин В.М. 2016. Очерки о творческой деятельности четырех директоров белгородского учительского института. Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования, 2 (3): 22–43. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43.

30. Московкин В.М. 2017. О крупном деятеле народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу. Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 3 (4): 30–48. DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-30-48.

31. Московкин В.М., Садовски М.В. 2017. Роль учебного пособия П.Е. Рощина «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, примененной к учебным предметам начального образования» в системе дореволюционного российского образования. Almamater (Вестник высшей школы), 8: 114–118. DOI: 10.203339/AM.08-17.114.

32. Московкин В.М., Садовски М.В. 2018. О вкладе бывшего директора Белгородского и Воронежского учительских институтов А.К. Димитриу (1857–1925) в византинистику. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 23 (171): 115–123. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-115-123.

33. Московкин В.М., Шатохин И.Т. 2017. Выпускник Белгородского учительского института 1897 г. Рыбалкин Михаил Михайлович: биография и творчество. Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования, 3 (1): 48–58. DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-48-58.

34. Мустафина Ф.З., Корнилова И.В., Магсумов Т.А. 2014. У истоков педагогического образования в Татарстане: Казанский учительский институт (1876–1918). В мире научных открытий. 11–2 (59): 871–882.

35. Новый этап в развитии вуза 2006–2016 гг. 2016. Под общей редакцией О.Н. Полухина. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 404.

36. Прокофьева Е.Ю. Страницы истории Белгородского учительского института (1876–1917 годы) 1999. В кн: Белгородская область вчера и сегодня (к 45-летию образования области). Материалы региональной научно-практической конференции. Белгород: 51–54.

37. Рощин П.Е. 2016. (репр. изд. 1907 г.). Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, примененной к учебным предметам начального образования; предисл. и очерк творческой деятельности В.М. Московкина. Белгород, ИД Белгород, 210.

38. Терещенко Д.А. 2016. Учительские институты в системе профессионального образования России во второй половине XIX – начале XX века (на примере Белгородского учительского института). Известия Юго-Западного Государственного Университета, 19 (2): 149–158.

39. Шагеева М.Ш. 2014. Учительские институты на Южном Урале в конце XIX – первой половине XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 22.

40. Шилов А.И. 2014. Содержание образования в учительских институтах Восточной Сибири в начале XX в. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 4 (30): 102–103.

References

1. Bolgova A.M. 2001. K istorii sozdaniya Belgorodskogo uchitel'skogo instituta: dokumenty i materialy. Iz istorii obrazovaniya na Belgorodchine [On the history of the creation of the Belgorod Teachers' Institute: documents and materials. From the history of education in the Belgorod region]. Vol. 1. Belgorod, 100 p. (in Russian).

2. Bolgova A.M. 2002. K istorii uchrezhdeniya Belgorodskogo uchitel'skogo institute [On the History of the Foundation: Belgorod Teachers’ Training Institute]. Belgorod State University Scientific Bulletin. Pedagogy 17 (2): 239–249 (in Russian).

3. Denisova I.V. 2013. Iz istorii stanovleniya Belgorodskogo uchitel'skogo instituta (Khar'kovskiy uchebnyy okrug) [From the history of the formation of the Belgorod Teachers' Institute (Kharkov educational district)]. In: Istorichni regioni Ukraïni: minule ta suchasnist'. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii [The Historical Regions of Ukraine: Passed and Passed. Materials of the international conference] (Kharkov, October 28–29, 2013). Kharkov: 173–176 (in Russian).

4. Denisova I.V. 2016. O vystavochnykh proektakh universitetskogo muzeya [About exposition projects of the university museum]. In: Nauchno–metodicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nykh programm v oblasti iskusstva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno–prakticheskoy konferentsii [Scientific and methodological support of educational programs in the field of art. Materials of the international scientific–practical conference] (Belgorod, 21–22 October, 2016). Belgorod, IPTs «POLITERRA»: 72–73.

5. Denisova I.V. 2016. Pedagog Aleksey Dimitriu (1857–1925) – pervyy vizantinist Belgoroda [Teacher Alexei Dimitriu (1857–1925) – the first Byzantine scholar of Belgorod]. In: Tezisy dokladov XXI Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov «Imperiya romeev vo vremeni i prostranstve: tsentr i periferiya» [Abstracts of the XXI All-Russian Scientific Session of Byzantinists «The Empire of the Romans in Time and Space: Center and Periphery»]. Moscow; Belgorod: 75–77 (in Russian).

6. Denisova I.V. 2018. Nauchno–issledovatel'skaya deyatel'nost' muzeya istorii Belgorodskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta [Scientific research activity of the history Museum of Belgorod National Research University]. Zhizn' Zemli [the Life of the Earth]. 4 (1): 77–83 (in Russian).

7. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2016. Programma postupleniya v Belgorodskiy uchitel'skiy institute po Zakonu Bozhiemu v ekspozitsii muzeya istorii NIU «BelGU» [The program of admission to the Belgorod Teachers' Institute according to the Law of God in the exposition of the Museum of History of the Belgorod National Research University]. Yaroslav Manokhin. In: 1917–2017: uroki stoletiya: materialy ezhegodnykh Mitrofanovskikh tserkovno-istoricheskikh chteniy [1917–2017: Lessons of the Century: Materials of the Annual Mitrofanov Church Historical Readings]. Voronezh, Izdatel'skiy dom VGU. 1: 56–60 (in Russian).

8. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2017. Belgorod teacher training Institute in the Museum of history «BelSU». In: Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyy aspekt. Materialy V Vserosciyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [National cultural heritage of Russia: regional aspect. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference]. Samara, Samarskiy gosudarstvennyy institute kul'tury: 274–278 (in Russian).

9. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2017. K voprosu o postuplenii v Belgorodskiy uchitel'skiy institut i gorodskoe uchilishche pri nem [On the question of admission to the Belgorod Teachers' Institute and the town school]. In: Traditsionnye kul'tury narodov mira: istoriya, interpretatsiya, vospriyatie. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Traditional cultures of the peoples of the world: history, interpretation, perception. Materials of the international scientific and practical conference] (Belgorod, 18 November, 2016). Belgorod, IPTs «Politerra»: 45–48 (in Russian).

10. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2017. K istorii gorodskogo uchilishcha pri Belgorodskom uchitel'skom institute v kontse XIX – nachale XX veka [On the history of the town school at the Belgorod Teachers' Institute in the late XIX – early XX century]. In: Molodezh' – nauke 2017. Materialy molodezhnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta po itogam nauchno-issledovatel'skoy raboty v 2016–2017 uchebnom godu [Youth – Science 2017. Materials of youth scientific and practical conferences of Pskov State University on the basis of research work in the 2016–2017 academic year]. Pskov, Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, 1 (1): 210–213 (in Russian).

11. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2018. Gorodskoe uchilishche pri Belgorodskom uchitel'skom institute v kontse XIX – nachale XX veka [Town school at the Belgorod Teachers' Institute in the late XIX – early XX century comparative]. Plotnikova. In: Karamzinskie chteniya. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Karamzin readings. Materials of the II All-Russian Scientific Conference]. (Belgorod, 15 December, 2017). Belgorod, Izdatel'skiy dom «Belgorod» NRU «BelSU»: 77–80 (in Russian).

12. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2018. K voprosu o zdanii Belgorodskogo uchitel'skogo instituta [On the first building Belgorod Teachers' Institute]. In: Integratsiya kak bazovyy factor sozdaniya i razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva goroda. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Integration as a basic factor in the creation and development of the socio-

cultural space of the city. Materials of the International Scientific and Practical Conference] (Belgorod, 7–8 December, 2017). Belgorod. KONSTANTA: 32–35 (in Russian).

13. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2018. Personalii Belgorodskogo uchitel'skogo instituta v fonde muzeya istorii NIU «BelGU»: rekonstruktsiya i eksponirovanie [Personell of the Belgorod Teaching Institute in the fund of the Museum of History of the Belgorod National Research University University: reconstruction and exposition]. In: VIII Strakhovskie chteniya: Nikolay Nikolaevich Strakhov i ego sobesedniki v mire arkhivov, muzeev i bibliotek (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Strakhova. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [VIII Strakhov readings: Nikolai Nikolaevich Strakhov and his interlocutors in the world of archives, museums and libraries (on the occasion of the 190th anniversary of the birthday of N.N. Strakhov. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)] (Belgorod, 21–23 November, 2018). Belgorod, Izdatel'skiy dom «Belgorod»: 193–199 (in Russian).

14. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2018. Povsednevnaya zhizn' vospitannikov Belgorodskogo uchitel'skogo institute [The daily life of pupils of the Belgorod Teachers' Institute in the late XIX – early XX century]. Private and public in daily life of the population of Russia: history and present time (regional aspect). Collection of materials of the international scientific conference. Under the general editorship of prof. V.A. Veremenko, editor-in-chief S.V. Stepanov. Saint Petersburg: 415–420 (in Russian).

15. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2018. Prepodavateli Zakona Bozh'ego v Belgorodskom uchitel'skom institute v kontse XIX – nachale XX veka [Teachers of the law of God in the Belgorod Teacher's Training Institute at the end of the 19th and the beginning of the 20th century]. Research Result. Social Studies and Human Humanities Series, 4 (2): 33–44. DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-3 (in Russian).

16. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2019. Belgorod i Belgorodskiy uchitel'skiy institut v tvorchestve I.D. Vasilenko [Belgorod and Belgorod Teaching Institute in the works of I.D. Vasilenko]. In: Natural and geographical factors in the everyday life of Russian population: history and modernity (regional aspect). Collection of materials of the international scientificconference (Saint Petersburg, 14–16 March, 2018) / Under general editorship of Full Professor V.A. Veremenko, [editor-in-chief S.V. Stepanov]. Saint Petersburg: 172–177 (in Russian).

17. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2019. Vypuskniki Belgorodskogo uchitel'skogo instituta v ekspozitsii muzeya istorii Belgorodskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta [Graduates of the Belgorod teacher’s training institute in the exhibition at the history Museum of Belgorod State National Research University]. Zhizn’ Zemli [the Life of the Earth], 41 (1): 54–60 (in Russian).

18. Denisova I.V., Lyu-Ku-Tan V.A. 2019. K voprosu o podgotovke i professional'noy deyatel'nosti vospitannikov Belgorodskogo uchitel'skogo instituta [On the question of the training and professional activity of the teachers of the Belgorod Educational Institute]. In: Belgorodskiy dialog – 2018. Problemy filologii, vseobshchey i otechestvennoy istorii. Materialy X Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma [Belgorod Dialogue – 2018. Problems of Philology, General and National History: Materials of the X International Youth Scientific Forum] (Belgorod, 18–23 April 2018). Belgorod, Izdatel'skiy dom «Belgorod»: 163–166 (in Russian).

19. Dyatchenko L.Ya. 2007. Belgorodskomu gosudarstvennomu universitetu 130 let [Belgorod State University is 130 years old]. Vysshee obrazovanie v Rossii. Higher Education in Russia, 3: 86–92 (in Russian).

20. Zolotaya kniga vypusknikov [Gold book of graduates]. Available at: http://alumni.bsu.edu.ru/alumni/gold–book/book/#p=10 (accessed 20 August 2020) (in Russian).

21. Kostyleva K.V. 2020. Professional'naya podgotovka v Feodosiyskom uchitel'skom institute (1874–1918) [Professional training at Feodosiya Teachers’ Institute (1874–1918)]. Vestnik of the Mari State University 14 (1) (37): 24–32. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-24-32 (in Russian).

22. Kochurina S.A. 2005. Uchitel'skie instituty Zapadnoy Sibiri i ikh rol' v podgotovke pedagogicheskikh kadrov (1902–1920 gg.) [Teachers' institutes in Western Siberia and their role in the training of teaching staff (1902–1920)]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Tomsk, 26 (in Russian).

23. Limarov A.I., Patlan' Yu.V. 2015. Khudozhnik Yuliy Fedders: v poiskakh novykh faktov biografii [Artist Julius Fedders: In Search of New Biographical Facts]. RELGA Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal. 7 (295). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu–www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=4253 (accessed 20 August, 2020) (in Russian)

24. Mamaeva T.P. 2016. Izistorii razvitiya vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya na Belgorodchine (k 140-letiyu osnovaniya NIU «BelGU») [From the history of the development of higher

pedagogical education in the Belgorod region (to the 140th anniversary of the foundation of the National Research University «BelSU»)]. Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy, 5: 78–83 (in Russian).

25. Moskovkin V.M. 2014. Belgorodskiy uchitel'skiy institut: direktora, prepodavateli i vypuskniki [Belgorod teachers' training institute: the directors, teachers and graduates]. Research Result. Social Studies and Human Humanities Series, 1 (2): 29–41 (in Russian).

26. Moskovkin V.M. 2014. Zabytyy deyatel' narodnogo obrazovaniya Kurskoy i Voronezhskoy guberniy A.K. Dimitriu kak izvestnyy vizantinist [The forgotten actor of people education of Kursk and Voronezh provinces F.K. Dimitriu as a well-known Byzantinist]. Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political Science. Economics Information technologies, 21 (192): 101–105 (in Russian).

27. Moskovkin V.M. 2014. O krupnom deyatele narodnogo obrazovaniya yuga Rossii Aleksandre Fedoroviche Komarove (1842–1918) [Alexander Fedorovich Komarov (1842–1918) as an outstanding Figure of public Education of Soyth of Russia]. Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities Philology Journalism Pedagogy Psychology, 20 (191): 204–211 (in Russian).

28. Moskovkin V.M. 2014. Ocherki o dorevolyutsionnykh direktorakh Belgorodskogo uchitel'skogo instituta [Essays on pre-revolutionary directors of Belgorod teachers institute. In: Actual problems of science and education]. In: Modern sciences and education: materials of the 14th international interdisciplinary scientific and practical conference. Kharkov, V.N. Karazin Kharkiv National University: 35–48 (in Russian).

29. Moskovkin V.M. 2016. Ocherki o tvorcheskoy deyatel'nosti chetyrekh direktorov belgorodskogo uchitel'skogo instituta [Essays about creative activities of four directors of Belgorod Teacher's Institute]. Research Result. Social Studies and Human Humanities Series, 2 (3): 22–43. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43 (in Russian).

30. Moskovkin V.M. 2017. O krupnom deyatele narodnogo obrazovaniya Kurskoy i Voronezhskoy guberniy A.K. Dimitriu [About Aleksey Dimitriu – an outstanding figure of the public education of Kursk and Voronezh provinces]. Research Result. Social Studies and Human Humanities Series, 3 (4): 30–48. DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-4-30-48 (in Russian).

31. Moskovkin V.M., Sadovski M.V. 2017. Rol' uchebnogo posobiya P.E. Roshchina «Ocherk glavneyshikh prakticheskikh polozheniy pedagogiki, didaktiki i metodiki, primenennoy k uchebnym predmetam nachal'nogo obrazovaniya» v sisteme dorevolyutsionnogo rossiyskogo obrazovaniya [The Role of Educational Text – Book by P.E. Roschtschin «Essay of principal practical provisions of pedagogy, didactics and methodology, applicable to academic subjects in primary education»]. Alma mater (Vestnik Vysshey Shkoly), 8: 114–118. DOI: 10.203339/AM.08-17.114 (in Russian).

32. Moskovkin V.M., Sadovski M.V. 2018. O vklade byvshego direktora Belgorodskogo i Voronezhskogo uchitel'skikh institutov A.K. Dimitriu (1857–1925) v vizantinistiku [About the contribution of the former director of Belgorod and Voronezh Teachers' Institutes A.K. Dimitriu (1857–1925) in the Byzantine studies]. Tambov University Review. Series: Humanities, 23 (171): 115–123. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-115-123 (in Russian).

33. Moskovkin V.M., Shatokhin I.T. 2017. Vypusknik Belgorodskogo uchitel'skogo instituta 1897 g. Rybalkin Mikhail Mikhaylovich: biografiya i tvorchestvo [Mikhail Rybalkin, a 1897 graduate of Belgorod Teachers' Institute: biography and achievements]. Research Result. Social Studies and Human Humanities Series, 3 (1): 48–58. DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-48-58 (in Russian).

34. Mustafina F.Z., Kornilova I.V., Magsumov T.A. 2014. U istokov pedagogicheskogo obrazovaniya v tatarstane: Kazanskiy uchitel'skiy institut (1876–1918) [At the origins of pedagogical education in Tatarstan: Kazan Teacher's Institute (1876–1918)]. In the World of Scientific Discoveries. 11–2 (59): 871–882 (in Russian).

35. Novyy etap v razvitii vuza 2006–2016 gg. [A new stage in the development of the university 2006–2016]. 2016. Pod obshchey redaktsiey O.N. Polukhina. Belgorod, Izdatel'skiy dom «Belgorod» NRU «BelSU», 404 (in Russian).

36. Prokof'eva E.Yu. Stranitsy istorii Belgorodskogo uchitel'skogo instituta (1876–1917 gody) 1999 [Pages of the history of the Belgorod Teachers' Institute (1876–1917)]. In: Belgorodskaya oblast' vchera i segodnya (k 45–letiyu obrazovaniya oblasti). Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Belgorod region yesterday and today (to the 45th anniversary of the region). Materials of the regional scientific and practical conference]. Belgorod: 51–54 (in Russian).

37. Roshchin P.E. 2016. Ocherk glavneyshikh prakticheskikh polozheniy pedagogiki, didaktiki i metodiki, primenennoy k uchebnym predmetam nachal'nogo obrazovaniya [Essay of key practical ideas

of pedagogic, didactic and methodic, applied to studying subjects of primary education]; predislovie i ocherk tvorcheskoy deyatel'nosti V.M. Moskovkina. Belgorod, ID Belgorod, 210 (in Russian).

38. Tereshchenko D.A. 2016. Uchitel'skie instituty v sisteme professional'nogo obrazovaniya Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na primere Belgorodskogo uchitel'skogo instituta) [Teacher Training Institute in vocational education in Russia in the second half of XIX – early XX century (for example, Belgorod teachers' institute)]. Proceedings of the Southwest State University, 19 (2): 149–158 (in Russian).

39. Shageeva M.Sh. 2014. Uchitel'skie instituty na Yuzhnom Urale v kontse XIX – pervoy polovine XX v. [Teachers' institutes in the South Urals at the end of the XIX – the first half of the XX century]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Ufa, 22 (in Russian).

40. Shilov A.I. 2014. Soderzhanie obrazovaniya v uchitel'skikh institutakh Vostochnoy Sibiri v nachale XX v. [The syllabus of Teachers' Institutes in Eastern Siberia at the beginning of the XX century]. Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 4 (30): 102–103 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan, Postgraduate Student, Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(47)
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-211-229

Синтез культур и квазиисторическая традиция в учении Георгия Гурджиева

А.Н. Мошкин
Белгородский государственный национально-исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: moshkin@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются философские взгляды отечественного философа-мистика первой половины XX в. армяно-греческого происхождения Георгия Гурджиева. В статье доказывается, что философское учение Гурджиева было ответвлением интегрального традиционализма, имея отечественную специфику. В частности, Гурджиев подвергает резкой критике современное европейское общество, его науку и культуру, упрекая его в деградации и стремясь обратиться к древнему правильному учению. При этом Гурджиев опирался на идеи русского космизма, православного христианства и религиозные практики среднеазиатских суфиев, а также синтез других религий. Он был не только теоретиком интегрального традиционализма, но и практиком, реализуя свое учение в основанном им Институте гармонического развития. Суть учения Гурджиева состояла в том, что человек является неотъемлемой частью природы и космоса, но природа человечества искажена, оно деградировало и забыло свои функции в современном мире. Необходимо применять практики Четвертого пути, предполагавшие самосовершенствование и внутреннюю работу над собой для духовного роста и пробуждения совести. Гурджиев практиковал гипноз. Важную роль для Гурджиева играли кавказские и среднеазиатские народные традиции.

Ключевые слова: Гурджиев, Институт гармонического развития, Четвёртый путь, интегральный традиционализм, русский интегральный традиционализм, мистицизм, русский космизм, русская философия, армянская философия.

Для цитирования: Мошкин А.Н. 2021. Синтез культур и квазиисторическая традиция в учении Георгия Гурджиева. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 211–229. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-211-229.

The synthesis of cultures and quasi-historical tradition in the teachings of George Gurdjieff

Aleksandr N. Moshkin
Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: moshkin@bsu.edu.ru

Annotation. This work examines the philosophical views of the Russian mystic philosopher of Armenian-Greek origin George Gurdjieff who lived in the first half of the 20th century. The author proves that the philosophical doctrine of Gurdjieff was an offshoot of integral traditionalism, having a domestic specificity. In particular, Gurdjieff sharply criticizes modern European society, its science and culture, reproaching it for degradation and seeking to turn to the ancient correct teaching. At the same time, Gurdjieff relied on the ideas of Russian cosmism, Orthodox Christianity and the religious practices of the Central Asian Sufism, as well as a synthesis of other religions. He was not only a theoretician of integral traditionalism, but also a practitician, realizing his teachings in the Institute of Harmonious Development founded by him. The essence of Gurdjieff's teaching was that man is an integral part of nature and space, but the nature of mankind is distorted, it has degraded and has forgotten its functions in

the modern world. It is necessary to apply the practices of the Fourth Way, which involved self-improvement and inner work on oneself for spiritual growth and the awakening of conscience. Gurdjieff practiced hypnosis. The tradition on which Gurdjieff relied was pseudo-historical, apparently invented by him the Sarmung Brotherhood from Central Asia, associated with the ancient Babylonian civilization. Caucasian and Central Asian folk traditions played an important role for Gurdjieff.

Key words: Gurdjieff, Institute of Harmonious Development, the Fourth Way, integral traditionalism, Russian integral traditionalism, mysticism, Russian cosmism, Russian philosophy, Armenian philosophy.

For citation: Moshkin A.N. 2021. The synthesis of cultures and quasi-historical tradition in the teachings of George Gurdjieff. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 211–229 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-211-229.

Идея данной работы принадлежит д. и. н., проф. А.Ж. Арутюняну (Ереван, Армения), земляку Гурджиева. Реализация темы стала возможной благодаря дружеской помощи д. и. н., проф. Н.Н. Болгова (НИУ «БелГУ»), который обратил наше внимание на широкий контекст архаизма-традиционализма 1-й пол. XX в. в плане рецепции древности в контексте кризиса западной цивилизации (Р. Генон, Э. Юнгер, Ю. Эвола и др.).

Тема данной работы касается исследования жизни и творческой деятельности отечественного мыслителя, философа-мистика, путешественника, музыканта и врача Георгия Гурджиева [Ровнер, 2002] в контексте развития российского направления интегрального традиционализма. Интегральный традиционализм как философское течение сложился в последней четверти XIX – 1-й пол. XX в. как ответ на кризис европейской культуры, связанный с наступлением эпохи модерна. Это время промышленной революции, механизации и индустриализации, связанной с развитием техники и машинного производства, сопровождавшейся урбанизацией и секуляризацией сознания, научно-технической революцией [Пильчинова, 2014, с. 22–25]. Урбанизация способствовала формированию массовой культуры, которая вытесняла и примитивизировала культуру элит. Фундаментальные открытия в естественнонаучном знании (электромагнитное излучение, строение атома, периодическая система элементов, радиоактивность, теория биологической эволюции и генетика и др.) вывели его на новый уровень и привели к кризису религий, развитию атеизма. Это привело к кризису духовности в Европе [Орлов, 2006, с. 130–148].

В условиях кризиса господствующей в Европе христианской религии духовный поиск среди интеллигенции был направлен на альтернативные религиозные традиции Европы: эзотерику, оккультизм, теософию, масонство и религиозные системы Востока: ислам, буддизм и индуизм, иудаизм. На их основе и сложился интегральный традиционализм [Полонская, 2005, с. 30–36]. Интегральный традиционализм стал реакцией на кризис религии и традиционной европейской культуры, представляя собой консервативное религиозно-философское учение, направленное на сохранение и возрождение древних ценностей, институтов и религиозных практик, переданных через многовековой опыт и практическую мудрость [Холодов, Молотов, 2010, с. 4–9]. В интегральном традиционализме критикуется утративший духовность современный мир, происходит попытка отказа от него и его ценностей, а также попытка возвращения к первоначальным истокам человеческой культуры и восстановлению духовности, выражавшихся в идеализированной и единой для всех примордиальной (первоначальной) Традиции. Интегральный традиционализм отрицает идею прогресса, считая, что происходят инволюция и деградация человеческого общества. Полная Традиция в современном мире утрачена, но ее части сохранились и были переданы религиозные системы и учения, так как религия является наиболее консервативной сферой культуры [Седжвик, 2014, с. 35–36]. Для традиционалистов Западной Европы характерен отказ от канонического христианства – как католичества, так и протестантизма, – как слишком рационализированных и утративших остатки Традиции, и духовный поиск в более кон-

сервативных религиозных учениях Востока с обращением к национальной дохристианской мифологии и античной культуре [Филиппович, 2014, с. 51–62].

Особые черты традиционалистические идеи имели в России, так как она не является типично западной цивилизацией, а лежит на стыке Запада и Востока, включая в себя обе из цивилизационных составляющих [Кравченко, 2020, с. 174–187]. Культура и религиозные традиции неправославных народов Средней Азии и Кавказа, находящихся в Российской империи, оказывали непосредственное влияние на развитие русской культуры, вступая в прямое взаимодействие со славянской культурой. Кроме того, в отличие от Западной Европы, в России были сильны позиции православного христианства, которое отнюдь не исчерпало себя как источник духовной жизни. Эти черты оказали непосредственное влияние и на формирование философского учения Георгия Гурджиева, который является ярким представителем отечественной ветви интегрального традиционализма.

Помимо общих культурных особенностей русской цивилизации складывание традиционалистического мировоззрения Гурджиева напрямую связано с перипетиями его жизни и деятельности. Собственно говоря, Георгий Гурджиев не был непосредственным продуктом русской философско-мистической школы. Он родился и вырос на Кавказе в полиэтничной культурной среде [Алексахин, 2003], что предопределило огромное влияние на него культуры Кавказа и Средней Азии. Поэтому для понимания его учения необходимо подробно рассмотреть биографию философа. Ее можно узнать как из автобиографических зарисовок философа в его работах, это касается раннего и зрелого периода его жизни, так и из работ, содержащих воспоминания его учеников, – это относится ко второй половине жизни Гурджиева.

Георгий Иванович Гурджиев родился в 1873 (по другим версиям, в 1866, 1872, 1874 или 1877) году в городе Александрополь (ныне Гюмри, Армения) [Алексахин, 2003; Бровко, 2019, с. 6; Ровнер, 2002] в семье грека Иоаннеса Георгиадеса, происходящего из Каппадокии [Кравченко, 1997, с. 213]. Его семья переехала из Турции сначала в Грузию, а потом он сам уехал в Армению. Отец Гурджиева был богат, владел несколько стадами, но затем обнищал из-за падежа скота. Это его не расстроило, так как он ценил духовные ценности выше материальных, чему научил и детей. А сам он являлся ашугом – сказителем устных народных песен [Гурджиев, 2018b, с. 29–30, 38, 45–46]. Матерью философа была армянка из рода Тавризовых-Багратуни. Фамилия «Гурджиев» переводится с турецкого как «грузин», «выходец с Кавказа». Такую фамилию носили многие малоазиатские греки, эмигрировавшие на другую сторону Кавказа, в Армению [Алексахин, 2003].

Отец был знатоком многих народных песен и часто исполнял их, чем заложил в старшем сыне огромную любовь к народному фольклору. Георгий Гурджиев часто в своих произведениях впоследствии использовал выразительные речевые обороты, пословицы и поговорки для разъяснения своих идей в просторечье. Кроме того, одним из самых любимых и авторитетных источников для Гурджиева являлся знаменитый полуфольклорный персонаж, распространенный на территории Кавказа, Центральной и Средней Азии, а также Ближнего Востока в турецкой, арабской, персидской и даже китайской традиции – философ Ходжа Насреддин, дату жизни которого относят к XIII в. [Гордлевский, 1957]. Его Гурджиев почтительно называет Мулла Наср-Эддин [Гурджиев, 2004, с. 10] и вкладывает в его уста большую часть всех поговорок и ярких ироничных выражений, которые использует в своем произведении, намеренно относя время жизни философа к XIX в., чтобы через него высмеивать злободневные проблемы современности.

Еще в детстве Гурджиев почувствовал собственную уникальность и исключительность [Гурджиев, 2004, с. 20–26]. Ключевым событием, стимулировавшем его духовные поиски, в дальнейшем стал эпос о Гильгамеше. Из всех народных песен и сказаний, которые исполнял его отец, наибольшее впечатление на Гурджиева произвел шумерский сказ о Гильгамеше. Впоследствии Гурджиев узнал, что устное предание донесло чуть не слово в слово вавилонский эпос, созданный более 4 000 лет назад, найденный археологическими

раскопками на глиняных табличках [Гурджиев, 2018b, с. 32–34]. Это подтолкнуло молодого человека к поиску наследия древних центров вавилонской культуры. В частности, речь идет о древнейшем религиозном обществе «Сармунгское братство», которое имело древневавилонские корни [Гурджиев, 2018b, с. 91–92].

Юношей Гурджиев получил очень хорошее образование. Его первым учителем был настоятель собора в Карсе, священник Борш. Помимо своих священнических обязанностей Борш увлекался астрономией, химией и музыкой, к чему пристрастил своего воспитанника. По совету и под руководством Борша Гурджиев получил глубокое домашнее образование, изучив русский язык, Священное Писание, географию, историю, анатомию, физиологию, математику. Также Гурджиев любил читать книги, особенно древние, поглощая их со страстью [Гурджиев, 2018b, с. 48–51]. К чтению пристрастил его второй учитель, священник Евлиссий Богаевский, заменивший Крестовского, а впоследствии ставший аббатом Ессейского братства в монастыре около Мёртвого моря [Гурджиев, 2018b, с. 56, 59, 72]. Впоследствии Гурджиев указывал, что Ессейское братство в наиболее правильной форме донесло учение Христа до современности [Гурджиев, 2004, с. 398].

Родители Гурджиева хотели, чтоб тот стал священником, но наставник советовал освоить профессию врача [Гурджиев, 2018b, с. 50, 51]. В итоге Гурджиев выбрал средний путь, освоив профессию врача-гипнотезёра, то есть психолога. А сам он увлекался техническими науками, переняв от отца удивительное мастерство в починке различных инструментов и приборов, производстве ремесленных изделий, а также умел шить, красить, работать по дереву, металлу, керамике и другим материалам, считаясь мастером на все руки в родном городе [Гурджиев, 2018b, с. 280–281].

Кроме того, живя в условиях полиэтничности в окружении различных народов, Гурджиев был необычайным полиглотом и владел 18 языками, в основном, восточными. С детства Гурджиев владел армянским и русским. Также родители для него наняли учителя новогреческого языка, знавшего и турецкий – оба он хорошо знал [Гурджиев, 2004, с. 13, 23; Гурджиев, 2018b, с. 328]; кроме того, прекрасно владел персидским [Гурджиев, 2018b, с. 196, 263], изучил грузинский, узбекский и его особый диалект сартский, киргизский и арабский [Гурджиев, 2018b, с. 110, 121, 232–233, 261–262]. Также он хорошо знал итальянский [Гурджиев, 2018b, с. 121]. Другие западноевропейские языки, а именно: французский, английский, немецкий, Гурджиев изучил в позднем возрасте, когда эмигрировал в Европу [Гурджиев, 2004, с. 17–18, 374–375; Гурджиев, 2018b, с. 329–331]. Немецкий он знал плохо. Не исключено, что он знал и латинский, цитаты из которого также использовал в своих работах [Гурджиев, 2004, с. 241, 283–285]. Языкам и их грамматике Гурджиев придавал важное значение при написании своих произведений [Гурджиев, 2004, с. 10–12].

В юности Гурджиев стал свидетелем различных чудес и мистических событий, которые его очень заинтересовали и обратили к исследованию эзотерических наук и сверхъестественных явлений; он стал искать ответы на свои вопросы в древней литературе. Вместе с друзьями Гурджиев образовал «Общество искателей истины» [Гурджиев, 2018b, с. 60–69, 227]. Также он начал участвовать в различных географических и археологических экспедициях. Среди развалин города Ани удалось обнаружить пергамен с информацией о Сармунгском братстве [Гурджиев, 2018b, с. 89–92]. Вскоре после находки Гурджиев с другом Погосяном предпринял первое путешествие по Кавказским землям в поисках информации об этом братстве. Им удалось обнаружить древнейшую карту, которая привела их в Египет, в Александрию, где ему довелось познакомиться с еще одним эзотериком – князем Любовецким, а также археологом профессором Скридловым [Гурджиев, 2018b, с. 100–102, 121–123]. Впоследствии Гурждиев принимал участие в археологических экспедициях Скридлова в Среднюю Азию и Закавказье, ездил с князем на Тибет, в Индию и Цейлон, освоил хатха-йогу [Гурджиев, 2018b, с. 123, 196]. Также он увлекался японской борьбой джиу-джитсу [Гурджиев, 2018b, с. 146].

В своих духовных поисках Гурджиев посещал Константинополь, Эчмиадзин, Тифлис, а затем отправился в Среднюю Азию – в Бухару и Самарканд [Гурджиев, 2018b, с. 78, 110, 138, 188]. Именно там он наткнулся на информацию о Сармунгском братстве и познакомился с его членами, предприняв путешествие в монастырь, расположенный в горном Туркестане, которому было не менее 4 500 лет. Именно в этом монастыре Гурджиев познакомился со священными суфийскими танцами, ставшими важным аспектом его учения в дальнейшем [Гурджиев, 2018b, с. 152–160, 168–169].

В 1898–1900 гг. вместе с профессором Скридловым, а также своим друзьями из «Общества искателей истины» Гурджиев участвовал в археологических экспедициях в пустыню Гоби, Азербайджан и Персию, Афганистан, Памир, Гималаи, Индию, Тибет и Сибирь, а также Абиссинию, Вавилон и Сирию, а затем снова в Туркестан, в частности Бухару и город Мерве, где год велись раскопки [Гурджиев, 2018b, с. 172–186, 194, 199–205, 228, 241–242, 246, 282, 248–252, 282]. Тем не менее в истории археологических экспедиций в городе Мерве не упоминается археолог Скридлов, хотя там упоминаются даже любители [Лунин, 1958, с. 32–47]. О его археологической деятельности информацию найти не удалось. А разброс «экспедиций» предполагает, что он не был официальным археологом и не состоял в официальных археологических организациях. Как и Гурджиев, Скридлов был «духовным искателем», о чем свидетельствует и специфика их «археологической» подготовки – они заучивали персидские религиозные тексты, выдавали себя за дервишей, купцов и т. п. [Гурджиев, 2018b, с. 183, 263]. Результатом «экспедиций» стало знакомство с различными духовными лидерами, прославленными дервишами и факирами-подвижниками, у которых они черпали информацию о духовных практиках, дыхании, питании [Гурджиев, 2018b, с. 199–205, 228, 241–242, 246, 282].

В ходе одного из путешествий Гурджиев и Скридлов наткнулись на некий монастырь экуменического типа, возглавляемый грекоязычным итальянцем отцом Джованни. Там обитали «бывшие христиане, иудеи, мусульмане, буддисты, ламаисты и даже один шаман» [Гурджиев, 2018b, с. 267]. Этот монастырь был одним из системы 4 монастырей, остальные из которых были расположены на Тибете, в Индии и на Памире. Хотя прямо об этом не сказано, видимо, этот монастырь также относился к мифическому Сармунгскому братству, а Гурджиев до этого посещал другой монастырь братства на Памире. В монастыре в беседах с отцом Джованни Гурджиев и его спутники нашли ответы на все свои вопросы [Гурджиев, 2018b, с. 265–274]. Этим оканчивается духовный поиск Гурджиева.

В целом свидетельств об этом периоде деятельности Гурджиева нет, кроме его собственных автобиографических зарисовок. Весьма вероятно, что он выдумал или исказил многие вещи своей биографии, в частности, это касается поиска Сармунгского братства.

Научившись сам, с 1912 г. Гурджиев начинает учить других. Он прибыл в Москву, а затем в Санкт-Петербург, где стал выступать с лекциями о своем учении. С 1915 г. он знакомится с еще одним философом, увлекавшимся теософией – Петром Успенским. Успенский на этот период стал главным учеником Гурджиева [Ровнер, 2002]. Именно там Гурджиев пытался основать «Институт гармонического развития», в котором развивал свое учение. Но планы прервала сначала Первая мировая война, а затем революция. Гурджиев вынужден был перебраться в Ессентуки вместе со своими учениками [Гурджиев, 2018b, с. 308–309]. Дабы его учеников не мобилизовали на фронт белые или красные (сам он нейтрально относился ко всем враждующим сторонам), Гурджиев организовал «археологическую экспедицию», в ходе которой он с учениками перебрался из Ессентуков в Тифлис. В Тифлисе он организовал филиал своего Института [Гурджиев, 2018b, с. 310–320].

После прихода к власти большевиков Гурджиев и его ученики решили эмигрировать, понимая, что новая власть не позволит им держать собственный институт духовно-религиозного характера. Они эмигрировали в Константинополь [Гурджиев, 2018b, с. 322]. Там члены Института читали лекции, а Гурджиев сочинял музыку в соответствии со своим учением, привлекая много последователей. Его главным сподвижником в этом деле

был его ученик, русский композитор Фома Гартман, который познакомился и поступил под начало Гурджиева в 1917 г., последовав за учителем вместе с женой и семьей в Ессентуки, Тифлис и Константинополь, а впоследствии в Германию и Францию, оставаясь с Гурджиевым вплоть до 1929 г., пока последний не отослал своего ученика. Гартман перекладывал напеваемые Гурджиевым мелодии на музыку, так как учитель не знал нотной грамоты, создавая музыкальное сопровождение для танцев членов Института гармонического развития [Свиридовская, 2014, с. 68–85]. В 1921 г. Гурджиев, опасаясь роста турецкого национализма, переехал со своими учениками в Западную Европу, а именно в Германию, в Берлин, а также посетил Лондон в поисках лучшего места для Института. В итоге его выбор остановился на Франции и Париже, где для функционирования Института была арендована вилла Шато дю Приер [Гурджиев, 2018b, с. 325–328] в 1922 году. В 1924 г. Гурджиев отправился в Америку, чтоб там открыть филиал школы. Он и его ученики выступали с лекциями [Алексахин, 2003].

По возвращении во Францию Гурджиев попал в автомобильную аварию, врезавшись в дерево, после которой долго восстанавливался, будучи не в состоянии полноценно работать около 9 месяцев [Гурджиев, 2014, с. 58]. В это время стал прогрессировать рак у его жены, которую он любил и лечил гипнозом. В результате аварии он не смог продолжать курс лечения, и рак перешел в смертельную стадию. Эту автобиографическую историю Гурджиев также вставил в «Рассказы Вельзевула» [Гурджиев, 2004, с. 510–512]. У его матери, эмигрировавшей к сыну во Францию, была тяжелая болезнь печени. От этих болезней обе женщины скончались в 1925–1926 гг. [Гурджиев, 2014, с. 22–26]. О жене мало что известно, кроме того, что Гурджиев горячо ее любил, а познакомился с ней в Санкт-Петербурге в 1907 г. [Гурджиев, 2014, с. 26]. Ее имя было Юлия Островская [Ровнер, 2002]. После этого Гурджиев стал писать свои работы, закрыв Институт во Франции, но оставив его филиал в Америке в Нью-Йорке, где деятельность по поддержанию Института осуществлял его ученик Оридж [Гурджиев, 2014 с. 57–58]. С 1927 по 1934 г. Гурджиев пребывал в Америке [Уэлш, 2002, с. 145–166]. Период писательской деятельности Гурджиева продолжался в течение 7 лет с 1928 года по 1935 г. [Гурджиев, 2014, с. 31]. После этого Гурджиев прекратил писать.

Одной из насущных проблем для Гурджиева было поддержание своего материального благополучия и поиск денег не только на жизнь, но и на свои исследования. Гурджиев описывает много ситуаций, когда в незнакомом городе он имел около нескольких копеек и вынужден был воровать плоды с огородов [Гурджиев, 2018b, с. 139]. Зарабатывал себе на жизнь Гурджиев не интеллектуальной деятельностью, а ремеслом и торговлей, иногда его предприятия были на грани мошенничества. Он торговал книгами, гипсовыми фигурками, бумажными цветами, птицами, рыбой, проводил экскурсии, чистил обувь, был шарманщиком, работал ныряльщиком, организовывал ремесленные мастерские по починке приборов, делал корсеты, перегонял скот, открывал рестораны и театры, участвовал в нефтедобыче, выдавал себя за дервиша и факира, в более поздний период в России и Европе работал врачом-гипнотизёром. В период революции скупал, реставрировал и продавал ковры и антиквариат. В ходе своей деятельности он смог заработать к 1913 году до 1 млн рублей, пользуясь репутацией ловкого и удачного бизнесмена [Гурджиев, 2018b, с. 110, 112–113, 122, 140–151, 189–191, 207–215, 259, 279, 285–300, 306], что стало базисом для открытия института. В Европе Гурджиев также занимался коммерческой деятельностью, вкладывал деньги в нефтяные компании, открыл два ресторана на Монмартре, а также работал врачом-психологом, основывая свои методы лечения на гипнотических сеансах. Ученики отмечали, что Гурджиев устраивал различные обеды для своих последователей и был превосходным поваром [Клостре, 2002, с. 167–173]. В одной из лекций он сообщает, что учился изготовлять духи в молодости [Гурджиев, 2009b]. В период своей эмигрантской деятельности Гурджиев не чурался просить деньги у собственных учеников. В 1924 г. Гурджиев организовал турне по Америке, чтобы собрать денег на оплату долгов

во Франции, освоив английский язык. В бытность своего пребывания в Америке после 1927 г. он занимался скупкой и перепродажей антиквариата для содержания Института, но Великая депрессия 1929–1933 гг. сильно ударила по его бизнесу и разорила его [Гурджиев, 2018b, с. 342–350].

После второго приезда в Америку Гурджиев очень материалистически подходил к своей школе и, по выражению ученого А. Ровнера, стриг деньги с учеников, как с овец [Ровнер, 2002]. Кроме того, он боролся за влияние на последователей своего ученика Ориджа, конкурируя с собственным учеником, которого называл незрелым и исказившим его идеи [Гурджиев, 2014, с. 71–74]. Также достаточно цинично он поступал с письмами своих последователей, говоря секретарю вскрывать лишь те, которые «с вложениями», остальные уничтожать. У него также была система распределения приходящих средств в зависимости от суммы [Гурджиев, 2014, с. 40–41]. Поведение Гурджиева было очень эксцентрично, он довольно высокомерно относился к Ориджу, требуя у него денег. Вскоре это спровоцировало разрыв между ними. Американская группа Гурджиева вскоре распалась, и он вернулся во Францию [Ровнер, 2002].

С 1933 по 1936 г. Гурджиев находился в отчаянном материальном положении. Он пытался привлечь последователей, даже установить контакты с советским руководством, совершил краткосрочную неудачную поездку в Центральную Азию [Ровнер, 2002]. В этот период он распустил старых учеников, продал виллу Шато дю Приер и переселился в русский квартал Парижа. Изданная им на 9 языках книга «Вестник грядущего добра» провалилась, о чем он сам писал [Гурджиев, 2014, с. 33]. В это время вокруг него собралась новая группа из женщин литературно-лесбийских кругов [Baker, 2000]. Беседы проходили в форме торжественных застолий, где Гурджиев вел себя по-прежнему эксцентрично, но стал более доступен [Уэлш, 2002]. Пользуясь своей харизмой, он встречался со своими ученицами, от которых, как подозревается, у него были дети [Taylor, 1998, p. 3]. Детей он любил, всегда угощал их конфетами и орехами [Ровнер, 2002].

В годы Второй мировой войны он также устраивал застолья, имел в запасе склад продуктов, поддерживал учеников и соседей, укрывал учеников-евреев. В 1948 г. после смерти отколовшегося от него ученика Успенского Гурджиев объединил всех английских учеников последнего, критикуя Успенского, а также собрал американских последователей, посетив США. Его наиболее близким учеником был Дж. Беннет, с которого он также брал деньги, конкурировал за учеников, развивая тему об учениках-«иудах», которые исказили его учение (Успенский, Ориdж) [Ровнер, 2002]. В 1948 г. с ним приключилась еще одна автомобильная авария, вконец подорвавшая его здоровье [Беннет, 2006, с. 224]. Он с трудом поддерживал свое существование, еле передвигаясь, а в 1949 году скончался. Перед смертью он успел подержать в руках издание своей главной книги «Рассказы Вельзевула», написанной еще в 1935 г. [Ровнер, 2002]. После его смерти все ученики горевали, так как Гурджиев был харизматичной личностью [Алексахин, 2003]. Они продолжили поддерживать и развивать идеи своего наставника, собирая его наследие [Греков, 2013b, с. 14–19].

В основе учения Гурджиева лежали идеи саморазвития и духовного восхождения, связанные с самонаблюдением своего внутреннего духовного состояния и преодолением пороков, пробуждением мысли [Греков, 2013c]. Гурджиев считал человека частью природы, который с ней неразрывно связан. Он разделял идеи русского космизма, основанного на том, что связь человека и Бога проходит через Космос, не просто Вселенную, а некое живое и разумное мироздание, пронизанное духом Божественного присутствия, а устройство макрокосмоса воспроизводит микрокосмос внутри человека [Куракина, 2014]. По мнению Гурджиева, человек – это результат взаимодействия планетарных эманаций и земной атмосферы, а после смерти его физическое тело распадается, а астральное существует в космосе. В нем может развиться третье тело – ментальное [Гурджиев, 2018a, с. 23].

Также учение Гурджиева включало в себя традиционалистический пласт, связанный с идеями о деградации человечества в течение его существования на Земле. Природа человека была искажена изначально, а в ходе человеческого развития произошла утрата первоначальных знаний и мудрости, позволявших человеку преодолеть свою ограниченность и достигнуть самосовершенствования [Кучеренко, 2005]. В основе гурджиевской примордиальной Традиции лежит учение таинственного Сармунгского братства, которое имело, по его словам, 5 000-летнюю историю и донесло древние знания и традиции до настоящего времени. Сообщения о Сармунгском братстве кажутся выдумкой Гурджиева, который предстает как мистификатор, использующий эту информацию, чтобы придать авторитет древности своего учения. Аналогичными мистификациями считают слухи о встречах Гурджиева в Тифлисе в семинарии со Сталиным, а в Берлине – с Гитлером [Алексахин, 2003; Бровко, 2019, с. 10–12; Ровнер, 2002]. Политиков философ презирал.

Тем не менее, несмотря на традиционалистические идеи, с другими традиционалистами Гурджиев понимания не нашел, вероятно, из-за претензий на исключительность. Он высмеивал основоположника традиционализма Рене Генона на своих собраниях, а сам французский философ призывал своих учеников бежать от Гурджиева [Ровнер, 2002].

Так или иначе, ссылаясь на авторитет братства, Гурджиев построил собственное учение. Для того, чтобы вернуться к Космосу и слиться с ним в гармонии, человек должен был преодолеть собственную сущность, так как изначально является механистичной машиной [Гурджиев, 2009c, с. 2, 10, 52]. Цель человека – саморазвитие. Гурджиев разработал концепцию четвертого пути для достижения этой цели. Она основана на том, что есть 4 пути самосовершенствования, первые 3 – традиционные в разных религиях: 1) путь факира – преодоление возможностей собственного тела без внимания к духовной составляющей (ислам); 2) путь монаха – борьба со своими эмоциями и страстями без внимания к телесной составляющей (христианство); 3) путь йога – совершенствование разума с контролем тела и эмоций (буддизм). Но все эти пути предполагают уход человека от мира, разрыв связей с ним и природой. Есть высший 4-й путь, который не требует ухода от мира и создания некой искусственной среды, а предполагает самосовершенствование в естественных для человека условиях. Его ключевая составляющая – внутренняя работа над собой путем самонаблюдения, самоанализа и самоконтроля [Греков, 2013a, с. 141–151].

Достижение этого, согласно методам Гурджиева, предполагало преодоление собственных слабостей, очищение через страдание и работу, выполнение неприятных вещей, а также пробуждения мысли и совести через проникновение в подсознание, в том числе путём гипноза [Лемешев, 2019]. Изначально люди рассматривались как механистические машины, чья духовная составляющая дремлет [Кучеренко, 2005]. Методика самосовершенствования была связана с практикой священных суфийских танцев, так как музыка, по мнению Гурджиева, была отражением мировой гармонии, а танцы под музыку приводили человеческое тело в естественное состояние [Кравченко, 1997, с 217]. Для улучшения контроля над собой часто использовалось упражнение «стоп», предполагавшее замирание ученика в той позе, в которой его застал приказ учителя «стоп» и сохранение этого положения сколь угодно долго (пока учитель не отпустит), причем сохраняется не только поза тела, но и неподвижность глаз, мышц и даже мыслей, которые были в голове в момент остановки. Система Гурджиева была очень жесткой, с учениками он не церемонился. Помимо танцев он изнурял их тяжелой работой, в том числе для заработка пропитания, часто оскорблял и унижал [Вандерхилл, 1996, с. 164–180]. Но никто не роптал на это из-за высочайшего авторитета учителя.

Гурджиев в своем учении синтезировал как христианство, так ислам и суфизм, буддизм и иудаизм. Но сам он называл свое учение эзотерическим христианством [Успенский, 2014, с. 121], используя христианский же понятийный аппарат и считая, что все религии, так или иначе, похожи на христианство [Нежинский, 2009]. Впрочем, исследователи считают, что Гурджиев совершенно не был христианином, а был оккультистом [Пита-

нов, 2016; Лемешев, 2019], что подтверждается и его учением. Например, Иисуса Христа он считает магом или неким космическим ангелом, а не Богом [Гурджиев, 2004, с. 63; Гурджиев, 2009с, с. 140; Гурджиев, 2018а, с. 21].

Систематическое изложение учения Гурджиева дано в его работах, которые делились автором на 3 серии в соответствии с тем, как надо постигать его учение. Всего он выпустил 10 книг. В первой серии – 3 книги под общим названием «Рассказы Вельзевула», во второй серии – 3 книги под общим названием «Встречи с замечательными людьми», в третьей серии – 4 книги, объединенные названием «Жизнь реальна только тогда, когда ”Я есть“» [Гурджиев, 2004, с. 6; Гурджиев, 2014, с. 1; Гурджиев, 2008с].

Главной работой Гурджиева является его работа в виде фантастической сказки «Все и вся. Объективно-беспристрастная критика жизни человека, или Рассказы Вельзевула своему внуку», которая объединяет в 48 главах 3 книги первой серии [См.: Гурджиев, 2004]. Эта книга предназначена детям, так как воспитанию детей Гурджиев уделял большое внимание. Ведь правильное воспитание (каковое он получил и сам) способно исправить человека от многих недостатков, укореняющихся в будущем [Гурджиев 2009с, с. 32–36]. В этой книге Гурджиев подчеркивал необычность содержания, его исключительность, отличающуюся от всех предшествовавших книг. Это достигалось средствами как формы – книга была написана на русско-армянском языке, её можно было читать, не разрезая страниц [Гурджиев, 2004, с. 13, 17], – так и содержания: книга была написана в жанре космической фантастики, сюжет выходил за события на Земле, в работе развивалось новое гурджиевское учение, синтезирующее все достижения духовной жизни человечества в историческом контексте и в привязке к общекосмическим явлениям, в самой книге употреблялись новые слова, придуманные Гурджиевым на основе корней из разных языков (*кундабуфер* – искажающий орган, *хаснамусс* – эгоистичный человек, *раскуарно* – смерть, *психея* – душа, *тело кесджан* – астральное тело, *парткдолг-обязанности* – космический долг и др.), а также общеупотребительные термины в непривычном смысле (*присутствие* – бытие человека; *кристаллизация* – укоренение в характере человека определенных свойств; *возраст ответственности* – совершеннолетие, *планетарное тело* – физическое тело и др.).

Главным героем также взят не традиционный персонаж, а известный в авраамических религиях демон Вельзевул, считающийся по уму на втором месте после Люцифера, повелитель ложных богов [Бровко, 2019, с. 15–16]. Гурджиев вульгарно объясняет выбор персонажа стремлением «подмазать» этому демону для успеха своего произведения, а также выбор связан со стремлением автора отличаться от общепринятых норм [Гурджиев, 2004, с. 28–29].

Основной сюжет книги состоит в том, что Вселенная является управляемой по гармоничным законам, а также обитаемой и населенной разумными сущностями, высшие из которых относятся к категории трехмозговых существ, т. е., имеющих три мозговых центра (головной – разум, спинной – эмоции, солнечное сплетение – душа) [Гурджиев, 2004, с. 91], что позволяет им самосовершенствоваться и сливаться с Абсолютом (Солнце Абсолют). Вселенная управляется единым Творцом (его Бесконечность Вселюбящий, Бесконечно-Милосердный и Абсолютно-Справедливый Творец), а также Высочайшими Наисвященнейшими Общекосмическими Индивидуумами, носящими названия по христианской иерархии (Святой Архангел, Святой Архисерафим и т. д.). В основе существования Вселенной лежат законы «семи» (теория 7 ключевых элементов в основе всего: звук, цвет и т. д.), по которым она устроена, и «трех», по которым она развивается (совпадают с законами диалектики). Главным элементом преобразования является Вездесущий Активный Элемент (Окиданох), лежащий в основе всех процессов, согласно Великой Природе. В основе Вселенной лежит её гармоничное устройство, за которым следят Архангелы, поддерживающие везде гармонию. Все космические сущности, которые не могут сразу достичь перерождения и слияния с Солнцем Абсолютом, отправляются на самую святую

планету «Чистилище», где в райских условиях очищаются от своих недостатков и достигают необходимого совершенства. Противником и основным злом Вселенной является Безжалостный Геропас – Время, выступающее как неотвратимый факт.

Вельзевул является представителем одной из высших космических трехмозговых рас, визуально выглядящей как традиционные черти (с рогами, копытами и хвостом) [Гурджиев, 2004, с. 41]. В молодости за некие просчеты, приведшие к угрозе гармонии Вселенной, он был сослан в отдаленную Солнечную систему Орс, в изгнание, там находилась и планета Земля [Гурджиев, 2004, с. 33–34]. В процессе длительного изгнания он наблюдал за событиями на Земле, сам вместе со своими соплеменниками обитая на планете Марс. Впоследствии он получил прощение от Творца и смог вернуться на родную планету. Все повествование связано с возвращением Вельзевула на космическом корабле на свою планету, дабы скоротать путешествие, рассказывающего своему внуку Хуссейну об истории и жизни на одной из планет – Земле, которая была населена трехмозговыми живыми существами. Кроме Земли, разумными существами были населены и другие планеты: упоминаются Марс (они длинное тело с жиром, глаза навыкате, крылья и маленькие ноги с когтями), а также Сатурн (они были внешне похожи на ворон) и Луна (существа напоминали муравьев и были очень трудолюбивы) [Гурджиев, 2004, с. 40, 58–59]. На Сатурн автор переносит успешные алхимические опыты по получению «философского камня» – золота из преобразования различных веществ [Гурджиев, 2004, с. 107].

Согласно рассказу Вельзевула, жизнь на Земле изначально была искажена. В момент формирования Земли произошла ошибка в расчетах, в результате чего Земля столкнулась с планетой Кондур. Произошла катастрофа, из-за чего от Земли отделились планеты Луна и Анулис. Для поддержания их функционирования и сохранения гармонии в Космосе на Земле появились трехмозговые существа, целью жизни которых было выделять энергию на существование двух отколовшихся планет, то есть их жизнь не имела самостоятельной цели [Гурджиев, 2004, с. 53–57]. Зависимость от Луны Гурджиев не одобряет, в одной из своих бесед он указывает, что человек должен преодолеть её в своем самосовершенствовании [Гурджиев, 2009с, с. 122; Гурджиев, 2018а, с. 16].

Дабы люди не взбунтовались и не отказались из принципа поддерживать свою жизнь из-за этих причин, Архангелами был в их организм встроен некий орган кундабуфер, изменявший восприятие реальности ими и сильно исказивший их природу [Гурджиев, 2004, с. 57–59]. Это привело к тому, что люди оказались неполноценными трехмозговыми существами, утратили знания о космических законах и стали жить эгоистично, охваченные различными страстями, совершая вещи, нарушавшие космическую гармонию (жертвоприношения, убийства, различные преступления), что не давало возможности их душам после смерти (Раскуарно) достичь Абсолюта и нарушало космические процессы, так как выделяемая при жизнедеятельности живых существ энергия идет в Космос на обеспечение общекосмических (трогоавтоэгократических) процессов. Из-за искажения природы и постоянных войн и уничтожений других живых существ время жизни людей резко сократилось, в частности, 1-й год расы Вельзевула равнялся 389 годам человеческой эры [Гурджиев, 2004, с. 89].

В начале существовал материк Атлантида – наиболее развитая цивилизация, где представители расы Вельзевула жили рядом с людьми и пытались их исправить. Но после локальной внутрипланетарной катастрофы Атлантида утонула. После гибели Атлантиды раса Вельзевула уже не жила на Земле. Все люди, за исключением некоторых ученых мудрецов, погибли [Гурджиев, 2004, с. 70–74, 109–111].

По итогам этого Архангелы решили удалить кундабуфер из людей, но его последствия продолжали негативно на них влиять. В итоге на Землю посылались различные представители высших космических существ, чтобы научить людей правильной жизни, став основателями различных религий (Будда, Моисей, Иисус Христос, Лама, Магомед). Но ничего достичь не удалось. Религии Гурджиевым высмеиваются как искажавшие пер-

воначальные учения высших индивидуумов [Гурджиев, 2004, с. 142–147, 152–156, 392–399].

Сам Вельзевул спускался на Землю 6 раз в разные эпохи. В 1-й раз он посещал Атлантиду, во 2-й и 3-й – пустыни Каракум, пустыни Гоби и Индии, где в древности существовали развитые цивилизации, дабы отучить людей от человеческих и животных жертвоприношений, нарушающих космическую гармонию, так как жизнь каждого существа важна. В 4-й раз – Древний Египет для отлова обезьян на опыты, где осели ученые Атлантиды и сохранили её учение. Особо высокого уровня достигли архитектура, математика, медицина, особенно в области бальзамирования и мумификации, а также астрология, которая объединяла мир космоса с человеческой жизнью [Гурджиев, 2004, с. 69–70, 108–150, 159–185]. В 5-й раз Вельзевул посещал Вавилон, являвшийся центром наук и образованности. В Вавилоне был период жарких дискуссий в области политики и человеческой природы души. Именно в Вавилоне развивалось учение о душе, существовании Рая и Ада, а также атеистическое учение.

Также в этот период на Землю спустился наиболее великий из космических учителей Ашиеша Шиемаш, который разработал учение, позволяющее людям, преодолев последствия органа куднабуфер, достичь нормального состояния для трехмозгового существа путем воздействия на внутреннюю совесть, которая дремлет в подсознании человека. Ашиеша Шиемаш положил начало. Учение передавалось путем легоминизма, предполагавшего интуитивное воздействие на человека с помощью символов и видов искусства учения. Однако в процессе дальнейшего существования искусство исказилось и стало «вещью в себе», то есть искусством ради искусства, направленным на низменные удовольствия публики [Гурджиев, 2004, с. 185–225, 257–298]. Но труды Ашиеша Шиемаша были уничтожены неким вавилонским великим ученым, ставшим хаснамуссом. Хаснамусс – это наиболее мерзкий, по Гурджиеву, тип человека, который отказался от своего космического долга и живёт для себя. Этот хаснамусский ученый разработал индивидуалистическое политическое учение о свободе личности, отрицавшее коллективизм и долг (демократические учения) [Гурджиев, 2004, с. 225–237], что может косвенно указывать, что Ашиеша Шиемаш был Зороастром, чьи труды были уничтожены македонским завоевателем.

Также Вельзевул был осведомлен о первых европейских цивилизациях – античных древнегреческой и древнеримской. Их он презирал, считая очень примитивными. Греки, по его мнению, были рыбаками, которые для развлечения занимались выдумыванием пустых наук и разговоров ни о чем, легших в основу европейской рационалистической науки. Римляне были пастухами, которые ради развлечения устраивали оргии как с мужчинами, так и с женщинами, а затем под влиянием греков выдумали пустую науку римское право [Гурджиев, 2004, с. 237–245].

В 6-й раз Вельзевул оказался в XIX веке, который уже был веком деградации по сравнению с древними временами. Вельзевул применительно к этому времени выступает как персонализация самого Гурджиева. Он также владеет 18 языками и занимается гипнозом как методом врачевания [Гурджиев, 2004, с. 303, 318]. Сохраненные остатки древней традиции Вельзевул обнаруживает в Бухаре, встретив там в монастыре одного из великих учёных дервишей, который изучал природу звука и разработал устройство для измерения колебаний. В этой части работы Гурджиевым рассматривается его музыкальная теория, согласно которой восточная музыкальная структура была гораздо более передовой, фиксирующей больше оттенков звуков, чем западная, так как музыкальный слух восточных народов гораздо тоньше [Гурджиев, 2004, с. 456–513].

В Азии Вельзевулу импонировали чайханы, где можно было выпить чай и заняться обсуждением проблем. Но он критикует современные страны: китайский Туркестан за распространение гашиша, русский Туркестан и Россию – за употребление водки и алкоголизм [Гурджиев, 2004, с. 331–332]. Население России он критикует, воспринимая его как

«ни туда, ни сюда»: стремясь быть «павлинами» (европейцы), но имея природу «воронов» (азиаты), русские превратились в «индюков», отказавшись от собственных полезных традиций (баня, чистка зубов жеванием смол) в угоду европейской моде. Также критикуется современная практика православия, в которой есть пренебрежение строгим соблюдением постов [Гурджиев, 2004, с. 257, 340–342, 366, 567–568, 571]. Европейские страны подвергаются еще большей критике: Германия – за развитие пустых наук, которые не являются науками, так как не имеют ничего духовного, и изобретение вредных химических веществ: отравляющих газов, наркотиков, красителей, медицинских препаратов [Гурджиев, 2004, с. 245–257, 373–374]; Англия – за изобретение металлических орудий, несущих смерть (ружья, пули и т. п.) и спорт, приводящий человека к состоянию калеки [Гурджиев, 2004, с. 245–257, 373–374]; Францию – за развращенность нравов в столице Париже [Гурджиев, 2004, с. 375–392]; США – за культ доллара и лживую рекламу [Гурджиев, 2004, с. 514–528], и ряд других стран. Критика народов переходит в критику современных достижений европейской цивилизации. Он обрушивается на людей за использование консервов, за применение модифицированных плодов в пищу, за ватерклозеты, моду, стрижку и суфражизм женщин, неправильное воспитание, половую распущенность, измены и проституцию, приводящие к болезням. В пример ставятся восточные общества [Гурджиев, 2004, с. 390–391, 528–560, 572–574, 577–584].

Также в лице Вельзевула Гурджиев критикует и современные политические системы: бюрократию, плутократию, аристократию и демократию [Гурджиев, 2004, с. 603–605]. Отдельно он останавливается на феномене большевизма, связывая его, как и все народные восстания, с космическими процессами, направленными на повышение активности солнца и негативно воздействующими на человека. В итоге люди впадают как бы в сумасшествие и начинают испытывать зависть к вышестоящим, что приводит к восстанию [Гурджиев, 2004, с. 357–358]. Отдельно он останавливается на войне, которая также связывается им с природными процессами. Люди испытывают потребность в самоуничтожении друг друга, что становится следствием органа кундабуфер и природных процессов. И-за этого войны не прекратятся, а международные организации ничего не добьются, в том числе и Лига наций [Гурджиев, 2004, с. 588–594, 613–622].

Критикует Вельзевул и учение о морали и разделении добра и зла на Земле. По его мнению, нет понятия «злая сила» или «добрая сила». Все зависит от самого человека. А тот, кто разработал эти понятия как внешние, должен был бы отбывать наказание на самой дальней планете [Гурджиев, 2004, с. 622–634]. Попутно Вельзевул высмеивает представления людей о своей расе среди них как злой силе, присутствующей незримо [Гурджиев, 2004, с. 635–636]. Здесь виден намек на высмеивание авраамических религий Гурджиевым, что является одним из оснований выбора именно Вельзевула в качестве главного действующего лица.

Но одной из главных вещей современности, которую Гурджиев подверг критике, является электричество. Использование электричества ради личных эгоистичных людских нужд приводит к дисгармонии в Космосе, так как уничтожает священное вещество Окиданох, являющееся основой всех космических процессов. На Марсе разумные существа стали испытывать трудности с саморазвитием, на Сатурне стали плохо себя чувствовать по этой причине, на Земле из-за него жизнь человека укорочена [Гурджиев, 2004, с. 637–646].

В конце Вельзевул и его внук вместе со всем экипажем, слугами прибывают на свою планету, и там Вельзевул перерождается. За свою праведную жизнь в изгнании и помощь и заботу о трехмозговых существах Земли он удостаивается одного из высших титулов святости, проявлявшегося в том, что у него вырастают 5 рогов на голове. Уже в статусе святого Вельзевул находит решение для человечества Земли, а именно: внедрить в их организм орган, осознающий неотвратимость смерти. Это позволит исправить их природу [Гурджиев, 2004, с. 653–659].

В целом «Рассказы Вельзевула» являются довольно всеохватывающей фантастикой с разработанной структурой Вселенной, интересным сюжетом и личностями. Но в то же время Гурджиев делает много псевдонаучных построений, в духе традиционализма оценивая современную рациональную европейскую науку. Очень примитивна критика естественнонаучных знаний с позиции традиционализма, а выводы, зачастую частные и примитивные, часто содержат невежественные заблуждения, например, происхождение обезьян от людей, или статус Луны как планеты, или перечисление только галогенов как базовых для природы веществ. Сюда же относится отрицание важности технического прогресса. Также в его работе показан псевдоисторический контекст, все древние цивилизации, которые он рассматривает, вымышлены, как и события в них. Практически все исторические персоналии, за исключением, пожалуй, религиозных деятелей, Пифагора, Александра Македонского, Бисмарка, Николая II, являются придуманными. Равно и эры, в которые происходили «события», также разработаны Гурджиевым, а времяисчисление ведется по «космической» эре [Гурджиев, 2004, с. 34].

В более поздних вариантах «Рассказов Вельзевула» добавляется дополнение в виде нескольких лекций, где Гурджиев подводит итоги своим размышлениям. Сначала рассматриваются человеческие составляющие ум, чувства и тело как кучер, лошадь и повозка. Суть самосовершенствования – чтобы все части работали слаженно, как и сам экипаж. Затем в лекции «Две реки» Гурджиев проводит параллель человеческого развития с рекой, разбивающейся на два потока: один течет спокойно и дальше, другой низвергается и скрывается в трещине земли. Так и человеческая жизнь после достижения совершеннолетия может повернуть в любую сторону. Цель человека – перейти в правильный «поток», даже если изначально он отправился в неправильный, путем упорной работы над собой. Отдельно эти лекции издаются в работе под названием «Закономерное разнообразие проявлений человеческой индивидуальности» [Гурджиев, 1999, с. 974–1017].

Помимо «Рассказов Вельзевула» и примыкающих к нему лекций под названием «Закономерное разнообразие проявлений человеческой индивидуальности» у Гурджиева есть еще ряд произведений. Это автобиографическое сочинение «Встречи с замечательными людьми», представленное в виде 9 частей, посвященных тем людям, которые оказали наибольшее влияние на духовное становление автора: отцу, учителям и друзьям, построенное таким образом, что в хронологическом порядке охватывает детство, юность и молодость Гурджиева. В дополнении дается 10 часть, посвященная финансовому вопросу, где Гурджиев в Нью-Йорке в 1924 г. рассказывает американским ученикам, как зарабатывал на жизнь в процессе своей жизни. Эта лекция была прочитана с целью просить денег на Институт. В книге есть послесловие, из которого можно предположить, что Гурджиев завершил книгу в 1931 г., находясь в Нью-Йорке, так как он сообщает об аварии и том, что 6 лет работает над книгами [Гурджиев, 2018b].

Большинство остальных работ – это лекции Гурджиева ученикам с автобиографическими вставками и зарисовками. Многие лекции были собраны и изданы в последующем учениками Гурджиева.

Работа «Вестник грядущего добра» является рекламной брошюрой, выпущенной в 1933 году в Париже, где излагается суть работы Института гармонического развития, а также представляет результаты деятельности Гурджиева. Эта книга провалилась [Гурджиев, 2008c].

В работе «Жизнь реальна только тогда, когда ”Я есть“», которую Гурджиев написал в 1934 г., излагаются его 5 бесед с учениками в Северной Америке, в Нью-Йорке, проведенных в 1930–1932 гг. В этих беседах, носящих автобиографический характер, Гурджиев рассказывает американским ученикам о своей деятельности, начиная от основания Института гармонического развития в России до современного времени. Особое внимание он уделяет периоду с первой поездки в Америку в 1924 г. до времени проведения беседы [Гурджиев, 2014].

В работе «Взгляды из реального мира» Гурджиев собирает лекции и беседы с учениками, непосредственно излагающие его учение, где он объясняет ученикам, как правильно работать над собой и достигать саморазвития по четвертому пути. Здесь затрагиваются проблемы самонаблюдения, воли, добровольного страдания, сна и бодрствования, актерского мастерства, музыки, Луны, путей самосовершенствования в различных религиях, магии, строения человеческого тела и души, внешним влияниям, связи человека с космосом, свойствам характера. Эти лекции и беседы относятся к прочитанным в 1923 г. в Германии и Франции, а также прочитанным в 1924 и 1929–1930 гг. в США. Также есть лекция, прочитанная в Ессентуках в 1918 г. [Гурджиев, 2018a].

Другое издание этих лекций – «Человек – это многосложное существо», где учение Гурджиева изложено более системно, там сделаны дополнения по отношению к первому изданию, добавлено несколько лекций по другим темам: о человеке как машине, о вреде развития только отдельных сфер в человеке, о методах Института в сравнении с религиозными практиками, о воспитании детей, о мыслительном центре, о сущности человеческой личности и работе над собой, упражнениях, практикуемых в Институте, в том числе упражнении «стоп», контроле над дыханием, искусстве, Боге, эволюции и пище, кристаллизации, путях самосовершенствования и четвертом пути, беспристрастности [Гурджиев, 2009c].

В работе «Беседы с учениками 1941–1944 гг.» даны беседы Гуржиева с учениками по конкретной практике их саморазвития, где он спрашивает, какие результаты достигнуты в ходе упражнений, дает им наставления и советы по преодолению возникших трудностей [Гурджиев, 2008b]. Сборник состоит из 32 бесед, которые состоялись в период с 1941 по 1944 гг. во Франции, в Париже, но также есть беседы 1946 г. Эта книга была издана учениками Гурджиева впоследствии. Более сокращенная версия бесед – «Восемь встреч в Париже» [Гурджиев, 2009a].

Также можно отметить несколько отдельных лекций, изданных учениками Гурджиева. В лекции «О символизме» раскрывается проблема легоминизма как передачи знаний с помощью символов, которые можно расшифровать даже при утрате языка. Тут внимание уделяется искусству как средству передачи знаний, прежде всего, музыкальному. Различные геометрические фигуры отражают закономерности Вселенной. Одной из главных фигур является эннеаграмма. Инициация связана с постижением тайного смысла символов [Гурджиев, 2008d]. В лекции «48 упражнений» дана последовательность упражнений, необходимых для саморазвития [Гурджиев, 2009a]. В лекции «Последний час жизни» Гурджиев подчеркивает ценность этого времени и учит, как правильно этот час провести, – максимально полно и продуктивно приготовиться к переходу из одного состояния в иное [Гурджиев, 2009b]. В беседе «Вопросы и ответы», издаваемой в сборнике воспоминаний учеников Гурджиева «Гурджиев. Эссе и размышления о Человеке и его Учении», Гурджиев учит своих учеников, как надо правильно работать над собой [Гурджиев, 2002, с. 14–30].

Помимо философских работ у Гурджиева есть пьеса «Битва магов» в 5 актах, которая связана с музыкально-танцевальной практикой его института, что-то вроде сценария балета. По сюжету этой пьесы в некоем крупном центре Средней Азии живет молодая девушка – ученица Светлого мага, в которую случайно влюбляется молодой аристократ, 32 лет, ищущий себя. Не в силах привлечь девушку к себе обычными средствами, он обращается к колдунье, которая отводит его к Черному магу. За большие деньги Черный маг вместе со своими учениками привораживает девушку. Но благодаря тому, что Белый маг вовремя узнал об этом, он смог со своими учениками расколдовать свою лучшую ученицу, победив Черного чародея, и найти виновных [Gurjieff, 1953].

Таким образом, подводя итоги исследования жизни и деятельности философа 1-й пол. XX в. Георгия Гурджиева, можно сделать несколько выводов. Гурджиев был представителем русского направления интегрального традиционализма, его учение включало

все сущностные черты этого философского направления: критику современного европейского общества, науки и культуры, пропаганду возвращения к истокам путем самосовершенствования, для чего им была разработана оригинальная методика «Четвертого пути», включавшая обширную практику работы над собой, а также гипноз как средство этой работы. В отличие от европейских традиционалистов Гурджиев де-факто не опирался на какую-либо религиозную систему, подвергая критике их все, хотя в своем учении привлекал практики восточных монашеских течений, главным образом среднеазиатских суфиев и факиров, но также индийских и тибетских йогов, православных монахов.

Национально-русские особенности его учения состояли в том, что оно воспроизводило многие идеи русского космизма в плане развития человека как части разумного Космоса, кроме того, отказался от абсолютного отвержения христианской религиозной системы, называя свое учение эзотерическо-христианским, учитывая большой потенциал православной религии, в отличие от западноевропейских традиционалистов. Также, так как он был выходцем с Кавказа и греко-армянином по происхождению, находясь на пересечении различных восточных культур, он интегрировал их в своем учении. В основе его трудов лежал интерес к среднеазиатской суфийской религиозной практике, которая обычно остается вне поля зрения западноевропейских философов. Следует отметить, что учение Гурджиева ориентировалось на псевдоисторическую традицию, которую, весьма вероятно, он придумал сам. Он был мистификатор и создавал тот образ себя как Учителя, который позволил бы ему наиболее эффективно реализовать идеи своего учения на практике. В то же время его представления о мире были вульгарно-народными, зачастую опираясь на закавказский и среднеазиатский фольклор.

В основе его концепции лежало представление о гармоничном развитии человека как в физическом (поддержание физического здоровья организма), так и духовном (эмоции, ум, воля) плане. Его представления состояли в том, что человек – это часть Вселенной, управляемой Единым Творцом, и живет по тем же законам. Но земной человек имеет искаженную сущность из-за внешней обстановки, направленной на удовлетворение низменных потребностей, в которых человек забыл о своем истинном предназначении.

Все земные обстоятельства (политическое устройство, наука, социально-экономическое положение) Гурджиев презирал. Кроме того, если западноевропейские традиционалисты зачастую были теоретиками, то Гурджиев был практиком, основавшим собственную школу – «Институт гармонического развития», – где и реализовывал свои идеи. Первым из всех философов-традиционалистов он уделил внимание воплощению своего учения на практике и впервые показал финансовые проблемы. Презрение Гурджиева к европейской цивилизации выражалось в сугубо материалистическом подходе к своим ученикам. Тем не менее они его любили и ценили, развивая и поддерживая его учение в дальнейшем. Идеи Гурджиева живут и пользуются спросом до сих пор.

Список литературы

1. Алексахин В. 2003. Биография Георгия Ивановича Гурджиева. Сайт Lib.Ru: Георгий Иванович Гурджиев. URL: http://lib.ru/URIKOVA/GURDZHIEW/gurdbio.txt (дата обращения 01.02.2021).
2. Гордлевский В.А. (изд.). 1957. Анекдоты о Ходже Насреддине. М., Изд-во Восточной литературы, 275.
3. Беннетт Д.Г. 2006. Свидетель, или История поиска. М., Гаятри, 433.
4. Бровко В.П. 2019. Георгий Гурджиев и его Вельзевул. М., Литрес: Самиздат, 390.
5. Вандерхилл Э. 1996. Гурджиев. В: Мистики XX в. Энциклопедия. М., Миф; Локид: 164–180.
6. Греков И.М. 2013a. Идея работы в духовном опыте школы «Четвёртого пути» Г.И. Гурджиева. В: Гуманитарные и социальные науки. 1: 141–151.
7. Греков И.М. 2013b. Развитие и интерпретация идей Г.И. Гурджиева в работах его последователей. В: Гуманитарные и социально-экономические науки. 1 (68): 14–19.

8. Греков И.М. 2013c. Сознательная эволюция человека в философско-религиозном учении Г.И. Гурджиева. Дисс… канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 146.

9. Гурджиев Г.И. 2002. Вопросы и ответы. В: Гурджиев. Эссе и размышления о Человеке и его Учении (сборник). М., Страйклайт: 14–30.

10. Гурджиев Г.И. 2004. Все и вся. Объективно-беспристрастная критика жизни человека, или Рассказы Вельзевула своему внуку. М., Эксмо, 880.

11. Гурджиев Г.И. 2008a. 48 упражнений. В: Сайт Gurdjieff Club. URL: https://gurdjieffclub.com/48-uprazhnenii/ (дата обращения 01.02.2021).

12. Гурджиев Г.И. 2008b. Беседы с учениками. Париж 1941–1944. В: Сайт Gurdjieff Club. URL: https://gurdjieffclub.com/knigi-besedy-s-uchenikam/ (дата обращения 01.02.2021).

13. Гурджиев Г.И. 2008c. Вестник грядущего добра. В: Сайт Gurdjieff Club. URL: https://gurdjieffclub.com/knigi-vestnik-grjadushchego-dobra/ (дата обращения 01.02.2021).

14. Гурджиев Г.И. 2008d. Лекция о символизме (эннеаграмма). В: Сайт Gurdjieff Club. URL: http://www.endlesssearch.co.uk/philo_enneagramtalk_russian.htm (дата обращения 01.02.2021).

15. Гурджиев Г.И. 2009a. Восемь встреч в Париже. В: Сайт «Четвертый путь. Гурджиев – Успенский – Суфизм». URL: http://www.fway.org/onlinelib/48-2009-02-10-15-05-46/180-2009-02-10-15-16-02.html (дата обращения 01.02.2021).

16. Гурджиев Г.И. 2009b. Последний час жизни. В: Сайт «Четвертый путь. Гурджиев – Успенский – Суфизм». URL: http://www.fway.org/onlinelib/47-psl/177-2009-02-10-14-58-30.html (дата обращения 01.02.2021).

17. Гурджиев Г.И. 2009c. Человек – это многосложное существо. В: Сайт «Четвертый путь. Гурджиев – Успенский – Суфизм». URL: http://fway.org/onlinelib/64--q-q/323--q-q-.html (дата обращения 01.02.2021).

18. Гурджиев Г.И. 2014. Жизнь реальна только тогда, когда «Я есть». М., Энигма, 240.

19. Гурджиев Г.И. 2018a. Взгляды из реального мира. М., Энигма, 376.

20. Гурджиев Г.И. 2018b. Встречи с замечательными людьми. М., Энигма, 368.

21. Гурджиев Г.И. 1999. Закономерное разнообразие проявлений человеческой индивидуальности. В: Гурджиев Г.И. Беседы Вельзевула со своим внуком. Минск, Харвест: 974–1017.

22. Клостре С. 2002. Десерт. В: Гурджиев. Эссе и размышления о Человеке и его Учении (сборник). М., Страйклайт: 167–173.

23. Кравченко В.В. 1997. Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX веков. М., Издатцентр, 280.

24. Кравченко В.В. 2020. Русский мистицизм как образ «другого» для западного эзотеризма. В: Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 3 (53): 174–187.

25. Куракина О.Д. 2014. Русский космизм – мировоззрение русской цивилизации. В: Булгаковские чтения. 8: 6–12.

26. Кучеренко В.А. 2005. Учение о человеке Г.И. Гурджиева в контексте духовных исканий современности. Дисс… канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 141.

27. Лемешев О. (диак.). 2019. Мистическое учение о «совести» в оккультной концепции «Четвёртого пути». В: Вопросы богословия. Т. 2. 2: 70–87.

28. Лунин Б.В. 1958. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Ташкент, Изд-во АН Узбекской ССР, 320.

29. Нежинский И.В. 2009. Эзотерическое христианство Георгия Гурджиева. В: Сайт «Четвертый путь. Гурджиев – Успенский – Суфизм». URL: http://fway.org/articles/261-2009-03-13-20-35-10.html (дата обращения 01.02.2021).

30. Орлов И.О. 2006. Научная революция конца XIX – начала XX века. В: Философия науки. 1 (28): 130–148.

31. Пильчинова Е.В. 2014. Научно-техническая революция как основной фактор развития производительных сил: исторический обзор. В: Вестник Бурятского государственного университета. 2: 22–25.

32. Питанов В.Ю. 2016. Георгий Гурджиев – оккультист или христианин? В: Персональный сайт Питанова Виталия Юрьевича. Психология, сравнительное религиоведение, апологетика. URL: http://pitanov.info/georgiy-gurdzhiev-okkultist-ili-hristianin (дата обращения 01.02.2021).

33. Полонская И.Н. 2005. Философские принципы традиционализма. В: Научная мысль Кавказа. 4: 30–36.

34. Ровнер А.И. 2002. Гурджиев и Успенский. М., София: Гелиос, 509.
35. Свиридовская Н.Д. 2014. Фома Гартман: неизвестный композитор круга Танеева и Рахманинова. В: Научный вестник Московской консерватории. 1: 68–85.
36. Седжвик М. 2014. Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М., Новое литературное обозрение, 536.
37. Успенский П.Д. 2014. В поисках чудесного. М., Энигма, 488.
38. Уэлш У.Д. 2002. Воспоминания. В: Гурджиев. Эссе и размышления о Человеке и его Учении (сборник). М., Страйклайт: 145–166.
39. Филиппович А.В. 2014. Историософия интегрального традиционализма. В: Антро. 2(15): 51–62.
40. Холодов М., Молотов О. 2010. Традиция и традиционализм: о терминах и их содержании. В: Полюс. 1: 4–9.
41. Baker R. 2000. No Harem. Gurdjieff and the Women of The Rope. In: Gurdjieff International Review. URL: https://www.gurdjieff.org/G.1-2.htm (дата обращения 01.02.2021).
42. Gurjieff G.I. 1953. Scenario of the Ballet «The Struggle of the Magicians». Capetown, South Africa, The Stourton Press, 44.
43. Taylor P.B. 1998. The Shadows of Heaven: Gurdjieff and Toomer. Newburyport, Red Wheel Weiser, 272.

References

1. Aleksahin V. 2003. Biografiya Georgiya Ivanovicha Gurdzhieva [Biography of George Ivanovich Gurdjieff]. In: Sajt Lib.Ru: Georgij Ivanovich Gurdzhiev [Lib.Ru website: Georgy Ivanovich Gurdjieff]. Available at: http://lib.ru/URIKOVA/GURDZHIEW/gurdbio.txt (accessed 1 February 2021) (in Russian).
2. Bennett D.G. 2006. Svidetel', ili istoriya poiska [Witness, or search history]. Moscow, Gayatri, 433.
3. Brovko V.P. 2019. Georgij Gurdzhiev i ego Vel'zevul [George Gurdjieff and his Beelzebub]. Moscow, Litres: Samizdat, 390.
4. Filippovich A.V. 2014. Istoriosofiya integral'nogo tradicionalizma [Historiosophy of integral traditionalism]. In: Antro [Antro]. 2 (15): 51–62.
5. Gordlevskij V.A. (ed.). 1957. Anekdoty o Hodzhe Nasreddine [Jokes about Hodja Nasreddin]. Moscow, Izd-vo Vostochnoj literatury, 275.
6. Grekov I.M. 2013a. Ideya raboty v duhovnom opyte shkoly «Chetvyortogo puti» G.I. Gurdzhieva [The idea of working in the spiritual experience of the «Fourth Way» school by G.I. Gurdjieff]. In: Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanities and social sciences]. 1: 141–151.
7. Grekov I.M. 2013b. Razvitie i interpretaciya idej G.I. Gurdzhieva v rabotah ego posledovatelej [Development and interpretation of G.I. Gurdjieff in the works of his followers]. In: Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki [Humanities and socio-economic sciences]. 1 (68): 14–19.
8. Grekov I.M. 2013c. Soznatel'naya evolyuciya cheloveka v filosofsko-religioznom uchenii G.I. Gurdzhieva [Conscious human evolution in the philosophical and religious teaching of G.I. Gurdjieff]. Diss... Cand. Philos. sciences (PhD). Rostov-na-Donu, 146.
9. Gurdzhiev G.I. 1999. Zakonomernoe raznoobrazie proyavlenij chelovecheskoj individual'nosti [The natural variety of manifestations of human individuality]. In: Gurdzhiev G.I. Besedy Vel'zevula so svoim vnukom [Gurdjieff G.I. Beelzebub's conversations with his grandson]. Minsk, Harvest: 974–1017.
10. Gurdzhiev G.I. 2002. Voprosy i otvety [Questions and answers]. In: Gurdzhiev. Esse i razmyshleniya o Cheloveke i ego Uchenii [Gurdjieff. Essays and Reflections on Man and His Teachings] (collection). Moscow, Strajklajt: 14–30.
11. Gurdzhiev G.I. 2004. Vse i vsya. Ob"ektivno-bespristrastnaya kritika zhizni cheloveka, ili Rasskazy Vel'zevula svoemu vnuku [Everything and everyone. About an objectively impartial criticism of a person's life, or Beelzebub's Tales to his grandson]. Moscow, Eksmo, 880.
12. Gurdzhiev G.I. 2008a. 48 uprazhnenij [48 exercises]. In: Sajt Gurdjieff Club [Gurdjieff Club website]. Available at: https://gurdjieffclub.com/48-uprazhnenii/ (accessed 1 February 2021) (in Russian).

13. Gurdzhiev G.I. 2008b. Besedy s uchenikami. Parizh 1941–1944 [Conversations with students. Paris 1941–1944]. In: Sajt Gurdjieff Club [Gurdjieff Club website]. Available at: https://gurdjieffclub.com/knigi-besedy-s-uchenikam/ (accessed 1 February 2021) (in Russian).

14. Gurdzhiev G.I. 2008c. Vestnik gryadushchego dobra [Herald of good things to come]. In: Sajt Gurdjieff Club [Gurdjieff Club website]. Available at: https://gurdjieffclub.com/knigi-vestnik-grjadushchego-dobra/ (accessed 1 February 2021) (in Russian).

15. Gurdzhiev G.I. 2008d. Lekciya o simvolizme (enneagramma) [Lecture on Symbolism (Enneagram)]. In: Sajt Gurdjieff Club [Gurdjieff Club website]. Available at: http://www.endlesssearch.co.uk/philo_enneagramtalk_russian.htm (accessed 1 February 2021) (in Russian).

16. Gurdzhiev G.I. 2009a. Vosem' vstrech v Parizhe [Eight meetings in Paris]. In: Sajt «Chetvertyj put'. Gurdzhiev – Uspenskij – Sufizm» [Website «The Fourth Way. Gurdjieff – Uspensky – Sufism»]. Available at: http://www.fway.org/onlinelib/48-2009-02-10-15-05-46/180-2009-02-10-15-16-02.html (accessed 1 February 2021) (in Russian).

17. Gurdzhiev G.I. 2009b. Poslednij chas zhizni [The last hour of life]. In: Sajt «Chetvertyj put'. Gurdzhiev – Uspenskij – Sufizm» [Website «The Fourth Way. Gurdjieff – Uspensky – Sufism»]. Available at: http://www.fway.org/onlinelib/47-psl/177-2009-02-10-14-58-30.html (accessed 1 February 2021) (in Russian).

18. Gurdzhiev G.I. 2009s. Chelovek – eto mnogoslozhnoe sushchestvo [Man is a polysyllabic creature]. In: Sajt «Chetvertyj put'. Gurdzhiev – Uspenskij – Sufizm» [Website «The Fourth Way. Gurdjieff – Uspensky – Sufism»]. Available at: http://fway.org/onlinelib/64--q-q/323--q-q-.html (accessed 1 February 2021) (in Russian).

19. Gurdzhiev G.I. 2014. Zhizn' real'na tol'ko togda, kogda «Ya est'» [Life is real only when «I am»]. Moscow, Enigma, 240.

20. Gurdzhiev G.I. 2018a. Vzglyady iz real'nogo mira [Views from the real world]. Moscow, Enigma, 376.

21. Gurdzhiev G.I. 2018b. Vstrechi s zamechatel'nymi lyud'mi [Meeting wonderful people]. Moscow: Enigma, 368.

22. Holodov M., Molotov O. 2010. Tradiciya i tradicionalizm: o terminah i ih soderzhanii [Tradition and traditionalism: on terms and their content]. In: Polyus [Pole]. 1: 4–9.

23. Klostre S. 2002. Desert [Dessert]. In: Gurdzhiev. Esse i razmyshleniya o Cheloveke i ego Uchenii [Gurdjieff. Essays and Reflections on Man and His Teachings] (collection). Moscow, Strajklajt: 167–173.

24. Kravchenko V.V. 1997. Misticizm v russkoj filosofskoj mysli XIX – nachala XX vekov [Mysticism in Russian philosophical thought of the XX – early XX centuries]. Moscow, Izdatcentr, 280.

25. Kravchenko V.V. 2020. Russkij misticizm kak obraz «drugogo» dlya zapadnogo ezoterizma [Russian mysticism as an image of the «other» for Western esotericism]. In: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tver State University]. Ser. Philosophy. 3 (53): 174–187.

26. Kucherenko V.A. 2005. Uchenie o cheloveke G.I. Gurdzhieva v kontekste duhovnyh iskanij sovremennosti [The doctrine of man G.I. Gurdjieff in the context of modern spiritual quests]. Diss… Cand. Philos. sciences (PhD). Rostov-na-Donu, 141.

27. Kurakina O.D. 2014. Russkij kosmizm – mirovozzrenie russkoj civilizacii [Russian cosmism – the outlook of Russian civilization]. In: Bulgakovskie chteniya [Bulgakov readings]. 8: 6–12.

28. Lemeshev O. (deacon). 2019. Misticheskoe uchenie o «sovesti» v okkul'tnoj koncepcii «Chetvyortogo puti» [The mystical doctrine of «conscience» in the occult concept of the «Fourth Way»]. In: Voprosy bogosloviya [Questions of theology]. T. 2. 2: 70–87.

29. Lunin B.V. 1958. Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arheologii v Turkestane. Turkestanskij kruzhok lyubitelej arheologii (1895–1917) [From the history of Russian oriental studies and archeology in Turkestan. Turkestan circle of archeology amateurs (1895–1917)]. Tashkent, AN Uzbekskoj SSR, 320.

30. Nezhinskij I.V. 2009. Ezotericheskoe hristianstvo Georgiya Gurdzhieva [Esoteric Christianity of George Gurdjieff]. In: Sajt «Chetvertyj put'. Gurdzhiev – Uspenskij – Sufizm» [Website «The Fourth Way. Gurdjieff – Uspensky – Sufism»]. Available at: http://fway.org/articles/261-2009-03-13-20-35-10.html (accessed 1 February 2021) (in Russian).

31. Orlov I.O. 2006. Nauchnaya revolyuciya konca XIX – nachala XX veka [Scientific revolution of the late XX – early XX century]. In: Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. 1 (28): 130–148.

32. Pil'chinova E.V. 2014. Nauchno-tekhnicheskaya revolyuciya kak osnovnoj faktor razvitiya proizvoditel'nyh sil: istoricheskij obzor [Scientific and technological revolution as the main factor in the development of productive forces: a historical overview]. In: Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2: 22–25.
33. Pitanov V.Yu. 2016. Georgij Gurdzhiev – okkul'tist ili hristianin? [George Gurdjieff – occultist or Christian] In: Personal'nyj sajt Pitanova Vitaliya Yur'evicha. Psihologiya, sravnitel'noe religiovedenie, apologetika [Personal site of Pitanov Vitaly Yurievich. Psychology, Comparative Religious Studies, Apologetics]. Available at: http://pitanov.info/georgiy-gurdzhiev-okkultist-ili-hristianin (accessed 1 February 2021) (in Russian).
34. Polonskaya I.N. 2005. Filosofskie principy tradicionalizma [Philosophical principles of traditionalism]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. 4: 30–36.
35. Rovner A.I. 2002. Gurdzhiev i Uspenskij [Gurdjieff and Uspensky]. Moscow, Sofiya: Gelios, 509 (in Russian).
36. Sedzhvik M. 2014. Naperekor sovremennomu miru. Tradicionalizm i tajnaya intellektual'naya istoriya XX veka [Contrary to the modern world. Traditionalism and the secret intellectual history of the 20th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 536.
37. Sviridovskaya N.D. 2014. Foma Gartman: neizvestnyj kompozitor kruga Taneeva i Rahmaninova [Thomas Hartmann: unknown composer of the circle of Taneyev and Rachmaninoff]. In: Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii [Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory]. 1: 68–85.
38. Uelsh U.D. 2002. Vospominaniya [Memories]. In: Gurdzhiev. Esse i razmyshleniya o Cheloveke i ego Uchenii [Gurdjieff. Essays and Reflections on Man and His Teachings] (collection). Moscow, Strajklajt: 145–166.
39. Uspenskij P.D. 2014. V poiskah chudesnogo [In search of the miraculous]. Moscow, Enigma, 488.
40. Vanderhill E. 1996. Gurdzhiev [Gurdjieff]. In: Mistiki XX v. [Mystics of the 20th century]. Encyclopedia. Moscow, Mif; Lokid: 164–180.
41. Baker R. 2000. No Harem. Gurdjieff and the Women of The Rope. In: Gurdjieff International Review. Available at: https://www.gurdjieff.org/G.1-2.htm (accessed 1 February 2021) (in Russian).
42. Gurjieff G.I. 1953. Scenario of the Ballet «The Struggle of the Magicians». Capetown, South Africa, The Stourton Press, 44.
43. Taylor P.B. 1998. The Shadows of Heaven: Gurdjieff and Toomer. Newburyport, Red Wheel Weiser, 272.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мошкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ исторической антропологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr N. Moshkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327-057.54
DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-230-237

Теория «эпистемных сообществ» Питера Хааса: основные положения и возможности применения для анализа национальных систем внешнеполитической экспертизы

О.В. Онопко
Донецкий национальный университет,
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
E-mail: onopko.oleg@gmail.com

Аннотация. Автором сделана попытка применения находящейся на стыке сетевой методологии и конструктивизма теории «эпистемных сообществ» американского политолога П.М. Хааса для изучения национальных систем внешнеполитической экспертизы. С этой целью впервые в российской политологии систематизированы и проанализированы основные положения указанной теории, а также с ее позиций сформулирована научная интерпретация национальной системы внешнеполитической экспертизы. Последняя представляет собой сообщество (сеть) экспертов в сфере международных отношений и внешней политики, объединенных общей или схожей политической картиной мира, политическими убеждениями, ценностями, способных оказывать влияние на формирование и реализацию внешнеполитического курса своего государства посредством предлагаемых оценок и рекомендаций. Применение данного определения и в целом теории «эпистемных сообществ» позволит актуализировать политологические исследования интеллектуальных продуктов, ценностных оснований, новаторской и социализационной составляющих внешнеполитической экспертизы, а также будет способствовать выработке эффективных механизмов выявления проявлений псевдоэкспертизы.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, система внешнеполитической экспертизы, эпистемные сообщества, внешняя политика, конструктивизм, сетевая методология.

Для цитирования: Онопко О.В. 2021. Теория «эпистемных сообществ» Питера Хааса: основные положения и возможности применения для анализа национальных систем внешнеполитической экспертизы. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 230–237. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-230-237.

The theory of «epistemic communities» by Peter Haas: basic provisions and possibilities of application for the analysis of national systems of foreign policy expertise

Oleg V. Onopko
Donetsk national university,
24 Universitetskaya St., Donetsk, 283001
E-mail: onopko.oleg@gmail.com

Abstract. The author made an attempt to apply the theory of «epistemic communities» by the American political scientist Peter M. Haas (synthesized from the network methodology and constructivism) to research national systems of foreign policy expertise. For this purpose, for the first time in Russian

political science, the main provisions of this theory have been systematized and analyzed, as well as a scientific interpretation of the national system of foreign policy expertise has been formulated from its position. It is a community (network) of experts in the field of international relations and foreign policy, united by a common or similar political picture of the world, political beliefs, values and capable of influencing the formation and implementation of the foreign policy course of their state through the proposing of assessments and recommendations. The application of this definition and the theory of «epistemic communities» in general will make it possible to actualize political science studies of intellectual products, value foundations, innovative and socialization components of foreign policy expertise, and will also contribute to the development of effective mechanisms for identifying pseudo-expertise.

Keywords: foreign policy expertise, system of foreign policy expertise, epistemic communities, foreign policy, constructivism, network methodology.

For citation: Onopko O.V. 2021. The theory of «epistemic communities» by Peter Haas: basic provisions and possibilities of application for the analysis of national systems of foreign policy expertise. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 230–237 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-230-237.

Экспертно-аналитическое обеспечение внешней политики – один из важнейших факторов, определяющим образом влияющих на качество и характер политических решений, принимаемых в этой сфере. Обладая специализированными знаниями, компетентностью, авторитетом и статусом, который зачастую не предполагает никакой ответственности за предоставляемые оценки и рекомендации, кроме репутационной, эксперты участвуют в формировании внешнеполитического курса государства, разработке стратегии его реализации, а также указывают политической элите страны на ключевые приоритеты внешней политики в тот или иной момент политического процесса.

Находясь как внутри самой системы государственного аппарата (в аналитических подразделениях органов власти, входящих в т. н. внешнеполитическую триаду [Хрусталев, 2008]), так и за ее пределами (в академических учреждениях, научно-исследовательских институтах, некоммерческих и частных организациях), эксперты в сфере внешней политики и международных отношений представляют собой сообщество, которое, по выражению А.П. Беляевой, является «мостом между обществом и правительством», и обеспечивает публичность и легитимность принимаемым решениям [Беляева, 2015].

Кроме того, в нестабильных демократиях и в целом в государствах, где наблюдается интенсивная вертикальная циркуляция и хаотичное рекрутирование в политическую элиту, различные институты внешнеполитической экспертизы и конкретные эксперты получают возможность становиться чуть ли не единственными интерпретаторами международно-политической действительности, переходя из разряда «вспомогательных» действующих лиц государственной политики в разряд ее создателей.

Все это актуализирует политологические исследования внешнеполитической экспертизы, в частности поиск таких теоретико-методологических подходов, применение которых позволило бы максимально подробно и точно объяснить ее организационные и функциональные особенности, а также определить способы, каналы и стратегии влияния экспертного сообщества на внешнюю политику.

В современной мировой и российской политической науке можно выделить несколько основных подходов, сквозь призму которых осуществляются исследования внешнеполитической экспертизы или отдельных связанных с ней проблем. В частности, как специфическая процедура и деятельность данный предмет рассматривался в работах Д.Н. Беспалова, Ф.Г. Войтоловского, Е.М. Егоровой, М.А. Хрусталева и др. С позиций институционального подхода (изучаются отдельные организации, специализирующиеся на анализе внешней политики и международных отношений) проведены исследования

Д.Е. Абельсона, Н.Ю. Беляевой, Д.А. Данилина, П.Дж. Жакса, Д.Г. Зайцева, Ф. Мендеса. Как политическую систему внешнеполитическую экспертизу рассматривали А.В. Еленский, О.П. Иванов, И.А. Истомин, А.С. Макарычев. С использованием принципов сетевой методологии отдельные вопросы, связанные с внешнеполитической экспертизой, изучались А.В. Братерским, Е.В. Казаковой, Дж. МакГэнном, Д. Стоуном, А.А. Тарелиным, Р. Хигготтом и др. Одной из теорий, возникших как раз в рамках сетевого подхода, является теория «эпистемных сообществ» американского политолога П.М. Хааса, которая, впервые будучи примененной еще в 1989 г., так и не получила широкого распространения в российской политологии (в частности она используется в работах Т.А. Романовой [Романова, 2016], О.В. Столетова и И.А. Чихарева [Чихарев, Столетов, 2009]). Вместе с тем ее эвристический потенциал при изучении систем внешнеполитической экспертизы представляется достаточно перспективным.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель определить потенциал применения теории «эпистемных сообществ» П.М. Хааса для изучения национальных системы внешнеполитической экспертизы. Для достижения поставленной цели были решены следующие исследовательские задачи: систематизированы и проанализированы основные положения теории «эпистемных сообществ»; сформулирована интерпретация национальной системы внешнеполитической экспертизы с позиций теории «эпистемных сообществ».

Категория «эпистемное сообщество» не нова для социогуманитарного междисциплинарного научного дискурса. Как отмечают М. Мейр и С. Молино-Ходжсон, первыми ее ввели в научный оборот Б. Хольцнер и ряд его соавторов в 1960–1970 гг., подразумевая «профессиональные сообщества, для которых эпистемологические критерии имеют приоритет над другими интересами или ориентациями» и членов которых характеризует общая вера в научные методы как в способ познания истины [Meyer, Molyneux-Hodgson, 2010]. Данный подход не получил какого-либо существенного распространения в политических науках в отличие от теории П.М. Хааса, некоторые принципы которой тот впервые обозначил и применил на практике в 1989 г. в своей статье «Имеют ли значение режимы? Эпистемные сообщества и борьба с загрязнением Средиземноморья» [Haas, 1989]. В дальнейшем ключевые положения этой работы получили развитие в книге «Спасение Средиземного моря: политика международного экологического сотрудничества» [Haas, 1990]. По мнению А. Вила, ключевым ее тезисом является утверждение, что в политических процессах «первоочередное внимание следует уделять интеллектуальным факторам, и в частности существованию «эпистемного сообщества», способного определять проблему интеллектуально утонченным и политически значимым способом» [Weale, 1991]. Позднее П.М. Хаасом был опубликован ряд научных трудов, в которых он расширил и дополнил свою теорию: «Эпистемные сообщества и координация международной политики» [Haas, 1992], «Эпистемные сообщества, мировой порядок и создание рефлексивной исследовательской программы» [Haas, Adler, 1992], «Политическое знание: эпистемные сообщества» [Haas, 2001] и др. Все эти исследования так или иначе основываются, стремятся проверить и доказать действенность научной гипотезы, согласно которой «чем больше степень, в которой эпистемные сообщества мобилизованы и могут получить влияние в своих национальных государствах, тем больше вероятность того, что эти национальные государства, в свою очередь, будут оказывать влияние на ценности и практики, которые продвигаются эпистемным сообществом и, таким образом, будут содействовать их международной институционализации» [Haas, 1992].

Анализируя указанные выше работы, можно выделить следующие основные положения теории «эпистемных сообществ» П.М. Хааса:

1. Эпистемные сообщества рассматриваются им как «сети профессионалов с признанным опытом и компетенцией в определенной области и авторитетными претензиями на политически значимые знания в этой области или проблемном вопросе» [Haas, 1992].

2. Члены эпистемных сообществ – это эксперты, которые пользуются авторитетом в соответствующих областях знания, обладают необходимыми профессиональными компетенциями и образованием, а также «репутацией беспристрастных специалистов». Они могут занимать различные должности в организациях, входящих как в государственный, так и неправительственный сектор; представлять академическое сообщество, некоммерческие аналитические центры, органы государственной власти, частные компании [Bodansky, Brunnée, Hey, 2008, p. 794]. При этом П.М. Хаас в своих работах периодически акцентирует внимание на индивидуальном членстве в эпистемных сообществах. Они рассматриваются им как сети, состоящие из отдельных персон, при этом вопрос о возможности коллективного членства – включения в них экспертных институтов (аналитических центров, научно-исследовательских учреждений, экспертно-аналитических подразделений органов власти и др.) и групп (неинституционализированных объединений независимых экспертов) – остается открытым.

3. Для членов эпистемных сообществ характерно наличие ряда общих черт:

– общий набор нормативных и принципиальных убеждений, которые обеспечивают ценностное обоснование социальных действий членов сообщества;

– общие причинно-следственных убеждения относительно их профильной сферы знания и экспертизы;

– общие понятия достоверности, то есть интерсубъективные, внутренние критерии взвешивания и подтверждения экспертами определенных знаний в области своей компетенции;

– общая политика, то есть набор общих практик, связанных с комплексом проблем, на которые направлена их профессиональная компетентность [Haas, 2001].

Данная комбинация факторов, считает П.М. Хаас, «отличает эпистемные сообщества от других типов политических сетей и групп, активно участвующих в политике и выработке политики». Они «с большей вероятностью предоставят информацию, которая политически не запятнана и, следовательно, с большей вероятностью будет «работать» в политическом смысле, когда ее воспримут и будут следовать политические власти, озабоченные необходимостью выглядеть беспристрастно» [Bodansky, Brunnée, Hey, 2008, p. 793].

4. Главная миссия эпистемных сообществ заключается в обеспечении формирования и координации государственной политики в той или иной проблемной области, которые осуществляются посредством создания, согласования и распространения определенных знаний о них среди институтов (или иных акторов), принимающих решения во внешнеполитической сфере. П.М. Хаас полагает, что такие сообщества отвечают «за разработку и распространение причинно-следственных идей и некоторых связанных нормативных убеждений, и, таким образом, помогают создавать государственные интересы и предпочтения, а также помогают идентифицировать легитимных участников политического процесса» [Haas, 2001]. Такая точка зрения в полной мере сочетается с конструктивистским видением международных отношений и внешней политики, о чем периодически говорит сам П.М. Хаас в своих публикациях, указывая на то, что его теория выполнена в духе «мягкого конструктивизма», для которого характерен исследовательский фокус на роли различных типов норм, принципиальных убеждений, причинных убеждений и дискурсов в установлении ролей, правил, идентичностей, интересов и практик в международных отношениях [Antoniades, 2003].

При этом в политологии существует точка зрения, согласно которой речь о существовании эпистемных сообществ можно вести только применительно к тем сферам политики, «для которых важна наука» (в первую очередь подразумеваются естественные науки) [Antoniades, 2003]. Т. е. эпистемные сообщества могут возникать вокруг отдельных – проблемных – вопросов внешней политики, но сама она в целом может и не являться объектом их внимания и экспертной активности. Такая позиция представляется автору чрезвычайно дискуссионной и требующей дальнейшего изучения, поскольку потенциаль-

но может способствовать обесцениванию экспертного (научного) понимания множества социальных и иных процессов в сфере международных отношений и мировой политики.

5. Внешняя политика представляет собой процесс, «посредством которого интеллектуальные инновации (которые помогают производить эпистемные сообщества) осуществляются национальными и международными организациями (в которых могут находиться эпистемные сообщества) и выбираются <…>, чтобы стать основой для новых или трансформированных национальных интересов» [Haas, 2001].

6. Международная политика представляет собой процесс, «посредством которого инновации эпистемных сообществ распространяются на национальном, транснациональном и на международном уровнях, чтобы стать основой новых или изменившихся международных практик и институтов, а также возникающих атрибутов нового мирового порядка» [Haas, Adler, 1992].

7. Влияние эпистемных сообществ на внешнюю (а через нее – и на международную) политику может осуществляться двумя способами: 1) через политические институты, в создании и развитии которых данные сообщества принимают участие и которые они консультируют по различным внешнеполитическим вопросам; 2) «в более долгосрочной перспективе, институционализация влияния эпистемного сообщества происходит через социализацию» [Haas, Adler, 1992].

Изначально теория П.М. Хааса предназначалась для анализа международно-политических аспектов экологических проблем человечества, а сами эпистемные сообщества рассматривались как субъекты, участвующие в мировой политике, предоставляя необходимую информацию другим ее действующим лицам, принимающим решениям. Отсюда вполне закономерно применение теории «эпистемных сообществ» в политической науке было ориентировано главным образом на те, что существовали на над- и транснациональном уровнях политики. При этом теория обладает исследовательским потенциалом для выявления специфики эпистемных сообществ, функционирующих внутри государств – на национальном уровне.

Автор предлагает применить теорию «эпистемных сообществ» П.М. Хааса в качестве теоретико-методологического подхода к изучению национальных систем внешнеполитической экспертизы. В этом случае последние можно представить как сообщества (социальные сети), состоящие из специалистов, обладающих необходимыми знаниями, квалификацией и опытом в сфере международных отношений и внешней политики, авторитетом и признанным экспертным статусом; общей или схожей политической картиной мира [Самаркина, 2013], политическими убеждениями и ценностями; способных оказывать влияние на формирование и реализацию внешнеполитического курса своего государства посредством предлагаемых оценок и рекомендаций.

Членами национальных систем внешнеполитической экспертизы как эпистемных сообществ могут выступать как независимые эксперты-международники, так и аффилированные с различными институтами (как государственными, так и нет). Главная же цель таких сообществ – это содействие формированию идентичности государства в международной системе, определению и коррекции его национальных интересов путем предоставления идей, ценностей, смыслов и знаний субъектам, определяющим внешнеполитический курс государства. Для этого системы внешнеполитической экспертизы выполняют ряд функций:

– политическая социализация – разработка и распространение представлений о международных отношениях и внешней политике государства в первую очередь среди его политической элиты (формирование политической картины мира лиц, принимающих внешнеполитические решения);

– предоставление информации о международно-политических процессах и внешней политике государства, рекомендаций по ее коррекции (путем проведения прикладных и научных исследований, составления аналитический записок, справок, докладов);

– определение аксиологических оснований внешней политики государства, его курса в международной среде (например, нейтралитет, либеральный интервенционизм, антиколониальная солидарность, экспансионизм, изоляционизм и т. д.);

– определение легитимных принципов и норм, согласно которым государство осуществляет свою внешнюю политику (например, придерживается ли государство норм международного права, ставит ли его выше национального или наоборот и пр.);

– оценка эффективности внешней политики государства, а также ее соответствия представлениям членов эпистемного сообщества о национальных интересах и идентичности государства (например, посредством проведения аудитов внешней политики);

– производство, внедрение и распространение интеллектуальных инноваций в сфере международных отношений в национальной внешней политике (например, разработка новых стратегий и тактик реализации внешнеполитических интересов, привлечение новых технологий, заимствование и адаптация чужих политических ценностей и пр.).

Применение изложенного выше подхода к исследованиям национальных систем внешнеполитической экспертизы в перспективе может привести к следующему ряду позитивных изменений:

1. Преодоление смещения основного фокуса в современных исследованиях внешнеполитической экспертизы с отдельных ее институтов на сообщества (сети) в целом. При этом закономерно предметами исследований могут стать коммуникации, существующие между экспертами, входящими в их состав; продукты интеллектуальной деятельности экспертов; политические картины мира, создаваемые и транслируемые экспертами политической элите и прочее.

2. Актуализация изучения ценностных оснований функционирования национальных систем внешнеполитической экспертизы, выявление специфики влияния на него идеологических предпочтений, исторической памяти экспертов, традиций и норм, принятых в их сообществах.

3. Использование критериев, предложенных П.М. Хаасом для идентификации эпистемных сообществ, позволит существенно облегчить установление проявлений внешнеполитической псевдоэкспертизы [Хрусталев, 2008, с. 183], особенно в тех случаях, когда речь идет о группах персон, позиционирующих себя как экспертов в сфере международных отношений и внешней политики, но занимающихся пропагандой и легитимацией заранее заданных позиций.

4. Более глубокое научное понимание национальных внешнеполитических интересов и идентичности государств в международной среде, основанных на теории «эпистемных сообществ», согласно которой они рассматриваются не только как продукт деятельности элит, но и экспертов, их консультирующих.

5. Актуализация изучения новаторского компонента в деятельности национальных систем внешнеполитической экспертизы и интеллектуальных инноваций как одного из оснований для коррекции курсов государств в международной системе.

Список литературы

1. Беляева А.П. 2015. Экспертно-аналитическое обеспечение в процессе формирования внешнеполитических стратегий. Электронный научный журнал «ГосРег». 1. URL: http://gosreg.amchs.ru/tribuna-moloduh-uchenih/belyaeva-a-p-ekspertno-analiticheskoe-obespechenie-v-processe-formirovaniya-vneshnepoliticheskix-strategij.html (дата обращения: 13 марта 2021).

2. Романова Т.А. 2016. Институциональные уровни анализа и эволюции отношений России и Евросоюза: некоторые вопросы теории и практики. Вестник международных организаций. 11 (4): 224–248.

3. Самаркина И.В. 2013. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 3 (23): 117–127.

4. Хрусталёв М.А. 2008. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М., НОФМО, 232.

5. Чихарев И.А., Столетов О.В. 2009. Стратегия информационно-интеллектуального управления процессами интеграции в регионе СНГ. В кн.: Содружество Независимых Государств: взгляд молодежи. Сборник докладов Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2009». Москва, Университетская книга: 225–241.

6. Antoniades A. 2003. Epistemic Communities, Epistemes and the Construction of (World) Politics. Global Society. 17(1): 21–38.

7. Bodansky D., Brunnée J., Hey E. 2008. The Oxford Handbook of International Environmental Law, 1080.

8. Haas P.M. 1989. Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control. International Organization. 43 (3): 377–403.

9. Haas P.M. 1990. Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation. Columbia U.P., 303.

10. Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. International Organization. 46 (1): 1–35.

11. Haas P.M. 2001. Policy Knowledge: Epistemic Communities. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. URL: https://polsci.umass.edu/file/931/download?token=_e-x6zDL#:~:text=Epistemic%20communities%20are%20networks%E2%80%94often,within%20their%20domain%20of%20expertise.&text=Such%20beliefs%20provide%20a%20value,the%20members%20of%20the%20community (дата обращения: 13 марта 2021).

12. Haas P.M., Adler E. 1992. Conclusion: Epistemic Communities, World Order, and the Creation of a Reflective Research Program. International Organization. 46 (1): 367–390.

13. Meyer M., Molyneux-Hodgson S. 2010. Introduction: The Dynamics of Epistemic Communities. Sociological Research Online. 15 (2): 1–7.

14. Weale A. 1991. Peter M. Haas, Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation. Journal of Public Policy. 11 (04): 439–441.

References

1. Beljaeva A.P. 2015. Jekspertno-analiticheskoe obespechenie v processe formirovanija vneshnepoliticheskih strategij [Expert and Analytical Support in the Process of Forming Foreign Policy Strategies]. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «GosReg» [Electronic Scientific Journal «GosReg»]. 1. URL: http://gosreg.amchs.ru/tribuna-moloduh-uchenih/belyaeva-a-p-ekspertno-analiticheskoe-obespechenie-v-processe-formirovaniya-vneshnepoliticheskix-strategij.html (accessed 13 March 2021) (in Russian).

2. Romanova T.A. 2016. Institucional'nye urovni analiza i jevoljucii otnoshenij Rossii i Evrosojuza: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Institutional Levels of Analysis and Evolution of Relations Between Russia and the European Union: Some Questions of Theory and Practice]. Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [Bulletin of international organizations]. 11 (4): 224–248 (in Russian).

3. Samarkina I.V. 2013. Politicheskaja kartina mira: opyt konceptualizacii i interpretacii [Political Picture of the World: Experience of Conceptualization and Interpretation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science]. 3 (23): 117–127 (in Russian).

4. Hrustaljov M.A. 2008. Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. Moscow, NOFMO, 232 (in Russian).

5. Chiharev I.A., Stoletov O.V. 2009. Strategija informacionno-intellektual'nogo upravlenija processami integracii v regione SNG [Strategy of Information and Intellectual Management of Integration Processes in the CIS Region]. In: Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: vzgljad molodezhi. Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2009» [Commonwealth of Independent States: the View of Youth. Collection of reports of the International Youth Scientific Forum «Lomonosov-2009»]. Moscow, Universitetskaja kniga: 225–241 (in Russian).

6. Antoniades A. 2003. Epistemic Communities, Epistemes and the Construction of (World) Politics. Global Society. 17 (1): 21–38.

7. Bodansky D., Brunnée J., Hey E. 2008. The Oxford Handbook of International Environmental Law, 1080.

8. Haas P.M. 1989. Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control. International Organization. 43 (3): 377–403.

9. Haas P.M. 1990. Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation. Columbia U.P., 303.

10. Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. International Organization. 46 (1): 1–35.

11. Haas P.M. 2001. Policy Knowledge: Epistemic Communities. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. URL: https://polsci.umass.edu/file/931/download?token=_e-x6zDL#:~:text=Epistemic%20communities%20are%20networks%E2%80%94often,within%20their%20domain%20of%20expertise.&text=Such%20beliefs%20provide%20a%20value,the%20members%20of%20the%20community (дата обращения: 13.03.2021).

12. Haas P.M., Adler E. 1992. Conclusion: Epistemic Communities, World Order, and the Creation of a Reflective Research Program. International Organization. 46 (1): 367–390.

13. Meyer M., Molyneux-Hodgson S. 2010. Introduction: The Dynamics of Epistemic Communities. Sociological Research Online. 15 (2): 1–7.

14. Weale A. 1991. Peter M. Haas, Saving the Mediterranean: The Politics of International Environmental Cooperation. Journal of Public Policy. 11 (04): 439–441.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Донецкого национального университета, г. Донецк, Донецкая Народная Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Onopko, candidate of political sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People’s Republic

УДК 32: 378.016
DOI 10.18413/2687-0967-2021-48-1-238-248

Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения

И.Н. Гукова, Ж.В. Бойко, Л.С. Половнева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Gukova_I@bsu.edu.ru, Boiko@bsu.edu.ru, Lpolovneva@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены состояние политического образования в современной России, его задачи и виды. Обозначены сложившиеся научные взгляды в понимании политического образования, приведены исследования ученых, дискутирующих на актуальные темы политического образования. Аргументирована позиция, раскрывающая значимость рассмотрения в школьном курсе «Обществознание» и вузовском курсе «Политология» проблемных аспектов в сфере политики и ее влияния на общественное развитие. Обосновано, что данные курсы должны находить адекватное отражение в учебном процессе образовательных учреждений. Предпринята попытка выявить и проанализировать проблемы, возникшие в российском политическом образовании в средних и высших образовательных учреждениях. Намечены пути решения выявленных проблем в целях повышения эффективности и качества политического образования на современном этапе развития. Приведен опыт авторов в поиске новых форм и методов преподавания политологии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: образовательная система, политическое образование, политология, обществознание, политологические знания, политолог, политическая культура, политическая социализация, концепции политического образования.

Для цитирования: Гукова И.Н., Бойко Ж.В., Половнева Л.С.. 2021. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 238–248. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-238-248.

State of political education in modern Russia: problems and ways of their solution

I.N. Gukova, Z.V. Boyko, L.S. Polovneva
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Gukova_I@bsu.edu.ru, Boiko@bsu.edu.ru, Lpolovneva@bsu.edu.ru

Abstract. The state of political education in modern Russia, its objectives and types are considered. The prevailing scientific views in the understanding of political education are identified; the research of scientists discussing current issues of political education is presented. The author argues the position revealing the importance of considering problematic aspects in the field of politics and its impact on social development in the school course «Social Studies» and the university course «Political Science». It is proved that these courses should be adequately reflected in the educational process of educational institutions. An attempt has been made to identify and analyze the problems that have arisen in Russian political education in secondary and higher educational institutions. The ways of solving the identified problems in order to improve the efficiency and quality of political education at the present stage of development are outlined. The author's experience in the search for new forms and methods of teaching political science in higher education is presented.

Keywords: educational system, political education, political science, social science, political science knowledge, political scientist, political culture, political socialization, concepts of political education.

For citation: Gukova I.N., Boyko Z.V., Polovneva L.S. 2021. State of political education in modern Russia: problems and ways of their solution. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 238–248 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-238-248.

Сегодня актуальной темой исследований становится политическое образование, состояние которого в современной России отражает новый этап развития, претерпевает определенные трудности. Задачей исследования стала попытка проанализировать состояние политического образования в России, выявить возникающие в процессе его становления проблемы, поскольку стремительные изменения во всех сферах требуют своевременного к ним внимания, научного подхода для эффективных решений. Значение политической сферы жизни общества стремительно возрастает, и возникает потребность в понимании происходящих процессов, протекающих в быстро меняющемся, глобализирующемся мире. Все чаще звучит информация о событиях, напрямую отражающих проблемы политической жизни, либо так или иначе связанных со сферой политики. Встает правомерный вопрос о том, как разобраться в этом потоке информации, не обладая базовыми знаниями о политике, в том числе о политических ценностях, составляющих основу политической культуры современного гражданина, являющегося непосредственным участником политических процессов и процедур.

В научном сообществе как зарубежные, так и отечественные ученые активно высказываются о важности политического образования, а также никем не оспаривается необходимость поиска инновационных методов обучения, способных помочь не только адаптироваться в новых условиях, но и получить качественные знания.

Актуальные темы, связанные с проблемами политического образования, на сегодняшний день поднимаются многими отечественными учеными. Для нашего исследования значимыми явились работы Я.А. Пляйса, раскрывающие вопросы становления отечественной политологии, которая на данный момент, как отмечает автор, «…вступила в новый период устойчивого развития» [Пляйс, 2007]. И.А.Чихарев, О.В. Столетов указывают на специфику развития системы политического образования в России, его перспективы, отмечают, что исторически сегодня обозначился переход к профессионализации национального политологического сообщества [Чихарев, Столетов, 2017, 2019]. Анализ политического образования с позиции ценностного аспекта проводит Е.В. Брызгалина [Брызгалина, 2019]. Н.Н. Денисенкова подчеркивает важность политического образования в вузе, в процессе которого формируется гражданская активность будущих специалистов [Денисенкова, 2009]. О.В. Столетов рассматривает состояние и перспективы стандартизации политических профессий [Столетов, 2019], что, на наш взгляд, является одной из важных проблем, поскольку, обучая профессионалов-политологов, мы пока не имеем разработанных профессиональных стандартов. Д.В. Рогов акцентирует внимание на состоянии и проблемах школьного политического образования в современной России [Рогов, 2011]. Теоретический анализ научных работ свидетельствует о единстве взглядов современных ученых, выражающих значимость, необходимость политического образования для дальнейшего развития общества, которое в связи с усилением информационного поля приобретает все новые формы участия в политической жизни, что требует высокой политической культуры. Современному государству, расширяющему границы международного сотрудничества в различных сферах своего проявления, необходимы профессионалы, способные направить свою деятельность согласно гуманистическим принципам, которые заложены в законах, нормативно-правовых актах, на эффективное решение встающих на сегодняшний день перед обществом многочисленных проблем. Современные реалии диктуют необходимость знаний о политических процессах, процедурах, чтобы ориентироваться в сложном сплетении информационного потока.

Проблемы политического образования обсуждаются и в профессиональных сообществах. Ю.В. Ирхин указывает на важную роль отечественных политологов и обществоведов в деятельности Международной ассоциации политической науки [Ирхин, 2016]. На III съезде Российского общества политологов также подчеркивалась мысль о необходимости фундаментальных знаний для специалистов, непосредственно занимающихся политикой, которые изучают политическую сферу и анализируют события. Этот аспект рассматривается в работе В.А. Иноземцевой [Иноземцева, 2018]. Состоянию и проблемам политического образования в современной России был посвящен и ряд «круглых столов», которые проходили на площадках как профессиональных ассоциаций, так и вузов России. Среди наиболее значимых можно выделить следующие:

– «Круглый стол» на тему «Роль профессионального сообщества в оценке качества образования в области обществознания и политологии» в рамках VI Всероссийского конгресса политологов в МГИМО. Он был проведен совместно с Российской ассоциацией политической науки (РАПН) и Евразийской ассоциацией оценки качества образования (ЕАОКО).

– «Круглый стол» «Петербургской политологической экспертизы», который состоялся на факультете философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета [Нужна ли современной России…, 2006]. «Круглый стол» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова на тему «Политическое образование в современной России и в мире».

В современном научном мире как за рубежом, так и в России широко представлены модели политического образования. М. Оукшотт подразделяет политическое образование на универсальное и профессиональное [Oakshott M., 1962, p. 116]. Автор отмечает, что «система универсального (свободного) образования формируется в школах, а система профессионального образования – в университетах. В данных системах реализуются три основных аспекта политического образования: формулирование, закрепление и передача общих основ политического мировоззрения, освоение всей совокупности политических дисциплин и подготовка к участию в выборах и к профессиональной политической деятельности» [Oakshott M., 1962, p. 116].

Профессиональное образование осуществляется на уровне высшего образования и включает подготовку профессиональных политологов, т. е. исследователей, преподавателей, политических экспертов, политических консультантов, технологов политической сферы. Профессиональное политическое образование (часто используется также термин «политологическое образование») в России – явление сравнительно новое, насчитывает чуть более 30 лет. Как известно, в советский период в России долгое время политология как наука официально не признавалась. Несмотря на это, процесс накопления политических знаний в стране шел интенсивным путем, постепенно приобретался и опыт преподавания знаний о политике. Начиная с 70-х годов XX века в высших учебных заведениях читаются небольшие спецкурсы по политологическим проблемам, ведутся лекции. В Москве в 1979 году при поддержке Советской ассоциации политических наук (САПН) состоялся XII Всемирный конгресс Международной ассоциации политических наук. Считается, что постановление Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) от 4 ноября 1988 г. № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», в которое были включены политологические специальности, стало фактом официального появления отечественной политологии. Эта дата может считаться официальным днем рождения современной российской политической науки [Пляйс, 2007]. Как отмечает Я.А. Пляйс, по приказу ВАК при СМ СССР от 25 января 1989 г. № 1 номенклатура, утвержденная Государственным комитетом СССР по науке и технике (ГКНТ), была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров. В конце 1989 года Высшая аттестационная комиссия (ВАК) ввела политологию в перечень научных дисциплин. Так, «Постановление ГКНТ и приказ ВАК нормативно закрепили создание инфраструктуры, необходимой для становления и развития современной по-

литической науки, а также соответствующей системы образования» [Пляйс, 2007]. В 1995 году была создана Российская ассоциация политической науки (РАПН).

Универсальное – это образование не для политологов. В России оно осуществляется на уровне общего образования через школу, на уровне профессионального образования – через систему среднего профессионального образования (техникумы, колледжи) и через систему высшего образования (образование для гуманитариев-неполитологов и негуманитариев). В январе 1991 года постановлением Государственного комитета СССР по народному образованию политология была включена в состав базовых дисциплин вузов и читалась на всех специальностях без исключения. Этот период стал началом для молодого поколения в освоении политических реалий, поскольку до этого в СССР знания об обществе были построены на марксистско-ленинской философии с идеологическим и патриотическим воспитанием. Глубокие перемены в жизни российского общества ставили перед учеными и педагогами новые задачи. Начиная с 90-х годов XX века их внимание сосредотачивается на разработке нового учебного предмета, способствующего повышению политико-правовой грамотности, самоопределению школьников. Так, уже с 2000 года в российских школах постепенно вводятся такие предметы, как «Обществознание», «Правоведение», призванные помочь школьникам овладеть знаниями о политической системе, о государственности, о конституционном строе Российской Федерации, праве, гражданственности, политической культуре и другими. Политическая и правовая необразованность, а следовательно, неактивность, определенная внутренняя несвобода, являлись и являются пока еще чертой общественного большинства. На наш взгляд, преодоление этих «симптомов» – важная задача для успешного развития общества, решение которой будет способствовать улучшению социального здоровья, общественному благополучию. Однако стоит заметить, что общественная активность должна проявляться осознанно, на основе общепризнанных гуманистических принципов, а это под силу образованной личности. На сегодняшний день для государства важно выстроить ценностные приоритеты общественного развития, которые были бы приняты обществом, позволили бы сплотить, солидаризовать его, поскольку ни политическая, ни экономическая стратегия без этого не будет работать. Эта задача вполне разрешима при поддержке профессионалов политической сферы. По мнению исследователя И.В. Богдана, важными условиями для успешного развития общества являются «осознание политическим классом в целом и работающими на него аналитиками сложности формирования системы ценностей и необходимости создания определенных организационных условий для осуществления этой задачи с учетом разных политических ориентаций самих экспертов; выработка некого согласия по поводу базовых ценностей и целей развития страны внутри политического класса, но и налаживание диалога власти и общества о трансляции ценностей «официальной идеологии» всем группам населения. Особенно велика здесь роль системы образования на всех ее ступенях и средств массовой информации» [Богдан, 2014].

Профессиональное политическое образование в современной России нацелено на формирование, прежде всего, профессиональных компетенций. От политолога сегодня требуется качественно новый уровень понимания и обобщения знаний о политике и человеке, что требует глубокого изучения большого пласта гуманитарных наук, однако нельзя забывать, что теоретические знания будущие политологи должны будут применить в своей практической деятельности. Важно понимать, что политическая деятельность является профессиональной сферой. В свою очередь, если говорить о политической науке, то она – закономерный результат развития общественных наук. На сегодняшний день качества политика оцениваются не как компетенции, приобретенные в процессе образования, а как личные качества, сумма персонального опыта, репутация. Подобным же образом трактуются навыки политических технологов, специалистов по политическим коммуникациям. Их профиль формирует совокупность прецедентов в профессиональной деятельности – проведенные кампании, личные контакты [Кошкин, Жидких, Новиков, 2018]. Несомненно, личные качества – важная характеристика для политолога, однако при условии само-

развития, политологического образования, позволяющего уже на более высоком теоретическом уровне оценивать и анализировать происходящие события в жизни общества, эти качества становятся преимуществом профессионала, его достоинством.

Многие исследователи отмечают, что важными факторами, влияющими на возникновение проблем в российском политическом образовании, являются: зависимость от зарубежных концептов и моделей, недостаток специалистов в сфере политического образования, непоследовательность и отставание от требований политического и экономического рынка при формировании образовательных стандартов и программ. На сегодняшний день идет процесс поиска новых технологий и методов преподавания политических дисциплин. При этом важно учитывать то, что «для студентов направлений, не связанных с политологией и социологией, необходимы иные технологии образования, чем для студентов-социологов и политологов» [Кошкин, Жидких, Новиков, 2018].

Один из способов в преодолении создавшихся проблем ученые видят в том, чтобы при подготовке бакалавров включать в учебные планы прикладные политологические дисциплины, ориентированные «на практическую деятельность в рамках политического менеджмента» [Кошкин, Жидких, Новиков, 2018]. В качестве таких дисциплин авторы предлагают «Политический рейтинг», «Публичное администрирование», «Бизнес-администрирование в политике», «Медиапланирование» и другие. Формирование политико-управленческих компетенций, которые имеют прикладное измерение в сфере PR и GR, будет успешным при реализации таких учебных дисциплин, как маркетинг, бренд-менеджмент, бизнес-аналитика и других. На уровне бакалавриата целесообразно сделать акцент на формировании универсальных, общепрофессиональных и базовых профессиональных компетенций. В высших учебных заведениях следует развивать образовательную среду, которая может быть представлена практическими курсами, ориентированными на применение теоретических подходов в рамках исследовательских проектов, факультативными дисциплинами, открытыми лекториями, интеллектуальными кружками и играми. Всеми признается, что образовательный процесс будет высоко эффективным, если принимать участие в таких мероприятиях смогут не на формальном уровне, а реальном как студенты, так и преподаватели. Заинтересованность в этом должна быть взаимная. Именно с таких позиций университетское образование будет той площадкой, на которой студент сможет получить жизненный и профессиональный опыт, навыки общения в разных ситуациях. Следовательно, университет действительно будет фундаментом для дальнейшего профессионального роста. Магистратура как еще один образовательный этап позволит обеспечить реализацию глубокой специализации в определенном сегменте российской политики. На этом уровне будет логичным продолжить формирование политико-управленческих компетенций, а также компетенций в сфере экспертизы и консалтинга. Это могут быть компетенции в области управления в сфере электоральных процессов, стратегического управления в сфере отдельных направлений государственной политики России – социальной, экономической и т. д. [Чихарев, Столетов, 2019]. В образовательный процесс будет целесообразным внедрять проектное обучение в форме участия магистрантов в проведении исследований, привлекать их к профессиональной деятельности в органах государственной власти [Чихарев, Столетов, 2019].

Нельзя не учитывать стремительные образовательные процессы, которые происходят в условиях становления новой образовательной парадигмы, в первую очередь, ориентированной на личностно-деятельностный подход, на внедрение новых технических образовательных технологий. На наш взгляд, для решения ряда образовательных проблем в целях достижения качественного профессионального политического образования важно применение практико-ориентированных методов обучения, которые становятся эффективным источником повышения уровня обучения. Такие методы мотивируют обучающихся, дают возможность оценить свои знания, умения в профессиональной сфере. Несомненно, что принцип практической направленности политического образования в совре-

менных условиях, особенно в последнее время, сопряжен с определенными сложностями. Наряду с тем, что оно требует научно-методологического осмысления, возникают проблемы и другого порядка. Так, например, в период прохождения политологической практики не все потенциальные работодатели готовы на деле предоставить возможность студентам пробовать применить полученные теоретические знания, зачастую их работа ограничивается формальными манипуляциями. Студенческая молодежь сама по себе активна, полна желания пробовать. Однако мотивация несколько ослабевает, когда будущие политологи чувствуют недоверие со стороны работодателя. Мотивационная сторона является значимой в «познавательной самостоятельности» и указывает на степень включенности студента в активную образовательную деятельность. «Познавательная самостоятельность», как отмечает Е.Б. Ястребова, это свойство личности, «…которое проявляется в стремлении и умении своими силами овладеть основами и способами деятельности и применять их в учебной, последовательной и практической деятельности с целью подготовки к деятельности профессиональной» [Ястребова, 1984]. На наш взгляд, на современном этапе стремительного развития общества это качество является значимым в процессе обучения. В свою очередь, поиск, проработка и использование активных методов обучения (дискуссии, деловые игры, презентации, кейс-технологии, встречи с профессионалами и многие другие), составляющих дидактическую базу для организации «познавательной самостоятельности», будут способствовать развитию у студентов-политологов аналитических способностей, логического мышления, инновационной деятельности, а следовательно, и их профессиональному росту. В качестве примера применения одного из активных методов, реализуемых сегодня в образовательном процессе, можно назвать работу студенческого клуба молодых политологов, организованного в 2018 году на базе кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ». Через активную деятельность студентов, с опорой на такие формы работы, как «…политические дебаты, интеллектуальные игры, дискуссии, тематические круглые столы, встречи с политиками и государственными служащими успешно формируются и развиваются такие важные для будущих политологов качества, как инициативность, социальная ответственность, активная гражданская позиция» [Бойко, Гукова, 2019]. Особенно ярко проходят встречи с профессионалами, раскрывающими разные аспекты работы в политической сфере, которые делятся со студентами своим опытом работы, а также появляется у молодежи личная возможность получить ответы на непосредственно волнующие вопросы. Благодаря таким формам работы обеспечивается ценностная направленность процесса профессиональной подготовки, включение студентов в профессионально-ценностные виды деятельности, что способствует эффективному формированию профессиональных компетенций.

Массовое политическое образование, или образование для публичности, ориентировано на старшеклассников, учащихся колледжей и техникумов, студентов, для которых политология не является основной дисциплиной. Главной задачей такого образования является политическая социализация личности, воспитание гражданственности. В первую очередь задачи, которые встают перед современными педагогами, это быстро реагировать на меняющиеся реалии, находить новые эффективные технологии, способствующие помочь молодежи осознать происходящее, понять свой личный потенциал, свое право и возможность воздействовать на политические процессы, понять свое место в политической системе. Таким образом, массовое образование ориентируется на индивидуальную практику и интересы. На наш взгляд, в процессе изучения политологии у студентов непрофильных специальностей необходимо сформировать высокую политическую культуру, навыки аналитического мышления, способность критически оценивать разнообразные явления политической реальности, умение ориентироваться в многообразии информации, относящейся к политической сфере. Задачи, которые встают перед педагогами, не простые и требуют большой мобилизации профессионального и личного потенциала. Образование – это взаимосвязанный

процесс между преподавателем и студентом, а следовательно, для его успешности и эффективности условия должны быть для обоих субъектов учебного процесса.

Современные условия общественного развития диктуют необходимость знаний о политике каждому, независимо от его профессиональной принадлежности, так как важно уметь ориентироваться в быстро усложняющемся мире, взаимодействовать, чтобы не стать объектом манипулирования со стороны более активных в политическом отношении сил. В свое время руководитель Академии политического образования Т. Майер писал о том, что «…там, где политическое образование отличается постоянством, непрерывностью и охватывает все социальные слои, оно не всегда обращает на себя большое общественное внимание. Ненужным же оно не будет никогда» [Meyer, 1994]. В дискуссии о том, нужна ли система политического образования в России, профессор Л.В. Сморгунов отмечал, что «…для любого государства, для сообществ, которые формируются, в том числе вне государственной сферы, оно необходимо. Более серьезный вопрос – каким должно быть содержание политического образования в связи с изменением политического режима с теми концептами, которые появляются на политической арене» [Нужна ли России…, 2006]. Действительно, этот вопрос является сегодня актуальным и требует наиболее тщательной проработки.

Можно заключить, что система политического образования в современной Российской Федерации выстроена, функционирует более 30 лет, тем не менее есть проблемы, касающиеся как массового образования, так и профессионального. На сегодняшний день усматриваются некие противоречия в том, что понимание необходимости политического образования не оспаривается, и в тоже время в образовании идут обратные процессы.

Во-первых, обозначился переход на новые образовательные стандарты (ФГОС 3+), особенностью которых является установление отношений между образовательными целями и дисциплинарным полем, еще больше «…расширились права образовательных организаций в определении структуры и содержания программ» [Чучалин, 2015]. Так, вузы, реализующие разные направления подготовки, сегодня имеют право сами решать, включать или нет, например, такую дисциплину, как «Политология», в спектр изучаемых курсов. Такое решение не всегда «за». Также заметно сокращение количества аудиторных часов, отводимых на политологию в вузах и средних специальных учебных заведениях. Специфика политологии как научного знания заключена в комплексном рассмотрении сферы политики. Кроме того, политическая наука характеризуется множеством концепций и парадигм, что требует разъяснения, взаимодействия преподавателя и обучающегося. В современных условиях такое взаимодействие не всегда возможно в полной мере. В 1990-е годы политология стремительно развивалась, читалась практически на всех факультетах классических и технических вузов, вводилась в качестве самостоятельной учебной дисциплины в средних специальных учебных заведениях. В последние же десятилетия наметилась, к сожалению, обратная тенденция. Сокращается количество часов, отводимых на преподавание политологии в высших учебных заведениях, она превратилась из обязательной дисциплины в дисциплину по выбору, постепенно маргинализируется, фактически исчезает из учебных планов колледжей, техникумов. Думается, нельзя не согласиться с мыслью о том, что содержание образовательных программ отражает ценности общества, а следовательно, и его надежды на развитие будущего поколения. Согласно этому, состояние современного политического образования в России как инструмента политической социализации молодежи, призванного формировать ее политическую субъектность, напряженное, сложное и не в полной мере реализует свой потенциал. Возможно, это связано еще и с самой политикой в России, которая, по словам Л.В. Сморгунова, заменена в целом управлением. Он отмечает, что «…мы сами отдаляем себя от политики, говоря, что у нас нет компетенции осуществлять властные полномочия…» [Нужна ли России..., 2006]. В этих условиях, на наш взгляд, важно решить, какими качествами должен обладать человек политики, какими компетенциями должен обладать политик, а какими современный гражданин, тоже принимающий участие в политике.

Во-вторых, часто политическое воспитание доминирует над политическим образованием. Очевидно, что сегодня на государственном уровне ставка делается на мероприятийный подход. В рамках государственной молодежной политики политическая социализация юношей и девушек в основе своей осуществляется через мероприятия гражданско-патриотической тематики, приуроченные к каким-либо событиям, памятным или историческим датам, выборам и др. Вне всякого сомнения, подобные формы работы с молодежью важны, однако, как показывает практика, при множественности таких мероприятий не всегда получается достичь качества в содержательном плане. Информация о том, как работают политические институты, в чем заключается гражданская активность и социальная ответственность, как может проявляться электоральная активность гражданина, преподносится молодежи в упрощенной форме. В результате такого подхода формируется представление о функционировании политической системы при демократии, о демократических политических ценностях, о политической жизни в целом не совсем полное и четкое. В итоге вместо знаний молодежь получает субъективные политические оценки, а это уже не образование, а политика.

В-третьих, слабая структурированность регионального политологического пространства, отсутствие научно-исследовательских центров и системного финансирования затрудняют развитие политической науки в регионах, что отражается на качестве профессионального образования. Для эффективной реализации профессионального политологического образования необходимо исходить из императива неразрывности исследовательской практики и преподавания.

В целях совершенствования подготовки преподавателей политологических дисциплин необходимо развивать дополнительное образование, в рамках которого преподаватели могли бы получать знания в области современных методов политических исследований. Для повышения уровня профессиональной квалификации преподавателей важно создать условия, мотивирующие их к самообразованию, вовлекать в научно-исследовательскую деятельность, развивать систему профессиональных стажировок. Значимая роль в этом вопросе принадлежит профессиональным ассоциациям, прежде всего, Российской ассоциации политической науки как одной из крупнейших общественных организаций в этой сфере, молодежным студенческим политологическим объединениям.

В противном случае политическое образование может стать частью элитарного образования и выполнять задачу по подготовке к участию в политической деятельности представителей элитных групп, что противоречит ключевой задаче демократического государства – подготовка «политической личности» – «homo politicus» – человека, творящего политику.

Список литературы

1. Бойко Ж.В., Гукова И.Н. 2019. Отечественный и зарубежный опыт исследования гражданской идентичности. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. URL: http://www.eastjournal.ru/journalm.htm (дата обращения: 05.08.2020).

2. Богдан И.В. 2014. Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения. Политические науки. 2: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-problemy-i-perspektivy-izucheniya/viewer

3. Брызгалина Е.В. 2019. Политическое образование в контексте ценностей: глобальные вызовы, локальные ответы. Политическое образование и политическая практика в современной России: сборник научных трудов и выступлений. М., ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова: 23–26.

4. Денисенкова Н.Н. 2009. Образовательная политика России в современных условиях. Хозяйственные системы в современном мире. Организационно-правленческие институциональные аспекты. Под ред. Т.М. Степанян. М., Макс Пресс: 298–304.

5. Иноземцева В.А. 2018. III съезд Российского общества политологов «Политическое образование в современной России и в мире». Studia Humanitatis Borealis. 1: 31–37. URL: http://petrsu.ru (дата обращения: 01.08.2020).

6. Ирхин Ю.В. 2016. Роль Московского конгресса в генезисе международной ассоциации политической науки: экспертный анализ. Факты истории политической науки. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-moskovskogo-kongressa-v-genezise-mezhdunarodnoy-assotsiatsii-politicheskoy-nauki-ekspertnyy-analiz/viewer.

7. Королева Л.В. 2015. Некоторые современные проблемы политического образования студентов российских вузов. Социально-философские и социально-экономические особенности развития образования в столичном мегаполисе. Сборник научных статей. Сост. Г.М. Гогиберидзе. М., МГПУ: 71–76.

8. Кошкин А.П., Жидких В.А., Новиков А.В. 2018. Политическое образование в экономическом вузе: проблемы и перспективы. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 4 (100): 28–38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-obrazovanie-v-ekonomicheskom-vuze-problemy-i-perspektivy/viewer.

9. Ланцова И.В., Корнилова Г.И. 2013. О статусе политического образования в национальном исследовательском университете. Вестник ИрГТУ. 7(78): 285–289. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-politicheskogo-obrazovaniya-v-natsionalnom-issledovatelskom-universitete/viewer.

10. Нужна ли современной России система политического образования? 2006. «Круглые столы» семинара «Петербургская политологическая экспертиза». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-sovremennoy-rossii-sistema-politicheskogo-obrazovaniya/viewer (дата обращения: 05.08.2020).

11. Пляйс Я.А. 2007. В начале нового этапа развития политической науки в России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/v-nachale-novogo-etapa-razvitiya-politicheskoy-nauki-v-rossii/viewer (дата обращения: 05.08.2020).

12. Пляйс Я.А. 2007. О состоянии и особенностях современного этапа развития политической науки в России. Вестник Российского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 5: С. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-osobennostyah-sovremennogo-etapa-razvitiya-politicheskoy-nauki-v-rossii/viewer (дата обращения: 05.08.2020).

13. Рогов Д.В. 2011. Современное политическое образование: состояние и методика совершенствования. Социальная политика и социология. 10: 217–227.

14. Столетов О.В. 2019. Стандартизация политических профессий: состояние и перспективы. Политическое образование и политическая практика в современной России: сборник научных трудов и выступлений. М., ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова: С. 33–35.

15. Титова Л.Г. 2018. Образование в контексте политики. Социально-политические исследования. 1: 6–19.

16. Чихарев И.А., Столетов О.В. 2017. Политические профессии и образовательные стандарты: российский опыт. Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-professii-i-obrazovatelnye-standarty-rossiyskiy-opyt/viewer.

17. Чихарев И.А., Столетов О.В. 2019. Перспективы развития системы политического образования в России. Политическое образование и политическая практика в современной России: сборник научных трудов и выступлений. М., ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова: 35–41.

18. Чучалин А.И. 2015. Образовательные стандарты ведущих российских вузов. Высшее образование в России. 4: 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-standarty-veduschih-rossiyskih-vuzov/viewer (дата обращения: 05.04.2020).

19. Ястребова Е.Б. 1984. Развитие познавательной самостоятельности студентов младших курсов: Автореф. дис... канд. пед. наук. М.: 16.

20. Almond G.A., Powell G.B. 1966. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston, Little Brown: 64–65.

21. Does modern Russia need a system of political education? 2006. Round Tables of the St. Petersburg Political Expertise Seminar URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-sovremennoy-rossii-sistema-politicheskogo-obrazovaniya/viewer (date accessed: 05.08.2020).

22. Meyer T. 1994. Wie entbehrlich ist Politische Bildung? Friedrich-Ebert-Stiftung-Info. – 1.

23. Oakshott M. 1962. Rationalism in Politics. L., Methuen: 116.

References

1. Bojko Zh.V., Gukova I.N. 2019. Otechestvennyj i zarubezhnyj opyt issledovaniya grazhdanskoj identichnosti [National and foreign experience in the study of civic identity] Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. URL: http://www.eastjournal.ru/journalm.htm (data obrashcheniya: 05.08.2020).

2. Bogdan I.V. 2014. Politicheskie cennosti sovremennogo rossijskogo obshchestva: problemy i perspektivy izucheniya [Political Values of Contemporary Russian Society: Problems and Prospects of Study]. Politicheskie nauki. 2: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-problemy-i-perspektivy-izucheniya/viewer.

3. Bryzgalina E.V. 2019. Politicheskoe obrazovanie v kontekste cennostej: global'nye vyzovy, lokal'nye otvety [Political Education in the Context of Values: Global Challenges, Local Responses]. Politicheskoe obrazovanie i politicheskaya praktika v sovremennoj Rossii: sbornik nauchnyh trudov i vystuplenij. M., FGBOU VO REU im. G.V. Plekhanova: 23–26.

4. Denisenkova N.N. 2009. Obrazovatel'naya politika Rossii v sovremennyh usloviyah. Hozyajstvennye sistemy v sovremennom mire [Educational policy of Russia in modern conditions. Economic systems in the modern world]. Organizacionno-pravlencheskie institucional'nye aspekty: Pod red. T.M. Stepanyan. M., Maks Press: 298–304.

5. Inozemceva V.A. 2018. III s"ezd Rossijskogo obshchestva politologov «Politicheskoe obrazovanie v sovremennoj Rossii i v mire» [III Congress of the Russian Society of Political Scientists "Political Education in Modern Russia and in the World]. Studia Humanitatis Borealis. 1: 31–37. URL: http://petrsu.ru (data obrashcheniya: 01.08.2020).

6. Irhin Yu.V. 2016. Rol' Moskovskogo kongressa v genezise mezhdunarodnoj associacii politicheskoj nauki: ekspertnyj analiz [The Role of the Moscow Congress in the Genesis of the International Political Science Association: An Expert Analysis]. Fakty istorii politicheskoj nauki. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-moskovskogo-kongressa-v-genezise-mezhdunarodnoy-assotsiatsii-politicheskoy-nauki-ekspertnyy-analiz/viewer.

7. Koroleva L.V. 2015. Nekotorye sovremennye problemy politicheskogo obrazovaniya studentov rossijskih vuzov [Some Current Problems of Political Education of Students of Russian Universities]. Social'no-filosofskie i social'no-ekonomicheskie osobennosti razvitiya obrazovaniya v stolichnom megapolise. Sbornik nauchnyh statej. Sost. G.M. Gogiberidze. M., MGPU: 71–76.

8. Koshkin A.P., Zhidkih V.A., Novikov A.V. 2018. Politicheskoe obrazovanie v ekonomicheskom VUZe: problemy i perspektivy [Political Education in Economic Universities: Problems and Prospects] Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 4 (100): 28–38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-obrazovanie-v-ekonomicheskom-vuze-problemy-i-perspektivy/viewer.

9. Lancova I.V., Kornilova G.I. 2013. O statuse politicheskogo obrazovaniya v nacional'nom issledovatel'skom universitete [About the status of political education in a National Research University]. Vestnik IrGTU. 7 (78): 285–289. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-politicheskogo-obrazovaniya-v-natsionalnom-issledovatelskom-universitete/viewer.

10. Nuzhna li sovremennoj Rossii sistema politicheskogo obrazovaniya? 2006 [Does modern Russia need a system of political education?]. «Kruglye stoly» seminara «Peterburgskaya politologicheskaya ekspertiza». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-sovremennoy-rossii-sistema-politicheskogo-obrazovaniya/viewer (data obrashcheniya: 05.08.2020).

11. Plyajs Ya.A. 2007. V nachale novogo etapa razvitiya politicheskoj nauki v Rossii [At the beginning of a new stage in the development of political science in Russia]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/v-nachale-novogo-etapa-razvitiya-politicheskoy-nauki-v-rossii/viewer (data obrashcheniya: 05.08.2020).

12. Plyajs Ya.A. 2007. O sostoyanii i osobennostyah sovremennogo etapa razvitiya politicheskoj nauki v Rossii [About the state and peculiarities of the modern stage of development of political science in Russia]. Vestnik Rossijskogo un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-osobennostyah-sovremennogo-etapa-razvitiya-politicheskoy-nauki-v-rossii/viewer (data obrashcheniya: 05.08.2020).

13. Rogov D.V. 2011. Sovremennoe politicheskoe obrazovanie: sostoyanie i metodika sovershenstvovaniya [Modern Political Education: Status and Methods of Improvement]. Social'naya politika i sociologiya. 10: 217–227.

14. Stoletov O.V. 2019. Standartizaciya politicheskih professij: sostoyanie i perspektivy [Standardization of the Political Professions: Status and Prospects]. Politicheskoe obrazovanie i politicheskaya praktika v sovremennoj Rossii: sbornik nauchnyh trudov i vystuplenij. M., FGBOU VO REU im. G.V. Plekhanova: S. 33–35.

15. Titova L.G. 2018. Obrazovanie v kontekste politiki [Education in the context of politics]. Social'no-politicheskie issledovaniya. 1: 6–19.

16. Chiharev I.A., Stoletov O.V. 2017. Politicheskie professii i obrazovatel'nye standarty: rossijskij opyt [Political Professions and Educational Standards: The Russian Experience]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-professii-i-obrazovatelnye-standarty-rossiyskiy-opyt/viewer.

17. Chiharev I.A., Stoletov O.V. 2019. Perspektivy razvitiya sistemy politicheskogo obrazovaniya v Rossii [Prospects for the Development of Political Education in Russia]. Politicheskoe obrazovanie i politicheskaya praktika v sovremennoj Rossii: sbornik nauchnyh trudov i vystuplenij. M., FGBOU VO REU im. G.V. Plekhanova: 35–41.

18. Chuchalin A.I. 2015. Obrazovatel'nye standarty vedushchih rossijskih vuzov [Educational standards of Russian leading universities]. Vysshee obrazovanie v Rossii. 4: 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-standarty-veduschih-rossiyskih-vuzov/viewer (data obrashcheniya: 05.04.2020).

19. Yastrebova E.B. 1984. Razvitie poznavatel'noj samostoyatel'nosti studentov mladshih kursov [Development of cognitive independence of undergraduate students]: Avtoref. dis... kand. ped. nauk. M.: 16.

20. Almond G.A., Powell G.B. 1966. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston, Little Brown: 64–65.

21. Does modern Russia need a system of political education? 2006. Round Tables of the St. Petersburg Political Expertise Seminar URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-sovremennoy-rossii-sistema-politicheskogo-obrazovaniya/viewer (date accessed: 05.08.2020).

22. Meyer T. 1994. Wie entbehrlich ist Politische Bildung? Friedrich-Ebert-Stiftung-Info. – 1.

23. Oakshott M. 1962. Rationalism in Politics. L., Methuen: 116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гукова Ирина Николаевна, канд. политических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, ФГАОУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия.

Бойко Жанна Васильевна, канд. пед. наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, доцент, ФГАОУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия.

Половнева Людмила Сергеевна, канд. политических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, ФГАОУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gukova Irina Nikolaevna, Ph.D. in Political Science, Associate Professor in the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Boyko Zhanna Vasilyevna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Polovneva Lyudmila Sergeevna, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Russian History and Document Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 324(73)
DOI 10.18413/2687-0967-2021-48-1-249-258

Развитие цифровой политической агитации: от Говарда Дина к Дональду Трампу

А.А. Завьялов
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2
Cark2015@yandex.ru

Аннотация. Целью данной работы было выделить изменения способов агитации, в частности использование социальных медиа в предвыборных кампаниях. В качестве основного метода при написании статьи использовался метод кейсов. В частности, были выбраны предвыборные кампании нескольких президентов Соединенных Штатов Америки. Основным результатом является то, что, исследуя развитие политических групп в социальных сетях, мы можем наблюдать за происходящим в режиме реального времени. В будущем это могло бы помочь выявить группы избирателей, которые голосуют на основе убеждений, сформированных социальными медиа, и лучше понять как поведение электората, так и проблемы, которые мотивируют избирателей. Изучение социальных медиа позволяет наблюдать за этими процессами онлайн, в то время как опросы и анализ в традиционных СМИ не дают такой возможности.

Ключевые слова: микротаргетинг, персонализация, интерактивность, избирательная кампания, социальные страницы, политические блогеры, подписчиков, политическая агитации, социальные медиа.

Для цитирования: Завьялов А.А. 2021. Развитие цифровой политической агитации: от Говарда Дина к Дональду Трампу. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 249–258. DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-249-258.

Development of digital political agitation: from Howard Dean to Donald Trump

Artur A. Zavyalov
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2 Ulyanova St., Nizhnij Novgorod, 603005, Russia
E-mail: cark2015@yandex.ru

Abstract. The aim of this work was to highlight the changes in the methods of agitation, particular the use of social media in election campaigns. As the main method for writing the article, was used the case method. In particular, the election campaigns of several presidents of the United States of America. By examining the development of political groups in social networks, we can observe what is happening in real time. In the future, this could help identify groups of voters who vote based on the beliefs formed by social media, and better understand both the behavior of the electorate and the problems that motivate voters. The study of social media allows you to watch these processes online, while surveys and analysis in traditional media do not provide such an opportunity.

Keywords: microtargeting, personalization, interactivity, election campaign, social pages, political bloggers, subscribers, political agitation, social media.

For citation: Zavyalov A.A. 2021. Development of digital political agitation: from Howard Dean to Donald Trump. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 249–258 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-249-258.

Социальные сети с самого начала своего существования привлекли внимание не только маркетологов как инструмент онлайн-продаж, но и политтехнологов как новый канал борьбы в предвыборной гонке. Ключевую роль здесь играет возможность сегментации своей целевой аудитории и точечная работа с ней. Что в результате дает возможность тщательно обработать запросы каждого сегмента аудитории в ходе предвыборной кампании.

Выборы 2004-го года, и в частности основная кампания Говарда Дина, стали поворотным пунктом в использовании цифровых технологий в предвыборных кампаниях. Г. Дин был губернатором штата Вермонт и претендовал на то, чтобы стать кандидатом от демократической партии на пост президента. В итоге он стал фаворитом на выдвижение.

Кампания Г. Дина использовала блоги как способ привлечения сторонников для постоянного участия в предвыборной кампании [Trippi, Kerbel, Bloom, 2005]. Блог «Дин для Америки» ежедневно обновлялся информацией, касающейся предвыборных мероприятий, агитационными темами и ссылками на новости о кампании.

Кампания также проводила конкурсы, где сторонники могли бы стать «гостем блогера». Также блог использовали, чтобы попросить совета у избирателей относительно выступлений и агитационных мероприятий. По словам руководителя предвыборной кампании Джо Триппи, «Мы не просто контролировали эти блоги, мы слушали, мы использовали обратную связь. Были времена, когда мы изменяли речь Дина, прислушиваясь к предпочтениям подписчиков блога, или же меняли стратегию нашей кампании» [Trippi, 2005, p. 146].

Кампания Дина изменила структуру пожертвований на избирательные кампании. Раньше, до возникновения интернета, кампании использовали сложные схемы по сбору средств (например, обеды и концерты). В 2004 г. сайты кандидатов обеспечили пространство для сбора пожертвований без больших расходов на кампании по сбору средств. Изменился механизм пожертвований на избирательные кампании. Крупные суммы денег собираются из небольших пожертвований благодаря куда более широкой аудитории сторонников.

Эта модель позволила Г. Дину стать претендентом на статус кандидата от Демократической партии. Во время своей основной кампании Г. Дин собрал более 40 млн долларов благодаря небольшим пожертвованиям со средней суммой взноса $ 143 [Singel, 2004].

Удачным примером персонализации и интерактивности был так называемый «Обед с Г. Дином» (идея, предложенная блогером Дина). С аккаунта кампания кандидата отправляла его фотографию, где он ест бутерброд с индейкой, и призывала сторонников пожертвовать $ 50 в обмен на возможность «пообедать» с Г. Дином онлайн. В результате внедрения новых организационных и коммуникационных структур его кампания совершила подлинную онлайн-мобилизацию. И хотя попытка Г. Дина стать кандидатом от демократов была неудачной, избирательные новшества стали весьма популярными. Промежуточные выборы 2006 года были первыми выборами, в которых социальные медиа активно использовались в ходе избирательной кампании. Хотя и в зачаточной стадии, деятельность кампаний посредством Facebook и YouTube удостоилась значительного внимания избирателей и ведущих СМИ.

Facebook предоставил всем основным кандидатам от демократической партии в Конгресс возможность создать профиль на странице Facebook и наполнить его контентом. Подобное приглашение было воспринято с энтузиазмом, но только 32 % кандидатов в Сенат и 13 % тех, кто работал в Белом Доме, создали свой профиль [Christine, 2009].

В 2006 году кампаниями в качестве рекламного инструмента в основном использовался YouTube, в дополнение к телевидению и радио. На YouTube, наряду с бла-

гоприятными видео о кандидатах от демократической партии, размещались также их нелестные и компрометирующие материалы об оппонентах. Например, поражение сенатора от штата Коннектикут Джозефа Либермана было отчасти связано с неблагоприятным содержанием интервью, загруженного на YouTube [Gueorguieva, 2008, p. 288–300].

Тем не менее в то время темпы внедрения социальных медиа по-прежнему были незначительны. Президентские выборы 2008 года отличались координацией цифровых технологий и использованием социальных медиа. Термин «социальные медиа-выборы» 2008 года появился благодаря тому, что кампании начали активнее использовать такие ресурсы, как Facebook, YouTube и Twitter.

Барак Обама, в частности, был назван «королем социальных медиа» за вовлечение избирателей в свою кампанию посредством различных социальных медиа [Vargas, 2007].

К 2008 году каждый избиратель мог стать блогером, появилась возможность заводить свои собственные блоги о кандидатах и их кампаниях, что способствовало их взаимодействию с другими избирателями, а также кандидатами.

Сайты кампаний становились пристанищем потенциальных сторонников, теперь они предоставляли пространство для самовыражения электората и усиливали связь с кандидатом.

Кампании очень активно использовали микротаргетинг с помощью рассылок и баз данных. Кампания Обамы составила внушительный список адресов электронной почты – более 13 миллионов адресов [Vargas, 2008]. Была разработана сложная база данных о потенциальных избирателях. Кроме того, кампания собирала информацию через свой веб-сайт и социальные страницы, она объединила эту информацию с демографическими данными, особенностями района и образа жизни.

В сущности, кампания Обамы создала некий набор приоритетов для различных избирателей и разработала уникальные коммуникационные стратегии для каждого из них. Во время выборов кампания разослала более 7 000 различных сообщений, направленных конкретным избирателям. С учетом общего списка рассылки команда Обамы отправила 1 млрд писем [Vargas, 2008]. Например, если вы имели детей и были бы крайне обеспокоены их будущим, кампания отправляла вам по электронной почте свою программу о политике в области образования, а не одну лишь информацию по реформе налоговой системы [Madden, 2008].

Выборы 2008-го года также отличались усилиями по сбору средств. Во время первичных выборов кандидат от Республиканской партии Рон Пол стал своего рода рекордсменом, собрав в Интернете $ 6 млн долларов за сутки. А в течение своей избирательной кампании Обама собрал рекордные полмиллиарда долларов с помощью пожертвований через Интернет со средним взносом в размере 80 долларов [Vargas, 2008]. Не является случайным совпадением и тот факт, что кандидаты, которые смогли собрать большое количество средств, использовали интерактивный подход.

К концу выборов 2008 года страница Обамы на Facebook имела более 2 млн сторонников (в то время как его республиканский соперник Джон Маккейн имел чуть более 600 000 человек) [Fraser, Dutta, p. 2008]. Страница Обамы на Facebook, например, включала информацию о его любимых музыкантах (Майлз Дэвис, Стиви Уандер и Боб Дилан), описывала его увлечение баскетболом и характеризовала как примерного семьянина [Fraser, Dutta, 2008].

Рекламируя себя подобным образом, он стал более близким и понятным для избирателей, стал восприниматься не только как политик, но и как обычный человек. Для сравнения, на странице Джона Маккейна в Facebook рыбалка была указана как его любимое занятие, а «Письма с Иводзимы» – любимый фильм, то есть, по сути, информа-

ция, могущая заинтересовать лишь людей старшего возраста, и абсолютно индифферентная для молодых пользователей Facebook.

Президентские выборы 2008 года также способствовали интерактивности на YouTube. Обе кампании, Маккейна и Обамы, поддерживали официальные каналы на YouTube, загружали видео, начиная с телевизионных рекламных роликов и заканчивая личными обращениями [Cortese, Proffitt, 2009]. Видео, как правило, является примером персонализации с акцентом на личные качества кандидата.

Кевин Воллстен обнаружил, что политические блогеры и рассылка писем и сообщений сыграли решающую роль в привлечении избирателей [Wallsten, 2010]. В конечном счете кампания Обамы была более успешной, чем у противников, во многом благодаря именно YouTube как инструменту предвыборной кампании. Канал Обамы получил более 97 миллионов просмотров видео и 18 миллионов посещений, в то время как канал Маккейна привлек только 25 млн просмотров видео и 2 млн посещений [Fraser, Dutta, 2008].

Twitter также вышел на политическую арену в 2008 году. Как социальные медиа, Twitter принес кампании Обамы свыше 125 000 подписчиков по сравнению с 5 300 у Маккейна [Rasiej, Sifry, 2008]. Но кандидаты в 2008 году только начинали использовать Twitter, как и избиратели (только 4 процента американских интернет-пользователей были зарегистрированы в Twitter в 2008 году). В течение следующего года количество пользователей Twitter выросло на 200 процентов, что свидетельствовало о быстрой адаптации электората к новым социальным медиа [Williams, Gulati, 2007].

Новые методы кампании имеют большой потенциал, давая возможность избирателю быть на «передовой» избирательных баталий и самому участвовать в процессе избрания.

Статистические данные подтверждают тот факт, что социальные сети предлагают избирателям, и особенно молодежи, новое пространство, где они могут делиться политическими взглядами, участвовать в политике [Youth Voting, 2010]. Хотя и следует констатировать, что лишь небольшая часть американской молодежи включилась в этот процесс в ходе компании 2008 года. Но их число растет, так как новые методы продолжают глубоко интегрироваться в избирательные кампании, обеспечивая постоянное участие избирателей.

Учитывая, что главная задача любой избирательной кампании состоит в привлечении голосов, главный вопрос заключается в понимании, каковы возможности социальных медиа в формировании политических предпочтений граждан. Доказательства влияния социальных медиа на этот процесс весьма неоднозначны. Хоть выборные кампании 2008 и 2010 годов активно использовали «социальные медиа» для мобилизации молодых людей, явка среди молодежи оставалась сравнительно низкой. С другой стороны, априори использование социальных медиа предполагает положительное косвенное влияние.

Нам представляется очевидным, что использование социальных медиа в избирательных кампаниях в значительной степени влияет на явку. Например, число поклонников того или иного политика на Facebook позволяет судить, насколько успешным на выборах будет тот или иной кандидат. Например, для выборов 2008 года Facebook разработал кнопку «Я проголосовал!», чтобы пользователи могли сообщить своим друзьям в Facebook, что они проголосовали. Более 5,4 миллиона пользователей зафиксировали в социальной сети, что они участвовали в голосовании в тот день [Vargas, 2008].

Во время президентских праймериз 2008 года поддержка на Facebook для кандидата являлась более важным показателем по сравнению с традиционными приемами по сбору средств, освещению в СМИ и агитационными мероприятиями. Те кандидаты, которые имели свой профиль, получили больше голосов, чем кандидаты, его не имев-

шие [Williams, Gulati, 2007]. Однако эта поддержка не обязательно приводит к победе, и традиционные ресурсы все еще играют важную роль в политической агитации.

Во время президентских выборов 2008 года молодые люди, которые были наиболее политически активными в социальных медиа, отдавали предпочтение Обаме, нежели Маккейну, но это может являться отличительной чертой лишь этих выборов [Bode, Vraga, Borah, Shah, 2014]. Кампания Обамы имела куда больше оснований претендовать на голоса молодых людей, чем кампания Маккейна, и поэтому делала особый упор на новые социальные медиа.

Выборы предполагают не только увеличение объема политической информации, но и мотивирование избирателей, чтобы узнать о политике больше и принять в ней участие. В результате новые методы кампании воздействуют на избирателей через получение политической информации и ее обсуждение. Таким образом, использование цифровых средств массовой информации позволяет гражданам облегчить доступ к тому информационному контенту, который их интересует. Например, те, кто предпочитает политической информации развлекательную, не будут получать первую. Допустим, если вы не будете подписаны на некоего политика, то он не будет «всплывать» в вашем Twitter, а сообщения ваших друзей о политике на Facebook будут быстро отфильтровываться.

Эмпирические доказательства относительно новых методов кампании указывают на увеличение потенциала для селективного потребления информации, так как на веб-ресурсах информация обеспечивает более высокие уровни интерактивности, где пользователи могут выбирать исключительно те разделы, которые их интересуют.

Интернет позволяет знакомиться исключительно с тем политическим контентом, который человек выбирает. Также люди, которые глубоко сопереживают во время предвыборной кампании по поводу конкретной проблемы, как правило, сосредотачиваются на получении дополнительной информации о таковой и даже опираются на пути решения этой проблемы в качестве основного критерия в процессе принятия решения при голосовании.

По сути, социальные медиа являются пространством, где Интернет-пользователи сталкиваются с приемлемой и неприемлемой информацией. Исследования показали, что молодые люди участвуют в политическом диалоге в социальных медиа, размещают различные комментарии о политических вопросах, которые стимулируют дополнительные обсуждения.

Исследования подтверждает, что те, кто подвергается политической агитации посредством Facebook, YouTube или Twitter, лучше запоминают эту информацию. Политическое содержание сайтов социальных медиа может отражать общественное мнение, по крайней мере, относительно определенных тем. Исследования показывают, что социальные медиа способствуют тому, что пользователи начинают знакомиться и с той информацией, которая ранее рассматривалась ими как категорически неприемлемая [Bode, Vraga, Borah, Shah, 2014].

Избирательные кампании предоставляют возможность участия в политической жизни, что очень важно для развития и совершенствования настоящей демократии. Социальные медиа обладают способностью перемещения онлайн-участия в традиционное автономное участие в политической жизни, например, посредством пожертвования денег или ношения символики кампании.

Ранние исследования кампаний в социальных медиа показали их общее негативное воздействие на пользователей. Серьезной проблемой было то, что социальные медиа сделали участие в политике слишком простым. «В один щелчок ”мыши“», пользователи могли «подписать» онлайн-петиции или поддержать голосом [Morozov, 2009]. Однако большинство исследований показывают, что виртуальные социальные медиа все же дополняют традиционные модели поведения, а не заменяют их, особенно среди

молодежи. Участие в политической деятельности посредством социальных медиа, как правило, положительно влияет на классические средства политического участия [Christensen, 2011].

Например, в течение выборов 2008 года участие подростков в политической деятельности на сайтах социальных сетей способствовало их участию в реальной политической деятельности. А политически ориентированное использование социальных медиа привело к автономному участию в ходе избирательного цикла [Bode, Vraga, Borah, Shah, 2014]. Даже такая простая деятельность, как просмотр страниц политических кандидатов, способствовала повышению политической активности [Towner, Dulio, 2011].

Таким образом, использование цифровых средств массовой информации, особенно социальных медиа, таких как Facebook, YouTube и Twitter, привнесли новые методы политической агитации. Микротаргетинг, персонализация, интерактивность и постоянная вовлеченность были использованы в различных избирательных кампаниях и стали новыми формами их проведения.

Нет сомнений в том, что социальные медиа усиливают вовлеченность в процесс голосования. Но совершенно очевидно, что использование социальных медиа во время кампании будет наиболее эффективным в сочетании с традиционными ресурсами, такими как предвыборные мероприятия и участие традиционных СМИ.

В начале своего пути в Белый Дом Дональд Трамп не пользовался особой популярностью в американских печатных СМИ. В то время как порядка 200 газет и журналов публиковали материалы с поддержкой Хилари Клинтон, лишь 20 поддержали Трампа.

Победа Трампа была жестоким ударом для его политических противников. Но это было и унижением тысяч журналистов, которые месяцами пытались сформировать в сознании миллионов американцев его отрицательный образ.

Джефф Джарвис, профессор городского университета Нью-Йорка, активный сторонник Хиллари Клинтон, заявил об этом просто: «Сам факт выдвижения кандидатуры Дональда Трампа свидетельствует о провале журналистики» [Trump supporters on Twitter…, 2016]. Он, как и многие другие представители либеральных СМИ, считает, что успех Трампа является признаком того, что СМИ не смогли донести правду с достаточной силой.

Безусловно, телевидение как основной доминирующий новостной источник стало отправной точкой роста популярности Трампа. Но далее раскруткой его популярности занялись социальные медиа, в частности его излюбленный Twitter.

В разгар предвыборной кампании аналитики социальных сетей из организации Impact Social изучали публикации в Twitter и других социальных сетях. Анализируя публикации, выяснили, что Трамп намного опередил Клинтон по количеству положительных комментариев.

Это связано с тем, что Трамп, как правило, провоцирует «троллинг» аудитории, побуждая ее обсуждать его высказывания, придавая им тем самым общественный резонанс. Яркие заголовки в Twitter, обыгрывающие проблематику повседневных процессов, происходящих в американском обществе, обеспечивали максимальный спрос на его канал в Twitter, что в геометрической прогрессии множило число подписчиков Трампа.

В свою очередь, подписчики сами инициировали всевозможные обсуждения, вовлекая новых симпатизантов совершенно бесплатно. Таковая, казалось бы, самодеятельная вовлеченность, в какой-то степени причастность к созданию новостного контента давала людям ощущение открытости кандидата обществу.

Помимо этого, эпатажный образ Трампа был более интересным и интригующим и вызывал все больше эмоций. В какой-то момент предвыборной гонки в новостной

ленте можно было встретить посты с Трампом практически у всех пользователей социальных сетей. Подобными нестандартными приемами он постепенно, шаг за шагом завоевывал свою победу в битве за «голоса» в Интернете.

Трамп, постоянный пользователь Twitter, где он делится с десятками миллионов своих подписчиков своими мыслями и намерениями «сделать Америку снова великой!» [Trump credits social media…, 2019]. По приблизительным подсчетам аккаунты Трампа в социальных сетях объединяют около 125 миллионов подписчиков в Twitter, Instagram и Facebook.

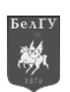
Использование Трампом социальных сетей позволило ему избежать «фальшивых» традиционных СМИ, которые, по его словам, относятся к нему «очень несправедливо» [Trump credits social media…, 2019]. По словам президента, Twitter и другие социальные медиа позволяют увидеть реальное отношение аудитории к той или иной политической проблеме, что позволяет администрации получать моментальную обратную связь относительно текущих политических процессов. Главное отличие социальных медиа от традиционных – это то, что потребители новостного контента в социальных медиа могут сразу включиться в обсуждение в комментариях, что позволяет отслеживать реакцию аудитории в реальном времени и по мере развития дискуссии влиять на ее развитие.

Избрание Дональда Трампа президентом удивило почти всех, и не в последнюю очередь политических аналитиков и ученых. Долго шумевший слух об участии «русских хакеров» в предвыборной кампании Трампа привел к тому, что были проведены исследования активности в социальных сетях в этот период. Выбрав около 250 000 учетных записей, обнаружили, что во время выборов образовалась группа сторонников Трампа и Республиканской партии в социальной сети. Но, к большому удивлению, среди них было задействовано очень мало ботов или так называемых «русских аккаунтов». Это говорит о том, что даже если бы русские спецслужбы и хотели бы повлиять на выборы, то эффект от их действий был бы ничтожно мал, нежели это представляли СМИ. (Как известно, специальный прокурор США Роберт Мюллер в своем докладе заявил об отсутствии «русского следа» в избирательной кампании Дональда Трампа.)

Исследуя развитие политических групп в социальных сетях, мы можем наблюдать за происходящим в режиме реального времени. В грядущих избирательных кампаниях это поможет выявлять группы избирателей, которые голосуют на основе убеждений сформированных современными медиа, и лучше понять как поведение электората, так и проблемы, которые мотивируют избирателей. Изучение социальных медиа позволяет наблюдать за этими процессами онлайн, в то время как опросы и анализ в традиционных СМИ не дают такой возможности.

Таким образом, использование цифровых средств массовой информации, особенно социальных медиа, таких как Facebook, YouTube, и Twitter, привнесло новые методы политической агитации. Микротаргетинг, персонализация, интерактивность и постоянная вовлеченность были использованы в различных избирательных кампаниях и стали новыми формами их проведения.

Нет сомнений в том, что социальные медиа усиливают вовлеченность в процесс голосования. Но совершенно очевидно, что использование социальных медиа во время кампании будет наиболее эффективным в сочетании с традиционными ресурсами, такими как традиционные предвыборные мероприятия с обязательным участием традиционных СМИ.

Список литературы

1. Bode L., Vraga E.K. 2014. Porismita Borah and Dhavan V. Shah, A New Space for Political Behavior: Political Social Networking and Its Democratic Consequences. Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 19, Issue 3, April

2. Christensen H.S. 2011. Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? First Monday, Vol. 16.

3. Cortese J., Proffitt J.M. 2009. Political Messages in the First Presidential YouTube Election: A Content Analysis of the 2008 Presidential Candidates' YouTube Sites (paper presented at the annual conference of the Association of Education in Journalism and Mass Communication), Boston, Massachusetts, August 5–8.

4. Fraser M., Dutta S. 2008. "Barack Obama and the Facebook Election," US News and World Report, November 19. URL: http://www.usnews.com/opinion/articles/2008/11/19/barack-obama-and-the-facebook-election (дата обращения: 04.10.2020).

5. Gueorguieva V. 2008. Voters, MySpace, and YouTube: The Impact of Alternative Communication Channels on the 2006 Election Cycle and Beyond. Social Science Computer Review, 26: 288–300.

6. Madden M. 2008. Barack Obama's Super Marketing Machine, Salon, July 16. URL: http://www.salon.com/2008/07/16/obama_data/ (дата обращения: 16.09.2020).

7. Morozov E. 2009. The Brave New World of Slacktivism, Foreign Policy, 19 May. URL: https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/. (дата обращения: 26.06.2015)

8. Rasiej A., Sifry M.L. 2008. The Web: 2008's Winning Ticket, Politico, November 12. URL: http://www.politico.com/story/2008/11/the-web-2008s-winning-ticket-015520 (дата обращения: 11.08.2020).

9. Singel R. 2004. Net Politics Down but Not Out, Wired, February 2, (дата доступа: 17.09.2015). (URL) http://archive.wired.com/politics/law/news/2004/02/62123.

10. Towner T.L., Dulio D. 2011. The Web 2.0 Election: Does the Online Medium Matter? The Journal of Political Marketing, 10: 165–188.

11. Trippi J., Kerbel M.R., Bloom J.D. 2005. Blog for America and Civic Involvement. Harvard International Journal of Press/Politics, 10: 3–27.

12. Trump credits social media for his election. URL: https://www.politico.com/story/2019/10/20/trump-social-media-election-244009.

13. Trump supporters on Twitter during 2016 US election show little evidence of Russian infiltration – new research. URL: https://theconversation.com/trump-supporters-on-twitter-during-2016-us-election-show-little-evidence-of-russian-infiltration-new-research-115188.

14. Vargas J.A. 2007. Barack Obama, Social Networking King. The Washington Post, October 6. (URL) http://voices.washingtonpost.com/44/2007/10/06/barack_obama_social_networking.html (дата обращения: 13.09.2020).

15. Vargas J.A. 2008. Obama Raised Half a Billion Online. The Washington Post, November 20. URL: http://voices.washingtonpost.com/44/2008/11/20/obama_raised_half_a_billion_on.html. (дата обращения: 15.09.2020).

16. Voting Y. 2010. CIRCLE (Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement). URL: http://www.civicyouth.org/quick-facts/youth-voting/ (дата обращения: 11.08.2015).

17. Wallsten K. 2010. Yes We Can': How Online Viewership, Blog Discussion, Campaign Statements, and Mainstream Media Coverage Produced a Viral Video Phenomenon. Journal of Information Technology & Politics, 7: 163–181.

18. Williams Ch.B., Gulati G.J. 2007. Social Networks in Political Campaigns: Facebook and the 2006 Midterm Election, (paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association), Chicago, Illinois, 30 August – 2 September.

19. Williams Ch.B., Gula. ti G.J. 2009. Social Networks in Political Campaigns: Facebook and Congressional Elections 2006, 2008. APSA Toronto Meeting Paper 7.

References

1. Bode L., Vraga E.K. 2014. Porismita Borah and Dhavan V. Shah, A New Space for Political Behavior: Political Social Networking and Its Democratic Consequences. Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 19, Issue 3, April

2. Christensen H.S. 2011. Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? First Monday, Vol. 16.

3. Cortese J., Proffitt J.M. 2009. Political Messages in the First Presidential YouTube Election: A Content Analysis of the 2008 Presidential Candidates' YouTube Sites (paper presented at the annual conference of the Association of Education in Journalism and Mass Communication), Boston, Massachusetts, August 5–8.

4. Fraser M., Dutta S. 2008. "Barack Obama and the Facebook Election," US News and World Report, November 19. URL: http://www.usnews.com/opinion/articles/2008/11/19/barack-obama-and-the-facebook-election (дата обращения: 04.10.2020).

5. Gueorguieva V. 2008. Voters, MySpace, and YouTube: The Impact of Alternative Communication Channels on the 2006 Election Cycle and Beyond. Social Science Computer Review, 26: 288–300.

6. Madden M. 2008. Barack Obama's Super Marketing Machine, Salon, July 16. URL: http://www.salon.com/2008/07/16/obama_data/ (дата обращения: 16.09.2020).

7. Morozov E. 2009. The Brave New World of Slacktivism, Foreign Policy, 19 May. URL: https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/. (дата обращения: 26.06.2015)

8. Rasiej A., Sifry M.L. 2008. The Web: 2008's Winning Ticket, Politico, November 12. URL: http://www.politico.com/story/2008/11/the-web-2008s-winning-ticket-015520 (дата обращения: 11.08.2020).

9. Singel R. 2004. Net Politics Down but Not Out, Wired, February 2, (дата доступа: 17.09.2015). (URL) http://archive.wired.com/politics/law/news/2004/02/62123.

10. Towner T.L., Dulio D. 2011. The Web 2.0 Election: Does the Online Medium Matter? The Journal of Political Marketing, 10: 165–188.

11. Trippi J., Kerbel M.R., Bloom J.D. 2005. Blog for America and Civic Involvement. Harvard International Journal of Press/Politics, 10: 3–27.

12. Trump credits social media for his election. URL: https://www.politico.com/story/2019/10/20/trump-social-media-election-244009.

13. Trump supporters on Twitter during 2016 US election show little evidence of Russian infiltration – new research. URL: https://theconversation.com/trump-supporters-on-twitter-during-2016-us-election-show-little-evidence-of-russian-infiltration-new-research-115188.

14. Vargas J.A. 2007. Barack Obama, Social Networking King. The Washington Post, October 6. (URL) http://voices.washingtonpost.com/44/2007/10/06/barack_obama_social_networking.html (дата обращения: 13.09.2020).

15. Vargas J.A. 2008. Obama Raised Half a Billion Online. The Washington Post, November 20. URL: http://voices.washingtonpost.com/44/2008/11/20/obama_raised_half_a_billion_on.html. (дата обращения: 15.09.2020).

16. Voting Y. 2010. CIRCLE (Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement). URL: http://www.civicyouth.org/quick-facts/youth-voting/ (дата обращения: 11.08.2015).

17. Wallsten K. 2010. Yes We Can': How Online Viewership, Blog Discussion, Campaign Statements, and Mainstream Media Coverage Produced a Viral Video Phenomenon. Journal of Information Technology & Politics, 7: 163–181.

18. Williams Ch.B., Gulati G.J. 2007. Social Networks in Political Campaigns: Facebook and the 2006 Midterm Election, (paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association), Chicago, Illinois, 30 August – 2 September.

19. Williams Ch.B., Gula. ti G.J. 2009. Social Networks in Political Campaigns: Facebook and Congressional Elections 2006, 2008. APSA Toronto Meeting Paper 7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завьялов Артур Андреевич, соискатель на степень кандидата политических наук. ННГУ им. Лобачевского.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artur A. Zavyalov, applicant for the degree of candidate of political sciences. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.